

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник— четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

<http://vk.com/vounb>

e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

Д 9(с)1
3-14

В. П. Загоровский

ИСТОРИЯ
ВХОЖДЕНИЯ
ЦЕНТРАЛЬНОГО
ЧЕРНОЗЕМЬЯ
В СОСТАВ
РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВА
В XVI ВЕКЕ

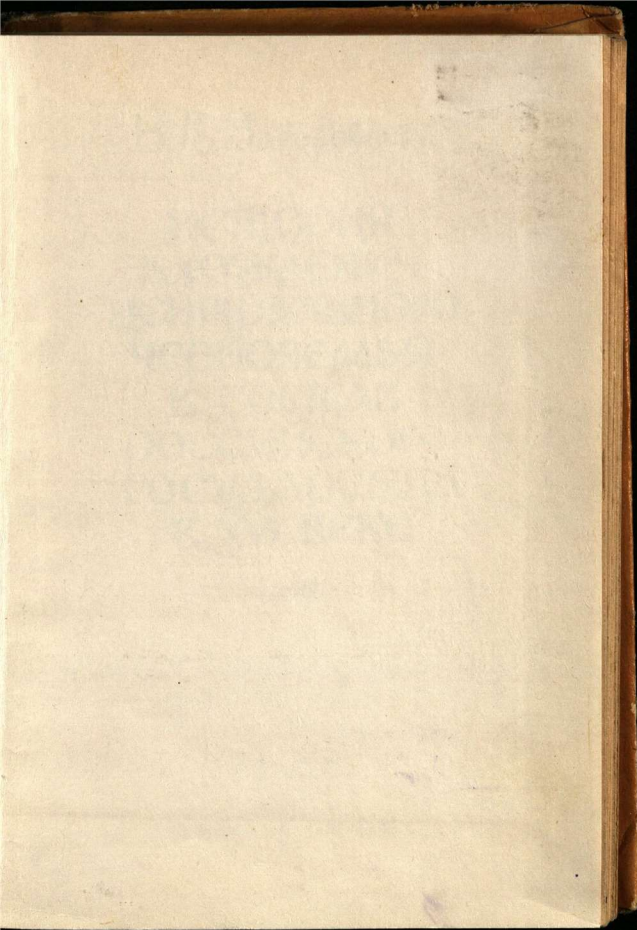

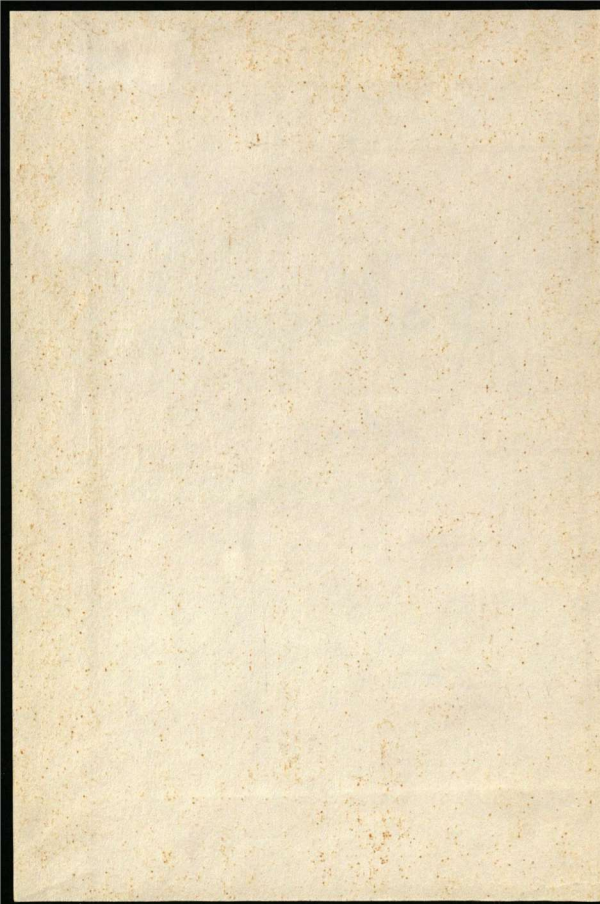

1997 Возвратите книгу не позже указанного срока

2.03.97	27.05	17.02.00	17.11.05
+ 3.03.97	3.06.	18.02.00	
4.04.97	17.09.	22.02.00	
13/11	28.09.	24.02.00	
6.05.97	9.07.98	04.06.01	
7.05	10.10.99.	9.06.01	
11.05.	23.8.99	03.10.01.	
	26.10.99.	30.10.05.	
	7.11.99		

Воронеж, типография № 2, а. 1998

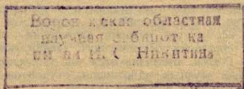

У 9(с)1
3-14

В.П. Загоровский

ИСТОРИЯ
ВХОЖДЕНИЯ
ЦЕНТРАЛЬНОГО
ЧЕРНОЗЕМЬЯ
В СОСТАВ
РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВА
В XVI ВЕКЕ

0542668

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОРОНЕЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1991

80
кф

ББК 63,3
З 143

Рецензенты:

д-р ист. наук Я. Е. Водарский,
д-р ист. наук В. П. Лыцов

Загоровский В. П.

З 143

История вхождения Центрального Черноземья
в состав Российского государства в XVI веке. —
Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. — 272 с.

ISBN 5-7455-0228-2

На основании архивных и опубликованных документов на фоне борьбы Российского государства с Крымским ханством исследуется история вхождения опустошенной татарами территории современного Центрального Черноземья в состав России, анализируется ход заселения края в XVI в.

Для научных работников, студентов, краеведов и всех интересующихся историей России.

0503020000-033
З М174(03)-91 - 8-91
ISBN 5-7455-0228-2

ББК 63.3

© Загоровский В. П., 1991
© Оформление. Издательство
Воронежского университета, 1991

*Памяти любимой жены
Галины Ивановны,
сорок лет делившей со мной
все радости и заботы.*

ОТ АВТОРА

Суровая, а подчас героическая, борьба русского народа с крымскими татарами началась в 1507 г. и продолжалась более двухсот лет. Долгое время она буквально пронизывала жизнь, быт населения тогдашней южной окраины России. Сотни тысяч русских людей, большей частью — крестьян, были захвачены татарами, отторгнуты от родных и близких, угнаны в рабство, проданы в чужие земли. В ходе отражения постоянных разбойных нападений крымских татар русский народ понес тяжелые потери, но выстоял, отбилсЯ, а затем возвратил России, заселил и освоил опустошенные татарами старинные, когда-то уже входившие в состав Руси места современного Центрального Черноземья.

Стержневой линией исторического процесса в пределах современных Воронежской, Белгородской, Курской, Липецкой, Тамбовской областей, на прилегающих к ним землях было в XVI в., как мне представляется, возрождение здесь русской жизни, утраченной в ходе господства татар Золотой Орды и Большой Орды. После распада Золотой Орды и гибели в 1502 г. Большой Орды основным препятствием для такого возрождения стало Крымское ханство. В судьбы Придонья и других мест современного Центрального Черноземья в XVI в. пыталось вмешаться Польско-Литовское государство, но татарская опасность, подкрепляемая турецкой поддержкой, для продвигавшегося сюда русского населения была всегда главной. К концу XVI в. борьба России с крымскими татарами еще не закончилась, но уже победоносно завершился важный этап ее: к этому времени территория современного Центрального Черноземья и формально, и фактически стала частью Российского государства.

В книге многократно приводятся документы, как публиковавшиеся ранее, так и никем еще не опубликованные, выявленные в архивах. Археографическая обработка документов и их публикация в выдержках осуществлены по правилам, принятым в СССР. Текст документа дается в современной транскрипции. Твердый и мягкий знаки в соответствии с правилами изданий текстов XVI—XVII вв.¹ проставлены мною по со-

временному правописанию, это сделано и при первой публикации архивного документа, и при перепечатке уже публиковавшихся текстов.

Две мои предыдущие научные книги — «Белгородская черта» (1969 г.) и «Изюмская черта» (1980 г.) — были посвящены семнадцатому столетию, истории борьбы России с крымскими татарами, проблемам заселения и хозяйственного освоения южных окраин страны в XVII в. В новой книге я решил «спуститься» на сто лет глубже и проанализировать предшествовавший период в истории современного Центрального Черноземья, выяснить по документам конкретную историю вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в течение шестнадцатого столетия. Думается, что данная книга составит вместе с «Белгородской чертой» и «Изюмской чертой» своеобразную трилогию, станет ее началом, первой частью.

Введение

Историко-географическая терминология. Краткий обзор исследований и источников.

Длительный и сложный процесс образования Российского государства привел в 80-х гг. XV в. к качественному скачку в истории Руси. На смену Великому княжеству Московскому пришла Россия. «Для периода, наступившего с 80-х годов XV в., — писал видный советский историк, большой знаток феодальной эпохи в истории нашей страны Л. В. Черепнин, — имеются все основания говорить о Русском централизованном государстве как уже существующем»¹. В составе Русского, или Российского, государства к этому времени объединились московские, владими́ро-суздальские, ярославские, тверские, новгородские земли. Московский князь Иван III с достаточным основанием начал называть себя «государем всея Руси».

Однако объединение русских земель в составе единой государственной территории России к концу XV в. не было завершено. Оно продолжалось в течение следующего, шестнадцатого столетия, одновременно с укреплением политической централизации страны, параллельно с включением в пределы России неславянских народов, расширением многонационального характера государства, которое, кстати сказать, сразу складывалось как многонациональное. В первой четверти XVI в. в пределы Российского государства официально были включены Брянск, Псков, Смоленск, Рязань (Переяславль-Рязанский), ряд других исконно русских городов вместе с окружавшими их селами, деревнями. В течение XVI в. формально и фактически вошла в состав России территория современного Центрального Черноземья: воронежские, белгородские, курские, липецкие, тамбовские земли.

Термин «Центральное Черноземье» широко применяется сейчас в научной и общественно-политической литературе для обозначения обширного района СССР с плодородными черноземными почвами, расположенного в центре европейской части страны на стыке лесостепной и степной природных зон. В официальных документах употребляется также другой, идентичный по смыслу, термин: «Центрально-Черноземный район РСФСР». В СССР установлена система экономических районов, используемая в планировании и уп-

равлении народным хозяйством. Среди десяти экономических районов РСФСР имеется Центрально-Черноземный экономический район в рамках Воронежской, Белгородской, Курской, Липецкой и Тамбовской областей². С 60-х гг. XX в. географические рамки Центрального Черноземья однозначно отождествляются с территорией пяти названных областей.

Следует отметить, что в 20-е и 30-е гг. нашего столетия термин «Центральное Черноземье» географически распространялся на большую территорию, чем сейчас. В 1928—1934 гг. в СССР существовала Центрально-Черноземная область (ЦЧО): в ее пределы кроме территории только что названных пяти современных областей входила и территория нынешней Орловской области. Административным центром ЦЧО был Воронеж, который и в наши дни является крупнейшим городом Центрального Черноземья, его своеобразным экономическим центром.

Как показывают исследования ученых-почвоведов, зона черноземных почв в европейской части СССР за последние десятилетия заметно сократилась, нерациональная хозяйственная деятельность человека привела также к уменьшению плодородия черноземов. (В данной книге, посвященной событиям отечественной истории XVI в., подобные проблемы, естественно, не рассматриваются.)

Территория современного Центрального Черноземья в значительной мере сопоставима со сложившейся в конце XVI в. территорией (областью) так называемых «польских городов», или «городов на Поле». Анализируя документы, хронологически относящиеся ко времени образования и развития Российского государства, мы постоянно сталкиваемся с географическим термином «Поле», который для современного читателя требует особого пояснения. При этом сразу же отметим, что термин «Поле» в течение XVI в. претерпел заметную эволюцию.

Для начала XVI в. «Поле» — это незаселенные лесостепные и степные земли, примыкающие с юга к русским крайним («украинным», или «украиным») городам, это прежние ордынские владения. Пределы «Поля» того времени весьма обширны и не вполне определены: помимо нынешних центрально-черноземных областей к «Полю» относилась часть современной Украины, земли Нижнего Придонья, Среднего и Нижнего Поволжья. На севере «Поле» выдвигалось в современную Тульскую и Орловскую области. В состав «Поля» вошли и не знавшие земледельческого населе-

ния степи, и запустевшие земли разгромленных татарами русских княжеств, в частности Курского и Елецкого.

В первой половине и в середине XVI в. крайним русским городом, вплотную примыкавшим к «Полю», была Тула. В районе Тулы «Поле» особенно близко подходило к столице Русского государства — Москве, оно начиналось сразу же за Тулой. Когда в июне 1552 г. русские воины разбили крымских татар под Тулой, то, по свидетельству летописи, «царь Девлет-Гирей крымской побеже от града с великим срамом, а граду не успе ничтоже, и на Поле побеже, зане близ бе Поле града Тулы»³. В понимании русских людей начала и середины XVI в. «на Поле» не могло существовать постоянных селений, а тем более городов — в этом случае местность не была бы «Подем» в буквальном смысле слова.

В середине XVI в. размеры «Поля» заметно сокращаются; новые, возникшие на краю «Поля» в 50—60-х гг. XVI в. русские города, окруженные новыми селами и деревнями, теснят «Поле», отодвигают к югу его северные рубежи. Эти города, однако, не называются «городами на Поле», они входят в число «украинных» и «рязанских» городов. В разрядных книгах они именуются то «городами от Поля», то «городами от польской украины». Речь идет о таких городах, как Михайлов, Дедилов, Шацк, Ряжск, Орел, Данков.

■ С 1571 г. «на Поле» стала постоянно действовать общероссийская сторожевая служба, были точно определены места сторож, пути станичных разъездов. Организатором общегосударственной сторожевой службы явился боярин М. И. Воротынский. Воеводы М. Тюфякин и М. Ржевский попытались зафиксировать особыми знаками границы России в южной степи. До этого лишь небольшая часть «Поля» формально считалась российским владением, с 1571 г. можно говорить о попытке официального включения всего «Поля» в пределы России. Такое включение не было, конечно, полным, абсолютным: оно не признавалось Крымским ханством, Турцией, Речью Посполитой. Для его закрепления «на Поле» должны были возникнуть постоянно существующие русские города, села.

Четкое, хотя и одностороннее, определение границ России с Крымским ханством в 1571 г. привело к тому, что прежний географически расплывчатый термин «Поле» получил более конкретное содержание. В официальных российских документах 70—80-х гг. XVI в. «Подем», как правило, называется только та территория южной лесостепи и степи,

на которой стоят российские сторо́жи, по которой совершают свои разъезды российские станицы. В представлении правительства, русских людей «Поле» в это время является уже составной частью России. При таком толковании термина становится понятным, почему возникающие здесь с 1585 г. новые города (в отличие от городов, основанных в 50—60-е гг.) именуются обычно «городами на Поле». Первыми «городами на Поле» были Воронеж и Ливны. В конце XVI в. «на Поле» стояли уже восемь городов, рядом с ними, под их защитой, основывались села и деревни. Прежде незаселенное, «Поле» фактически стало одной из российских земель, областью расположения «городов на Поле», или «польских городов».

Термин «Поле» для обозначения неосвоенной, незаселенной, южнорусской степи к концу XVI в. потерял смысл. Он продолжал употребляться в российских документах в географическом значении еще в течение нескольких десятилетий лишь благодаря инерции московского делопроизводства.

Итак, «Поле» в контексте XVI в. — термин географический, имя собственное. Исходя из такого понимания, в дальнейшем мы будем употреблять его в книге без кавычек, писать с заглавной буквы.

Попутно хотелось бы высказать наше отношение к термину «Дикое поле», который зачастую употребляется в литературе для обозначения неосвоенных южнорусских территорий вместо термина «Поле». В XVI—XVII вв. в российских официальных документах, а также в народном языке и в быту выражение «дикое поле» не имело географического содержания. Диким полем назывались тогда неспаханые, заброшенные земли, не знавшая посевов целина, причем участки дикого поля могли находиться в любых местах России, даже под Москвой. В земледельческой России дикое поле противопоставлялось обрабатываемому полю и только.

В более позднюю литературу, а затем и на исторические карты термин «Дикое поле» (с заглавной буквы) попал в качестве географического наименования, как нам представляется, не без помощи иностранцев, не разбравшихся в тонкостях русского языка. Выражение «wilde Felt» встречается, в частности, в сочинении немца-опричника Генриха Штадена. Этими словами применительно к XVI в. он называет территории «между Крымом и Рязанской землей»⁴. В данном случае Г. Штаден перевел русский географический термин «Поле» обычным немецким словом «Feld» (Felt) и

пояснил его понятным для немцев эпитетом «wilde» (Wild) — дикий, буйный.

Термину «Дикое поле» нельзя отказать в яркости, меткости. Его стали широко употреблять в географическом значении, вместо термина «Поле», многие историки и писатели. Все же считать этот термин «историческим» названием территории придонских степей между владениями Русского государства и Крымского ханства, точнее между Доном, верхней Окой и левыми притоками Днепра и Десны, как это было сделано в «Большой советской энциклопедии»⁵, конечно, нельзя. Подлинно «историческим», отраженным в документах названием данной территории является название «Поле». Полагаем, что в исследовательских работах при освещении истории России XVI—XVII вв. употребление термина «Дикое поле» в широком географическом значении не может быть признано вполне научным, правильным.

Как же точнее определить географические рамки нашего исследования, как лучше соотнести между собой два историко-географических термина: современный — «Центральное Черноземье» и исторический, употреблявшийся в XVI в., — «Поле»? Какому из этих терминов отдать предпочтение, какой из них поместить в заглавие книги?

Думается, что здесь следует пойти на компромисс, не отказываясь при разборе конкретных событий XVI в. ни от термина «Центральное Черноземье», ни от термина «Поле». Применительно к первой половине и середине XVI в. в большей мере в качестве географической основы книги будут использованы рамки нынешнего Центрального Черноземья; применительно к концу XVI в. — контуры Поля того времени, территория, или область «польских городов».

В первой половине и середине XVI в. рубежи Поля, как уже отмечалось, были весьма неопределенны, городов и постоянных русских поселений на Поле еще не существовало. Конечно, рассматривая историю южной окраины России того времени, мы не будем абсолютизировать границы современных областей Центрального Черноземья, мы просто будем иметь их в виду. Когда же речь пойдет о последних десятилетиях XVI в., нам придется с большей необходимостью выйти за пределы Центрального Черноземья, ориентируясь в основном на территорию «польских городов». Действительно, из восьми русских городов на Поле в конце XVI в. лишь шесть находились в географических рамках современного Центрального Черноземья (Воронеж, Елец, Курск, Белгород,

Оскол, Валуйки); остальные два города (Ливны и Царев-Борисов) располагались за его пределами. Отделять шесть первых от двух последних городов при изучении истории России конца XVI в. было бы по меньшей мере нелогично. В заглавие же книги представляется целесообразным поместить понятный читателю современный географический термин — Центральное Черноземье.

Дадим еще одно пояснение терминологического характера по поводу слова «украина». Это слово мы будем употреблять в книге без кавычек как имя нарицательное, широко распространенное в XVI в. в том значении, которое дает ему в своем словаре выдающийся языковед Владимир Иванович Даль. «Украина, — пишет В. И. Даль, — область с краю государства»⁶. Естественно, что писать это слово мы будем не с заглавной буквы.

Заканчивая рассмотрение проблем историко-географической терминологии, отметим, что эволюция конкретных географических названий на территории современного Центрального Черноземья не будет в данной книге предметом специального исследования. Некоторые названия за 400 лет заметно изменились. Так, нынешнее название реки, протекающей под Курском, — Сейм, в XVI в. река называлась «Семь», имя города Данкова писалось в форме «Донков», можно привести еще ряд примеров. В тексте будут даваться современные названия рек и городов, но при первом употреблении претерпевшего изменение имени мы укажем и его название в XVI в.

Достаточно ли изучена нашими предшественниками история южных окраин России в XVI в.? Думается, что нет. Сразу же отметим, что развитие исторического процесса на юге страны, а тем более — в пределах современного Центрального Черноземья, в монографическом плане не изучалось, проблема вхождения края в состав государственной территории России вообще не ставилась.

Конечно, южная окраина XVI в. не является в полном смысле слова белым пятном в нашей отечественной историографии. О ней упоминали в разных аспектах в общих трудах по истории России крупнейшие дореволюционные русские историки Н. М. Карамзин и С. М. Соловьев⁷. Рассматривая вопросы государственной колонизации южной лесостепи и степи в XVI—XVIII в., коротко освещал начало этого процесса Д. И. Багалей⁸, пытался выяснить роль российской сторожевой службы в XVI в. И. Д. Беляев⁹.

Большое внимание уделили шестнадцатому столетию советские историки. Отдельные сюжеты истории южной окраины рассмотрены авторами монографий по истории внешней политики России того времени, в частности К. В. Базилевичем, Н. А. Смирновым, А. А. Новосельским, Е. Н. Кушевой, И. Б. Грековым, Б. Н. Флорей¹⁰. В определенной (как правило, небольшой) мере затрагивали южную окраину И. И. Смирнов, А. А. Зимин, В. И. Корецкий, Р. Г. Скрынников — авторы крупных исследований по внутривосточной и социальной истории России XVI в.¹¹ Об организации сторожевой службы на юге в XVI в. писали С. Л. Марголин и В. В. Каргалов¹². М. Н. Тихомиров, рассматривая историческую географию страны в XVI в., подчеркнул роль «южнорусских степей, подвергавшихся постоянным набегам татар», образно назвал их заселение «не вполне понятным и чудесным»¹³.

Косвенным, но весьма ярким, на наш взгляд, свидетельством слабой изученности истории южных окраин России в XVI в. являются постоянные ошибки и неточности, появляющиеся на публикуемых исторических картах различного типа применительно к этому району страны. Оставив в стороне учебные исторические карты и атласы, краеведческие и туристские издания, отметим, что ошибки присутствуют и на картах, приложенных к серьезным, в основном добротным, научным книгам, освещающим историю России в XVI в. в целом или ее отдельные сюжеты.

Возьмем, например, карту под названием «Русское государство и его соседи во второй половине XVI — начале XVII века до 1618 г.», составленную И. А. Голубцовым и являющуюся приложением к крупной коллективной книге советских ученых «Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в. — начало XVII в.» (Под ред. А. Н. Насонова, Л. В. Черепнина, А. А. Зимина. М., 1955). На этой карте г. Данков помещен на правом берегу Дона, хотя он со времени основания в 1568 г. вплоть до 1618 г. находился на левом берегу и был перенесен на правый берег Дона позже. На той же карте ошибочно подписаны даты основания Белгорода, Оскола, дата восстановления Курска, неопределенно и неточно указаны даты возникновения Данкова, Ряжска, Епифани.

На карте «Русское государство в первой трети XVI века», приложенной к монографии А. А. Зимина «Россия на пороге нового времени» (М., 1972), Елец показан как город реальный, существующий. На самом деле Ельца (как горо-

да) в первой трети XVI в. не существовало. На исторической карте «Территория опричнины в 1565 г.», приложенной к книге Р. Г. Скрынникова «Опричный террор» (Л., 1969), государственная граница России проведена юго-восточнее г. Новосиля, причем неясно, какое конкретно государство примыкало здесь к России. На той же карте среди южнорусских городов, существовавших во время опричнины Ивана Грозного, показаны Кромы; фактически этот город возник значительно позже.

Подобный перечень историко-географических и хронологических погрешностей можно было бы и продолжить. Думается, что ошибки авторитетных московских и ленинградских ученых на прилагаемых к их книгам исторических картах не объясняются пренебрежением авторов к южнорусским окраинам, а говорят в первую очередь об отсутствии обстоятельного исследования по истории этого края применительно к XVI в.

Источниковую базу книги составили как архивные, так и опубликованные документы.

Из необозримых сокровищ Центрального государственного архива древних актов использованы главным образом фонды № 89 (Сношения России с Турцией), № 123 (Сношения России с Крымом), № 141 (Приказные дела старых лет), № 210 (Документы разрядного приказа). Разбор архивных документов будет сделан нами далее, при рассмотрении конкретных сюжетов истории Украины и Поля в XVI в. Здесь, во вводном источниковом обзоре, подчеркнем лишь целесообразность широкого использования неплохо сохранившихся дипломатических документов XVI в. при изучении истории заселения южнорусских окраин. Так, наказ послу Афанасию Нагому, составленный в апреле 1563 г. и находящийся в ЦГАДА, в фонде № 123, приоткрывает завесу над загадкой самого отдаленного российского города, так называемого «Псельского города», просуществовавшего всего несколько лет. Документы же, появившиеся в связи с поездкой в Турцию в 1584—1585 гг. посланника Бориса Благого (они сохранились в ЦГАДА, в фонде № 89), помогают разобраться в истории возникновения г. Воронежа.

Из числа опубликованных письменных источников, освещающих историю южной окраины России в XVI в., традиционно поставим на первое место летописи. Много сведений по истории южнорусских земель, включая современное Центральное Черноземье, содержится в Никоновской летопи-

си, ценные факты имеются в Иоасафовской летописи, Пискаревском летописце, Постниковском летописце¹⁴.

Очень полезными для изучения истории южных окраин России в XVI в. стали многотомные публикации разрядных книг, осуществленные за последние десятилетия под научным руководством В. И. Буганова, начиная с разрядной книги 1475—1598 гг., изданной в 1966 г.¹⁵ Анализ вновь изданных разрядных книг, сопоставление их с летописями, другими источниками позволили нам уточнить время и причины возникновения ряда южнорусских городов, выявить многие неизвестные прежде факты в ходе борьбы Российского государства с татарами за обладание Полем. Археографический уровень издания разрядных книг в целом достаточно высок, хотя отдельных ошибок издателям избежать не удалось. Отметим, в частности, промах при передаче обозначения года в одной из записей разрядной книги 1475—1605 гг. (Сост. Н. Г. Савич. М., 1981. Т. 2, ч. 1. С. 109). В этой записи, датированной «7070 годом» (1561/62 г.), упоминается г. Данков, названы данковские воеводы, и недостаточно опытный исследователь может сделать вывод о существовании Данкова в 1561/62 г. В той же разрядной книге позже подробно сообщается об основании Данкова в 1568 г., одна запись вроде бы противоречит другой. Сопоставление первой записи с аналогичной записью в разрядной книге 1550—1636 гг. (Сост. Л. Ф. Кузьмина. М., 1975. С. 186) позволяет определить ошибку: запись о Данкове в разрядной книге 1475—1605 гг. должна относиться не к «7070 году» (1561/62 г.), а к «7079 году» (1570/71 г.). После исправления этой ошибки все в тексте, как говорится, становится на свои места.

Среди изданных документов XVI в., важных для понимания процесса вхождения территории современного Центрального Черноземья в состав Российского государства, выделим еще большую публикацию материалов о южнорусской сторожевой службе в книге «Акты Московского государства», выполненную в прошлом веке¹⁶, публикацию княжеских духовных и договорных грамот с комментариями Л. В. Черепнина¹⁷ и посольские отчеты, опубликованные в «Сборниках Русского исторического общества»¹⁸.

Ряд интересных свидетельств о появлении и жизни вольных казаков на Поле в XVI в. нашел в архивах и опубликовал историк донского казачества Василий Дмитриевич Сухоруков (1795—1841). Найденные документы помещены им в виде подстраничных примечаний в книге «Историческое

описание земли Войска Донского»¹⁹, они также используются нами как источник.

Несколько слов следует сказать об использовании нами мемуарной литературы при изучении истории южнорусских окраин в XVI в. Не так часто очевидцев-современников интересовало в то время Поле, но отдельные сведения о нем в записках и сочинениях современников есть. Среди отечественных мемуаристов XVI в. здесь на первое место, на наш взгляд, следует поставить князя Андрея Михайловича Курбского — автора «Истории о великом князе Московском». Кроме общеполитических и философских размышлений, кроме выпадов против Ивана Грозного в сочинении А. М. Курбского содержится немало сведений о событиях на южнорусских окраинах, дается их личная, авторская оценка. К жанру мемуаров примыкает и такой источник, как донесения русских послов, посланников, гонцов, проезжавших через Поле, их рассказы, записанные после возвращения в Россию. Нами использованы, естественно, и сочинения иностранцев, побывавших в XVI в. в России и упоминавших о южнорусских землях в том или ином контексте (С. Герберштейн, Г. Штадена, Д. Флетчера, Ж. Маржерета и др.).

Все архивные и опубликованные источники использовались нами, в первую очередь, для выяснения фактической канвы событий, воссоздания конкретной истории южнорусских земель в XVI в., результатом которой стало вхождение территории современного Центрального Черноземья в состав Российского государства.

Глава I

ТЕРРИТОРИЯ СОВРЕМЕННОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В КОНЦЕ XV ВЕКА

1. Судьба Курского и Елецкого княжеств. 2. Южные рубежи Рязанского княжества в конце XV в. 3. Хозяйственные занятия татар на подвластных землях Центрального Черноземья.

1. Судьба Курского и Елецкого княжеств

В эпоху Киевской Руси и на первом этапе феодальной раздробленности русских земель территория современного Центрального Черноземья в целом энергично заселялась и осваивалась славянами. Письменные и археологические источники свидетельствуют о появлении и существовании славянских поселений IX—XII вв. на западе, в центре, на севере края, в географических пределах всех пяти нынешних областей Центрального Черноземья: Белгородской, Курской, Липецкой, Воронежской, Тамбовской. В XII в. сюда выдвинулись с запада Черниговское, Переяславское, затем — Новгород-Северское княжества; в это же время степная, юго-восточная часть края являлась владением тюркоязычных кочевников-половцев.

Батыево нашествие на Русь и последовавшее за ним установление монголо-татарского ига нанесли непоправимый удар населению и хозяйству Центрального Черноземья. Край постепенно запустел. Недостаток документов не позволяет во всех деталях проследить конкретную историю запустения края в XIII—XV вв., выявить последовательность уничтожения татарами русских селений. Известны лишь отдельные вехи этого печального для Руси процесса. Совершенно ясно, однако, что край запустел не вследствие одного лишь нашествия хана Батыя, а в результате многократных грабительских татарских вторжений, хронологически охватывающих и тринадцатое, и четырнадцатое, и пятнадцатое столетия.

После Батыева нашествия и установления монголо-татарского ига на уцелевших русских землях ускорился процесс политического дробления, создания новых удельных княжеств. Этот процесс частично захватил и территорию современного Центрального Черноземья. Здесь, среди полити-

ческих центров отдельных княжеств, можно выделить два города — Курск и Елец.

В сохранившихся письменных источниках история древнерусского города Курска и Курского княжества освещается весьма слабо. Никоновская и некоторые другие русские летописи не совсем понятно рассказывают о «зле», причиненном татарами Курскому княжеству, относят это событие к 80-м гг. XIII в., указывают находившихся в подчинении Курска удельных князей. Против татарина Ахмата, «державшего баскачество Курского княжения» и основавшего две «бесерменские слободы», вспыхнуло восстание. В ответ татарский отряд, посланный ханом Ногаем, подверг разорению владения удельных князей Олега и Святослава. По словам летописи, татары «пришедше все княжение взяша Олгово и Святославле, и старейших бояр взяша 13, и стоаше двадесят дней, воуююще по всему княжению»¹.

В основу данного рассказа легла литературная повесть, не дошедшая в полном виде до нас. Составитель Никоновской летописи дал ей заголовок «О Курском княжении» и сообщил о значительном сокращении им первоначального текста («Многа убо и велика сна повесть, но множества ради оставлена бысть»). Географически место «бесерменских слобод» можно предположительно сопоставить с упоминаемой в более поздних путивльских документах XVI в. «Ордынской волостью»², которая находилась на стыке современных Сумской и Курской областей, при впадении реки Вири в Сейм.

Одним из действующих лиц трагедии Курского княжества, разыгравшейся в конце XIII в., был удельный князь Олег. Летопись называет его «князем Рыльским и Воргольским», подтверждая этим существование Рыльского княжества в то время. Рыльское княжество упоминалось в летописях и раньше, в 1241 г. рыльский князь Мстислав был убит татарами³. Рыльск находится в пределах нынешней Курской области. Район Рыльска является, на наш взгляд, единственным местом в пределах современного Центрального Черноземья, где не прерывалась оседлая жизнь русского населения в труднейший период истории Руси: от Батыева нашествия до XVI в.

Низовья Сейма с городами Путивлем и Рыльском, входившие в состав древней Северной земли, не были опустошены полностью во время монголо-татарского ига на Руси, да и само татарское владычество оказалось здесь непродолжительным. В 60-х гг. XIV в., в период политических неуря-

диц в Золотой Орде, Северская земля вошла в состав Великого княжества Литовского⁴. В это же время к Литве отошел, как известно, и Киев — исторический центр Древней Руси. Установление литовского господства в конкретных условиях XIV в. оказалось для русского населения Северской земли в целом явлением позитивным, благоприятным. Довольно сильное в то время Литовское княжество защитило большую часть Северской земли, включая и Рыльск с окрестными селами, от татар, помогло сохранить земледельческое крестьянское хозяйство в этом западном углу современного Центрального Черноземья. Рыльск вплоть до 1500 г. оставался владением Литвы.

Но вернемся к Курску. Во второй половине XIV в., вслед за Киевом, Путивлем, Рыльском, к Великому княжеству Литовскому отошел и район Курска, основная территория когда-то обширного Курского княжества. Документальным свидетельством подчинения территории Курского княжества Литве является дошедший до нас ярлык крымского хана Менгли-Гирея, выданный им в 1507 г. польскому королю и великому литовскому князю Сигизмунду I⁵. К этому документу мы позже еще вернемся, рассматривая события политической истории начала XVI в. В данном случае важно отметить, что в ярлыке Менгли-Гирея содержится подробный перечень русских земель, когда-либо находившихся под властью Литвы. Среди этих земель названо и Великое княжество Курское, по терминологии ханских ярлыков — «Курская тьма».

«Курск на Тускоре» упомянут в так называемом «Списке русских городов, дальних и ближних», включенном в некоторые русские летописи в виде особого раздела, без указания даты. По мнению М. Н. Тихомирова, «Список» был составлен в конце XIV — начале XV в.⁶ Именно тогда, при князе Витовте, Великое княжество Литовское наиболее далеко продвинуло свои границы на юг и юго-восток. В «Списке» Курск отнесен к числу «Киевских городов» наряду с Черниговом, Брянском, Трубчевском, Путивлем, Рыльском⁷; все эти города находились под властью Литвы. Однако говорить с полной уверенностью, что Курск на грани XIV и XV столетий существовал как город (а не как городище, место прежнего города) нельзя. Упадок Курска, наметившийся с конца XIII в., привел, как можно думать, уже в XIV в. к фактическому прекращению жизни в городе.

Доцент Московского университета Г. Н. Анпилов, изу-

чая раннюю историю Курска, подчеркивал запустение города в XIV—XV вв., но так и не сделал ясного вывода о прекращении его существования в это время. В статье «О городе Курске X—XVI вв.», опубликованной в 1979 г., он писал: «В XIV—XV вв. наблюдается запустение г. Курска на южной окраине Великого княжества Московского и превращение его в городище непостоянного заселения»⁸. Если применительно к XIV в. вопрос о Курске, действительно, не вполне ясен, то документы XV—XVI вв. (вплоть до 1596 г.), на наш взгляд, говорят о Курске однозначно: постоянного поселения на месте старого Курского городища тогда не существовало.

Г. Н. Анпилов применил к XIV—XV вв. почему-то включил Курское городище в пределы Великого княжества Московского. Позволим себе не согласиться с этим. После недолгого литовского господства район Курского городища стал частью татарских владений. На грани XV и XVI вв. он входил в пределы Большой Орды — непрочного татарского государства, речь о котором пойдет дальше. В 1501 г. в верхнем и среднем течении Сейма кочевали татары Большой Орды; заселенные русские земли у этой реки начинались только от Рыльска.

Отметим, что в курской краеведческой литературе последнего времени содержатся бездоказательные утверждения о непрерывном существовании г. Курска в XIV—XVI вв. Игнорируя исторические документы, местные краеведы В. А. Самсонов и Ю. А. Александров-Липкинг писали в 1975 г. в книге «Курск. Очерки истории города», что Курск «безусловно существовал» и при составлении Иваном III завещания (в этом документе Курск не упоминается), и во время нашествия крымского хана Девлет-Гирея на Москву в 1571 г.⁹ Подобные утверждения можно объяснить местным патриотизмом; полагаем, что научной основы в них нет.

В ярлыке Менгли-Гирея в числе городов, входивших в состав Великого княжества Литовского в пределах современного Центрального Черноземья, названы также (кроме Курска и Рыльска) Хотмышь и Оскол. В «Списке русских городов, дальних и ближних» упомянут «на Ворскле Хотмышь». Место древнерусского города Хотмыся, или Хотмышля, не вызывает сомнений. Хотмыжское городище на правом берегу р. Ворсклы, в пределах современной Белгородской области, упоминается во многих документах XVI—

XVII вв. В 1640 г. на Хотмыжском городище был основан на строящейся тогда Белгородской черте г. Хотмыжск¹⁰.

Древнерусский город Оскол можно пока лишь предположительно сопоставить с так называемым Холкинским городищем, где в ходе недавних археологических раскопок обнаружены мощные земляные укрепления эпохи Древней Руси. Городище находится в пределах современной Белгородской области, около него речка Холок впадает в р. Оскол.

Берега Сейма в районе Курска, а тем более — западный берег р. Оскола, находились в литовском владении, видимо, недолго. В XV в. эти земли стали частью Поля, в середине XV в. они уже фактически принадлежали Большой Орде. Конечно, в чисто формальном аспекте Литовское княжество при благоприятной политической ситуации могло предъявить свои претензии на Курск. Но такой ситуации в XV в. не возникало. В ходе борьбы с Московским княжеством и татарскими ордами Литва в XV в. постепенно утратила часть своих территориальных приобретений на юге и востоке.

Во второй половине XV в. фактический рубеж между Великим княжеством Литовским и владениями Большой Орды в Центральном Черноземье проходил недалеко от Рыльска. Курское городище находилось в ордынских пределах. Эта историко-географическая деталь подтверждается любопытным документом, относящимся к 1487 г. Московский князь Иван III предложил тогда своему союзнику, крымскому хану Менгли-Гирею, организовать встречу русского и крымского послов «на Семи, ниже Гусина брода, на усть Ревута реки, против Курского городища»¹¹. Подобная встреча русского и крымского послов на литовской территории намечаться, естественно, не могла. Предполагалось, что послы приедут к Курскому городищу, на подвластную Большой Орде незаселенную местность, с внушительной охраной. Курское городище упоминалось в документе как географический ориентир, как место, расположенное на полпути между Крымским ханством и московскими владениями Ивана III.

В данном случае мы оставляем в стороне вопрос о географическом совмещении упомянутого в документе 1487 г. «Курского городища» с древнерусским городом Курском. От устья Реута до устья Тускари, где расположен ныне Курск, около 50 км. В письме Ивана III речь могла идти просто об одном из городищ, находившихся в пределах бывшего Курского княжества. Не исключено также, что Курск после

одного из татарских погромов был восстановлен не на прежнем, а на новом месте, а затем уничтожен еще раз. По свидетельству русских сторожевых росписей XVI в., между устьем Реута и местом нынешнего г. Курска на берегах Сейма находились еще два старых городища: Городенское (недалеко от устья Реута, на левом берегу Сейма) и Юрьевское¹². Городище, названное в грамоте Ивана III «Курским», географически совмещается с Городенским городищем.

Елецкое княжество как политическое образование эпохи феодальной раздробленности Руси возникло значительно позже Курского, в ходе дробления русских княжеств в верховьях Оки, конкретно — при разделении Козельского княжества. Оно занимало земли по р. Сосне, или Быстрой Сосне, — правому притоку Дона. По современному административному делению, это — западная часть Липецкой области и юго-восток Орловской области. Елец впервые назван в русских летописях в 1146 г. Как можно думать, город серьезно не пострадал ни во время Батыева нашествия, ни во время похода Мамайа вдоль Дона к Куликову полю, во всяком случае никаких свидетельств этого нет. Елецкие князья упоминаются в документах с XIV в.

Подчинение Ельца Козельску были весьма непродолжительным¹³. Вскоре Елец оказывается в зависимости от Рязани, эта зависимость подчеркивается в летописях применительно к концу XIV в. и началу XV в.

Для определения примерных географических контуров Елецкого княжества в период его расцвета весьма ценным является более позднее свидетельство Пискаревского летописца, датированное концом XVI в. В нем говорится о речке Ливне как о прежней вотчине елецких князей¹⁴. Две речки Ливны, сливаясь, впадают в Быструю Сосну примерно в 75 км западнее Ельца. Становится ясным, что территория Елецкого княжества была в свое время вытянута от Ельца на запад, по направлению к верховьям Оки.

Материалы археологических исследований свидетельствуют о значительной плотности русского населения на территории к западу от Ельца. В период, предшествовавший запустению Елецкого княжества, здесь находились как укрепленные, так и неукрепленные русские поселения¹⁵.

Русский путешественник и писатель XIV в. Игнатий Смольянин сообщает, что в 1389 г. елецкий князь Юрий выезжал «со своими боярами и со многими людьми» к устью р. Воронежа для встречи митрополита Пимена, плывшего с

большой свитой на кораблях вниз по Дону в Константинополь¹⁶. Заметим, елецкий князь встретил главу русской церкви не при впадении в Дон Быстрой Сосны, не поблизости от Ельца. Он поехал довольно далеко на юг, в пределы современной Воронежской области, как бы подчеркивая обширность своих владений, распространение своего влияния вплоть до места впадения Воронежа в Дон. Он поехал с боярами, с дружиной. Игнатий Смольянин сообщает, что церемониальная поездка елецкого князя была предпринята по указанию великого рязанского князя Олега Ивановича — крупного политического деятеля второй половины XIV в. Но эта поездка косвенно свидетельствует и об относительном благополучии в то время небольшого Елецкого княжества.

Елецкий князь, возможно, сумел каким-то образом установить мирные отношения с Золотой Ордой. Такое предположение представляется вероятным при сопоставлении елецких земель с соседними, запустевшими землями Придонья. Игнатий Смольянин не встретил на Дону в 1389 г. в пределах современных Липецкой и Воронежской областей ни одного русского селения. «Если и были в древности грады красивые и выдававшиеся по красоте селения, — пишет он о берегах Дона, — теперь только пусто все и не населено».

Через шесть лет после путешествия Игнатия Смольянина сокрушительный удар по Ельцу нанес среднеазиатский завоеватель Тимур; в 1395 г. Елец был взят им и разорен. Хотелось бы отметить, что взятие Ельца Тимуром осталось в памяти народов Восточной Европы на долгие годы: русские летописи вспоминали об этом событии через 146 лет! Описывая нашествие на Москву в 1541 г. крымского хана Сагиб-Гирея, Никоновская летопись сообщает, в частности, такие факты. Сагиб-Гирей пошел на Москву с большим войском, но русские воины остановили татар у Оки. Хан отступил и не знал, что предпринять. Тогда «сказали ему старые татарове», что в аналогичной ситуации, чтобы не возвращаться с позором из Руси, Тимур решил взять один русский город — Елец. Сагиб-Гирею они посоветовали последовать примеру Тимура и выбрать для разгрома один из городов России¹⁷.

Хотя Елец и был разгромлен в 1395 г. Тимуром, многие находившиеся вокруг него села и деревни, видимо, сохранились; они смогли отсрочить гибель Елецкого княжества. Вслед за нашествием Тимура летописи зафиксировали несколько крупных татарских вторжений в пределы Елецкого

княжества. Самое страшное из них произошло в 1414 г. Никоновская летопись сообщает, что в сентябре 1414 г. «приидоша татарове многи и воеваша по Задонью реки власти [волости. — В. З.] рязанския, и много зла сотвориша, и град Елец взяша, и елецкого князя убиша, а инии в Резань убежаша»¹⁸. После этого погрома Елец уже не упоминается в русских летописях XV в. как город реальный, живущий. Отметим также, что приведенным летописным текстом одновременно подтверждается факт зависимости Ельца от Рязани в начале XV в.

В Курском княжестве татары сотворили «зло» в конце XIII в., в Елецком княжестве — в начале XV в. Летопись употребляет применительно к действиям татар в Курске и в Ельце одно и то же слово «зло». В истории гибели этих двух русских княжеств, находившихся в пределах современного Центрального Черноземья, несомненно, было много общего.

Трудно сказать, когда последние русские жители покинули Елец. Может быть, это произошло непосредственно осенью 1414 г., может быть, — несколько позже. Как видно из литовских документов, опубликованных в конце прошлого века А. Барбашевым, во время поездки литовского князя Витовта в Рязанскую землю в 1427 г. Елецкого княжества уже фактически не существовало. Витовта как своего покровителя встречали тогда все подчиненные и зависимые от Рязани князья, елецкого князя среди них не было¹⁹.

В ходе распада Золотой Орды почти все земли современного Центрального Черноземья вошли в состав Большой Орды. Процесс формирования Большой Орды как особого татарского государственного образования проходил в 30—60-е гг. XV в.²⁰ Ханы Большой Орды считали себя преемниками золотоордынских ханов. Неоднократные грабительские вторжения татар в пределы Московского и Рязанского княжеств, отмеченные русскими летописями в 40—70-х гг. XV в., осуществлялись Большой Ордой через территорию Центрального Черноземья. В ходе этих вторжений завершился процесс запустения земель в пределах бывших Курского и Елецкого княжеств; северная и западная части современного Центрального Черноземья (за исключением района Рыльска) стали составной частью Поля. Во время нашествия хана Ахмата на Русь в 1480 г. и его бегства после известного «стояния на Угре» основная территория современного

Центрального Черноземья была уже в полном смысле слова Подем.

В 90-х гг. XV в. русские летописи сообщают об эпизодических выходах московских воевод с ратными людьми в Поде, «под Орду». Один из таких походов состоялся, по свидетельству Никоновской летописи, в мае 1491 г. Тогда «посылал князь великий [Иван III. — В. З.] воевод своих с силою в Поде на помощь крымскому царю от ординских царей». Эта русская военная демонстрация помогла крымскому хану Менгли-Гирею, союзнику Ивана III: «И слышавше цари ординские [ханы Большой Орды Сент-Ахмед и Ших-Ахмед. — В. З.] силу многу великого князя в Поде и убоявшеся, возвратишася от Перекопи»²¹. Хотя точный маршрут воевод не известен, сам факт выхода московского войска в 1491 г. в географические пределы Центрального Черноземья не вызывает сомнений.

В 1492 г. воеводы Федор Колтовский и Горяин Сидоров нагнали уходящий после грабежа отряд ордынских татар «в Поде, промеж Трудов и Быстрые Сосны»²². Подобная географическая детализация, приведенная в Никоновской летописи, не оставляет сомнений в том, что берега Быстрой Сосны являлись в конце XV в. частью Поля, что постоянных русских поселений здесь не было. Не существовало в это время, конечно, и Ельца как реального, живого города. Отметим, однако, что зафиксированное документами временное прекращение жизни в Ельце иногда в литературе отвергается без всяких доказательств²³.

Во второй половине XV в. разоренные татарами елецкие земли формально были включены в состав Московского княжества. В договорной грамоте, составленной в Москве 9 июня 1483 г. от имени московского великого князя Ивана III и рязанского князя Ивана Васильевича, «Елец» и «Елецкие места» названы «отчиной» Ивана III²⁴. В том же документе сообщается о «купле» отцом Ивана III, московским князем Василием Темным, рязанских земель к югу от Оки и в верховьях Дона. Полагаем, что приобретение Московским княжеством Ельца и «купля» рязанских верхнедонских земель состоялись во время малолетства рязанского князя Василия Ивановича, когда юный рязанский князь жил в Москве. Более подробно этот вопрос рассматривается нами в следующем параграфе.

2. Южные рубежи Рязанского княжества в конце XV в.

Великое княжество Рязанское, одно из последних, сравнительно долго сохранявшихся государственных образований эпохи феодальной раздробленности Руси, непосредственно примыкало к изучаемым нами землям. Заходили ли в конце XV в. границы Рязанского княжества в пределы территории современного Центрального Черноземья и в какой мере? Для ответа на поставленный вопрос мы располагаем достаточными и в целом доброкачественными источниками. Договорная грамота московского великого князя Ивана III с рязанским князем Иваном Васильевичем, составленная в 1483 г., дает четкое представление о разграничении московских и рязанских земель западнее Дона, в пределах нынешней Липецкой области. Южные рубежи рязанских владений к востоку от Дона могут быть в общих чертах определены по договору между рязанскими князьями-братьями Иваном и Федором Васильевичами, заключенному в 1496 г., а также по письмам Ивана III, направленным рязанской княгине Аграфене в 1501 г. Ценные сведения о разрушенном рязанском городе Донкове содержатся в сочинении современника — австрийского дипломата и путешественника первой половины XVI в. Сигизмунда Герберштейна.

Вторая половина XV в. была временем заката когда-то крупного, сильного Рязанского княжества. С юга, со стороны степи, на рязанские владения одна за другой накатывались волны татарских вторжений. С севера «давили» московские князья, завершавшие объединение русских земель вокруг Москвы.

В 1476 г. от нижнего течения Волги к Рязани (Переяславлю-Рязанскому) проехал итальянский путешественник Амброджо Контарини. Он сообщает, что «земля России» началась в лесах, недалеко от Рязани, причем местные жители были «в ужасном страхе перед татарами». Степи, лежавшие к югу и юго-востоку от Рязани и принадлежавшие татарам, оказались совершенно безлюдными²⁵.

С середины XV в., после в целом успешного для Москвы завершения феодальной войны в Северо-Восточной Руси, московский великий князь Василий Темный проводил линию, направленную на политическое подчинение Рязанского княжества Москве. Изложим ситуацию, сложившуюся в московско-рязанских отношениях в 1456 г., словами Николая

Михайловича Карамзина, нашего известного историка и писателя, жившего два столетия назад и обращавшего особое внимание при освещении истории Руси на деятельность князей.

«В то время, — пишет Н. М. Карамзин, — умер в монашестве князь рязанский Иоанн Федорович, внук славного Олега, поручив осьмилетнего сына, именем Василия, и дочь Феодосию великому князю. Сия доверенность была весьма опасна для независимости Рязанского княжения: Василий Темный, желая будто бы лучше воспитать детей Иоанновых, взял их к себе в Москву, но послав собственных наместников управлять Рязанью, властвовал там как истинный государь»²⁶. Своеобразной платой за «воспитание» малолетнего рязанского князя в Москве могли стать, как нам представляется, старинные рязанские земли к югу от Оки и в верховьях Дона, переданные (формально — проданные) Василию Темному.

Географические рубежи приобретенных Московским княжеством земель «за рекою за Окою», как уже отмечалось, очерчены в более позднем «докончании» (договоре) от 9 июня 1483 г. между Иваном III и рязанским князем Иваном Васильевичем, сменившем на рязанском престоле своего умершего отца. «Докончание» традиционно было составлено в виде двух грамот, направленных договаривавшимися князьями друг другу. Рязанский князь называет Ивана III «братом старейшим», Иван III называет рязанского князя (кстати, своего родного племянника, сына своей сестры) «братом младшим». В грамоте Ивана III читаем: «А что купля отца нашего, великого князя Василья Васильевича... и тем нашим землям с твоею землею рубеж...»²⁷. В грамоте рязанского князя соответственно употреблено другое выражение: «А что купля отца твоего, князя Василья Васильевича...»²⁸.

Отошедшие от Рязанского княжества к Москве при Василии Темном земли были весьма обширны. Московское княжество выдвигалось широкой полосой на юг от Оки: к нему отходили города Тешилов, Венев, район Тулы, оба берега Дона в верховьях этой реки, включая знаменитое Куликово поле, ниже по Дону — левый берег до устья речки Таболы, правый — еще дальше к югу в пределах современной Липецкой области. К западу от Дона у Рязанского княжества оставалось только «Романцево с уездом и что к нему потягло», по современному административному делению — часть Лебедянского района Липецкой области. Низовья р. Мечи

2. Южные рубежи Рязанского княжества в конце XV в.

Великое княжество Рязанское, одно из последних, сравнительно долго сохранявшихся государственных образований эпохи феодальной раздробленности Руси, непосредственно примыкало к изучаемым нами землям. Заходили ли в конце XV в. границы Рязанского княжества в пределы территории современного Центрального Черноземья и в какой мере? Для ответа на поставленный вопрос мы располагаем достаточными и в целом доброкачественными источниками. Договорная грамота московского великого князя Ивана III с рязанским князем Иваном Васильевичем, составленная в 1483 г., дает четкое представление о разграничении московских и рязанских земель западнее Дона, в пределах нынешней Липецкой области. Южные рубежи рязанских владений к востоку от Дона могут быть в общих чертах определены по договору между рязанскими князьями-братьями Иваном и Федором Васильевичами, заключенному в 1496 г., а также по письмам Ивана III, направленным рязанской княгине Аграфене в 1501 г. Ценные сведения о разрушенном рязанском городе Донкове содержатся в сочинении современника — австрийского дипломата и путешественника первой половины XVI в. Сигизмунда Герберштейна.

Вторая половина XV в. была временем заката когда-то крупного, сильного Рязанского княжества. С юга, со стороны степи, на рязанские владения одна за другой накатывались волны татарских вторжений. С севера «давили» московские князья, завершавшие объединение русских земель вокруг Москвы.

В 1476 г. от нижнего течения Волги к Рязани (Переяславлю-Рязанскому) проехал итальянский путешественник Амброджо Контарини. Он сообщает, что «земля России» началась в лесах, недалеко от Рязани, причем местные жители были «в ужасном страхе перед татарами». Степи, лежавшие к югу и юго-востоку от Рязани и принадлежавшие татарам, оказались совершенно безлюдными²⁵.

С середины XV в., после в целом успешного для Москвы завершения феодальной войны в Северо-Восточной Руси, московский великий князь Василий Темный проводил линию, направленную на политическое подчинение Рязанского княжества Москве. Изложим ситуацию, сложившуюся в московско-рязанских отношениях в 1456 г., словами Николая

Михайловича Карамзина, нашего известного историка и писателя, жившего два столетия назад и обращавшего особое внимание при освещении истории Руси на деятельность князей.

«В то время, — пишет Н. М. Карамзин, — умер в монашестве князь рязанский Иоанн Федорович, внук славного Олега, поручив осьмилетнего сына, именем Василия, и дочь Феодосию великому князю. Сия доверенность была весьма опасна для независимости Рязанского княжения: Василий Темный, желая будто бы лучше воспитать детей Иоанновых, взял их к себе в Москву, но послав собственных наместников управлять Рязанью, властвовал там как истинный государь»²⁶. Своеобразной платой за «воспитание» малолетнего рязанского князя в Москве могли стать, как нам представляется, старинные рязанские земли к югу от Оки и в верховьях Дона, переданные (формально — проданные) Василию Темному.

Географические рубежи приобретенных Московским княжеством земель «за рекою за Окою», как уже отмечалось, очерчены в более позднем «докончании» (договоре) от 9 июня 1483 г. между Иваном III и рязанским князем Иваном Васильевичем, сменившем на рязанском престоле своего умершего отца. «Докончание» традиционно было составлено в виде двух грамот, направленных договаривавшимися князьями друг другу. Рязанский князь называет Ивана III «братом старейшим», Иван III называет рязанского князя (кстати, своего родного племянника, сына своей сестры) «братом младшим». В грамоте Ивана III читаем: «А что купля отца нашего, великого князя Василья Васильевича... и тем нашим землям с твоею землею рубеж...»²⁷. В грамоте рязанского князя соответственно употреблено другое выражение: «А что купля отца твоего, князя Василья Васильевича...»²⁸.

Отошедшие от Рязанского княжества к Москве при Василии Темном земли были весьма обширны. Московское княжество выдвигалось широкой полосой на юг от Оки: к нему отходили города Тешилов, Венев, район Тулы, оба берега Дона в верховьях этой реки, включая знаменитое Куликово поле, ниже по Дону — левый берег до устья речки Таболы, правый — еще дальше к югу в пределах современной Липецкой области. К западу от Дона у Рязанского княжества оставалось только «Романцево с уездом и что к нему потягло», по современному административному делению — часть Лебедянского района Липецкой области. Низовья р. Мечи

(Красивой Мечи) названы в договоре 1483 г. совместным московско-рязанским владением: «А Меча нам ведати вопче». Расположенные еще далее к югу «елецкие места», как уже говорилось выше, признавались «отчиной» Ивана III; рязанский князь обязался в них «не вступаться».

Полагаем, что, приобретая у Рязани наряду с заселенным районом к югу от Оки запустевшие, лишенные крестьянского населения земли Верхнего Придонья, Василий Темный кроме цели расширения территории Московского княжества преследовал и другую, конкретно-политическую цель: географически разединить Рязань и Литву. Действительно, выдвинувшийся далеко на юг вдоль Дона клин московских земель разединил соприкасавшиеся ранее владения двух давних соперников Москвы: Великого княжества Литовского и Великого княжества Рязанского. Думается все же, что Василий Темный в данном случае несколько переоценил силы Московского княжества. Отошедшие от Рязани к Москве прежде заселенные, но теперь опустошенные татарами верхнедонские земли нужно было не столько формально включить в состав Московского княжества, сколько — отвоевать у Орды. Сил для этого у Московского княжества тогда еще не было.

Когда же, в каком году «купил» Василий Темный западные рязанские земли, составлявшие чуть ли не половину Рязанского княжества? С какого времени могли стать «отчиной» московских князей Елец и елецкие места? В исторической литературе эти вопросы не получили достаточного освещения. Так, Л. В. Черепнин в монографии «Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках», говоря о постепенном подчинении Рязанского княжества Москве, подчеркивает лишь скудость летописных известий «о рязанских событиях за 50—60-е годы XV в.»²⁹ и совершенно не упоминает о «купле» в это время обширных рязанских территорий Василием Темным. У М. К. Любавского встречается краткое упоминание о том, что Елец был присоединен к Москве не в начале XV в., а «гораздо позднее», причем «в разоренном виде»³⁰. Попытаемся, хотя бы предположительно, используя имеющиеся документы, выяснить даты приобретения Москвой земель в верховьях Дона и выдвижения Московского княжества в пределы современного Центрального Черноземья.

Первой точкой отсчета сделаем «докончание» (договор) Василия Темного с рязанским князем Иваном Федоровичем

от 20 июля 1447 г. В договорной грамоте нет речи о переходе западных рязанских земель к Москве. Тула принадлежит Рязанскому княжеству, Василий Темный обещает рязанскому князю «не вступаться» в Тулу³¹. Василий Темный умер в марте 1462 г. Покупку им рязанских земель ограничим пока периодом 1447—1462 гг.

Как уже говорилось выше, весьма удобная для «купли» политическая ситуация сложилась во время проживания малолетнего рязанского князя Василия в Москве (1456—1463 гг.). Если признать наиболее вероятным факт приобретения Василием Темным рязанских земель именно в это время, то «вилка» сокращается до 1456—1462 гг.

Но следует учесть еще один хорошо сохранившийся документ: «духовную грамоту» (завещание) Василия Темного, составленную, как показал Л. В. Черепнин, между 3 мая 1461 г. и 27 марта 1462 г.³² В завещании перечисляются практически все принадлежавшие московскому великому князю земли, но верхнедонских мест и Ельца в нем нет! Текст завещания писал дьяк Василий Беда, своей подписью завещание заверил московский митрополит Феодосий. Они не могли забыть о значительном расширении владений великого князя за счет рязанских земель. Не видно также причин для сознательного умолчания в завещании об этой территории.

Таким образом, напрашивается вывод: официальное оформление «купли» Василием Темным рязанских земель произошло после составления им завещания, в последние месяцы его жизни в 1461—1462 гг. Полагаем, именно в это время часть территории современного Центрального Черноземья на донском правобережье юридически вошла в состав Великого княжества Московского.

Более сложным является определение даты перехода в состав Московского княжества Ельца и елецких земель. В договорной московско-рязанской грамоте 1483 г. Елец и «елецкие места» в качестве «отчины» Ивана III записаны отдельно от «купли» Василием Темным рязанских земель, сразу же за ней. Видимо, речь идет о двух одновременных актах, которые, к сожалению, не дошли до нас.

После вступления на московский престол в 1462 г. 22-летнего Ивана III рязанский князь Василий продолжал некоторое время оставаться в Москве. Он был отпущен «на Рязань», по словам летописи, «в 6972 году». Это произошло не в 1464 г., а осенью 1463 г.³³, поскольку он в том же «72 году» вновь приехал в Москву, где в январе 1464 г. обвенчал-

ся с сестрой Ивана III Анной. Очень важно, что в завещании Василия Темного Елец в качестве московского владения не упомянут. Выскажем предположение: оформление Ельца и елецких земель в качестве «отчины» Ивана III было проведено в 1463 г. и связано с «отпуском» юного князя Василия в Рязань.

Рязанский князь Василий умер в 1483 г., оставив двух сыновей: Ивана и Федора. Договорная грамота, составленная князьями-братьями в Переяславле-Рязанском 19 августа 1496 г., дает представление не только о разграничении их владений, но и о географическом размещении рязанских владений в конце XV в. в пределах современного Центрального Черноземья.

Каждый из братьев за пределами постоянных рязанских сел и деревень имел по договору свои «отъезжие места», своих бортников-оброчников, свои дальние рыбные ловли. У старшего брата записаны, в частности, «бортники с оброки... в Вороножи»; у младшего брата были, в свою очередь, бортники «в Вороножи в Верхнем»³⁴. Речь идет, конечно, не о г. Воронеже, такого города в Рязанской земле в то время не было. В указанном документе имеются в виду бортные ухожьи в верховьях Воронежа, в пределах современной Тамбовской области. Заметим, кстати, что бортные ухожьи у р. Лесного Воронежа сохранялись очень долго; они существовали и в XVI в., и в первой трети XVII в.³⁵

Князья-братья разделили между собою остатки рязанского Придонья, не отданные их отцом Московскому княжеству. На донском правобережье за старшим братом Иваном записан «Романцев весь» — местность в пределах современного Лебедянского района Липецкой области. За младшим братом Федором значится «Тешев весь и в Дону рече жеребеи»³⁶ — земли и берега Дона южнее владений Ивана, в пределах современного Задонского района Липецкой области. (Географическая локализация приводимых в договоре мест сделана нами по более поздним документам XVI—XVII вв. и по картам XVIII в.)

Нет никаких оснований считать, что в конце XV в. и в «Романцеве», и в «Тешеве» существовали постоянные русские селения. Как и на отошедших к Москве соседних землях Придонья, здесь находились лишь селища, места разоренных татарами сел и деревень, да, может быть, промысловые бортные и рыбные ухожьи.

Документы XV в. не упоминают о находившейся когда-то

в рязанском владении области «Воронеж», где в конце XII в. незадачливый князь Ярополк Ростиславович, по словам Никоновской летописи, не зная, куда деться от печали и скорби, переходил «от града во град»³⁷. Автор этой книги в свое время географически отождествил рязанскую область «Воронеж» или одну из ее частей с районом Романова городища в пределах современной Липецкой области южнее г. Липецка³⁸. Документов для отказа от подобной гипотезы нами пока не обнаружено, хотя и подтвердить ее в полной мере не удалось. Ясно, однако, что в конце XV в. на месте Романова городища у р. Воронежа не было постоянного населения.

После продажи Рязанью Московскому княжеству верхнедонских и задонских земель в составе Рязанского княжества формально осталась в конце XV в. территория донского левобережья к югу от устья речки Таболы³⁹, на стыке современных Тульской и Липецкой областей. Здесь, на левом берегу Дона, находился прежде древний рязанский город Донко (Донков, Данков). О руинах этого города, о названии местности вокруг него в начале XVI в. сообщает Сигизмунд Герберштейн⁴⁰. При нем Донка (Донкова) как города не существовало. История возрождения этого города и его последующая судьба рассматривается нами далее, в главе III.

Рязанский князь Иван Васильевич умер в 1500 г. Его младший брат Федор согласно договору 1496 г. не мог претендовать на великое княжение. Регентшей при малолетнем рязанском князе Иване Ивановиче стала его мать Аграфена. Сохранилось несколько писем-распоряжений, направленных Иваном III из Москвы княгине Аграфене. Эти письма помогают определить расположение южных «рязанских украин» к востоку от Дона на грани XV и XVI столетий.

Весной 1501 г. из Москвы отправился посланник «кафинского государя» (правителя г. Кафы, или Феодосии) Алакозь. Иван III потребовал, чтобы княгиня Аграфена и ее деверь — князь Федор — выделили для сопровождения посланника по рязанской земле 200 воинов. Алакозь плыл на судне по рекам Оке, Проне, Ранове и Хупте. Провожать его рязанцы должны были «до украинны», конкретно — «переволокою Рясским полем до реки до Рясы»⁴¹. Рясское поле находилось в южной части современной Рязанской области на стыке с Липецкой и Тамбовской областями; р. Ряса (Становая Ряса) — приток р. Воронежа, ее верховья расположены в пределах нынешней Рязанской области⁴².

Осенью 1501 г. в качестве московского гонца к крымско-

му хану Менгли-Гирею был послан служилый татарин Резак Азарбаев. Его маршрут вновь проходил по землям Рязанского княжества, на этот раз — западнее р. Рановы. По требованию Ивана III рязанцы провожали гонца до речки Верды, где стояли тогда рязанские сторожи⁴³. Это современный район г. Скопина в Рязанской области.

Как следует из анализа приведенных выше документов, Рязанское княжество в конце XV в. продолжало сохранять некоторые свои старые владения в пределах современного Центрального Черноземья, но только вдоль рек Дона и Воронежа. Постоянных рязанских поселений здесь уже не было, в приречных лесных массивах у Дона и Воронежа существовали лишь рязанские бортные ухажьи и рыбные ловли. В течение XV в. в результате многократных татарских вторжений запустели земли бывшего Елецкого княжества, запустело примыкавшее к Елецкому княжеству на донском правобережье «Романцево с уездом», запустели левобережные придонские земли вокруг разрушенного, уничтоженного, казалось бы, навсегда древнего города Донка (Донкова). Степные и лесостепные пространства Центрального Черноземья стали татарскими владениями, для последней четверти XV в. — владениями Большой Орды.

Несколько слов следует сказать о судоходстве и судостроении в верховьях Дона применительно к концу XV в. Берега Дона в верхнем течении этой реки, присоединенные к Московскому княжеству, стали осваиваться Российским государством раньше, чем прилегающие к Дону земли. Здесь начинался донской водный путь, традиционно связывающий Русь с Причерноморьем. Для российских и иностранных дипломатов, а также для купцов в верховьях Дона в конце XV в. иногда строились речные суда. Когда весной 1499 г. в Турцию отправились посол А. Голохвастов и несколько русских купцов, то они «клялися в судно на Мече, у Каменова Коня»⁴⁴. Годом позже, в 1500 г., вниз по Дону отплыли русский посол А. Кутузов и посол «кафинского государя» Садык. По свидетельству документов, Садыку и его спутникам Иван III «дал подводы до Мечи, а послал с ними людей проводить их до Дону, а на Дону дал им судно»⁴⁵. Низовья р. Мечи расположены в пределах современной Липецкой области. В этом месте, надо полагать, строились тогда речные суда, эпизодически возникали временные поселки плотников-судостроителей. Заметим, что наличие у р. Мечи хорошего леса для строительства судов подтверждается более

поздними документами XVII в. В 1646 г. на р. Мече под руководством Федора Лодыженского было построено по распоряжению российского правительства 100 небольших мореходных судов — «морских стругов»⁴⁶.

Возвращаясь в конец XV в., повторим в общем виде уже высказанную ранее мысль. Хотя к этому времени район Ельца и верховья Дона в пределах современной Тульской и частично Липецкой области формально отошли от Рязани к Москве, говорить о реальном выдвижении российских владений в XV в. в пределы Центрального Черноземья, на наш взгляд, нет оснований. Наоборот, пятнадцатый век в целом был временем отступления русского населения с территории нынешнего Центрального Черноземья, гибели многих существовавших здесь русских селений, расширения размеров незаселенного восточноевропейского Поля.

Политическая принадлежность различных частей современного Центрального Черноземья как формальная, так и фактическая применительно к 90-м гг. XV в. показана нами на схематической карте (рис. 1).

3. Хозяйственные занятия татар на подвластных землях Центрального Черноземья

В XV в. в процессе распада Золотой Орды на территории Восточной Европы образовался ряд татарских государств: Казанское ханство, Крымское ханство, Астраханское ханство, Ногайская Орда, Большая Орда. Как уже отмечалось выше, почти все земли современного Центрального Черноземья вошли в состав Большой Орды. Большая Орда была одним из наиболее примитивных по своей политической структуре и хозяйственному укладу татарских государств Восточной Европы. В отличие от Казанского, Крымского, Астраханского ханств в Большой Орде не было городов, фактически не было столицы. Политическим центром Большой Орды являлись заволжские степи; Центральное Черноземье оказалось северо-западной территорией Орды.

Основным хозяйственным занятием всех татар, включая и татар Большой Орды, являлось кочевое скотоводство. В мирное время, когда не было войн, крупных распрей между отдельными ханами, грабительских набегов на соседние страны, входившие в Большую Орду улусы медленно передвигались по степи, следуя за своими стадами. Документы свидетельствуют о наличии у татар множества лошадей,

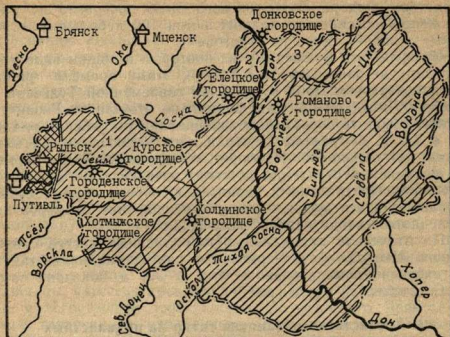

Рис.1. Политическая принадлежность территории современного Центрального Черноземья в 90-х годах XV века.
Схематическая карта

Условные обозначения:

- современные границы Центрального Черноземья
- фактические владения Великого княжества Литовского
- фактические владения Большой Орды, часть "Поля"
- номинальные владения Великого княжества Литовского
- номинальные владения Великого княжества Московского
- номинальные владения Великого княжества Рязанского
- города, существовавшие в конце XV века
- старые городища, места уничтоженных русских городов

верблюдов, коров, овец. Главным местом кочевий татар Большой Орды было степное Поволжье. В пределы Центрального Черноземья отдельные улусы Большой Орды выходили на кочевье эпизодически, далеко не ежегодно.

Кочевое скотоводство являлось, однако, не единственным хозяйственным занятием татар Большой Орды. Яркое описание своеобразного земледелия у татар в середине XV в. дал очевидец — итальянский путешественник Иосафат Бар-

баро. «Около февральского новолуния, — пишет Барбаро, — устраивается клич по всей орде, чтобы каждый, желающий сеять, приготовил себе все необходимое, потому что в мартовское новолуние будет происходить сев в таком-то месте, и что в такой-то день такого-то новолуния все отправятся в путь. После этого те, кто намерен сеять сам или поручить сев другим, готовятся и уговариваются между собой, нагружают телеги семенами, приводят нужных им животных и вместе с женами и детьми — или же с частью семьи — направляются к назначенному месту, обычно расположенному на расстоянии двух дней пути от того места, где в момент клича о севе стояла орда. Там они пашут, сеют и живут до тех пор, пока не выполнят всего, что хотели сделать. Затем они возвращаются в орду. Хан поступает со своей ордой так же, как мать, пославшая детей на прогулку и не спускающая с них глаз. Поэтому он объезжает эти посевы — сегодня здесь, завтра там, не удаляясь больше, чем на четыре дня пути. Так продолжается, пока хлеба не созреют. Когда же они созреют, то он не передвигается туда со всей ордой, но уходят туда лишь те, кто сеял, и те, кто хочет закупить пшеницу. Едут с телегами, волами и верблюдами и со всем необходимым, как при переезде в свои поместья. Земли там плодородны и приносят урожай пшеницы сам-пятьдесят — причем она высотой равна падуанской пшенице, а урожай проса сам-сто. Иногда получают урожай настолько обильный, что оставляют его в степи»⁴⁷.

Рассказ Иосафата Барбаро о земледелии у татар, несомненно, заслуживает доверия. Путешественник долгое время жил в южном Придонуе, в г. Тане (итальянской торговой колонии на месте современного Азова), он не раз ездил с торговыми целями к татарам, сам видел посевы, имел друзей среди знатных татар. Нет оснований сомневаться и в высоких урожаях пшеницы и проса у татар, указанных Барбаро.

Большая Орда продолжала распахивать отдельные участки степи и в последний период своего существования, в конце XV в. В 1491 г. русский посол в Крыму Василий Ромодановский в донесении Ивану III изложил рассказ некоего татарина Мусьяка, убежавшего из Большой Орды в Крым: «А сказывает, господине, так: цари [ханы Большой Орды, сыновья Ахмата. — В. З.] были у Донца, да взявши следа пришли на пашню на Орель и на Самару и на Овечью Воду, туто пашню пашут». В одном из последующих донесений

В. Ромодановский сообщает о размещении отряда вооруженных татар «меж Валуйкою и Донцем» и поясняет: это было тогда, «как Орда пошла была к просам»⁴⁸. Названные В. Ромодановским места татарского земледелия географически размещаются в пределах современных Днепропетровской и Харьковской областей. Весной 1492 г. Большая Орда, по донесению другого русского посла в Крым — Лобана Колычева, пахала пашню на Северном Кавказе, у р. Кумы⁴⁹.

Можно ли географически распространить описанное Иосафатом Барбаро земледелие татар Большой Орды на территорию современного Центрального Черноземья? Ханом Большой Орды, упомянутым Иосафатом Барбаро в рассказе о татарском земледелии, но не названным им по имени, был, надо полагать, Кичи-Мухаммед. Местом кочевья орды Кичи-Мухаммеда являлись придонские земли⁵⁰. Описанные итальянским путешественником земледельческие занятия татар в середине XV в. размещались в южной степной части Придонья, видимо, в пределах главным образом нынешних Ростовской и Волгоградской областей. Есть основания полагать, что татарские посевы могли эпизодически захватывать в то время и южные, типично степные районы современной Воронежской области. Позже, в конце XV в., земледелие татар Большой Орды, как видно из донесений русских дипломатов, уже не заходило в пределы Центрального Черноземья.

В 1501 г. район современного Центрального Черноземья в последний раз оказался местом кочевий татар Большой Орды. Летом 1501 г., после военного столкновения с крымскими татарами, Большая Орда перешла от устья р. Тихой Сосны к р. Сейму. Если иметь в виду современное административное деление, путь татар Большой Орды пролегал в 1501 г. по территории Воронежской, Белгородской и Курской областей. В 1502 г. Большая Орда была полностью разгромлена крымским ханом Менгли-Гиреем. (Речь об этом пойдет в следующей главе.)

После разгрома Большой Орды хозяйственная деятельность татар в пределах современного Центрального Черноземья фактически прекратилась. Крымские татары не стали выдвигаться в Центральное Черноземье для кочевого скотоводства, не использовали запустевшую черноземную лесостепь в каких-либо хозяйственных целях. Для крымских татар в первой половине XVI в. Центральное Черноземье стало своего рода «проходным двором». Во время грабитель-

ских набегов на южнорусскую Украину отряды крымских татар стали постоянно проходить через Поле, через территорию современного Центрального Черноземья. Иногда крымские татары перед крупным набегом останавливались на Поле, собирали здесь свои силы, кормили боевых лошадей, временно размещали свои коши (обозы). Мы, естественно, не можем считать эти действия формой хозяйственных занятий татар. Стремление к грабежу, к захвату военной добычи в пределах соседних стран стало главным занятием жизни и для феодализирующейся крымской знати, и для массы крымских татар. Русское же население, оттесненное к концу XV в. почти повсюду за пределы современного Центрального Черноземья, пока не имело сил для возобновления здесь хозяйственной деятельности.

В конкретных условиях XVI в. исторический прогресс на территории современного Центрального Черноземья был реально возможен, на наш взгляд, лишь при включении края в состав Российского государства, в ходе заселения и освоения края русским земледельческим населением. Альтернатива — сохранение татарского господства в крае, закрепление территории современного Центрального Черноземья за той или иной татарской группировкой никак не способствовала бы историческому прогрессу, надолго задержала развитие края. Была ли третья возможность: заселение края вольными переселенцами и создание здесь своего рода казацкой республики? Думается, что географическая близость Центрального Черноземья к могущественному, недавно сложившемуся, расширявшему свои пределы Российскому государству, с господствовавшим в нем, не исчерпавшим себя феодальным общественным строем, практически исключала такой путь.

Глава II

ЮЖНОРУССКАЯ УКРАИНА И ПОЛЕ В РАМКАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА

1. Изменение политической ситуации на территории современного Центрального Черноземья в 1500—1503 гг. 2. Претензии Крымского ханства, нападение крымских татар на южнорусскую Украину в 1507 г. 3. Борьба Российского государства с крымскими татарами в 1508—1520 гг. 4. Военные и политические события в 1521—1523 гг. в Восточной Европе, их влияние на историю Поля. 5. Оборона Украины и пассивное отношение русского правительства к проблемам Поля до 1541 г. 6. Нашествие хана Сагиб-Гирея, первые опыты российской сторожевой службы на Поле, татарские нападения 40-х гг. 7. Казаки и севрюки на Поле.

1. Изменение политической ситуации на территории современного Центрального Черноземья в 1500—1503 гг.

Описанная в первой главе и отраженная на схематической карте политическая ситуация 90-х гг. XV в. в пределах современного Центрального Черноземья коренным образом изменилась в течение 1500—1503 гг. За эти четыре года полностью утратили свои позиции в Центральном Черноземье две крупные политические силы: Великое княжество Литовское и Большая Орда.

В длительном соперничестве Московского и Литовского княжеств за преобладание на Руси к концу XV в. определился явный перевес Москвы, сложившегося вокруг Москвы Российского государства. По договору 1494 г. Литва отказалась «на вечные времена» от выдвигавшихся ею прежде «прав» на Новгород, Псков, Тверь и Рязань. Литовский князь Александр Казимирович признал переход под покровительство Ивана III «верховских» князей, в результате район верховьев Оки, расположенный недалеко от территории современного Центрального Черноземья, вошел в состав Русского государства.

Договор 1494 г. и последовавшая вслед за ним женитьба литовского князя на дочери Ивана III Елене лишь на короткое время урегулировали московско-литовские отношения; через несколько лет они вновь стали напряженными. Иван III

и в военном, и в дипломатическом плане лучше подготовился к новой войне, чем литовский князь Александр Казимирович. Успешно прошли тайные переговоры московских дипломатов с удельными князьями Семеном Можайским и Василием Шемячином — владельцами обширных русских княжеств на территории Литвы: Чернигово-Стародубского и Новгород-Северского. Иван III гарантировал и тому, и другому не только полную сохранность, но и расширение их владений в случае перехода на сторону Москвы. В результате оба князя весной 1500 г. объявили о переходе «на службу» Ивану III. Московские войска под руководством воеводы Якова Захарьина только и ждали сигнала; они двинулись сначала к Брянску, а затем, не встретив серьезного сопротивления литовских войск, заняли территорию обоих княжеств.

Из числа северских городов Литва пыталась удержать Путивль, где в качестве литовского наместника находился князь Богдан Глинский. Летописи называют точную дату взятия этого города русским войском — 6 августа 1500 г. («Яков со князьями город Путивль взя, августа 6, на спасов день, и князя Богдана Глинского поимал»¹). В Рыльск, который нас интересует больше, так как находится непосредственно в пределах современного Центрального Черноземья, московские войска вступили без боя, причем это произошло до взятия Путивля. Источником, сообщаящим такие подробности, является наказ русскому послу Ивану Мамонову, отправившемуся из Москвы к крымскому хану Менгли-Гирею 17 августа 1500 г. Посол должен был перечислить города, взятые у Литвы с боем (Мценск, Брянск, Дорогобуж и др.), и назвать города, которые «передались» Москве без боя. В числе последних записан и Рыльск². В посольском наказе Путивль не упомянут ни в списке взятых, ни в списке «передавшихся» городов, поскольку в момент составления наказа сведения о взятии Путивля не дошли еще до Москвы.

С присоединением Рыльска в 1500 г. началось реальное включение отдельных территорий современного Центрального Черноземья в состав Российского государства. Говоря в первой главе о присоединении Ельца к Москве в XV в., мы подчеркивали номинальный характер этого акта. Теперь дело обстоит по-другому. В состав государственной территории России в районе Рыльска входили заселенные, издавна освоенные русским населением места. Одновременно закончилось длительное (примерно 140-летнее) литовское господ-

ство в западной части современного Центрального Черноземья. Рылск остался под управлением князя Василия Шемячича³, считавшегося владельцем Новгород-Северского княжества и «служгой» Ивана III.

Василий Шемячич за измену литовскому князю Александру Казимировичу (будем называть вещи своими именами) и переход на службу к Ивану III получил от последнего весомую прибавку к своим владениям: Путивль «с волостями». До этого он владел городами Новгородом-Северским и Рылском. Более поздние документы, в частности — русско-литовский договор от 8 октября 1508 г.⁴ и донесение Василию III от посла М. Алексева, ехавшего в Турцию через Путивль в январе 1513 г.⁵, безусловно, подтверждают владение Шемячича Путивлем. Следует, однако, отметить, что пребывание Шемячича в роли «слуги» московских государей закончилось для него трагически. Василий III в конце концов «поймал» Шемячича, заточил его в 1523 г. в тюрьму и ликвидировал его своеобразное удельное княжество на юго-западе России⁶.

Поскольку мы исследуем историю современного Центрального Черноземья, полезно обратить особое внимание на историко-географическую деталь, связанную с Путивлем и Рылском. Овладев в 1500 г. этими двумя городами, а затем добившись признания такого приобретения со стороны Литвы, Российское государство получило кроме самих городов также «путивльские и рылские места», территорию с крестьянским населением, прилегающую к Путивлю и Рылску. В документах того времени еще не употребляется термин «уезд»; выражения «Путивльский уезд», «Рылский уезд» получают распространение лишь во второй половине XVI в. Не акцентируя в данном случае внимания на терминологию, отметим, что путивльские и рылские «места» примыкали на юге и востоке к Полю. Эта географическая особенность привела в дальнейшем к значительному расширению территории обоих уездов, особенно Путивльского, за счет Поля, к выдвиганию Путивльского уезда далеко на юго-восток, в пределы современного Центрального Черноземья. В частности, по документам принадлежность верховьев р. Ворсклы и Северского Донца в пределах нынешней Белгородской области к Путивлю прослеживается в течение почти всего шестнадцатого столетия: со времен Шемячича (в 1522 г. сюда выезжали путивльские казаки⁷) до основания в 1596 г. на берегу Северского Донца г. Белгорода.

Война между Русским государством и Великим княжеством Литовским продолжалась в течение 1500—1503 гг. Во время этой войны, в 1501 г., литовский князь Александр Казимирович был избран на польский престол и стал одновременно королем Польши. С 1501 г. в войне приняли активное участие два татарских государства Восточной Европы: на стороне Литвы выступила Большая Орда, на стороне России — Крымское ханство.

В 1501 г. русские войска продолжали вести активные действия против Литвы, в целом удачные, хотя и не столь успешные, как в предыдущем году. Эти военные действия не затронули территории современного Центрального Черноземья. В пределах же Центрального Черноземья в 1501 г. столкнулись враждующие татарские группировки, встретившиеся у р. Тихой Сосны.

В связи с начавшейся русско-литовской войной Иван III в 1500 г. был весьма заинтересован в закреплении военного союза с крымским ханом Менгли-Гиреем. Москву и Крым объединяла в конце XV в. и начале XVI в. борьба против общего противника — Большой Орды, в которой, однако, Русское государство и Крымское ханство преследовали различные цели⁸. Установить надежные связи Ивану III и Менгли-Гирею было тогда непросто: между Москвой и Крымом лежало обширное, принадлежавшее Большой Орде Поле. В начале 1500 г. в Крым был отправлен с дорогими подарками для хана и ханских приближенных князь Иван Кубенский. Но довести подарки до Крыма ему не удалось: на Поле И. Кубенский и его спутники подверглись нападению татар. Составленная позже в Москве «гибельная память», не называя точного места происшествия, сообщает об этом следующее: «У князя у Ивана Кубенского взяли татарове на Поле и у его людей сороков соболиных, и горностаев, и горллисьих, и шуб белинных, и зубов рыбьих, и судов серебряных, и платья его, и людского, и коней, и доспеху, и иные рухляди, всего на три тысячи рублей, да одиннадцать человек у него убили, да семь человек в полон взяли». На русского посла Ивана Мамонова, выехавшего из Москвы в Крым в августе 1500 г., напал на Поле отряд азовских татар. И. Мамонову удалось отбиться, но с немалыми потерями. У посла «взяли на Поле татарове азовские рухляди всякие его, и людей его, и коней на семьсот рублей, да людей его взяли четьре человека, да попа, и тех без вести нет»⁹.

Иван Мамонов сообщил Менгли-Гирею о русских успе-

хах в войне с Литвой, назвал, как уже отмечалось, взятые у Литвы города и пообещал полное содействие Москвы в борьбе Крымского ханства с Большой Ордой. Его донесения, которые он эпизодически посылал с гонцами в Москву, дают довольно подробное описание событий, развернувшихся на территории современного Центрального Черноземья в 1501 г.

Благодаря хорошо поставленной разведке Менгли-Гирей располагал сведениями о действиях Большой Орды. В феврале 1501 г. И. Г. Мамонов доносил: «Да сказывал нам царь [хан Менгли-Гирей. — В. З.], что люди его в Орде у его шурина, у Тювекеля, у Темирера сына, на вестях есть, и как же мне люди из Орды ко мне будут и вести нам скажут, и как будет пригож, и мы, ож даст бог, брата своего, великого князя [Ивана III. — В. З.], и свое дело хотим делать»¹⁰. Весной 1501 г., по донесению Мамонова, «весть пришла ко царю, из Орды человек приехал, а сказывал царю, что Орда заволская, Ши-Ахмет царь, а князь с ним Тивекель, Темирер сын, кочуют к Дону, а думают ити к Крыму»¹¹.

Менгли-Гирей выступил из Крыма «против Орды» к Дону в апреле 1501 г. Он просил у Ивана III прислать к нему для совместных действий против Большой Орды 10 тысяч русских воинов: «К нам на пособь десять тысяч человек, посадив на конь, к нам пришли»¹². Менгли-Гирей требовал у Ивана III и артиллерии: «В судех пушки и пищали к нам пришлешь».

И. Мамонов, сопровождавший хана в походе, определил численность крымского войска в 25 тысяч человек. Анализ сохранившихся документов, в частности переписки Ивана III с рязанской княгиней Аграфеной, показывает, что русское правительство планировало весной 1501 г. посылку отряда русских воинов вниз по Дону на помощь Менгли-Гирею, имея в виду включить в него боевые силы фактически зависимого от Москвы Рязанского княжества, но затем отказалось от этого плана. Иван III решил сосредоточить наличные русские силы на литовском театре военных действий. К тому же очередное русское посольство князя Федора Ромодановского, посланное с богатыми подарками («поминками») к Менгли-Гирею, вновь было перехвачено и разгромлено Большой Ордой. Ф. Ромодановского ордынские татары «поимали» у р. Орели. Иван III писал Менгли-Гирею в мае 1501 г. (это письмо было доставлено московским гонцом): «И ныне есмь хотели послати к тебе доброго человека с добрыми поминки, ино доброму человеку к тебе проехати нелзе Подем: на Поле

многие люди». Одновременно русское правительство направило с тем же гонцом новые инструкции послу И. Г. Мамонову. Посол должен был попытаться повернуть крымских татар непосредственно против Литвы: «А шол бы царь [Менгли-Гирей. — В. З.] или его дети к Киеву, или к Слуцку, или к Турову, и к Пинску, и к Меньску; а по сей бы стороне Днепра воевати не ходили к Путивлю, к Чернигову, к Рыльску, к Новому городку к Северскому, к Стародубу, к Гомию, к Любичю, к Трубетску, ко Дбрянску: милосердием божием те города и земля ныне наша»¹³.

Менгли-Гирей, имея в виду собственные цели, не последовал совету русского посла; его войско двигалось на северо-восток, к Дону. Встреча двух враждебных татарских группировок произошла в пределах современной Воронежской области, при впадении р. Тихой Сосны в Дон.

Как свидетельствует И. Мамонов, хан Большой Орды Ших-Ахмет переправился через Дон «на усть Чира» и двинулся вверх по Дону, по правому берегу. С ним было рати «тысяч с двадцать», часть татарских улусов покинула его у донской переправы и отвернула назад, к Волге. По словам Мамонова, Ших-Ахмет подошел к устью Тихой Сосны, «под Девичьи горы»¹⁴. И. Мамонов, не знакомый с топонимикой Центрального Черноземья, назвал «Девичьими горами» знаменитые Дивы, современное Дивногорье. Заметим, что ордынскому войску пришлось перед этим преодолеть два довольно крупных правых притока Дона в пределах современной Воронежской области: р. Богучар и Черную Калитву.

Подойдя к Тихой Сосне, войско Ших-Ахмета избрало нетрадиционную для татар военную тактику: татары Ших-Ахмета построили у Дона «крепость». Полагаем, что речь идет о деревянных укреплениях. Кстати, совет о строительстве «крепости» могли дать Ших-Ахмету польский и литовский послы, находившиеся в его войске. Позже, после окончания столкновения татарских группировок у Тихой Сосны, Мамонов писал Ивану III, что «Ши-Ахмет царь сидел все в остроге». Употребление слова «острог» русским человеком дает основание утверждать, что построенная татарами «крепость» была именно деревянной.

К устью Тихой Сосны подошел и Менгли-Гирей с крымским войском, он тоже распорядился построить «крепость». 15 июля 1501 г. он писал Ивану III с гонцом Акдербышем: «Дошод на усть Сосны, крепость учинив, стоим.. Рать свою пришлешь ли, не пришлешь ли, нам ведомо учини»¹⁵. Менг-

ли-Гирей говорил Мамонову, «чтобы ко мне брат мой, князь великий [Иван III. — В. З.], своих людей послал часа того на пособь с пищальми, Полем и Доном».

Сражения у Тихой Сосны так и не произошло. Внешне дело ограничилось мелкими стычками. Не дождавшись помощи от Ивана III, Менгли-Гирей в конце июля 1501 г. начал отвод своих войск и вскоре возвратился в Крым.

Менгли-Гирей назвал июльские события 1501 г. у Тихой Сосны «стоянием», во всяком случае так перевели соответствующее татарское слово из его письма Ивану III московские переводчики: («против недруга стояние наше») ¹⁶. Естественно, напрашивается параллель между широко известным «стоянием на Угре» в 1480 г. и известным пока только узким специалистам «стоянием у Тихой Сосны» в 1501 г. «Стояние на Угре» было большой политической победой Ивана III, складывавшегося вокруг Москвы Русского государства. Думается, что и «стояние у Тихой Сосны» можно также оценить как политический успех молодого Российского государства. События лета 1501 г. предвещали полный крах Большой Орды. Хорошо виден и конкретный, положительный для России результат задержки Большой Орды крымскими татарами при устье Тихой Сосны. России, занятой борьбой с Великим княжеством Литовским за возвращение западнорусских земель, не пришлось в 1501 г. вести войну на два фронта.

«Стояние у Тихой Сосны», на наш взгляд, следует считать успешной военно-политической операцией и для Крымского ханства. В 1501 г. впервые на Поле, в пределы современного Центрального Черноземья, вышла столь крупная военная группировка крымских татар. Хан Менгли-Гирей в 1501 г. решил выждать время для окончательного разгрома Большой Орды. Он пока, если можно так сказать, «примеивался к Полю». Вскоре, как мы увидим, он выскажет свои претензии на всю территорию Поля.

После отхода крымских татар от Тихой Сосны Большая Орда хана Ших-Ахмета, хотевшего, по словам И. Мамонова, «содиначитися» (соединиться) с литовским князем Александром Казимировичем, вновь двинулась на запад по территории современного Центрального Черноземья. Орда быстро теряла свою боеспособность; не надо забывать, что ордынские войны двигались с семьями, со стадами скота. Иван III, отвечая крымскому хану Менгли-Гирею, писал 30 августа 1501 г., что «наш недруг Шиг-Ахмет царь пришел к наших князей отчине, к Рыльску» ¹⁷. Нанести серьезный урон толь-

ко что присоединенным к России рыльским местам, а тем более соединиться с литовскими войсками Орде не удалось. На зиму Ших-Ахмет отвел ордынцев от Рыльска, он остался у р. Сейма, в пределах нынешней Курской области.

В конце 1501 г., оказавшись в трудном положении, Ших-Ахмет попытался наладить мирные отношения с Российским государством. Иоасафовская летопись сообщает, что в декабре 1501 г. «прииде посол к великому князю [Ивану III. — В. З.] от Болшиа Орды от царя Шиахмата, от Ахмута сына, Болшиа Орды, именем князь Хазсьегя, о дружбе и о любви»¹⁸. Миссия посла Большой Орды в Москве не увенчалась успехом. Внешне все вроде бы обстояло благополучно для посла Большой Орды. В марте 1502 г. он был «отпущен» из Москвы; вместе с ним Иван III направил к Ших-Ахмету русского посла Давыда Лихарева «о любви же». Но одновременно другой русский посол Алексей Заболотский отправился в Крым с конкретным заданием: поднять хана Менгли-Гирея в поход против Большой Орды. В обстановке продолжавшейся русско-литовской войны Крымское ханство продолжало оставаться главным союзником России. Разгром Большой Орды силами крымских татар был весьма выгоден Ивану III.

Последняя зима в истории Большой Орды, проведенная основной массой ордынских татар на опустошенных русских землях Центрального Черноземья, была для татар, как можно полагать, нелегкой. Ранней весной 1502 г. татары Большой Орды откочевали на юго-запад, к р. Суле, в пределы современных Сумской и Полтавской областей. Посол А. Заболотский, прибывший в Крым на смену И. Мамонову весной 1502 г., доносил Ивану III, что Большая Орда «охудела добре, а кочуют порознь»¹⁹.

А. Заболотский полностью выполнил задание Ивана III и поднял крымского хана Менгли-Гирея в поход против Большой Орды. «Приехал есми, государь, — докладывал он с гонцом Ивану III, — ко царю к Менгли-Гирею в Кыркор²⁰ на четвертой неделе по велице дни, в четверг, да и у царя есми, государь, был тое ж ночи, да и речи есми, государь, твои Менгли-Гирею царю говорил. И царь [Менгли-Гирей. — В. З.], государь, по тем речем и пошел на Орду на твое дело, да и на свое»²¹.

Менгли-Гирей повел крымских татар на разгром Большой Орды в мае 1502 г., конечно, не только благодаря «речам» российского посла, сказанным от имени Ивана III. По

сравнению с 1501 г. Крымское ханство подготовилось к удару по Большой Орде значительно лучше. Это видно хотя бы из того, что в 1502 г. Менгли-Гирей взял с собой в поход имеющуюся у него артиллерию. «А пушки, государь, и пищали с ним идут же», — писал Ивану III посол А. Заболотский. Менгли-Гирей воспользовался благоприятной ситуацией, чтобы одним ударом покончить с давним соперником Крымского ханства в восточноевропейской степи — Большой Ордой. Заметим, что в связи с русско-литовской войной Литва не смогла оказать в 1502 г. никакой поддержки Большой Орде.

Настоящего военного столкновения между Крымским ханством и Большой Ордой не произошло. Хан Ших-Ахмет бежал²². В начале июня 1502 г. Менгли-Гирей «Орду взял», это произошло между р. Самарой и р. Сулой, на днепровском левобережье, в пределах современной Украины. Сдавшиеся крымским татарам улусы Большой Орды были отведены к Перекопу и включены в состав Крымского ханства.

Осенью 1502 г. крымские татары совершили опустошительное вторжение в южную часть Великого княжества Литовского, на территорию современной правобережной Украины, увели оттуда многочисленный полон. Хотя литовским войскам и удалось в 1502 г. удержать Смоленск, осажденный московскими войсками, положение Литвы в русско-литовской войне стало критическим.

Литовское правительство вынуждено было признать свое поражение и начать переговоры с Иваном III о мире. В марте 1503 г. на переговорах с литовскими послами в Москве русские бояре, выступая от имени Ивана III («государь наш велел вам говорить»), сформулировали понятие об «отчине великого государя всея Руси». Литовским послам было сказано «Ано и не то одно наша отчина, кои города и волости ныне за нами: и вся Русская земля, божьею волею, из старины от наших прародителей наша отчина»²³. Понятие «отчины» российского государя распространялось, таким образом, не только на отвоеванные у Великого княжества Литовского русские города (Чернигов, Брянск, Путивль, Рыльск), но и на русские города, оставшиеся пока у Литвы (Киев, Смоленск и др.).

Тезис об «отчине» российского государя можно было распространить и на запустевшие земли Поля, входившие прежде в пределы «Русской земли». Пока в этом у московских дипломатов и русского правительства не было необхо-

димости, поскольку Большой Орды уже не существовало, а Крымское ханство являлось союзником Москвы.

В марте 1503 г. с Литвой было заключено перемирие на шесть лет. «Перемирные грамоты» 2 апреля были утверждены Иваном III, 27 августа их утвердил польский король и великий князь литовский Александр. Все прежние литовские земли, занятые русскими войсками в ходе войны 1500—1503 гг., включая и западную часть современного Центрального Черноземья, остались за Россией.

Следует упомянуть еще об одном событии, происшедшем около 1503 г. и в определенной мере повлиявшем на распределение политических сил в пределах территории современного Центрального Черноземья. Примерно в 1503 г. (точная дата не установлена) умер один из рязанских князей — Федор Васильевич, приходившийся Ивану III племянником, а малолетнему великому князю Рязанскому Ивану Ивановичу — дядей. Принадлежавшие ему в Рязанском княжестве земли он передал по завещанию Ивану III. Напомним, что среди этих земель было Рясское поле, относившееся к волостям Старой Рязани, а также бортные угодья и рыбные ловли на Дону и Воронеже, в пределах современных Липецкой и Тамбовской областей. Князю Федору по договору 1496 г. со своим старшим братом, великим князем Иваном, умершим в 1500 г., принадлежала и часть столичного города Переяславля-Рязанского (Рязани). В 1504 г. уже тяжело больной Иван III перечислил все свои новые рязанские приобретения в собственной «духовной грамоте». Он их завещал, как и подавляющее большинство земель Российского государства, старшему сыну Василию: «А что ми дал сестринич мой [племянник, сын сестры. — В. З.], князь Федор Васильевич Рязанской, свою отчину на Рязани в городе и на посаде свои жеребьи, и Старую Рязань, и Перевитебск с волостями, и с путью, и з селы, и з бортью, и с тамгою, и со всеми пощинами, по тому, как ся делил с своим братом, со князем с — Иваном, и яз ту его вотчину... со всем по тому, как было за князем за Федором, даю сыну своему Василью»²⁴.

Подводя итог оценке внешнеполитических событий 1500—1503 гг. применительно к изучаемой нами проблеме, отметим, что ликвидация Большой Орды и победа в русско-литовской войне были крупными успехами молодого Российского государства. С уничтожением Большой Орды Российское государство освободилось от опасного врага, являвшегося наследником Золотой Орды. Началось реальное вклю-

чение отдельных территорий Центрального Черноземья в состав России. Вместо трех прежних соперников в борьбе за обладание Полем у Русского государства остался фактически один — Крымское ханство.

2. Претензии Крымского ханства, нападение крымских татар на южнорусскую Украину в 1507 г.

Уничтожение Большой Орды в 1502 г. и значительное расширение территории Российского государства в юго-западном направлении в результате войны 1500—1503 гг. изменили расстановку политических сил в Восточной Европе в целом и особенно вокруг Поля. Великое княжество Литовское было оттеснено на запад. На Поле создался своеобразный политический вакуум. Резко усилились позиции союзников-победителей: Российского государства и Крымского ханства.

Российское государство, не завершившее борьбу с Литвой за возвращение Смоленска и других западнорусских земель, пока еще было заинтересовано в сохранении союза с Крымом. Но у Крымского ханства после разгрома Большой Орды такой заинтересованности не было. Крымским татарам союз с русскими был уже не нужен. В 1504—1506 гг. наметилось, а с 1507 г. определилось принципиальное изменение политического курса Крымского ханства. С этого времени на долгие годы Крым стал врагом России; иногда скрытым, иногда явным, но в целом врагом постоянным и серьезным.

В 1504—1506 гг. Менгли-Гирей организовал большие строительные работы, направленные на усиление военного могущества и укрепление рубежей Крымского ханства. На левом берегу Днепра, на Таванском перевозе, была построена каменная крепость Ислам-Кермень. Другая каменная крепость была возведена в географическом центре ханства — у Перекопа. Она защищала собственно Крымский полуостров (резиденцию хана и наиболее развитую часть государства) в том случае, если бы враг проник в принадлежавшие Крымскому ханству степи Северного Приазовья. На западных рубежах Крымского ханства, у Черного моря, примерно в эти же годы была построена крепость Ак-Чакум (Очаков)²⁵. Столицей ханства считался Кыркор, именно туда направлялись в начале XVI в. официальные русские посольства. Поблизости от Кырора находилась летняя ставка Менгли-Гирея под

названием Довлет-Сарай, или Бахчисарай («счастливый дворец, дворец в саду»). Летняя резиденция крымских ханов позже стала новой столицей государства. В степной части Крымского полуострова в начале XVI в., как показал В. Е. Сыроечковский, получили развитие земледельческие занятия населения²⁶. Для данного периода, видимо, можно говорить об определенном, хотя и непродолжительном, подъеме земледельческой культуры в Крымском ханстве.

В период успехов Менгли-Гирея в начале XVI в., а затем и при следующем хане Мухаммед-Гирее практически не ощущалась зависимость Крымского ханства от Турции. Такая зависимость выявилась позже, в 20-е гг. XVI в., до этого ее не видно. Во всяком случае руководители русского правительства считали в это время Менгли-Гирея полностью самостоятельным, независимым от турецкого султана, государем. Чтобы убедиться в этом, достаточно проанализировать документы, подготовленные в Москве в марте 1515 г. при отправлении русского посла Василия Коробова в Турцию. В них Менгли-Гирей рассматривается наряду с польским и венгерским королями как независимый государь, а турецкие владения и турецкое влияние в Северном Причерноморье ограничиваются Белгородской ордой в низовьях Днестра и Азовом²⁷.

Менгли-Гирей хотел распоряжаться даже в турецком Азове. В 1503 г. им была сделана попытка распространить влияние Крымского ханства на берега Дона со стороны Азова, формально — для обеспечения безопасного проезда дипломатов и купцов из Азова в Москву. Менгли-Гирей писал тогда Ивану III: «А сего лета сын мой Бурнаш в Азове стоит, лихих казаков ищет; а как пойдет, и двесте человек в Азове оставит; а после того послы ли будут, гости ли будут, и приведут и провожают добрых здоровых, хотя Подем, хотя Доном в судех, так ведай»²⁸. Последовавшее вскоре ухудшение отношений между Российским государством и Крымским ханством сократило дипломатические и особенно торговые контакты между ними, сняло с повестки дня вопрос об охране послов и купцов находящимися на службе у Крыма «лихими казаками».

Отход Крыма от традиционного союза с Москвой после ликвидации Большой Орды был лишь одним из факторов внешнеполитической истории Восточной Европы того времени. Наряду с общим укреплением военного и политического могущества Крымского ханства в 1504—1506 гг. устанав-

ливаются более тесные контакты Крыма с Казанью, постепенно налаживаются связи с Литвой. Казанский хан Мухаммед-Эмин летом 1505 г. разорвал союз с Российским государством, перестал считать себя вассалом Ивана III, перебил находившихся в Казани русских купцов. По словам Постниковского летописца, «июня в 24 день царь казанский безбожный зловредный Магмет-Аминь, преступив шертные грамоты и клятву, в Казани посла великого князя Михаила Кляпика поймал да Ивана Брюха Верещягина сына Блеклово, а гостей и торговых людей переграбил и избил, много крови крестьянская пролиал, бесчисленно было много людей изо всех городов Московского государства. А такова крестьянская кровь не бывала, как и Казань стала»²⁹. После смерти Ивана III (великий князь, «государь всея Руси», скончался 27 октября 1505 г.) и вступления на московский престол Василия III Мухаммед-Эмин заявил об официальном разрыве отношений с Москвой, найдя для этого чисто формальный повод³⁰. Посланное Василием III под Казань русское войско потерпело летом 1506 г. у Казани тяжелое поражение, казанский поход 1506 г. закончился для Российского государства неудачей³¹.

В отличие от открытого разрыва казанского хана Мухаммед-Эмина с Москвой, разрыв Менгли-Гирея с Василием III был осуществлен крымской стороной скрытно. В первое время после вступления Василия III на российский престол между Москвой и Крымом поддерживались внешне нормальные дипломатические контакты; в 1506 г. Российское государство и Крымское ханство обменялись посольствами.

Но одновременно Менгли-Гирей заключил союз с Литвой, где во второй половине 1506 г. произошла смена монарха. 20 августа 1506 г. умер великий князь литовский Александр Казимирович, являвшийся одновременно польским королем. Его преемником на обоих тронах стал его младший брат Сигизмунд (Сигизмунд I, 1506—1548 гг.). На коронации Сигизмунда в качестве великого князя литовского в Вильно в январе 1507 г. присутствовали крымский и казанский послы. В феврале 1507 г. литовский сейм, рассчитывая на помощь Крыма и Казани, принял решение о начале новой войны с Москвой, установил в связи с этим дополнительные налоги³².

Оживленные дипломатические сношения между Литвой и Крымом, проходившие в первой половине 1507 г., привели к появлению любопытного документа, на котором есть смысл

остановиться более подробно. Мы имеем в виду ярлык крымского хана Менгли-Гирея на русские земли, выданный Сигизмунду I.

В 1507 г. крымский хан Менгли-Гирей считал себя достаточно сильным, чтобы по типу золотоордынских ханов выдать ярлык Сигизмунду I на управление многими русскими городами. Этим документом Крымское ханство фактически объявило себя преемником Золотой Орды, осуществляющим верховную власть над обширными русскими землями. Требуя от Сигизмунда I выплаты дани и «службы», Менгли-Гирей, как ни в чем не бывало, «давал» ему в первую очередь древнерусские города, находящиеся в составе Великого княжества Литовского, в частности Киев, Владимир-Волынский, Луцк, Каменец, Смоленск «с землями и с водами», а также берега Днепра «до устья»³³. Кроме городов, которыми и так владел в 1507 г. в качестве великого князя литовского Сигизмунд I, крымский хан «давал» ему десятки городов, находящихся в пределах Российского государства «с землями и водами», т. е. с окружающими их селами и деревнями. В числе таких городов были Чернигов, Путивль, Рыльск, Стародуб, Брянск, Мценск, Козельск, Тула, Пронск; в прежние времена Литва либо владела ими, либо претендовала на них. Но и подобного перечня Менгли-Гирею показалось мало. В дополнение крымский хан дал великому князю литовскому еще «Псков, и Великий Новгород, и Резань, и Переяславль»!³⁴.

Притязания Менгли-Гирея на огромные территории в пределах Российского государства и на прежнее могущество Золотой Орды не подкреплялись реальным соотношением сил; С. М. Соловьев справедливо назвал их «смешными»³⁵. Они действительно смешны, если рассматривать Россию в целом: мы не можем, конечно, представить Новгород или Псков в качестве владений крымского хана.

Но если обратиться к территории Поля, то здесь политические претензии Крымского ханства, выдвинутые в 1507 г., являлись вполне реальными. И, что самое главное, — они сразу же были подкреплены конкретными военными мероприятиями Крыма. В конце июля 1507 г. российская Украина впервые подверглась нападению крымских татар, при этом татары прошли через Поле, через современное Центральное Черноземье.

Как уже отмечалось в первой главе, в ярлыке Менгли-Гирея названы отдельные города в пределах современного Центрального Черноземья, к началу XVI в. полностью запу-

стевшие, оказавшиеся на Поле, в частности Курск («Курская тьма»), Оскол, Хотмышь. Ряд географических названий в ярлыке требует расшифровки, научное историко-географическое исследование их еще не проводилось. В целом же анализ ярлыка как политического документа не оставляет сомнений: Менгли-Гирей рассматривал Поле и прилегающие к нему территории как свои владения, которыми он мог распоряжаться.

Представляется целесообразным установить точную дату ярлыка Менгли-Гирея, чтобы сопоставить его по времени с первым крупным нападением крымских татар на российскую Украину. В русском тексте ярлыка, опубликованном в «Актах, относящихся к истории Западной России», указана приблизительная и неточная дата — 1506 г.³⁶ А. А. Зимин считал, что ярлык следует датировать началом 1507 г. В сноске, подтверждая рассказ о событиях начала 1507 г., он писал: «Именно к этому времени относится ярлык хана Менгли-Гирея, ошибочно датированный 1506 г.»³⁷ И. Б. Греков, рассматривая историю международных отношений в Восточной Европе, указывал в качестве даты ярлыка только год (1507), без месяца и дня³⁸. По мусульманскому календарю ярлык был дан в 913 г. «месяца сафара, 21 дня, в пятницу»³⁹. Используя синхронистические таблицы хиджры и европейского летосчисления, составленные академиком И. А. Орбелли, сделав на их основе арифметический расчет, нетрудно определить точную дату ярлыка Менгли-Гирея: 2 июля 1507 г.⁴⁰ Становится ясным, что выдача Менгли-Гиреем ярлыка на русские земли совпала по времени с выступлением татарского отряда в набег на российскую Украину.

Татары появились у российских рубежей в конце июля 1507 г. Их появление оказалось неожиданным для русского правительства; татары были замечены в северо-западной части Поля, в непосредственной близости от крайних русских сел в районах Белёва, Одова и Козельска. Никоновская летопись сообщает: «Того же лета прииде весть к великому князю Василию Ивановичю всеа Руси, что идут многие люди татарове на Поле, а чают их прихода на Украину, на Белеву, и на Белевские места, и на Одовские, и на Козельские»⁴¹. Посланные из Москвы с ратными людьми русские воеводы Иван Холмский и Константин Ушатый не успели отразить татар. Придя в г. Воротыньск, они узнали, что татары, «имав на Украине много полону, и прочь пошли». Зато последующая погоня за татарами, организованная воевода-

ми, оказалась весьма успешной. Русские воины немедленно «поидоша» за татарами на Поле. Они нагнали татар в верховьях Оки, отбили у них весь полон и преследовали татар до 9 августа, «до речки до Рыбницы». Речка Рыбница — правый приток Оки, она впадает в Оку южнее современного г. Орла. Заметим, что район Орла являлся в 1507 г. частью Поля. У взятых в плен татар русские воеводы выяснили, что в набеге участвовали именно крымские татары, возглавлял набег «Зяньсеит-мурза, Янкуватов сын».

Российские официальные источники и здесь, и при описании последующих татарских нападений на русские земли не сообщают подробностей о возрастном составе пленных, уводимых татарами в неволю. Более определенные и конкретные сведения по этому вопросу дает английский путешественник Д. Флетчер, посетивший Россию во второй половине XVI в. По его словам, татар привлекали, в первую очередь, юные полоняники. «Главную добычу, которой татары домогаются во всех войнах своих, — пишет Флетчер, — составляет большое число пленных, особенно мальчиков и девочек, коих они продают туркам и другим соседям»⁴².

О каких-либо других нападениях крымских татар на русскую Украину в 1507 г. летописи не сообщают, их действительно не было. Однако анализ «нелетописных» документов дает основание утверждать, что в 1507 г., до набег мурзы Зяньсеита, крымскими татарами был подготовлен и едва не осуществлен значительно более крупный набег на южнорусские земли. О таком начавшемся, но незавершенном набеге упоминается в переписке Сигизмунда I с Менгли-Гиреем, относящейся к 1508 г. Много позже, в 1517 г., о нем вспоминали русские дипломаты в ходе переговоров с литовскими послами.

Что же произошло весной 1507 г. на Поле, в первые недели и месяцы после начала новой русско-литовской войны? Почему крымские татары не совершили тогда нападения на русские земли? На основании имеющихся документов события того времени рисуются нам в следующем виде.

В соответствии с договором между Менгли-Гиреем и Сигизмундом I (этот договор был подкреплён огромными «поминками», посланными из Литвы крымскому хану, его родственникам и приближенным) крупные силы крымских татар выступили весной 1507 г. в поход против Русского государства. В походе участвовало несколько сыновей Менгли-Гирея, во главе войска стоял Мухаммед-Гирей — старший

сын крымского хана. Основной удар предполагалось нанести по «рязанской украйне». Проводником у татар являлся литовский дворянин, знаток местности Якуб Ивашенцев⁴³. Были, видимо, и другие литовские проводники. В пути (по-видимому, на территории современной Воронежской области) Мухаммед-Гирей получил неожиданное известие, что враждебные Крыму ногайские татары готовятся встретить и нанести удар по крымскому войску, когда оно будет возвращаться с добычей из Руси. Мухаммед-Гирей решил поэтому резко изменить план действий, он повернул крымское войско на восток против Ногайской орды. По русским документам, Мухаммед-Гирей «пошел был на государя нашего украйну на Рязанскую со многими людьми да поворотил на Нагаи»⁴⁴. Менгли-Гирей писал королю Сигизмунду, что крымские царевицы вынуждены были повернуть против ногаев и «казнить» их⁴⁵. Крымский хан тут же обещал Сигизмунду послать против Русского государства новое войско зимой 1508 г., хотел сам летом 1508 г. «сесть на конь», но своего слова не сдержал⁴⁶.

Война с Российским государством в 1507—1508 гг. не принесла успеха Сигизмунду I. Крымские и казанские «союзники» оказались ненадежными и не поддержали его. Против Сигизмунда выступил один из крупных литовских магнатов — князь Михаил Глинский, перешедший с собственным войском на сторону Василия III. По договору, заключенному осенью 1508 г., Сигизмунд официально признал «отчиной» Василия III все территории, приобретенные Русским государством в ходе предыдущей войны 1500—1503 гг. Московский государь, в свою очередь, пока признал «отчиной» Сигизмунда I Смоленск; Василий III обещал «не вступаться» в него. Русско-литовские отношения не были полностью урегулированы. Проблема Смоленска осталась нерешенной и неизбежно должна была привести к новому военному столкновению России с Польшей и Литвой.

Что касается крымского хана, то русско-литовские противоречия его явно устраивали: можно было в зависимости от ситуации совершать грабительские нападения и на русские, и на литовские земли, получать «поминки» от обоих соперников.

3. Борьба Российского государства с крымскими татарами в 1508—1520 гг.

Итак, начиная с 1507 г. русские земли стали подвергаться нападениям крымских татар. В XVI в. среди таких нападений было несколько очень крупных, их в полном смысле слова можно назвать нашествиями. Под руководством крымского хана выступал тогда, по выражению русских документов, «весь Крым», все или почти все способные к военному походу мужчины. В нашествиях на Россию иногда, кроме крымских татар, участвовали другие татарские орды, турецкие отряды. Походы-нашествия XVI в. (первое из них произошло в 1521 г., последующие — в 1541, 1552, 1555, 1571, 1572, 1591 гг.) всегда преследовали помимо грабежа крупные политические цели. Но в своем большинстве нападения крымских татар на южнорусскую Украину в XVI в., а затем и в XVII в. были обыкновенными грабительскими набегами. Главной целью их был захват полона, последующая продажа пленных русских мужчин и женщин, юношей и девушек на невольничьих рынках и, как следствие, обогащение участников набега.

Уже в 1507 г., во время первого своего нападения, крымские татары узнали силу Русского государства. Итоги этого набега для татар не шли ни в какое сравнение с результатами их набегов на земли Великого княжества Литовского. Как уже отмечалось выше, весь полон, взятый татарами под Белёвом, Одоевом и Козельском в 1507 г., был отбит русскими ратными людьми на Поле.

Опыт первого набега показал, что «доставка» русского полона в Крым сопряжена для крымских татар с немалыми трудностями. Увести полон у Великого княжества Литовского, с территории современной Украины, было крымским татарам значительно ближе, проще, чем из России.

В ходе отражения первого набега выяснилось также, что русские воеводы вполне могут на Поле догонять татар, медленно двигавшихся с захваченным полонем от южнорусской Украины. Огромные пространства незаселенного Поля, с одной стороны, облегчали крымским татарам совершать неожиданные нападения на крайние русские селения, но, с другой — ставили перед татарами сложные задачи в удержании захваченного полона, в доставке его в Крым.

Рассмотрим теперь конкретную историю нападений крымских татар на русскую Украину до нашествия 1521 г. Обра-

тим при этом внимание на ситуацию в пределах Поля, а также на складывающуюся оборонительную тактику русского правительства в борьбе с татарами.

В 1508—1511 гг. крымские татары не производили нападений на российскую Украину. Крымский хан Менгли-Гирей поддерживал в эти годы внешне нормальные отношения с Василием III. Используя различные способы политического и дипломатического давления, он пытался подчинить своему влиянию Казань, Астрахань, ногайские орды. Для возобновления набегов крымские татары выжидали начала очередного русско-литовского столкновения, отвлечения русских военных сил на запад. Мирные отношения Крымского ханства с Россией в 1510—1511 гг. были связаны также с поездкой в Москву и Казань одной из жен Менгли-Гирея, «царицы» Нур-Султаны⁴⁷.

В. В. Каргалов, ссылаясь на Устюжский летописный свод, пишет, что в 1511 г. крымские татары будто бы прорывались «почти до самой Оки» и воевали на р. Упе⁴⁸. Другими источниками набег крымских татар в 1511 г. на российскую Украину не подтверждается. Хронология Устюжского летописного свода при изложении российской истории начала XVI в. весьма сбивчива, а то и просто ошибочна. Так, на год сдвинута в нем женитьба Василия III на Соломонии Сабуровой, на год передвинут приезд в Москву Нур-Султаны — «царицы крымской»⁴⁹. Для воссоздания хронологии и последовательности событий начала XVI в., географически не связанных с русским севером, Устюжский летописный свод не может считаться достоверным историческим источником. На самом деле крымские татары «воевали на Упе» не в 1511 г., а весной следующего, 1512 г.

Возобновление татарских набегов на русские земли произошло в 1512 г. Сигизмунду I в преддверии назревавшей очередной русско-литовской войны снова удалось заключить союз с Крымским ханством. Престарелый Менгли-Гирей постепенно утрачивал полноту власти в Крыму. Его многочисленные сыновья и татарские мурзы были не прочь обогатиться за счет грабежа северных соседей, острие их ударов повернулось в 1512 г. в сторону России. Некоторые дипломатические документы последующих лет (в частности, документы 1515 г.) сообщают, что татарские набег в 1512 г. на российскую Украину вроде бы состоялись без ведома Менгли-Гирея⁵⁰. Думается, что дело обстояло не так. Менгли-Гирей

сам не участвовал в набегах, но ни в коей мере не мешал их организации.

Первое известие о готовящемся набеге крымских татар поступило в Москву 8 мая от Василия Шемячича. Служилый князь доносил, что сыновья Менгли-Гирея выступили в поход и что он, Шемячич, ждет нападения татар на свою «отчину» и на «отчину» князя Василия Стародубского. Василий III распорядился немедленно собрать войско дворянской конницы под начальством воеводы М. Д. Щенятева и выступить к р. Брыни (северо-восточнее Брянска). Там Щенятев и другие московские воеводы должны были соединиться «з двема князи Васильи», т. е. с Василием Шемячичем и Василием Стародубским.

Татары опередили русских воевод. Они «пришли вборзе» тем же путем, как и в 1507 г., и 15 мая уже громили русские села и деревни у Оки под Белёвом и Одоевом. По донесению воевод, «иные татаровя, отделяся, пошли вниз [по Оке. — В. З.] на олексенские места и на Коломну, и на Волкону»⁵¹. По свидетельству Никоновской летописи, эта татарская группировка до Коломны не дошла, но подвергла грабежу расположенные севернее Белёва местности около городов Алексина и Воротынска⁵².

Основное русское войско, собранное для действий против татар под начальством М. Д. Щенятева, «не быв на Брыни», перешло по распоряжению из Москвы к р. Угре. Другие отряды дворянской конницы получили приказ выйти к Оке, при этом у Тарусы должен был стать с войсками брат Василия III Андрей Иванович, а у Серпухова — еще один брат Василия III Юрий Иванович⁵³. Узнав о приближении русских войск, татары поспешили уйти с полоном на Поле. Русские воеводы их не преследовали, поскольку не получили из Москвы соответствующего указания. Летописи сообщают, что татарским набегом руководили сыновья Менгли-Гирея Ахмат-Гирей и Бурнаш-Гирей⁵⁴.

После отхода татар, у р. Угры была оставлена часть дворянской конницы и вооруженные огнестрельным оружием «пищальники». В случае нового татарского набега воеводам, «посмотря по делу», было предоставлено право идти «за Угру». Кроме того, войска были посланы на р. Упу — к Туле, а также к р. Осетру в район Зарайска.

Действия московского правительства и войск Василия III против татар в мае 1512 г. носили, в отличие от 1507 г., оборонительный характер. Русские войска выстроились лишь в

той части украины, которая находилась вблизи от Москвы: к юго-западу (р. Угра), югу (район Тулы) и юго-востоку (р. Осетр) от столицы. Другие места русской украины, в частности села и деревни, расположенные у Оки, выше устья р. Угры, вокруг городов Алексина, Воротынска, Одоева, Белёва, были оставлены дворянской конницей без защиты. В мае 1512 г. не была организована погоня за уходившими на Поле татарами, даже не сделана попытка отбить захваченный татарами полон.

Мероприятия русского правительства весной 1512 г. создавали прецедент для последующих, чисто оборонительных действий Российского государства в борьбе против крымских татар. Василий III пока отказывался от борьбы с Крымским ханством за обладание Полем, за возвращение России запустевших земель около уничтоженных татарами южнорусских городов — Курска, Ельца. В какой-то мере Василия III можно понять. Главной внешнеполитической задачей России, по его мнению, в это время являлась борьба с Великим княжеством Литовским за Смоленск, воссоединение с Москвой западнорусских земель. Сложные отношения складывались у России с Казанским ханством. Борьба за Поле отодвигалась на второй план, на будущие годы.

После майского набега 1512 г. не все участвовавшие в нем крымские татары сразу ушли с русским полоном в Крым. Некоторые из них во главе с царевичем Ахмат-Гиреем остались на Поле, совершив оттуда ряд новых нападений на русские села и деревни.

По свидетельству польских документов, проанализированных А. А. Зиминим, в июне 1512 г. нападению подверглась юго-западная часть русской украины, окрестности Брянска, Путивля, Стародуба⁵⁵. Такая география татарских нападений подтверждается и русскими документами, составленными в Москве в качестве ответа турецкому послу Камал-Бею в феврале 1515 г. В них от имени Василия III сообщается, что сначала, весной 1512 г. («нынешняя весна три годы будут»), дети Менгли-Гирея «приходили на наши украины». Затем, «опосле того», царевич Ахмат-Гирей «приходил на наши украинные места на наших слуг, дву князей Васильев, городы». Ахмат-Гирею был дан решительный отпор, русские служилые люди «его побили, а сам царевич в малых людех утек»⁵⁶.

При отражении набега Ахмат-Гирея русские воины захватили в плен 70 татар, эти татары были доставлены в Мо-

скву и посажены в тюрьму. Через три года новый крымский хан, Мухаммед-Гирей требовал у Василия III отпустить в Крым оставшихся в живых пленных татар, ставя их освобождение одним из условий восстановления мирных отношений с Москвой. К 1515 г. 57 татар «в тюрьме померли», в живых оставалось 13 человек, в том числе знатные татары «Баранчей Дербышев сын Ислам Казы да Яиль»⁵⁷. Нападение Ахмат-Гирея в июне 1512 г. на владения князей Василия Шемячиича и Василия Стародубского, как нетрудно заметить, было произведено с территории современного Центрального Черноземья.

В июле 1512 г. другая татарская группировка под руководством «царевича» Мухаммед-Гирея попыталась совершить нападение на рязанские земли. Как мы помним, после майского нападения татар русские войска были посланы на южную Украину; они стояли, в частности, около Зарайска (на р. Осетре) и Тулы (на р. Упе). Узнав о готовности русских войск к отпору, Мухаммед-Гирей поспешил отступить. На этот раз дворянская конница преследовала татар и вышла в пределы Поля.

В Никоновской и Типографской летописях географические детали выхода русских войск в Поле освещены по-разному. Вот соответствующее место подробной Никоновской летописи: «Того же лета, июля, Магмут царевич крымской пошел был на Рязань, и учинилася ему весть, что великого князя воеводы стоят на Осетре, князь Александр Володимирович Ростовской и иные воеводы со многими людьми, а на Упе стоят воеводы князь Михайло Иванович Булгаков да Иван Андреевич и иные многие воеводы со многими людьми; и то слышав, Магмут царевич в землю не пошел, а воротился с Украины, а воеводы великого князя за ним ходили на Поле до Сернавы да его не дошли»⁵⁸. В Типографской же летописи кратко сообщается о преследовании русскими воеводами татар до р. Тихой Сосны: «Того же лета, июля, приходили татарове на рязанские пределы и воевав и с полонем пошли прочь, великого же князя воеводы ходили за ними за Дон до Тихие Сосны»⁵⁹.

Куда же, в какой район Поля выходили в июле 1512 г., преследуя татар, русские ратные люди? Нет сомнений в том, что под «Сернавой» Никоновской летописи надо понимать речку Чернаву, являющуюся притоком р. Быстрой Сосны, протекающую в пределах современных Орловской и Липецкой областей. Поход русских войск к реке Чернаве из рай-

онов Зарайска и Тулы географически понятен и не требует особых пояснений. Татары же двигались от рязанских мест к Муравской степной дороге и уходили в дальнейшем по ней. Речка Чернава как раз оказывается у татар и у русских воевод на пути. Выход же русских воевод к Тихой Сосне, связанный с отклонением в сторону от Муравской дороги, с длительным переходом на 400—450 км через Поле, не имеет удовлетворительного объяснения ни с военной, ни с географической точки зрения. На наш взгляд, в данном случае достоверным является свидетельство именно Никоновской летописи, тогда как составитель (или один из переписчиков) Типографской летописи просто спутал Быструю Сосну с Тихой Сосной. К сожалению, А. А. Зимин и В. В. Каргалов некритически отнеслись к сообщению Типографской летописи и упомянули о преследовании русскими воеводами татар до р. Тихой Сосны как об истинном факте⁶⁰.

В 1512 г. крымские татары совершили еще одно, на этот раз более удачное для них, нападение на русские земли. Оно произошло в октябре, во главе татар стоял «царевич» Бурнаш-Гирей. Он «приходил на Рязань ратью и острог взя и к граду приступал и граду не успе ничтоже и отьиде»⁶¹. Размер полона в летописях не указан, ясно, однако, что полон в рязанской земле был взят татарами немалый. Следует обратить внимание на формулировку летописей: крымский царевич приходил к Рязани «ратью», т. е. открытой войной, с боями. Ему удалось взять острог — внешнюю линию укреплений Рязани (Переяславля-Рязанского), он пытался овладеть и внутренней крепостью в городе. Напомним, что подраставший, формально самостоятельный князь Иван Иванович владел в то время не всей территорией Рязанского княжества. Значительная часть княжества (Перевитск и Старая Рязань «с волостями») принадлежала Василию III. Преследовать Бурнаш-Гирея, отошедшего в Поле, было некому. Российские войска собирались в это время для другой цели — для похода под Смоленск.

В ходе начавшейся в 1512 г. и продолжавшейся с перерывами до 1522 г. новой русско-литовской войны Василий III совершил с войсками три похода к Смоленску: первый проходил зимой 1512/13 г., второй — осенью 1513 г., третий — летом 1514 г. Результатом третьего похода было долгожданное взятие Смоленска в конце июля 1514 г. Россия фактически вела эту войну не только с Великим княжеством Литовским, но и с Польшей; великий князь Литовский Сигизмунд

являлся, как мы знаем, и королем Польши. Успешно завершить войну после взятия Смоленска России не удалось, поскольку вскоре, в сентябре 1514 г., русские воеводы потерпели серьезное поражение от польско-литовских войск под Оршей.

Для отражения возможных нападений крымских татар с юга на центральный район России и в 1513, и в 1514 гг. русские войска (как и в 1512 г.) выдвигались к Туле и на р. Угру. Центральная часть русской украины (тульские места, земли у р. Оки и р. Угры) в эти годы татарским нападениям не подвергалась. Зато в конце 1514 г. татары совершили новое нападение на юго-западную часть украины, на владения служилых князей Василия Шемячича и Василия Стародубского.

По свидетельству русских дипломатических документов, во главе татарского войска стоял старший сын Менгли-Гирея Мухаммед-Гирей, он выступил «с своею братьею и со всеми детьми и со многими людьми». Вместе с татарами военные действия против юго-западных русских городов вели «короля польского воеводы»⁶². Гарнизоны русских городов крепостей без помощи московских войск отразили татарское нападение, совершили несколько удачных вылазок. Мухаммед-Гирей в феврале 1515 г. вынужден был отступить от городов, принадлежавших Василию Шемячичу и Василию Стародубскому: «Магмет-Гирей царевич от слуг наших городов побежал»⁶³.

Военная акция татар против юго-западных русских земель в конце 1514 г. была дополнена неожиданным для России политическим ходом Менгли-Гирея.

В декабре 1514 г. крымский хан подписал послание-ультиматум Василию III. Продолжая считать себя преемником золотоордынских ханов («Великим царем Великой Орды»), властелином многих русских земель, Менгли-Гирей в этом документе развивал и пояснял свои политические требования, выдвинутые в 1507 г. в ярлыке Сигизмунду I. Послание начиналось с утверждения о том, что верховным владельцем Смоленска является он, Менгли-Гирей, что «мы, пожаловав, дали Смоленский юрт»⁶⁴ королю Сигизмунду и, следовательно, Василий III не имел права воевать и присоединять Смоленск без ведома его, Менгли-Гирея.

Далее Менгли-Гирей нагло требовал передать Крымскому ханству восемь русских городов: Брянск, Стародуб, Почеп, Новгород-Северский, Рылск, Путивль, Карачев и

Радогощь. Он утверждал, что «те писанные восьм городов из старины наши были, а отцу твоему великому князю Ивану мы их дали»⁶⁵. Еще 35 русских городов, по словам Менгли-Гирея, «из старины деда нашего были», и Иван III, мол, ежегодно посылал в Крым дань, взятую с них. Сейчас он, Менгли-Гирей, эти 35 городов не требует, но перечисленные 8 городов, начиная с Брянска, обязательно должны быть отданы ему.

В 1507 г., объявив себя хозяином многих русских городов, передав Сигизмунду I ярлык на русские земли, Менгли-Гирей подкрепил, как мы видели, свой политический жест первым в истории московско-крымских отношений военным нападением крымских татар на российскую Украину. Точно так же новая крупная антирусская политическая акция Крыма в 1514 г. была соединена с военными действиями крымских татар против Российского государства. Одновременно с требованием передачи Крымскому ханству восьми городов в юго-западной части России Менгли-Гирей послал в этот район для военных действий «сына своего Магмет-Гирея со многою ратью»⁶⁶. Менгли-Гирей, как можно полагать, переоценил значение и последствия поражения русских воевод от польско-литовских войск под Оршей в сентябре 1514 г. Он рассчитывал подкрепить свои политические требования легким военным успехом и говорить с Василием III (риском употребить современное выражение) — с позиции силы.

Ни одним из городов юго-западной России Мухаммед-Гирей зимой 1514/15 г. не сумел овладеть; он, как уже отмечалось, отступил назад, в Крым. Выяснить детали, установить, какие именно русские города подвергались наиболее ожесточенным татарским атакам, из каких осажденных городов русские служилые люди совершали удачные вылазки, не представляется пока возможным; сохранившиеся документы не дают достаточных пояснений по этим вопросам. Нет ясных сведений и о размере захваченного татарами полона, русские документы о полоне вообще не упоминают.

Нас, естественно, из числа названных Менгли-Гиреем восьми русских городов больше всего интересуют расположенный на территории современного Центрального Черноземья Рыльск и соседний Путивль, земли которого в XVI в. также заходили в пределы современного Центрального Черноземья. Рыльск и Путивль, как мы знаем, находились в 1514 г. в управлении князя Василия Шемячича. Русские дипломаты в ходе переговоров с турецким послом Камал-Беем в феврале

1515 г. сообщили послу любопытные подробности о нападении крымских татар и литовцев на владения Шемячица. Оказывается, сам Шемячиц во время нападения Мухаммед-Гирей был в Москве, принадлежавшие ему города отбились от татар без его участия⁶⁷. Есть все основания полагать, что в числе русских городов, отразивших нападение татар зимой 1514/15 г., были и Рыльск, и Путивль.

Доставка в Москву послания-ультиматума Менгли-Гирея Василию III задержалась, это послание дошло до столицы Русского государства уже после смерти его автора и было передано Василию III крымским послом Янчурой вместе с грамотами нового крымского хана Мухаммед-Гирея летом 1515 г. Мухаммед-Гирей, как и его отец, требовал от Василия III уступки восьми русских городов. При этом передача Крымскому ханству русских городов выдвигалась им в качестве главного условия для установления мирных отношений с Москвой. Мухаммед-Гирей писал Василию III: «Которые города к нам тянут, Брянск, Стародуб, Поча и Новый Городок и Рыльск, Путивль, Карачев, Радогошь, те, которые писаны, восемь городов, отец наш великой царь поймав, отцу твоему дал; и будешь с нами на дружбе и на братстве... и ты б те наши города ныне нам отдал»⁶⁸.

Предпринятая в 1514—1515 гг. Крымским ханством попытка включить в свои границы заселенную русскими людьми западную часть современного Центрального Черноземья (наряду с примыкавшими к ней другими городами) не удалась и в части политической, и в части военной. У крымских татар явно не хватило для этого сил. Российское государство, естественно, не приняло наглого требования Крыма о передаче ему восьми русских городов. Усиление политического и экономического могущества России в годы княжения Василия III продолжалось, отдельные военные неудачи вроде поражения под Оршей принципиально не меняли дела. Население Путивля и Рыльска, защищавшее свою землю от татар-захватчиков, даже без помощи московских воевод отразило нападение Мухаммед-Гирея.

Дипломатическая деятельность русского правительства в 1515—1517 гг. была весьма активной⁶⁹. В обстановке продолжавшейся войны с Польшей и Литвой Василий III сообщил Мухаммед-Гирею о согласии на небольшие, чисто формальные, уступки Крыму и предложил вести русско-крымские переговоры с помощью «больших послов». В ноябре 1515 г. в Крым был послан «ближний человек» Василия III

посол И. Г. Мамонов, тот самый, который однажды, в 1500—1501 гг., уже выполнил в Крыму сложное дипломатическое поручение Ивана III и участвовал вместе с ханом Менгли-Гиреем в походе к р. Тихой Сосне против татар Большой Орды. На этот раз крымские дипломаты стали обсуждать с Мамоновым вопрос о совместных действиях Крыма и Москвы против Астраханского ханства и возможной посылке в связи с этим русских войск на Поле. Начавшиеся переговоры неожиданно оборвались ввиду смерти русского посла, последовавшей 18 июня 1516 г.⁷⁰

В 1515—1516 гг. продолжались эпизодические набеги крымских татар на русскую Украину. Некоторые из них осуществлялись с согласия Мухаммед-Гирея, другие проходили без ведома хана, по инициативе его родственников и татарских мурз. Более крупное нападение татар на русские земли было осуществлено летом 1517 г. по инициативе Мухаммед-Гирея, хотя сам хан в нем не участвовал. Оно являлось типично грабительским. По словам Никоновской летописи, крымские татары начали «воевать Украину» в августе 1517 г. недалеко от Тулы. С татарскими мурзами, названными в летописи по именам, пришло «20 000 рати»⁷¹.

Есть все основания полагать, что к 1517 г. крымские татары уже знали наиболее удобные пути через Поле. Десятью годами прежде, во время первого нападения на российскую Украину, крымским татарам, как мы помним, понадобились литовские проводники. Описывая возобновившиеся с 1512 г. татарские набеги, русские летописи и другие источники уже не упоминают о привлечении крымскими татарами иноземных проводников. У татар в это время, несомненно, появились свои знатоки степных дорог, географических и природных особенностей Поля. Думается, что тогда же, во втором десятилетии XVI в., крымские татары окончательно выработали тактику грабежа сел и деревень и на российской, и на литовской Украине. Истоки этой татарской тактики уходят корнями в эпоху Золотой Орды, крымские татары применяли ее в ходе грабежа русских селений и в XVI в., и в XVII в.

Хорошо известно и часто используется историками яркое описание грабительских татарских набегов, сделанное французским инженером Гийомом Бопланом в первой половине XVII в. применительно к польско-литовской Украине, к Приднепровью. Подобная тактика применялась татарами и на российской Украине. Достигнув заселенного района, татарское конное войско разделялось на отряды по 500—600

человек, которые поочередно отделялись от главных сил. Эти отряды, по словам Боплана, «рассыпаются по деревням, окружают селения со всех четырех сторон и, чтобы не ускользнули жители, раскладывают по ночам большие огни; потом грабят, жгут, режут сопротивляющихся, увозят не только мужчин, женщин с грудными младенцами, но и быков, коров, лошадей, овец, коз»⁷². Татар, отделявшихся от главного войска для грабежа и захвата пленных, русские документы называли «загонщиками».

Целью грабительских нападений был захват добычи, а не территории, татары старались избегать столкновений с русским войском. Поэтому они обрушили свой удар в 1517 г. не на Тулу, а на расположенные поблизости села и деревни. От подошедших в район Тулы главных татарских сил, видимо, сразу же отделились для грабежа русских селений первые отряды. Говоря, что татары около Тулы начали «воевать украйну», Никоновская летопись отметила в данном случае типичный для татарской тактики начальный этап набега, заключающийся в отделении от основного татарского войска первых грабительских отрядов.

Однако место для грабежа было выбрано татарами в 1517 г. неудачно. К этому времени Тула стала своеобразным узловым пунктом в обороне российской украйны, на летнее время сюда обычно выдвигалось дворянское конное войско. В обстановке продолжавшейся войны с Польшей и Литвой русское правительство ожидало татарского набега, и в Тулу были направлены с войсками воеводы Василий Семенович Одоевский и Иван Михайлович Воротынский. Узнав о появлении татар и начале татарских грабежей, они немедленно послали против татар отряд детей боярских во главе с Иваном Тутыхиным, которые «начаша мешать татарам со всех сторон»⁷³. Очень быстро выступило и основное русское войско.

Дальнейшие события изложены в Никоновской летописи следующим образом: «Татарове же, послышав великого князя воевод, скоро възвратишася; а наперед их заидоша по лесом пешие многие люди украинные да им дороги засекоша и многих татар побиша; а напередние люди от воевод приспевше, конные, начаша татар топтати и по бродом и по дорогам их бити, а пешие люди украинные по лесом их бити... Такова убо бяше тогда божиею помощию на татар победа, — яко же слышахом от достоверных, паче же и от самых татар, которые приидоша опосле того ис Криму, —

яко от 20 000 мало их в Крым придоша, и те пеши и босы и наги»⁷⁴.

Дипломатические документы в целом подтверждают численность напавших на российскую Украину татар, указанную в Никоновской летописи. По словам русского посла Василия Шадрина, записанным позже в Москве, из 20 тысяч татар, участвовавших в набеге, в Крым вернулось «тысяч с пять»⁷⁵. После их возвращения, по сообщению того же Шадрина, другая татарская группировка совершила набег на земли Великого княжества Литовского. Татары подвергли грабежу окрестности городов Слуцка и Острога, оттуда они «вывели» в Крым многочисленный полон.

Анализируя победу над татарами, достигнутую под Тулой в августе 1517 г., обратим внимание на два момента. Первый — это широкое участие местного населения в разгроме татар, тех «пеших людей украинных», которые защищали от татар своих жен и детей, свои дома, свое имущество, в которых мы видим и мелких тульских помещиков — детей боярских и крестьян. Активное участие населения Украины в отражении татарского нападения явилось важным условием в достижении общего успеха.

Второй момент — это умелое использование русскими воинами в борьбе с татарами географических особенностей местности. Переоценив свои силы и пройдя ради грабежа в густонаселенный район через леса, расположенные около Тулы, татары оказались неспособными к организованному отступлению. Для борьбы с крымскими татарами в 1517 г. впервые были использованы русскими людьми лесные засеки, закрывшие отступавшим татарам выход в степь.

В то же время отметим, что на Поле для преследования татар в 1517 г. ни русские воеводы, ни отдельные отряды русских воинов не выходили. Оборона Украины организовывалась непосредственно на самой Украине. В документах не содержится никаких сведений о предварительной русской разведке на Поле к югу от Тулы. Территория Поля для обороны русских земель от крымских татар пока не использовалась.

Осенью 1517 г. крымские татары совершили также набег «на Путивльские места», являвшиеся владением князя Василия Шемячича. Об этом сообщил прибывший от Шемячича в Москву его «человек» Михаил Янов. В отличие от тульских воевод, Шемячич устремился в погоню за татарами

и нагнал их «за Сулою»⁷⁶, примерно на стыке современных Сумской и Полтавской областей.

Опасаясь возможных нападений крымских татар, русское правительство, несмотря на литовскую войну, на сложные хитросплетения в отношениях с Казанским ханством, продолжало в 1518—1520 гг. посылать крупные военные силы на южную Украину. В эти годы русские воеводы с полками дворянской конницы выдвигались в Тулу, Каширу, Серпухов, Тарусу, на р. Угру, в Мещерский край, в Новгород-Северский к Василию Шемячичу, а также в г. Стародуб⁷⁷, который после смерти князя Василия Стародубского перешел в непосредственное подчинение Василия III. Каждое лето южная Украина наполнялась войсками, посылка туда дворянской конницы стала традицией.)

Однако выходы русских войск на Поле для преследования татар, для военного столкновения с татарами перед украинной, осуществленные в 1507 и в 1512 гг., к сожалению, традицией не стали. После 1512 г. русские войска располагались непосредственно на Украине, воеводы получали указания только об обороне. Прилегавшая к заселенной Украине часть Поля совершенно не использовалась русскими войсками для организации сторожевой службы и даже простой военной разведки. Русское правительство фактически стало признавать татарское владычество над землями Поля.

Дипломатические отношения между Российским государством и Крымским ханством в 1518—1520 гг. внешне выглядели нормальными. В г. Кыркор, тогдашнюю столицу Крымского ханства, приезжали русские послы; в 1519 г. в Москву прибыл крымский посол Аппак-Мурза. Мухаммед-Гирей заявлял о дружбе с Василием III, обещал не нападать на русские земли, снова предлагал совершить совместный поход против Астрахани, просил прислать деньги и подарки. Крымские вельможи требовали особых подарков. Мухаммед-Гирей пытался использовать в своих интересах продолжавшуюся русско-литовскую войну. Он советовал Василию III отвоевать у Литвы г. Киев и г. Черкассы, но не оставлять эти города в составе России, а передать их Крымскому ханству (!). Мотивировка хана, пытавшегося чужими руками захватить Киевскую землю, не блистала оригинальностью. Московские переводчики XVI в. изложили это место ханской грамоты следующим образом: «Занже то городи наши испокон века»⁷⁸. О прежнем своем требовании по поводу передачи Крымскому ханству восьми юго-западных рус-

ских городов, включая Рыльск, Мухаммед-Гирей в 1519 г. не вспоминал.

4. Военные и политические события в 1521—1523 гг. в Восточной Европе, их влияние на историю Поля

В 1521—1523 гг. на землях, примыкавших к Полю с севера, востока, юга и запада, произошли крупные военные и политические события. Как бы раскручиваясь огромной спиралью с географическим центром в Поле, сменяли они друг друга. Вот их краткий перечень. Нашествие крымского хана Мухаммед-Гирея через Поле на Российскую Украину и на Москву в 1521 г., последовавшее за очередной «изменой» казанских татар. И одновременно с нашествием крымского хана, в какой-то мере в связи с ним, — окончательная ликвидация Рязанского княжества, официальное включение Рязанского княжества в состав государственной территории России. Выход с войсками самого «государя всея Руси» Василия III на Украину в 1522 г. для отпора Мухаммед-Гирею и поход крымского хана вдоль южных рубежей Поля на Астрахань. Неожиданная гибель в 1523 г. Мухаммед-Гирея у Волги и последовавший вслед за ней погром Крымского ханства ногайскими татарами, приведший к серьезному ослаблению Крымского ханства и активизации политики Турции в Крыму. «Поимание» князя Василия Шемячица в 1523 г. и переход принадлежавших ему земель, включая Путивль и Рыльск, в непосредственное подчинение Москве. Все эти события приходятся на 1521—1523 гг., все они в большей или меньшей степени затронули территорию Поля, оказали влияние на последующую историю Поля.

Рассмотрим их теперь более подробно.

Весной 1521 г. в Казанском ханстве произошел переворот: казанские феодалы (в который раз) «изменили» Москве. Они свергли с ханского престола московского ставленника Шигалея (Шах-Али) и пригласили в Казань «царем» одного из крымских царевичей. Отметим, что при этом казанские гонцы проследовали в Крым через Азов⁷⁹, обогнув основную территорию Поля с юга. В мае 1521 г. начались нападения казанских татар и подчиненных им черемисов на приволжские русские земли.

В 1521 г. не была еще закончена затянувшаяся русско-литовская война. Хотя активных военных действий в это вре-

мя не велось, Российскому государству нужно было держать свои военные силы и у западных рубежей.

Но, конечно, главная опасность угрожала с юга, со стороны Крымского ханства. Используя выгодную политическую ситуацию, Мухаммед-Гирей собирал силы для похода на Москву.

К отражению возможного нападения врагов с востока, запада и юга Василий III готовился по сложившимся образцам и традициям. Основу обороны, как и прежде, составляли полки дворянской конницы. Сохранившиеся разрядные записи позволяют выяснить географическое расположение воевод с войсками на рубежах России летом 1521 г.

Наиболее крупные силы были сосредоточены на южной Украине. В Серпухове, который был центром обороны на берегу Оки, стояли с войсками Дмитрий Федорович Бельский, Василий Васильевич Шуйский, Иван Морозов, Иван Шереметев, Яков и Юрий Замятнины, Владимир Карамышев и другие видные воеводы. Левый фланг обороны находился в Кашире (воеводы Иван Пенков, Федор Лопата-Оболенский и др.), правый — в Тарусе (воеводы Михаил Щенятев, Иван Воротынский и др.). Полки дворянской конницы стояли также на р. Угре, в Мещерском крае, в Муроме, Нижнем Новгороде, в западных городах (Можайск, Вязьма, Дорогобуж, Белая, Стародуб, Новгород-Северский). Немало войск было направлено в Рязань. В Москве, видимо, не забыли, что Мухаммед-Гирей в бытность свою «царевичем» пытался совершить нападение именно на Рязань. При этом наряду с московскими воеводами, подчиненными наместнику Василия III в Рязани Ивану Хабару, здесь находились воеводы рязанского князя Ивана Ивановича: Клементий, Василий и Михаил Кобяковы, Федор Сумбулов⁸⁰.

Подготовка русских войск к отражению возможного нападения крымских татар оказалась в целом неудачной. Анализируя расстановку воевод летом 1521 г., нельзя не обратить внимание на отсутствие полков дворянской конницы в Туле. Русские воеводы как бы заранее отступили от Тулы на берега Оки. В этом городе за год до нашествия Мухаммед-Гирея закончилось строительство каменной крепости. Тула могла стать надежным передовым укреплением, наличие полков дворянской конницы под Тулой весьма затруднило бы действия крымских татар на подходе к р. Оке. Не были выдвинуты русские войска и к р. Осетру, как это делалось в 1512 г. В результате проход к Коломне между Тулой и Ря-

занью остался неукрепленным, и Мухаммед-Гирей воспользовался этим обстоятельством.

Но самым серьезным недостатком в организации русской обороны против нашествия Мухаммед-Гирея в 1521 г. явилось, на наш взгляд, полное отсутствие сторожевой службы и даже элементарной военной разведки на Поле. Не страшно ли это: огромное крымское войско движется в течение нескольких недель через Поле, через опустошенные старинные русские земли, переправляется через реки, подходит к Украине, к берегам Оки, и остается никем не замеченным! Летописи не оставляют сомнений: время и конкретное место татарского нападения оказались для Василия III и русских воевод неожиданными, крымский хан «прииде безвестно на великого князя отчину»⁸¹.

Подобную недооценку разведки еще можно было бы понять и объяснить применительно к эпохе феодальной раздробленности русских земель, ко времени существования отдельных княжеств, занятых своими малыми делами. Но в 1521 г. уже существовало единое Российское государство с централизованной системой власти и управления. Представители господствовавшего класса, составлявшие основу армии, в своем большинстве подчинялись Василию III — «государю всея Руси». Василий III до 1521 г. уже организовал ряд общероссийских военных мероприятий. События 1521 г. ясно показали, что Василий III не обладал военными способностями. К тому же, борясь против Литвы и Казани, он не обращал серьезного внимания, не претендовал на территорию Поля, по сути дела, отдал его в распоряжение Крымского ханства.

Мы не можем согласиться с обтекаемым утверждением В. В. Каргалова о том, что в 1521 г., во время нашествия Мухаммед-Гирея, в России «не на высоте была станичная и сторожевая служба»⁸². В 1521 г. станичной и сторожевой службы в России вообще не существовало, она стала складываться позже. Российские станицы и сторожки до 1521 г. и непосредственно в 1521 г. не выезжали на Поле ни со стороны Рязани, ни со стороны Тулы, ни со стороны Путивля и Рыльска. Упоминаемые в отдельных документах первой четверти XVI в. рязанские сторожки имели чисто местное значение, они стояли на Украине, не выезжая на Поле⁸³. Отмеченный документами выезд служилых путивльских казаков к Муравской степной дороге был осуществлен лишь в 1522 г., на следующий год после нашествия Мухаммед-Гирея⁸⁴. Как свиде-

тельствуют документы и события 30-х гг. XVI в., он не получил конкретного развития и остался эпизодом в истории русской сторожевой службы. В 1521 г. сведения самого общего характера о готовящемся походе Мухаммед-Гирея доходили в Москву только из турецкого Азова⁸⁵.

Численность татар, участвовавших в нашествии, определялась современниками то в 100 тысяч, то в 50—60 тысяч всадников⁸⁶. Путь Мухаммед-Гирея через Поле в документах точно не обозначен. Полагаем, что татары прошли днепровско-донским водоразделом, по становившейся для них обычной Муравской дороге, между верховьями Ворсклы и Северского Донца к Быстрой Сосне. Оттуда Мухаммед-Гирей повернул на северо-восток к рязанским рубежам, он оставил Тулу слева.

Первыми увидели татар русские воины, находившиеся в Переяславле-Рязанском. Московский наместник Иван Хабар и другие воеводы стали готовиться к обороне города, но «царь [Мухаммед-Гирей. — В. З.] прошел Рязань к Коломне»⁸⁷. Быстрый проход Мухаммед-Гирея к Коломне и к берегам Оки через пределы формально независимого Рязанского княжества оказался неожиданным для московских воевод, ждавших врага под Серпуховом, и привел их в замешательство.

В татарском войске находились «вожи» (проводники), знавшие не только степные дороги, но и переправы через Оку⁸⁸. 28 июля 1521 г. татары переправились через Оку, около устья р. Москвы под Коломной. Полков русской дворянской конницы, как мы знаем, здесь не было; небольшой гарнизон Коломны во главе с воеводой Юрием Хохолковым укрылся за стенами города.

Дальнейшие события описаны русскими летописями в трагических тонах. Подошедшие с запада со стороны Серпухова и Каширы с войсками русские воеводы потерпели тяжелое поражение от Мухаммед-Гирея. Летописи перечисляют погибших в бою воевод: «убьени быша воеводы великого князя Иван Шереметев да князь Володимер Курбской Карамышов, да Яков да Юрьи Замятнины»⁸⁹. В течение двух недель Мухаммед-Гирей стоял с частью своих войск на речке Северке, примерно в 60 км от Москвы. В это время татарские отряды подвергли грабежу села и деревни, расположенные к югу и юго-востоку от Москвы. Население пыталось спастись, уйдя в Москву, «в осаду», мало кому это уда-

валось. Василий III покинул столицу и бежал в Волоколамск, где «нача збиратися с воеводами своими и с людьми».

Москву татары не стали осаждать, они ограничились разгромом окрестностей российской столицы. 12 августа Мухаммед-Гирей начал отход, при этом татары «людей много и скоту в полон поведоша безчислено»⁹⁰. Обратный путь Мухаммед-Гирея снова пролегал мимо столицы Рязанского княжества — г. Переяславля-Рязанского. Попытка татар взять город не удалась, московский воевода Иван Хабар умело руководил его обороной. Во время краткой передышки между боями татары под Переяславлем-Рязанским организовали «продажу» знатных пленных; летопись сообщает, что Хабар «окупил» здесь попавшего ранее в плен раненого князя Федора Лопату-Оболенского⁹¹.

От рязанских рубежей татары погнали основную массу русских пленных через Поле уже известными им дорогами. Василий III, как можно полагать, и после отхода татар от Москвы находился в растерянности; вопрос о преследовании татар даже не ставился.

С нашествием Мухаммед-Гирея на Москву совпадает по времени полная ликвидация независимости бывшего Великого княжества Рязанского, официальное включение его в состав государственной территории России. Сохранившиеся документы не проясняют всех деталей этого события, но дают достаточно четкую общую картину прекращения существования Рязанского княжества.

Выше уже говорилось, что формально не зависимое от Москвы Рязанское княжество в XVI в. (примерно с 1503 г.) не обладало компактной территорией. Города Перевитск и Старая Рязань (бывшая столица княжества, разгромленная Батыем, так и не вставшая из руин) с прилегающими к ним «волостями» по завещанию рязанского князя Федора Васильевича перешли к Ивану III и после вступления Василия III на московский престол являлись его собственностью. Василию III принадлежали и отдельные южнорязанские промысловые угодья (ухожьи) на берегах рек Дона и Воронежа. В Перевитске постоянно находился наместник Василия III, эту должность занимал в последние годы существования Рязанского княжества Иван Хабар⁹².

Для выяснения характера отношений Василия III с рязанским князем Иваном Ивановичем в 1519—1521 гг. несомненный интерес представляет письмо крымского хана Мухаммед-Гирея рязанскому князю, направленное в 1519 г. с гон-

цом Азибеком. Мухаммед-Гирей именует в этом письме Ивана Ивановича «слугой» Василия III⁹³, уравнивая его таким титулом с новгород-северским князем Василием Шемячиным.

Летом 1521 г., во время нашествия Мухаммед-Гирея, рязанский князь Иван Иванович оказался в Москве. Считать, что он находился там в заточении, нет достаточных оснований, поскольку воеводы Ивана Ивановича, по свидетельству разрядной книги, стояли с войсками в Переяславле-Рязанском независимо от московских войск⁹⁴. Во время паники, охватившей Москву при приближении татар, Иван Иванович «с Москвы побежал» и попытался связаться с рязанскими боярами и детьми боярскими. Сохранившийся отрывок розыскного дела о бегстве из Москвы рязанского князя (последняя научная публикация его была осуществлена в 1964 г.⁹⁵) не дает ответа на вопрос о намерениях Ивана Ивановича в эти дни. Можно лишь в принципе полагать, что он хотел вновь утвердиться в Переяславле-Рязанском в роли суверенного государя. Однако рязанские бояре фактически отказались от своего князя. В августе 1521 г. они присягнули Василию III⁹⁶ и признали, таким образом, утрату Рязанским княжеством своей прежней независимости. Иван Иванович вскоре обосновался в Литве, серьезной политической опасности для Василия III он уже не представлял.

Рассматривая присоединение Рязанского княжества к Москве в русле изучения истории Поля, подчеркнем, во-первых, официальное выдвижение в результате этого акта государственной территории Российского государства к границам Поля на донском левобережье. «Рязанская украинна» становилась теперь в полном смысле слова «российской украинной», рязанские промысловые ухажьи за пределами украинны, на территории современных Липецкой и Тамбовской областей — российскими ухажьями. Для последующей борьбы России с Крымским ханством за обладание Полем включение всех земель бывшего Рязанского княжества в состав России стало важной позитивной предпосылкой. Отметим это, во-вторых.

Опасаясь повторного нашествия Мухаммед-Гирея, Василий III весной 1522 г. лично стал во главе войск, выдвинувшихся к Оке. Основные русские военные силы расположились под Коломной, на месте прошлогодней татарской переправы через Оку⁹⁷. Как и в 1521 г., полки дворянской конницы не выходили на территорию к югу от Оки, в частности в район Тулы. Никаких сведений об организации военной

разведки на Поле документы не сообщают; есть все основания полагать, что в 1522 г., как и раньше, такой разведки не проводилось. В сентябре 1522 г. в русско-литовской войне было заключено пятилетнее перемирие, это событие, несомненно, способствовало улучшению военной обстановки на южнорусской Украине.

Казалось бы, блестящая победа под Москвой, дополненная огромным русским полоном, должна была укрепить могущество Крымского ханства. Но длительный поход на север имел для крымских татар и негативные последствия. Уходом боеспособного крымского войска к Москве воспользовались давние соперники Крыма — астраханские татары. Они напали на оставленные без охраны кочевья крымских татар в Приазовье, захватили пленных, угнали большие стада скота. Под угрозой оказалась и степная часть Крыма; некоторые татары, спасаясь, бежали на южное крымское побережье, в принадлежавшую Турции Кафу (Феодосию)⁹⁸.

В конце 1522 г. Мухаммед-Гирей организовал ответный, давно намеченный им поход на Астрахань. Для удара по Астраханскому ханству было собрано огромное войско крымских татар, по свидетельству русских летописей — 130 тысяч человек⁹⁹. Зимний поход 1522/23 г. на первых порах ознаменовался успехом крымских татар: Мухаммед-Гирей взял Астрахань и разгромил улусы астраханских татар. Ногайские татары перешли на его сторону. Но затем, весной 1523 г., произошло событие, вызвавшее бурную радость у русских летописцев: «окаянный» Мухаммед-Гирей был вероломно убит ногайскими мурзами в палатке вместе со старшим сыном и свитой.

Гибель хана повлекла за собой бегство крымской армии из-под Астрахани. Преследуемые ногаями, крымские татары бежали отдельными группами и не пытались даже сопротивляться. Особенно трудной оказалась для крымских татар переправа через разлившийся Дон. В это время, в апреле—мае 1523 г., вниз по Дону плыли на кораблях с внушительной охраной русский посол И. С. Морозов (Брюхов), направлявшийся через Азов в Турцию, и турецкий посол Скиндер, возвращавшийся из Москвы. Тексты донесений И. С. Морозова Василию III, опубликованные Б. И. Дунаевым в качестве приложений к его книге о Максиме Греке, дают яркую картину трагедии крымской армии на донских переправах. «Мы, государь, видели, — доносил И. С. Морозов, — по перевозом, к Азову идучи, днищ за пять и за шесть и за де-

сять, по которым местом крымцы Дон возились, ино, государь, лежит топлых лошадей и верблюдов по берегу и по полю и телег метано добре много, да и татарове, деи, государь, по перевозом многие топли»¹⁰⁰. И. С. Морозов передал в Москву полученные им от очевидцев сведения о захвате ногаями крымских татар в плен у Дона: «По обе, деи, стороны Дону стояли многие ногайские татарове с крымским полоном»¹⁰¹. Отдельные отряды ногаев, преследуя беглецов, ворвались в пределы Крымского ханства; по свидетельству Морозова, они «воевали» крымских татар и «волочили» их жен и детей в течение месяца.

Потрясение, пережитое Крымским ханством в 1523 г., в полной мере было использовано турецким султаном Сулейманом I для прочного включения Крыма в сферу турецкого влияния. Мухаммед Гирей, по свидетельству русских дипломатических документов, пытался проводить независимую от Турции политику. После гибели Мухаммед-Гирея и нескольких месяцев правления его сына Гази-Гирея турецкий султан послал в Крым проживавшего в Турции «царевича» Сеадет-Гирея (младшего брата Мухаммед-Гирея), который стал новым крымским ханом.

Дореволюционный исследователь истории Крымского ханства В. Д. Смирнов датировал прибытие Сеадет-Гирея в Крым маем 1524 г.¹⁰² Однако по документам, опубликованным Б. И. Дунаевым, видно, что Сеадет-Гирей прибыл в Крым осенью 1523 г.; зимой 1523/24 г. он уже жил в Крыму и являлся ханом¹⁰³.

Думается, что только с 1523 г. можно говорить о прямой вассальной зависимости Крымского ханства от Турции и, применительно к теме нашего исследования, об участии Турции в борьбе за обладание Полем, территорией современного Центрального Черноземья. Для поддержки своего ставленника Сеадет-Гирея Турция послала в Крым войска и пушки. По сведениям, полученным в Москве из Азова (видимо, завышенным), из Турции прибыло в Крым «из Царя-Города двадцать тысяч конной силы да пятьсот пищальников побережи нового царя, доколе укрепится»¹⁰⁴.

Несколько позже, в 1524 г., в Москве разнесся слух о том, что Турция собирается построить на берегу Дона свою новую крепость и подчинить себе, таким образом, не только Азов, но и значительную часть Придонья. Неясно, имел ли слух реальную основу, но Василий III ему поверил. Об этом сообщает документ, связанный с возвращением из Москвы

в сентябре 1524 г. турецкого посла Скиндера: «А поехал Скиндер на Путивль да на Крым, а Доном просился, и князь великий его Доном не пустил: некоторое прозябло слово от скиндеровых людей и от сторонних, что Скиндер послан смотрити мест на Дону ставити город, и того дела Доном не пущен»¹⁰⁵.

В 1523 г. произошло еще одно политическое событие, повлиявшее на судьбу Поля. Весной этого года, по сообщению русских летописей, князь Василий Шемячич «пойман бысть»¹⁰⁶. Фактически это означало, что Новгород-Северское княжество, как и Рязанское княжество двумя годами ранее, переходит в прямое подчинение Василия III.

Являясь владельцем нескольких городов, включая Рыльск на территории современного Центрального Черноземья, Шемячич обладал определенной силой и самостоятельностью. Он жил постоянно в Новгороде-Северском, а в Путивле имел своего наместника. В 1516 г. его путивльским наместником был Василий Митюков¹⁰⁷. Василий III, видимо, опасался и перехода Шемячича со всеми принадлежавшими ему землями под покровительство Крыма. Для такого опасения имелись некоторые основания. Сохранились письма крымского хана Мухаммед-Гирея, адресованные Василию Шемячичу в 1515 г. Они начинаются следующими словами: «Магмет-Гиреево цареву слово слуге моему Василью»¹⁰⁸. Еще раньше (в январе 1513 г.) о ненадежности Шемячича доносил в Москву русский посол Михаил Алексеев, оказавшийся в Путивле по пути в Турцию¹⁰⁹.

Подробности, связанные с расправой Василия III над Шемячичем, содержатся в сочинении современника-иностранца Сигизмунда Герберштейна; в официальных русских документах они не излагались. «Во всей империи московского владыки, — писал С. Герберштейн, — оставался один только Шемячич, который владел крепостями и княжествами»¹¹⁰. Когда Василий III вызвал в Москву Шемячича, тот потребовал «охранной грамоты» за подписью «государя и митрополита». 19 апреля 1523 г. он приехал в Москву, был принят с почетом, но через несколько дней «схвачен и брошен в тюрьму, где содержался и тогда, когда я [С. Герберштейн. — В. З.] был в Москве».

Василий III за время своего 28-летнего княжения не раз коварно и жестоко расправлялся со своими политическими соперниками, а также с людьми, объективно мешавшими его господству в России. Среди таких людей оказался и Ва-

сий Шемячич. Падение Шемячича привело к появлению в Новгород-Северском княжестве московских наместников и означало выдвигание непосредственных владений московского государя в крайнюю западную часть современного Центрального Черноземья.

5. Оборона украины и пассивное отношение русского правительства к проблемам Поля до 1541 г.

Во второй половине 20-х и в начале 30-х гг. XVI в. в Крымском ханстве происходила острая политическая борьба между различными группировками крымских феодалов и претендентами на ханский престол. Во главе одной группировки, пользовавшейся поддержкой турок, стоял хан Сеадет-Гирей, во главе другой находился более активный, хотя и склонный к авантюризму Ислам-Гирей.

Говоря о периоде 1525—1532 гг. и о междоусобицах в Крыму, И. Б. Греков замечает: «Это время характеризовалось определенным ослаблением крымского натиска на Русь»¹¹¹. С такой оценкой вполне можно согласиться. Следует при этом отметить, что крымские татары по-прежнему чувствовали себя полными хозяевами на Поле. Со стороны Поля отряды крымских татар совершили довольно крупное нападение на южнорусскую Украину в 1527 г. и несколько набегов в 1531 г.

В 1532 г. ханский престол в Крыму занял Ислам-Гирей, но уже в 1533 г. не без участия Турции он вынужден был уступить его Сагиб-Гирею, или Саип-Гирею, как называют его русские летописи. Прежде, в 1521—1524 гг., Сагиб-Гирей был казанским ханом. Тогда он придерживался ярко выраженной турецкой ориентации, признал вассальную зависимость Казани от Турции, проводил антироссийскую политику. 19 июня 1533 г. из Москвы в Крым к Сагиб-Гирею был послан сын боярский В. Левашов, чтобы «поздравствовать царя на царстве»¹¹². Миссия Левашова не привела к установлению хороших отношений между Москвой и Крымом, убеждения Сагиб-Гирея не изменились.

Конечно, нельзя в полной мере связывать активность татарских нападений на Россию с личностью того или иного крымского хана. Надо просто иметь в виду при анализе татарских вторжений черты характера и способности крымских монархов. Стремление к грабительским нападениям, к

захвату добычи было типичным и для крымской знати, и для большинства татар. Когда в 1534 г. в Крыму произошел еще один переворот, в ходе которого Ислам-Гирей «Санип-Гирея царя с царства согнал»¹¹³, нападения татар на русские земли не прекратились, хотя Ислам-Гирей и заявил о дружбе с Москвой. Кстати, Сагиб-Гирей вскоре вновь занял крымский престол.

Правительство Василия III не использовало выгодную для России политическую ситуацию в Крыму, сложившуюся в 1525—1532 гг., для активизации своих действий в направлении Поля. Военные назначения того времени, зафиксированные в разрядных книгах, говорят лишь об оборонительных мероприятиях русского правительства на южной Украине. По-прежнему полки дворянской конницы выдвигаются на Оку. Укрепляются уже существовавшие, старые города на Украине. Вслед за Тулой каменные крепости были построены в Коломне и Зарайске. Но о наступлении на Поле, о возвращении Российскому государству старинных русских земель, оказавшихся за пределами Украины, нет и речи. Оборона и только оборона на юге! Никаких наступательных планов! В последние годы своего княжения Василий III не отошел от прежних, чисто оборонительных установок по отношению к южной Украине и Полю.

Весной 1532 г. огромные русские военные силы были направлены к Оке. По свидетельству Никоновской летописи, Василий III «послал на Коломну на берег воевод своих князя Ивана да князя Семена Федоровичев Бельских да бояр своих князя Михаила Васильевича Горбатого да Михаила Семеновича Воронцова и иных воевод, а с ними княжат и дворян своего двора и детей боярских из многих городов бесчисленно много. А наряд был великой, пушки и пищали изставлены по берегу на вылазах от Коломны и до Каширы, и до Сенькина, и до Серпухова, и до Калуги, и до Угры; добре было много, столько и не бывало»¹¹⁴. Сведения о возможном походе хана Сеадет-Гирея на Русь весной 1532 г., полученные из Крыма, не подтвердились. Выход русских войск с артиллерией к Оке оказался ненужным.

Как и в Казани, Василий III искал в Крыму среди местной знати своих сторонников, придавал данному фактору, как нам представляется, чрезмерно большое значение. В 1533 г., в начале лета, в одном из районов Поля (точное место в документах не сообщается) состоялась секретная встреча потерявшего незадолго перед этим ханский престол

Ислам-Гирея с личным представителем Василия III князем Михаилом Кубенским. Ислам-Гирей, по словам летописи, «даяся ему [Василию III. — В. З.] в сыновство и в службу»¹¹⁵. М. Кубенский, со своей стороны, обещал Ислам-Гирею покровительство Василия III.

Ислам-Гирей очень скоро изменил России: «правду свою порушил и измену учинил». В том же 1533 г. он явился одним из организаторов нового татарского похода на русскую Украину. Другим организатором и участником нападения крымских татар на русские земли был Сафа-Гирей, бывший казанский хан.

Существовала ли в 1533 г., в конце княжения Василия III, хотя бы элементарная сторожевая служба на Поле? В. В. Каргалов в книге «На степной границе» отвечает на этот вопрос утвердительно. Он считает, что «сторожевая служба в начале 20-х годов была создана на всем огромном протяжении степной границы Русского государства, от Днепра до Волги»¹¹⁶. Конкретно же в 1533 г. русское правительство, по мнению В. В. Каргалова, «было своевременно предупреждено о нападении» врага служилым татаринком Н. Кобяковым, который обнаружил крымских татар на Поле¹¹⁷.

На наш взгляд, описание сбора, похода и нападения крымских татар на русскую Украину в 1533 г., сохранившееся в Никоновской летописи, с неопровержимой ясностью свидетельствует о полном отсутствии в то время русской сторожевой службы. Ислам-Гирей, Сафа-Гирей и другие татарские «царевичи» открыто и довольно долго летом 1533 г. стояли на Поле, собирая силы для нападения на Русь. Их обнаружили не русские сторожа и станичники; Ислам-Гирея случайно «наехал» российский гонец — служилый татарин Неболса Кобяков, возвращавшийся «от волошской земли» (Молдавии) в Москву. Ислам-Гирей временно задержал неожиданного соглядатая и «к великому князю вскоре, вести ради, не отпустил»¹¹⁸.

Расправа над гонцом — «татаринком великого князя» — не входила в планы Ислам-Гирея и Сафа-Гирея. Неболса Кобяков был отпущен ими, но только тогда, когда татары пошли без остановок от Северского Донца к рязанским землям. Привезенные Н. Кобяковым в Москву вести о татарах запоздали и не причинили реального вреда участникам нападения.

Интересно проследить дальнейший ход событий. 14 ав-

густа Н. Кобяков приехал в Москву и сразу же сообщил о походе крымских татар в сторону Рязани¹¹⁹. В тот же день Василий III «учал наряжаться против царевичев»¹²⁰. Он послал в Коломну дополнительно нескольких воевод с войсками (там и в других местах Украины уже стояли полки дворянской конницы) и приказал подготовить пушки для защиты Москвы. На следующий день, 15 августа, Василий III перешел в с. Коломенское, имея в виду при необходимости выступить лично против татар. Туда к нему пришла весть, что татарские царевичи «со многими людьми пришли на Рязань да и посады пожгли»¹²¹. Рязанью летопись называла в данном случае г. Переяславль-Рязанский. Поскольку татары не собирались атаковать столицу Русского государства, Василий III 21 августа вернулся в Москву.

Нападение татар оказалось и на этот раз неожиданным для русского командования, рассредоточившего в 1533 г. боевые силы вдоль всей Украины¹²². Хотя «легкие воеводы» выходили за Оку и захватили отдельных татарских «загонщиков», в целом набег стал очень удачным для татар. Рязанская земля была разорена, татары увели с собой огромный полон. «Многолюдные села рязанские снова опустели, — писал Н. М. Карамзин, — и хан Саип-Гирей хвалился, что Россия лишилась тогда не менее ста тысяч людей»¹²³.

Документы, сообщающие о нападениях крымских татар на российскую Украину в период регентства княгини Елены Глинской (1533—1538 гг.) и в первые годы боярского правления при малолетнем Иване IV (до 1541 г.), не содержат никаких сведений об организации Российской сторожевой службы за пределами Украины. Россия в эти годы, как и прежде, не проводила активной политики на юге. В 1534 г. возобновилась русско-литовская война, проходившая с переменным успехом. Весьма опасной была возможность объединения в то время военных сил Литвы, Крыма и Казани против России.

Довольно крупное татарское нападение на рязанскую землю отмечено в летописях в августе 1535 г. Татары пришли «безвестно августа 18, в среду, а великому князю вести не учинилося»¹²⁴. Против врага, за Оку, были посланы, как и в 1533 г., «легкие воеводы», которые захватили отдельных татар. В целом же русское командование ограничилось обороной берега Оки и не стало преследовать татар, не пыталось отбить у них русский полон. Вот соответствующее сообщение Никоновской летописи: «Татарове же, въезав, из ук-

райны великого князя пошли и, отошед от Рязани за три днища, стали на Поле; и князь великий воеводам своим не велел за ними ходити того ради, понеже множество людей татарских, а велел вьводам своим стояти у Оки-реки на берегу»¹²⁵.

Решение отказаться от преследования татар в августе 1535 г. принял, конечно, не сам великий князь. Ивану IV было в то время лишь пять лет. Никоновская летопись, приписывая все правительственные решения великому князю, просто следует установившейся традиции. Формально все постановления правительства Елены Глинской принимались от имени ее сына — Ивана.

Сразу же после ухода татар из Рязанской земли русское правительство решило восстановить старинный рязанский город Пронск, укрепив этим в целом Украину, а конкретно — подходы к Переяславлю-Рязанскому с юга. По сообщению разрядной книги, «сентября 10 день приговорил князь великий на Пронском городище поставить город Пронск»¹²⁶. На р. Проню, «береженья для», были посланы воеводы А. В. Кашин-Оболенский и Н. Б. Туренин. Постройка новых деревянных стен в Пронске осенью 1535 г. оказалась, как мы увидим дальше, весьма своевременной.

Несколько нападений на русскую Украину через Поле крымские татары осуществили в конце 30-х гг. В сентябре 1539 г. крупный татарский отряд под руководством «царевича» Амина прорвался к р. Оке восточнее Каширы. «А царевич много за грех поплениша за небрежение наше», — сообщает по этому поводу Никоновская летопись¹²⁷.

6. Нашествие хана Сагиб-Гирея, первые опыты российской сторожевой службы на Поле, татарские нападения 40-х гг.

Крупнейшим событием в истории борьбы Российского государства с татарами во второй четверти XVI в. является, несомненно, нашествие крымского хана Сагиб-Гирея на Россию, состоявшееся в 1541 г. В ходе отражения этого нашествия была впервые организована русская государственная сторожевая служба на Поле, сыгравшая в дальнейшем важную роль в деле закрепления за Россией территории современного Центрального Черноземья.

Остановимся на политических, военных и географических аспектах нашествия 1541 г. более подробно.

Предшествовавшая крымскому нашествию зима 1540/41 г. ознаменовалась очередной «изменой» казанского хана, уже известного нам Сафа-Гирея, за несколько лет до этого повторно воцарившегося в Казани. 18 декабря 1540 г. Сафа-Гирей «безвестно» пришел под Муром «со многими людьми казанскими и крымскими и с нагайскими». Татары опустошили окрестности Мурома, захватили большой полон, «загонщики много поплениша народу христианского и сел пожгоша»¹²⁸. В связи с этим нападением на восточную русскую Украину в сторону Казани весной 1541 г. были посланы воеводы с войсками.

Крымский хан Сагиб-Гирей пока не высказывал открытой вражды к России. В Крыму в это время находился русский посол А. В. Кашин-Оболенский, в Москве с сентября 1540 г. жил крымский посол Тагалдый. 1 марта 1541 г. вместе с русскими служилыми казаками в Москву приехал от Сагиб-Гирея гонец Азифергат с грамотой, в которой крымский хан заявлял о своей готовности к «дружбе» с Иваном IV. 8 мая 1541 г. Азифергат в сопровождении русского гонца, сына боярского Остафия Андреева, отправился обратно в Крым¹²⁹.

Как можно полагать, главной задачей крымского гонца являлось выяснение обстановки в Москве. Азифергат очень быстро добрался до Крыма и доложил Сагиб-Гирею об уходе русских войск к Казани. Крымский хан решил использовать благоприятную, как ему казалось, военную обстановку для нанесения удара по России.

Сагиб-Гирей не ожидал, что его план нашествия на Россию очень скоро станет известным в Москве. В этот момент настоящий подвиг совершили два русских патриота, два находившихся в Крыму «полоняника». Мы знаем имя одного из них — Яким; Никоновская летопись называет его «человеком» (видимо, крестьянином или холопом) некоего Ивана Любучанина. Яким и его товарищ, узнав о предстоящем походе крымских татар на Русь, немедленно решили бежать в Москву и блестяще осуществили свой замысел.

Сведения, доставленные ими, были подробными и очень важными. По словам Якима, сначала в Крым приехал из Москвы «царев человек Азифергат» и рассказал хану о том, что русские ратные люди пошли к Казани. После этого Сагиб-Гирей выступил в поход. С ним идут «многих орд люди, турецкого царя люди, и с пушками и с пищальми, да из нагай Бакий-князь с многими людьми, да кафинцы, и азторокан-

цы и азовцы, и белгородцы, идет на Русь с великою похвалою, хотя потребити [истребить. — В. З.] крестьянство; и повели кликати в Орде: которые люди с ним не успеют выйти, и те бы его доезжали в Кламынине городке [Ислам-Кермене, на Днепре. — В. З.]; туто царю зжидатися с людьми»¹³⁰.

Напомним, что Ивану IV в начале лета 1541 г. не исполнилось одиннадцати лет, шли годы боярского правления. Фактическим руководителем русского правительства являлся тогда князь Иван Федорович Бельский¹³¹. Документы, шедшие в 1541 г. от имени Ивана IV, реально исходили от И. Ф. Бельского.

Летом 1541 г. И. Ф. Бельский как руководитель русского правительства действовал энергично и целеустремленно. Сбор татар у Ислам-Керменя предоставил России короткую передышку, и Бельский использовал ее в полной мере для подготовки отпора вражескому нашествию. Очень важным решением Бельского, принятым сразу же после расспроса полоняника Якима, была посылка гонца из Москвы в Путивль. Никоновская летопись сообщает об этом так: «И князь велики по тем вестем послал в Путивль к наместнику своему к Федору Плещееву к Очину, а велел ему послати станицу на Поле поперег дороге. И Федор послал Гаврила Толмача»¹³².

Это была первая в истории борьбы России с Крымским ханством, документально подтвержденная государственная разведка на Поле, на путях вторжений крымских татар. Поездку станицы Гаврилы Толмача, на наш взгляд, можно считать началом государственной общероссийской сторожевой службы в пределах современного Центрального Черноземья.

И. Ф. Бельский имел большой опыт борьбы с крымскими татарами, он не раз выходил с полками дворянской конницы к Оке, хорошо представлял себе географические особенности Поля. Выбор им Путивля в качестве исходного места для посылки проезжей станицы (конного отряда русских воинов) поперек татарских степных дорог оказался весьма удачным и позже неоднократно повторялся. В ведении путивльского наместника, как свидетельствуют разрядные книги, находился тогда и Рыльск. Географическое положение Путивля и Рыльска позволяло этим городам получать наиболее раннюю информацию о движении крымских татар и передавать эту информацию в Москву.

Путивльские станичники должны были в 1541 г. определить численность наступавших татар и направление их движения. Они сделали все, что могли. Но главной задачей являлась защита Москвы; надо было отразить, разгромить наступавших татар. Русские войска выдвинулись к Оке. Были укреплены войсками города за Окой — Тула и Зарайск¹³³. Вторая, запасная, линия обороны была устроена по р. Пахре. Москва готовилась к возможной осаде, «по воротам, по стрельницам» расставлялись пушки. В Москве на заседании боярской думы совместно с митрополитом Иоасафом рассматривался вопрос: где находится мальчику-великому князю, «в городе быти, или где выйти»?¹³⁴. Решено было остаться Ивану IV в Москве.

Станичники Гаврилы Толмача увидели татар в верховьях Северского Донца, в пределах современной Белгородской области: «шли многие люди к Руси, тысяч со сто и боле»¹³⁵. Оставив часть станичников на Поле для наблюдения за дальнейшим движением татар, Г. Толмач поскакал с донесением в Москву (через Рыльск, по русской Украине). 25 июля он достиг Москвы¹³⁶. Вслед за ним приехал другой станичник — Алексей Кутуков, он «видел на сей стороне Дону на Сновах многих людей, шли черезо весь день полки, а конца им не дождался»¹³⁷.

Донесения станичников-разведчиков содержали очень важные сведения: Сагиб-Гирей вел свое войско не по Муравской дороге, он шел значительно восточнее, ближе к Дону. Две речки Сновы находятся в пределах современной Липецкой области, к югу от нынешнего г. Ельца, в то время — старого Елецкого городища. И. Ф. Бельскому стало ясно, что татары хотят оставить Тулу слева, как это сделал во время нашествия 1521 г. Мухаммед-Гирей, и выйти к Оке в районе Коломны.

И. Ф. Бельский от имени Ивана IV успел сделать соответствующие распоряжения о перегруппировке русских войск на Украине. Район Коломны, где главным воеводой являлся Дмитрий Федорович Бельский (брат И. Ф. Бельского), получил дополнительные подкрепления. Русские воеводы, стоявшие на р. Угре и под Серпуховом, срочно вызывались с войсками к Коломне.

Сагиб-Гирей вошел в пределы русской Украины между Тулой и Пронском. На его пути к Коломне оказалась новая русская крепость с каменными стенами, которой не существовало во время нашествия Мухаммед-Гирея, — г. Зарайск на

р. Осетре. 28 июля 1541 г. татары «приступали» к Зарайску, но воевода Назар Глебов, защищавший крепость вместе с горожанами, отбилсЯ.

Крымский хан не стал тратить время на осаду Зарайска и продолжил свой путь на север, вдоль р. Осетра. К р. Оке главные силы татар подошли утром 30 июля. Здесь, при впадении р. Осетра в Оку, в 20 верстах выше устья р. Москвы и г. Коломны, у древнего города Ростиславля¹³⁸, прекратившего свое существование задолго до XVI в., произошло решающее сражение.

Первым к месту татарской переправы подошел русский «передовой полк» под командованием И. И. Турунта-Пронского и В. Ф. Охлябинина. Решив, что это — вся русская рать, Сагиб-Гирей распорядился начинать переправу через Оку. По словам Никоновской летописи, «полетеша стрелы, аки дождь», хан приказал «из пушек бити и ис пищалей стреляти», татары «в реку побрели и на тары начаша садитсЯ»¹³⁹.

На помощь передовому полку в течение дня подошли другие русские воеводы с войсками и артиллерией. Началась артиллерийская дуэль, в ходе которой выявилось преимущество русских пушкарей над турецкими пушкарями, пришедшими с крымским ханом на берег Оки. Русские воины не дали татарам переправитсЯ через Оку, после чего, как сообщает Никоновская летопись, Сагиб-Гирей отошел «в станы своя в великом розмышлении»¹⁴⁰. На следующий день, 31 июля, утром татары отступили от Оки.

Полной неудачей завершился и предпринятый Сагиб-Гиреем по совету «старых татар» после отступления от Оки двухдневный штурм г. Пронска (3 и 4 августа 1541 г.). Когда татары полезли на стены города, их «з города кольем и каменнем отбиша». Обороной Пронска руководил воевода Василий Жулебин, город защищали, кроме воинов, простые горожане, в том числе и женщины¹⁴¹. Деревянные стены Пронска, построенные в 1535 г., оказались достаточно прочными. На помощь Пронску двинулись с берегов Оки русские войска. Только быстрым отступлением Сагиб-Гирею удалось спасти свою армию от разгрома.

Кратковременная вспышка русской государственной активности на Поле в 1541 г. была связана с чрезвычайными событиями татарского нашествия и не получила прямого продолжения. Этому способствовали причины как объективного, так и субъективного порядка. В последующие годы Крымское ханство не предпринимало столь крупных походов.

на Русь, как в 1541 г., ограничиваясь грабежом украинны. Общегосударственной необходимости в посылке на Поле станиц-разведок не возникало. На организации борьбы России с Крымским ханством отрицательно сказались и резкие перемены в руководстве русского правительства. В январе 1542 г. Шуйские свергли И. Ф. Бельского и захватили власть в Москве. «И бысть мятеж велик в то время на Москве и государя в страховании учиниша», — сообщает Никоновская летопись¹⁴². Инициатор российской государственной разведки на Поле И. Ф. Бельский был сослан на Белоозеро, где вскоре, как сообщает Постниковский летописец, «уморен бысть голодом»¹⁴³.

Политическая неустойчивость в Москве ощущалась еще в течение нескольких лет. 9 сентября 1543 г. в присутствии Ивана IV и митрополита Макария «подрались бояре в столовой избе». В декабре 1543 г. 13-летний Иван IV впервые проявил свой грозный нрав, отдав на казнь боярина Андрея Шуйского. «И от тех мест начали бояре от государя страх имети», — говорится в летописи¹⁴⁴.

Несмотря на политические перемены в Москве, полки дворянской конницы в традиционных боевых порядках, включавших обычно пять полков (большой, правой руки, передовой, левой руки и сторожевой), продолжали в летние месяцы выходить к Оке. Местом расположения большого полка в эти годы обычно являлась Коломна¹⁴⁵.

Весной 1546 г. в Коломну, во главе русских войск, вышел сам великий князь Иван IV. Не дождавшись татар, он избрал Коломну местом опал и казней. «Июля в 21 день, назавтрее Ильина дни, велел князь великий на Коломне у своего стану перед своими шатры казнити бояр своих князя Ивана Ивановича Кубенского, да Федора Демида Семеновича Воронцова, да Василья Михайловича Воронцова же, — сообщает Постниковский летописец, — ...И казнили их — всем троим головы посекали»¹⁴⁶.

Между 1541 и 1546 гг. крымские татары совершили несколько нападений на русскую украину. В марте 1542 г. «царевич» Амин приходил к Путивлю, татары «воевали» северские места. В августе 1542 г. крупная татарская группировка пыталась разгромить села и деревни между Переяславлем-Рязанским и Зарайском. Нападение татар было отбито. «И вьеводы великого князя по государьскому велению за ними ходили до Дону, и дошли сторожи татарских сторожей на Куликове поле, и многих татарских сторожей великого князя

сторожи побили, а иных переимали, а иные поутекали. И весть татаром от тех утеклцов учинилася, и крымские татарове пошли борзо, и воеводы великого князя, дошед до Мечи, а их не сошли, и оттоле воротилися» — сообщает летопись¹⁴⁷. Здесь под «сторóжами» (как русскими, так и татарскими) понимаются не те сторóжи на Поле, с которыми мы столкнемся при изучении событий 70—80-х гг., а отдельные небольшие отряды конных воинов, отделявшиеся при движении войска от основных сил. В ходе преследования татар русские воины заходили на этот раз в пределы современной Липецкой области.

В декабре 1544 г. «царевич» Амин совершил зимний набег на белёвские и одоевские места. Татары пришли «безвестно» и «поплениша многих людей»¹⁴⁸. В конце 1546 г. «чаяли по полоняниковым вестем крымского царя или царевичев к Москве»¹⁴⁹.

С 1547 г. основное внимание Ивана IV, венчавшегося в этом году «на царство», было занято во внешнеполитических делах Казанью. Борьба Русского государства с Казанским ханством вступала в заключительную стадию. Однако для окончательного разгрома Казани требовалась надежная защита южной укайны. Летом 1550 г., когда разнеслась весть о возможном крупном нападении крымских татар, Иван IV вновь лично появился на краю Поля. 20 июля он выступил в поход «на Коломну, а оттоле на Резань». В Москву он вернулся 23 августа 1550 г.¹⁵⁰

В конце 1550 г. набег «на мешчерские места и на Старую Рязань» совершили из Поволжья ногайские татары. Нападение ногаев было отражено русским войском. Русские воеводы не только отбросили ногайских татар от рязанских и мешчерских сел, но и ходили за ними «до Шатцких ворот». По словам Никоновской летописи, многие татары при этом «поябли». Остальных татар преследовали «казаки великого князя и до Волги их побивали»¹⁵¹.

В данном летописном рассказе казаки показаны как часть русского войска. Но в первой половине XVI в. на Поле были и другие казаки. О них пойдет речь в следующем параграфе.

7. Казаки и севрюки на Поле

Анализируя конкретную историю борьбы России с крымскими татарами в первой половине XVI в., мы пока не обна-

ружили реального выдвижения Российского государства в пределы Поля. Здесь не возникло тогда ни одного, санкционированного правительством нового русского поселения. На Поле еще не было создано общероссийской регулярной сторожевой службы, выходы русских воевод с войсками в пределы Поля являлись крайне редкими, эпизодическими. В первой половине XVI в. документы не позволяют говорить о начале российской государственной колонизации¹⁵² Поля.

Но оставалось ли Поле полностью безлюдным, лишенным русских людей, доступным лишь для прохода грабительских татарских отрядов? Примирилось ли с фактической уступкой Поля татарам население русских окраин? На оба эти вопроса мы считаем возможным дать отрицательный ответ. На наш взгляд, применительно к первой половине XVI в. можно говорить о начальном этапе вольной русской колонизации Поля, протекавшей, правда, в весьма своеобразных формах.

Одной из таких форм вольной колонизации края был выход на Поле казаков. Слово «казак» появляется в русских документах в XV в.; в первой половине XVI в. оно получает довольно широкое распространение. Для начала XVI в. казак — это лично свободный человек, жизнь и деятельность которого обязательно связана с Полем. Казак может поступить на службу, сохраняя свое наименование; при этом служба казака, полностью или частично, осуществляется на Поле. Казаки, как правило, родились и выросли в местах, прилегающих к Полю, там живут их родичи, их семьи. Казаки являются знатоками Поля. Национальная принадлежность казака для того времени не имеет принципиального значения, казаками могут стать и русские люди, и татары.

Приведем выдержки из документов начала XVI в., дающих представление о казаках того времени, о месте казаков в истории Поля. Прокомментируем эти документы.

В 1501 г. посол Алакозь, прибывший с несколькими спутниками в Москву от правителя г. Кафы, перед возвращением попросил у Ивана III разрешения «на Рязани наняти казаков рязанских десяти человек, которые бы на Дону знали». Иван III удовлетворил просьбу посла. В грамоте рязанской княгине Аграфене, посланной от имени Ивана III, в частности, указывалось: «И ты бы у Олакозя десяти человеком ослободила нанятись казаком, а не лутчим людем»¹⁵³. В представлении московского правительства рязанские казаки, знающие берега Дона, находились в подчинении рязан-

ской княгини. Они могли наняться на временную службу к иноземцу только с разрешения Аграфены. Хотелось бы обратить также внимание на противопоставление в документе рязанских казаков и рязанских «лучших людей». Казаки к числу последних не относились. Заметим, что в 1501 г. еще существовала Большая Орда, и в Москве как раз рассматривался вопрос о походе русских войск против Большой Орды. Ликвидация Большой Орды в 1502 г. предоставила казакам несравненно больше возможностей для пребывания и деятельности на Поле.

Сохранившиеся документы первой половины XVI в. дают сведения главным образом о казаках, записавшихся на службу; жизнь вольных казаков оставила в письменных источниках меньший след.

Московские и рязанские служилые казаки (судя по именам, и татары, и русские) неоднократно выступали в качестве гонцов, выезжавших с грамотами в Крым, в Азов, в Кафу; они сопровождали через Поле русских и иностранных послов, возвращались «с вестями».

Когда посольство Ивана Беклемишева было разгромлено в 1503 г. «на Осколе» ногайскими мурзами, сопровождавшие посла московские казаки в Крым «пеши пришли»¹⁵⁴. В 1515 г. рязанский служилый казак Назар Кривой был «в Крыму на вестех»¹⁵⁵.

Зимой 1514 г. ехавшие из Турции в Москву русский посол М. Алексеев и турецкий посол Камал вынуждены были оставить часть имущества и шестерых спутников «на усть Калитвы» (на устье р. Черной Калитвы, в пределах современной Воронежской области). В связи с этим Василий III приказал послать «детей боярских молодых и казаков человек с пятнадцать да усть Калитвы, их встретить»¹⁵⁶. Нетрудно заметить, что казаки после поступления их на службу занимали в русской служебной лестнице нижнее, последнее место.

Служилые казаки имелись и в Путивле: и во времена Шемячи (до 1523 г.) и после перехода Путивля в непосредственное подчинение Москве. В 1522 г. в донесении русского посла Третьяка Губина упоминаются путивльские казаки Федко и Увар, выезжавшие к верховьям р. Ворсклы¹⁵⁷.

Упоминание об азовских казаках встречается в 1503 г., в письме крымского хана Менгли-Гирея Ивану III, о котором мы уже говорили. Тогда сын крымского хана Бурнаш-Гирей пытался набрать в Азове 200 «лихих казаков», оставив

их на крымской службе для проводов послов и гонцов через Поле¹⁵⁸.

Позже азовские казаки в русских документах упоминаются обычно в негативном плане как люди, совершавшие нападения на русское население. В 1515 г., во время переговоров в Москве с турецким послом Камал-Беем, московские бояре требовали от посла, «чтоб азовские казаки нашим украинам лиха никаторого не чинили»¹⁵⁹. В том же 1515 г. турецкий посол Камал-Бей вместе с русским послом Василием Коробовым отправился назад в Стамбул. По Дону до г. Азова послов сопровождали рязанские воеводы Михаил Измайлов и Василий Вердеревский «с детьми боярскими и с казаки и с пищальники с пушками и с пищали»¹⁶⁰. Любопытно, что летом 1515 г. азовских казаков в Азове не оказалось. Правители Азова не смогли дать рязанским служилым людям местных проводников на обратный путь до русской украины и объясняли это следующим образом: «Которые наши казаки азовские были у нас, и те ныне казаки пошли добываться»¹⁶¹. За какой добычей вышли из Азова местные казаки? Думается, что их больше привлекали не хозяйственные занятия, а возможный грабеж русской украины, захват русских людей в плен.

В 1523 г. русскому послу Ивану Морозову, направлявшемуся в Турцию, поручено было сказать об азовских казаках от имени Василия III такие слова: «Которые наши люди украинные ходят по своим ухояям на Поле, а иных людей мы посылаем на Поле своего для дела, — и казаки азовские тех наших людей на Поле имают, да водят в Азов, да их продают»¹⁶².

В документах XVI в. имеются, кстати, аналогичные жалобы на действия русских казаков под Азовом. Наиболее ранняя (по времени) подобная жалоба встретилась нам в документе 1515 г. — письме диздара (турецкого коменданта) г. Азова Василию III. Донося в Москву о событиях в Крыму и рассчитывая получить за это вознаграждение, диздар попутно жаловался на «мешерских казаков», которые «близко от Азова» захватили и увели с собой трех азовских жителей¹⁶³.

Отряды казаков уже тогда назывались «станицами». Так, в 1523 г. плывших по Дону русского и турецкого послов сопровождали до Азова «пять станиц» рязанских казаков¹⁶⁴.

В 40-х гг. XVI в., особенно после венчания Ивана IV на царство (1547 г.), численность служилых казаков заметно

увеличилась. В 1549 г. на Поле, на путях между Казанью и Крымом, активно действовали «казаки царя и великого князя Урачко с товарищи». Из Казани в Крым в это время отправилась представительная делегация: «просити помощи и сверстного царя». Казаки Ивана IV, по сообщению летописи, «послов казаньских побили и ярлыки их поимали и к государю прислали и в Крым никакова человека не пропустили»¹⁶⁵.

В 30—40-х гг. XVI в. в документах появляются сообщения о вольных казаках на Поле, о таких действиях казаков в пределах Поля, которые не регламентируются правительством. В 1538 г. в письме, направленном одному из ногайских мурз, московские бояре говорили о выходе на Поле вольных казаков: «На Поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаки; а из наших украин казаки, с ними смешавшись, ходят»¹⁶⁶. В данном случае речь идет о восточной части Поля, примыкавшей к Поволжью, к местам ногайских кочевий.

Об аналогичной ситуации в западной части Поля, прилегающей к Путивлю, свидетельствует донесение путивльского воеводы М. Троекурова в Москву в 1546 г.: «Ныне, государь, казаков на Поле много и черкасцов, и киян и твоих государевых, вышли государь на Поле из всех украин»¹⁶⁷. Здесь мы встречаем другой, отличный от восточной части Поля, национальный состав казаков. Здесь находятся, кроме российских казаков, выходцы из пределов Великого княжества Литовского (Черкассы и Киев были тогда крайними южными городами Литвы). Упоминание о вольных, не подчинявшихся Москве, казаках содержится и в переписке русского правительства с ногайским князем Юсуфом (1549 г.): «Те разбойники живут на Дону без нашего ведома, а от нас бегают»¹⁶⁸.

Недостаток документов не позволяет в полной мере выяснить происхождение казаков, появившихся на Поле, определить точные географические районы их размещения в первой половине XVI в., их занятия. К этому вопросу мы вернемся позже, рассматривая историю «Поля» в конце XVI в. Отметим пока, что появление казаков на Поле надо рассматривать и в контексте общей социальной истории России, где в XVI в. шел процесс крестьянского закрепощения, и в связи с конкретными политическими событиями XVI в. Уже в первой половине XVI в. можно, по нашему мнению, говорить не только о военной, разбойной, но и об определен-

ной хозяйственной деятельности казаков на Поле, проявлявшейся в форме охоты, рыболовства, бортничества, видеть в действиях казаков того времени начальные элементы вольной народной колонизации Поля.

Интересным явлением в истории хозяйственного освоения Поля являются жизнь и деятельность путивльских севрюков. Встречающееся в русских документах XVI в. слово «севрюки» этимологически отождествляется обычно с коренными жителями Северской земли, с потомками упоминаемого в древней русской летописи славянского племени северян. В первой половине XVI в. наименование «севрюк» имело, кроме историко-этнографического, и социальное содержание. Севрюки отличались от других лично свободных путивльских жителей тем, что являлись владельцами ухажав (ухажев) — промысловых угодий, находившихся за пределами путивльских сел и деревень, обычно — на Поле.

Ценные сведения о путивльских севрюках содержатся в донесениях русского посла Михаила Алексеева, отправившегося в конце 1512 г. из Москвы в Турцию. Путь М. Алексева лежал через Путивль, через «Шемячичеву вотчину». В Путивле в январе 1513 г. посла застали большие снежные заносы. Снега оказалось очень много, по словам посла, «доброму коню по тебенёк»¹⁶⁹. Вместе с М. Алексеевым ехали и крымские послы, возвращавшиеся из Москвы. Выяснилось, что проводник по имени Деменок («человек» Шемячича) может проводить послов только до р. Сулы. «До Сулы и сами знаем от Путивля», — писал в Москву М. Алексеев. Дорога же за р. Сулой не была послам известна. Поэтому он решил ждать «севрюков с Поля, чтобы нам тою дорогою итти»¹⁷⁰. Ожидание севрюков продолжалось в течение недели. Наконец, как доносил посол Василию III, «севрюки, государь, с Поля пришли нартах, а кони, государь, и с санми пометали на Поле, в своих вотчинах, а итти, государь, было им сказывают, на конех не мощно»¹⁷¹.

Рассмотрим еще один документ с упоминанием о севрюках.

Осенью 1523 г. московский наместник в Путивле князь Никита Оболенский (дело было вскоре после «поимания» Шемячича) послал военный отряд в погоню за группой татар, приходивших к путивльским селам для грабежа. В состав отряда вошли дети боярские, «в вожях» (проводником) отправился севрюк по имени Якуш. Погоня не увенчалась успехом, и Якуш «воротился был в свои ухожан». После это-

го «те татарове воротились назад севрюков искати по ухояям»¹⁷². Татары взяли Якуша в плен и увели в Крым. В 1524 г. его выкупил за 15 р. возвращавшийся из Турции через Крым русский посол И. С. Морозов.

Из приведенных документов следует, что путивльские севрюки были знатоками Поля, во всяком случае, той его части, которая примыкала к Путивлю. Их ухояи, находящиеся на Поле, посол М. Алексеев называет «вотчинами». Можно ли, однако, считать ухояи севрюков местами их постоянного жительства? Где жили жены и дети севрюков? Полагаем, что севрюки имели свои дворы в изучаемое нами время в Путивле и в путивльских селах, здесь жили их семьи. Их ухояи, на наш взгляд, были местом временного пребывания и хозяйственной деятельности, там могли оставаться в отдельных случаях их работники, члены семей. Заметим: посол М. Алексеев ждет севрюков в Путивле, он уверен, что севрюки обязательно приедут в город. Да и татары, как видно из документа 1523 г., ищут «по ухояям», стремясь захватить полон, самих севрюков, а не их жен, не членов их семей.

Любопытно отметить, что владельцы путивльских ухояев зимой употребляли нарты — ручные санки с широкими полозьями. На нартах в январе 1513 г. севрюки привезли в Путивль, по-видимому, продукцию их промысловой деятельности (рыбу, меха, мед).

Район хозяйственных занятий путивльских севрюков распространялся в первой половине XVI в. на земли к югу и юго-востоку от Путивля. Полагаем, что он захватывал частично территорию современных Курской и Белгородской областей. Как своеобразная социальная группа южнорусского населения севрюки сохранялись и во второй половине XVI в., и в XVII в. Последнее по времени упоминание о севрюках встретилось нам в документе, относящемся к 1673 г. Как доносил тогда в Москву воевода г. Маяцкого Максим Веденеев, 16 мая 1673 г. «пришел на Торские озера с реки Самары севрюк», который сообщил находившемуся у озер служилому атаману Кузьме Алексееву о появлении татар «верх Торца»¹⁷³. После оригинального путешествия севрюков на нартах в Путивль прошло 160 лет. Российское государство освоило за это время обширные территории Поля, здесь возникли десятки русских городов, сотни сел и деревень. А севрюки все еще существовали, сохранив за 160 бур-

ных лет свое наименование, свои занятия. Правда, севрюки уже не считались «путивльскими», их промысловые угодья отодвинулись во второй половине XVII в. к самой границе России с Крымским ханством, к р. Самаре, в пределы современной Днепропетровской области. Севрюки подолгу жили одиноко в своих отдаленных ухоях, и не случайно слово «севрюк» стало на Руси обозначением угрюмого, сурового человека¹⁷⁴. История севрюков как особой социальной группы южнорусского населения XVI—XVII вв. еще ждет своих исследователей.

Глава III

ПЕРВЫЕ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ АКТИВНОЙ БОРЬБЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА С ТАТАРАМИ ЗА ОБЛАДАНИЕ ПОЛЕМ (1551—1570 гг.)

1. История возникновения новых русских городов на стыке уkraine и Поля в 50—60-х гг. XVI в. 2. Борьба Российского государства с Крымским ханством в 1551—1554 гг.: хроника событий на Поле и за его пределами. 3. Русско-крымские столкновения в 1555 г.: обмен ударами, битва под Судьбищами. 4. Развитие российской активности на Поле в борьбе против Крымского ханства в 1556—1558 гг. 5. Русские наступательные операции против Крыма и события на Поле в 1559 г. 6. Хроника событий 1560—1562 гг.: переход инициативы к татарам, разорение Псельского города по приказу Ивана IV. 7. Борьба с татарами в 1563—1570 гг., дальнейшее продвижение России в пределы Поля.

1. История возникновения новых русских городов на стыке уkraine и Поля в 50—60-х гг. XVI в.

К середине XVI в. определились заметные успехи в социально-экономическом развитии Российского государства. В связи с прекращением разорительных феодальных войн быстро росла численность населения в центре страны, где развивались земледелие, животноводство, промыслы. От татарских вторжений страдала в основном лишь уkraine. Молодой царь Иван IV и его советники, из числа которых выделялся А. Ф. Адашев, стали проводить реформы, направленные на укрепление государства, консолидацию господствующего класса.

Широко было распространено крупное вотчинное землевладение с зависимыми крестьянами, платившими вотчиннику оброк и поэтому весьма заинтересованными в увеличении производимой ими земледельческой и животноводческой продукции. Развитие стала получать и система поместного землевладения. Она способствовала увеличению количества дворян и детей боярских, составлявших основу армии, активно поддерживавших внешнеполитические и внутривнутренние мероприятия Ивана IV. Негативные экономические аспекты поместного землевладения (суровая эксплуатация крестьян, использование барщины, подрывавшей заинтересованность крестьян в результатах своего труда) еще не успели в то время проявиться в достаточной степени.

Усиление могущества Российского государства ярко отразилось во внешнеполитических акциях 50-х гг. XVI в. В 1552 г. русское войско под командованием Ивана IV взяло штурмом Казань. В 1556 г. была окончательно присоединена Астрахань. Территория бывших татарских ханств на Волге — Казанского и Астраханского — вошла в состав России. В 50-е гг. XVI в. произошел заметный перелом и в ходе борьбы России с Крымским ханством, в отношении России к южному, остававшемуся своего рода ничейной землей, Полю. В борьбе с крымскими татарами Россия отошла от прежней, чисто оборонительной, тактики. Частыми стали выходы русских войск на Поле, были организованы военные походы и удары по Крымскому ханству.

С 1551 г. началось последовательное строительство новых русских городов-крепостей на стыке Украины и Поля. Новые города, и основанные в полном смысле заново, и восстановленные на прежних местах, на старых городищах, наполнялись гарнизонами из числа мелких служилых людей. Вокруг них получали землю помещики — дети боярские, на службу «прибирались» казаки, стрельцы. Поблизости от новых городов возникали и заселялись крестьянами села и деревни. С начала 50-х гг. развернулся процесс неуклонного продвижения России в сторону Поля. Ливонская война, начавшаяся в 1558 г., замедлила, но не остановила этот процесс. Основанию русских городов пытались помешать крымские татары. Но и они, несмотря на большую активность нового крымского хана Девлет-Гирея, не смогли остановить русского выдвижения к Полю, а затем и на Поле.

Продвижение России в сторону Поля в 50—60-е гг. XVI в. проходило, как мы увидим далее, не всегда последовательно и гладко. Многое зависело от общей ситуации в стране.

На смену военным и внешнеполитическим успехам 50-х гг. пришли неудачи 60-х гг. на западе и юге, тесно связанные с введением Иваном IV опричнины, с размахом страшного опричного террора. Возникновение новых российских городов на Украине, получившее особый размах в 50-е гг., продолжалось и после учреждения опричнины, но в более замедленном темпе.

50—60-е гг. XVI в. стали первым этапом в истории реальной борьбы России за обладание Полем, всей территорией современного Центрального Черноземья, необходимой предпосылкой для последующего политического и экономического включения Поля в состав Российского государства.

Рассмотрим теперь по разрядным книгам, летописям и другим источникам конкретную историю возникновения новых русских городов, выдвинувшихся в это время в сторону Поля, в сторону современного Центрального Черноземья.

В апреле 1551 г. началось возведение деревянных стен и башен нового города на берегу р. Прони, «на Михайлове городище»¹. Руководителями строительства Иван IV назначил князя Александра Ивановича Воротынского, являвшегося в это время рязанским наместником, и Михаила Петровича Головина. Город получил имя по старому городищу: Михайлов. Употребление в документе XVI в. названия старого городища дает основание полагать, что точно так же назывался и существовавший здесь раньше укрепленный древнерусский городок, погибший во время монголо-татарского ига на Руси. После завершения строительства города («как город поставили») воеводами в Михайлов были назначены рязанцы И. Б. Денисьев и С. Ф. Сумбулов².

Михайлов сразу же занял заметное место среди городов-крепостей укайны. В 1552 г. воеводой в нем был князь Юрий Иванович Пронский-Шемякин³, будущий руководитель похода против Астраханского ханства. Во второй половине XVI в. служилые люди г. Михайлова активно участвовали в сторожевой службе, в основании русских городов на Поле, в борьбе с татарами. Михайлов сохраняет ранг города и в наши дни, он находится в пределах современной Рязанской области, в западной ее части.

Весной 1553 г. Иван IV распорядился «в Мещере, на реке на Шаче поставити город Шатцкой»⁴. В этом месте, недалеко от впадения речки Шачи в Цну, находились так называемые Шатцкие (Шацкие) ворота, здесь был проход из степи через лес к мещерским и рязанским местам. В 1550 г. до Шацких ворот русские воеводы преследовали ногайских татар, уходивших после неудачного набега из рязанских земель⁵. До основания Шацка здесь существовали русские лесные засеки; по свидетельству разрядных книг, сюда «по засекам» в 1551 г. был послан воевода В. М. Борисов-Машуткин⁶.

Строительством деревянных стен и башен г. Шацка в 1553 г. руководил воевода Борис Иванович Сукин. Следует отметить, что для определения даты основания Шацка надо пользоваться разрядными книгами, а не Никоновской летописью. В разрядных книгах 1475—1598 гг. и 1550—1636 гг. приведены ценные подробности об основании города, тогда

как сведения Никоновской летописи о Шацке слишком кратки, датировка их неточна.

Ныне г. Шацк относится к Рязанской области. Он расположен поблизости от границ с Тамбовской областью, обширные территории которой входили после основания Шацка во второй половине XVI в. в состав «шацких мест», а затем — Шацкого уезда.

Третьим русским городом, возникшим в 50-х гг. XVI в. на стыке украины и Поля, стал Дедилов, основанный на речке Шиворони — притоке р. Упы — примерно в 35 км к юго-востоку от Тулы. Строительство города началось в апреле 1554 г. и проходило, по свидетельству разрядных книг и Никоновской летописи, под руководством воеводы Дмитрия Михайловича Жижемского⁷. Дедилов находился почти у самой Муравской дороги, он стал для Тулы своеобразным передовым укреплением. Разрядные книги, как обычно, ничего не говорят о рядовых строителях города. Назначение Д. М. Жижемского сначала в Тулу, а потом в Дедилов позволяет предположить, что в возведении деревянных стен и башен нового города участвовали служилые люди Тулы. После завершения строительства Дедилова в него были посланы «годовать» воеводы Н. С. Вердеревский и И. В. Иевлев.

На месте Дедилова до монголо-татарского нашествия на Русь, по мнению ряда дореволюционных и советских историков (М. П. Погодин, А. Н. Насонов, Т. Н. Никольская и др.), находился древнерусский город Дедославль, упоминаемый в летописях в XII в. При этом в исследовании археолога Т. Н. Никольской «Земля вятичей» проскальзывает мысль о том, что поселение на речке Шиворони существовало с тех пор вроде бы постоянно, а «в период укрепления южной границы Московского государства в 1553 г. здесь была построена деревянная крепость»⁸. Оставив в стороне неточность Т. Н. Никольской в дате, отметим, что формулировка Никоновской летописи, согласно которой Дедилов был поставлен «на Поле против Тулы»⁹, подчеркивает отсутствие здесь какого-либо поселения перед основанием города в 1554 г. Думается, что перерыв в жизни русского поселения на речке Шиворони был весьма значительным, достаточным для того, чтобы к середине XVI в. забылось прежнее, точное его название.

Дедилов играл заметную роль в жизни южнорусской украины во второй половине XVI в. и в первой половине XVII в. Со второй половины XVII в. начался его упадок. Сейчас на

месте города, в пределах современной Тульской области, находится с. Дедилово.

Крупные и яркие события, случившиеся на Поле в 1555 г. (одновременные походы русских войск к границам Крымского ханства, а крымского хана Девлет-Гирея — к Москве, бой под Судьбищами), описаны в Никоновской летописи очень подробно. Мы их рассмотрим позже. Для составителя летописи они заслонили, оставили в стороне менее важное событие — основание города Болхова на речке Нугри. Сведений о возникновении этого города в Никоновской летописи нет.

Подробности основания Болхова сохранились в разрядных книгах. Речка Нугрь — левый приток Оки. Город сначала назывался по речке — «Нугрь», или «город на Нугри». Весной 1555 г. («з благовещеньева дни», с 25 марта по старому стилю) к р. Нугри были посланы воеводы Михаил Петрович Репнин и Григорий Иванович Нагой. Как сообщает разрядная книга 1475—1598 гг., «город делал Григорей Иванов сын Нагово»¹⁰. М. П. Репнин, видимо, осуществлял охрану строителей города от возможного нападения татар. С 20 июля 1555 г. после завершения основных работ М. П. Репнин был отозван в г. Карачев. Воеводами Болхова стали Д. С. Одоевский и Г. И. Нагой.

Название «Болхов» употребляется в разрядных книгах с осени 1556 г.¹¹ Появление Болхова как новой русской крепости на краю Поля закрыло прямой путь татарам к Белеву и Козельску, несколько улучшило военное положение Мценска, в значительной мере подготовило последовавшее вскоре основание Орла. По современному административному делению г. Болхов относится к Орловской области.

Время возникновения Рязска, как и Болхова, удастся выяснить по разрядным книгам. Строительство городских стен и башен Рязска подходило летом и осенью 1557 г. под руководством воеводы Михаила Ивановича Колычева. Имя города сложилось не сразу. В 1557 г. употреблялись такие его названия: «город на Пехлице в Ряском»¹², «на Пехлице Ватман-город»¹³. После завершения строительства надолго возобладало название «Ряской» («Рязской»). Современное название города утвердилось лишь в XVIII в.

Рязск возник на речке Хупте, у Рязского поля, являвшегося в начале XVI в. краем освоенных земель Рязанского княжества. Речка Хупта течет из Рязского поля на север; на юг оттуда же текут речки Ряса, Становая Ряса, Ягодная

Ряса. Во второй половине XVI в. служилые люди Ряжска активно участвовали в сторожевой службе на Поле. Границы Ряжского уезда постепенно распространились к югу, захватив часть современных Липецкой и Тамбовской областей. Сам же г. Ряжск находится в пределах нынешней Рязанской области.

Среди городов, возникших в 50-х гг. XVI в. на стыке украинны и Поля, особое место занимает так называемый «Псельский город», или «город на Псле». Все другие новые города на юге России, предшествовавшие ему по времени возникновения (Михайлов, Шацк, Дедилов, Болхов, Ряжск), не отрывались далеко от своих соседей по украине. В отличие от них, Псельский город был построен далеко впереди, расстояние от него до ближайшего русского города (Путивля) составляло примерно 250 км. Находился он при впадении р. Псёл в Днепр в пределах современной Полтавской области и просуществовал всего несколько лет (1558—1562 гг.). Возникновение его было обусловлено конкретными военными причинами: он являлся исходной базой при организации русских наступательных операций против крымского ханства со стороны Днепра. Ни разу не появлялись под стенами Псельского города войска противников России: крымских татар, поляков, литовцев. Несмотря на это, город был оставлен и разорен русскими по нелепому приказу Ивана Грозного, формально — из дипломатических соображений. Более подробно мы коснемся короткой истории Псельского города в следующих параграфах этой главы, при освещении истории борьбы Российского государства с Крымским ханством в 50—60-х гг. XVI в.

В начале 60-х гг. XVI в. юго-западнее Тулы были построены два небольших городка: «на Плове» и «на Солове». Позже к ним присоединился еще один городок — Крапивна. Их можно называть и острожками. Эти три городка стали с конца 60-х гг. составлять как бы единое укрепление и управляться одним воеводой. Первым из них (по времени возникновения) был городок «на Плове». В разрядной книге 1475—1605 гг. имеется следующая запись, относящаяся к 1560 г.: «На Плове воевода с Тулы боярин князь Петр Семенович Серебряной да Михайло Петров сын Головин»¹⁴. Городок был построен на речке Плове — притоке р. Упы, как можно полагать, летом 1560 г. К северо-востоку от него, на речке Солове (тоже притоке р. Упы) возник около 1562 г. городок «на Солове».

В 1569 г. воеводой «на Плове и на Солове» являлся князь Борис Петрович Засекин. В случае появления татар ему предписывалось идти на соединение с другими воеводами, причем идти не от Пловы или Соловы, а «с Крапивны»¹⁵. Такая формулировка позволяет заключить, что Крапивна в это время занимала среди трех соседних городков ведущее место. Служилые казаки, как видно по тем же разрядным книгам, имелись во всех трех городках. В 70-х и в начале 80-х гг. XVI в. воеводы и осадные головы посылались «на Плову и на Солову и на Крапивну»¹⁶. Затем в разрядных книгах остается одна Крапивна¹⁷, которая находилась при устье речки Пловы. В 1587 г. Крапивна подверглась нападению татар. В настоящее время Крапивна является селом, одним из небольших селений Тульской области.

С весны 1563 г. в записях разрядных книг среди городов южнорусской Украины появляется Новосиль. В истории этого города пока еще не все ясно, остановимся на этом вопросе подробнее.

Расположенная на берегу р. Зуши (притока Оки) Новосиль существовала в эпоху Древней Руси. В период феодальной раздробленности русских земель она стала центром одного из так называемых верховских княжеств (расположенных в верховьях р. Оки). Как показал М. К. Любавский, Новосильское княжество было разгромлено татарами в 1376 г., после чего новосильский князь Роман Семенович перенес свою резиденцию примерно на 100 км к северу, из Новосили в Одоев¹⁸. Преемники этого князя назывались «новосильскими и одоевскими», так, в частности, именовался князь Федор Львович, отмеченный в документе 1442 г.¹⁹ В споре между Великим княжеством Литовским и Великим княжеством Московским за обладание верховскими княжествами, победила, как известно, Москва. По договору 1494 г. Литва признала включение верховских княжеств в пределы России.

Оказавшись в составе Российского государства, отдельные верховские княжества существовали некоторое время в виде своеобразных уделов, удельных княжеств. В первой половине XVI в. г. Одоевом владели князья Воротынские. В 1525 г. князь Иван Воротынский восстановил «на старом Одоевском городище», на р. Упе, разрушенный татарами г. Одоев²⁰. В середине XVI в. Одоев считался вотчиной его сыновей — Михаила Ивановича и Александра Ивановича Воротынских.

Как в свое время князь Василий Шемячич по отношению к Василию III, князь Михаил Воротынский по отношению к Ивану IV именовался «служгой»; этот чин в данном случае подчеркивал его высокое происхождение и положение. По свидетельству разрядных книг, служба М. И. Воротынского в 50-е гг. XVI в. иногда географически связывалась с его вотчиной — г. Одоевом. Так, в 1556 г. «слуга князь Михайла Иванович Воротынской» стоял сначала в качестве второго воеводы большого полка в Коломне и на р. Протве, затем он был послан в Одоев²¹. Аналогичная ситуация сложилась в августе 1559 г., когда «слуге князю Михаилу Ивановичу Воротынскому велел государь итти на службу в его вотчину Одоев»²².

О Новосили в русских документах первой половины и середины XVI в. никаких сообщений нет, во всяком случае мы их не обнаружили. Татары во время своих неоднократных вторжений в Россию проходили верхнее и среднее течение р. Зуши без каких-либо препятствий. Место прежнего города было, несомненно, хорошо известно и продолжало оставаться вотчиной князей Воротынских. Но Новосили, как города реального, живого, на наш взгляд, в это время не существовало.

Весной 1562 г. братья Михаил и Александр Воротынские были записаны в «розряд береговой от Поля»²³, где заняли ведущие военные должности: М. И. Воротынский стал первым воеводой большого полка, А. И. Воротынский — первым воеводой полка правой руки. Полки дворянской конницы стояли тогда в Серпухове, общим руководителем войск считался двоюродный брат царя — князь Владимир Андреевич.

Крымский хан Девлет-Гирей в июле 1562 г. совершил неожиданное нападение на г. Мценск. Хан и пришедшие с ним мурзы затем, по сообщению Никоновской летописи, «войну розпустили ... к Болхову и на белевские места»²⁴, захватили там полон. О Новосили нет опять ни слова. Если бы Новосиль, расположенная всего в 50 км от Мценска, на татарском пути к Мценску, существовала, она не могла бы остаться в стороне, вне татарского нападения. Делаем еще один вывод: летом 1562 г. Новосили по-прежнему не было.

После отхода крымского хана, по сообщению летописи, «придоша из Серпухова воеводы во Мценск, и за царем [крымским ханом. — В. З.] тогда на Поле ходили воеводы: слуга князь Михайло да боярин князь Олександр Ивановичи Воротынские и иные воеводы со многими людьми, которые

были с воеводами по берегу для крымских людей бережения, и ходили за ними до Коломака и до Мерчика»²⁵. В одной из разрядных книг имеется пояснение к походу М. И. Воротынского из Серпухова в Мценск. Оказывается, в Серпухов к М. И. Воротынскому «пригнал» с наказом от Ивана IV князь Д. И. Хворостинин. Иван IV потребовал от М. И. Воротынского немедленного и весьма спешного похода²⁶. Из Мценска, преследуя уходящего врага, М. И. Воротынский прошел с войсками по Полю более 400 км, пересек территорию современного Центрального Черноземья, но татар не догнал.

Никоновская летопись далее сообщает, что 15 сентября 1562 г. «царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси положил свою опалу на князя Михаила да князя Олександра на Воротынских за их изменные дела, и вотчину их Новосиль и Одоев и Перемышль и в Воротынску их доли велел взяти на себя, и повеле князя Михаила посадити в тюрьму, со княгинею на Белеозере, а князя Александра и со княгинею велел посадити в тыне в Галиче за сторожи»²⁷. Заметим, что летом 1562 г. Ивану IV на самом деле изменил и перешел на службу польскому королю князь Д. И. Вишневецкий (об этом речь пойдет дальше). Ивану IV могла прийти в голову мысль о возможности подобной измены и со стороны князей Воротынских.

Не так важен повод, найденный Иваном IV для опалы на Воротынских, серьезного повода могло и не быть. Сам факт существования владений князей Воротынских в пределах Российского централизованного государства противоречил устремлениям Ивана IV, и царь расправился со своим «служгой» примерно так же, как за 39 лет до этого его отец Василий III с Василием Шемячицем. Разница состояла лишь в том, что М. И. Воротынскому, в отличие от Шемячича, через несколько лет удалось получить «прощение» и вернуться к активной политической деятельности. (Последовавшая затем новая опала кончилась для М. И. Воротынского в 1573 г. трагически, об этом будет сказано далее.)

Перечень владений князей Воротынских, взятых «на себя» Иваном IV в 1562 г., начинается с Новосили. Думается, что это сделано по традиции, сохранявшейся с давних времен, когда удельные князья, уйдя из Новосили в Одоев, продолжали называться «новосильскими и одоевскими». Восстание Новосили как российского города-крепости, видимо, связано не столько с ликвидацией новосильской вотчины,

князей Воротынских, сколько с конкретным нападением крымского хана на Мценск в июле 1562 г. В чисто военном аспекте оно являлось ответной мерой Ивана IV на поход Девлет-Гирея. Возрожденная Новосиль, прикрыв собою Мценск, выдвинулась в пределы Поля.

Первым российским воеводой в Новосили был Василий Семенович Воейков, он назван в разрядном перечне, составленном весной 1563 г.²⁸ Разрядные книги сообщают, что в 1565 г. новосильскими воеводами были назначены князь Ю. Ф. Борятинский и Т. М. Судаков²⁹. Но в 1566 г. назначение воевод в этот город не производилось, поскольку Новосиль на короткое время стала «вотчинным городом», центром восстановленного удельного княжества.

Поясним сложившуюся ситуацию. Весной 1566 г. Иван Грозный принял неожиданное решение об освобождении из северной ссылки князя М. И. Воротынского и возвращении ему конфискованных земель. Р. Г. Скрынников объясняет такое решение стремлением опричного правительства в это время к компромиссу с земским боярством, и он, видимо, прав³⁰. Думается, однако, что для объяснения поступков Ивана Грозного (особенно со времени учреждения опричнины) непригодны обычные логические конструкции, общечеловеческие понятия. Психически неуравновешенный царь, считавший, что он может по своему желанию казнить и миловать любого из подданных, не раз принимал импульсивные, противоречивые решения. Сведения о возвращении М. И. Воротынскому прежних вотчин содержатся в посланиях Ивана Грозного и в дипломатической переписке того времени. В мае 1566 г. Иван Грозный велел сообщить в Литву, что он пожаловал М. И. Воротынского «по старому и вотчину его старую, город Одоев и город Новосиль ему совсем отдал и больше старого»³¹.

Летом 1567 г. от имени князя М. И. Воротынского были составлены послания польскому королю Сигизмунду II Августу и литовскому магнату Григорию Ходкевичу. Авторство этих посланий (как и посланий бояр И. Д. Бельского и И. Ф. Мстиславского тем же лицам) обычно приписывается самому Ивану Грозному³². В этих документах М. И. Воротынский именуется «державцем Новосильским»³³, сообщается, что он обладает Новосилью и в данное время укрепил город³⁴.

Однако возвращение роли центра удельного княжества этому городу оказалось весьма недолгим. По свидетельству

разрядных книг, уже в 1569 г. в Новосиль были назначены царские воеводы Н. Е. Салтыков и Л. Беклемишев³⁵. Данный факт говорит о прекращении владения Новосилью со стороны М. И. Воротынского. Заметим, что повторное изъятие Иваном Грозным Новосили из владений М. И. Воротынского произошло за несколько лет до последней опалы князя, случившейся в 1573 г., и не может быть поставлено с нею в непосредственную связь. История Новосили в 60—70-е гг. XVI в. еще ждет своего исследователя.

Ранг города древняя Новосиль сохранила до наших дней, она находится в пределах современной Орловской области.

На наш взгляд, основание города Орла явилось в значительной мере ответной реакцией России на конкретное татарское нападение. Если Новосиль была возрождена в ответ на поход крымского хана Девлет-Гирея в 1562 г. к Мценску, то Орел был основан в ответ на поход Девлет-Гирея в 1565 г. к Болхову. Новосиль как бы встала перед Мценском, Орел — перед Болховом. В район Болхова татары прошли в начале октября 1565 г. с верховьев Оки, оставив к западу Карачев, к востоку — Мценск и Новосиль. 9 октября Девлет-Гирей подошел к стенам Болхова, встретил здесь русские войска, собранные, кстати, и из земщины, и из опричнины, и в тот же день отступил.

В списке назначений воевод в города украины, составленном осенью 1566 г., Орла еще нет. В аналогичном списке, составленном в апреле 1567 г., Орел есть³⁶. Датой основания Орла традиционно и с достаточным основанием считается 1566 г. Наиболее вероятное время строительства деревянных стен и башен Орла — осень 1566 г. Орел в это время упомянут и в Никоновской летописи: «поставлен быть город на Поли на реке Орлее»³⁷. Город получил имя по речке, которая тогда называлась Орлей или Орел, сейчас — Орлик. Город расположился при впадении этой речки в Оку.

Необходимо отметить, что основанный в 1566 г. Орел существовал как город не непрерывно. В 1611 г., в трудное время российской «смуты», он был сожжен, его жители разошлись. Но Орловский уезд как административная единица сохранился, позже жители уезда построили в ряде сел для защиты от татар деревянные острожки. Когда в 1635 г. возник вопрос о возобновлении Орла, дворяне и дети боярские «болховичи, карачевцы, орляне» подали челобитную, в которой утверждали, что места для нового города «лутчи Ор-

ловского старого городища нет»³⁸. Царский указ о повторном основании Орла датирован 2 сентября 1635 г.³⁹

Примерно в то же время, что и Орел (1566 г.), в верховьях Дона, на рубеже уkraine и Поля возник еще один город — Епифань. Разрядные книги ничего не сообщают об основании Епифани по той причине, что это был не царский, не государственный, а «вотчинный город», принадлежавший одному из руководителей боярской думы — князю И. Ф. Мстиславскому. Не вполне ясно, когда и каким путем И. Ф. Мстиславский получил земли в верховьях Дона. Р. Г. Скрынников полагал, что это произошло «в самом начале опричнины»⁴⁰. Как свидетельствуют писцовые книги, опубликованные Н. В. Калачевым, жители Епифани селились «у князя у Ивана у Мстиславского на льготе в 75-м году [1566/67 г. — В. З.], а льготы им дал был князь Иван на 10 лет»⁴¹. И. Ф. Мстиславский «своей казной» построил деревянную крепость, нанял стрельцов и казаков, действовал как настоящий удельный князь.

Заметим, что основание Епифани князем И. Ф. Мстиславским совпадает по времени с передачей Иваном Грозным князю М. И. Воротынскому Новосили и возобновлением Новосильско-Одоевского удела. Географически Новосиль и Епифань в это время дальше, чем другие города уkraine, выдвинулись в сторону Поля. Создается впечатление, что на первом этапе опричнины Иван Грозный имел в виду переложить оборону уkraine от татар в значительной мере на удельных князей.

Епифань оставалась вотчинным городом до 1571 г. После разгрома крымскими татарами Москвы Иван Грозный обвинил князя И. Ф. Мстиславского в тайных сношениях с Девлет-Гиреем и отписал часть его владений, включая Епифань, в казну. В 70-х гг. XVI в. епифанские казаки принимали активное участие в общероссийской сторожевой службе на Поле.

В настоящее время Епифань считается поселком городского типа, она находится в пределах современной Тульской области.

Кроме Епифани на вотчинных землях московских бояр в пределах уkraine существовали также городки Венев (Городенск) и Чернь. Венев в начале 60-х гг. XVI в. был владением боярина И. В. Большого Шереметева, после опалы боярина перешел в казну и был отдан Иваном Грозным князю И. Ф. Мстиславскому. В 1571 г., одновременно с Епи-

фанью, Венев был отнят у И. Ф. Мстиславского⁴². Городок Чернь входил в 1566—1568 гг. в восстановленный Новосильско-Одоевский удел князя М. И. Воротынского, этот факт подтверждается завещанием Ивана Грозного⁴³. Разрядные книги свидетельствуют о том, что после ликвидации Иваном Грозным удельных княжеств на Украине царские воеводы некоторое время во многие прежние вотчинные города не назначались. Служилыми людьми Епифани, Одоева, Венева, Черни в 70-х гг. XVI в. управляли «осадные головы»⁴⁴.

Среди городов, основанных на Украине в 50—60-х гг. XVI в., лишь один Данков (или Донков, как он назывался до XVIII в.) географически попадает в пределы современного Центрального Черноземья. Свое имя он унаследовал от древнего рязанского города, разрушенного татарами. Сведения о Данкове применительно к началу XVI в. содержатся в сочинении немецкого дипломата и путешественника Сигизмунда Герберштейна, посетившего Россию в 1517 и 1526 гг. Герберштейн упоминает рязанскую местность у Дона под названием «Донко». Он сообщает, что отсюда Дон становится впервые удобным для плавания и что Донко — это «древний и разрушенный город»⁴⁵. Напомним, что в 1523 г. русский посол Иван Морозов, турецкий посол Скиндер и сопровождавшие их рязанские казаки «клялись в суды в Донкове»⁴⁶. В то время постоянного поселения на месте древнего Данкова, видимо, не существовало; эпизодически, как и при устье р. Мечи, там возникал лишь временный посёлок судостроителей.

Вопрос о конкретной дате основания г. Данкова в XVI в. был рассмотрен нами в статье «Формирование и заселение Данковского уезда в XVII веке», опубликованной в 1975 г.⁴⁷ На основании известных тогда разрядных книг мы предположили, что Данков был основан в 1568 г. Публикация и введение в научный оборот разрядной книги 1475—1605 гг. полностью подтвердили наше предположение. «Ставили» город весной 1568 г. служилые люди, пришедшие из Пронска и Михайлова, под руководством воевод Владимира Курлятева и Бориса Серебряного, казачьих голов Григория Сидорова и Юрия Булгакова (Денисьева)⁴⁸.

По сообщению разрядной книги 1475—1605 гг., В. Курлятев и Г. Сидоров «в Донкове умерли»⁴⁹. Что же случилось со строителями Данкова в новом городе, что стало причиной их смерти? Ответ на этот вопрос дает современник событий — князь Андрей Михайлович Курбский. Он уверенно ут-

верждает в своей «Истории о великом князе Московском», что и Владимир Курлятев, и Григорий Сидоров были убиты опричниками по приказу Ивана Грозного. А. М. Курбский свидетельствует, что Иван Грозный убил кроме В. Курлятева и Г. Сидорова «в новопоставленном граде на самом Танаисе посланными от него прелютыми кромешники», также других активных участников борьбы с крымскими татарами, в частности Д. Чулкова и Ф. Булгакова⁵⁰.

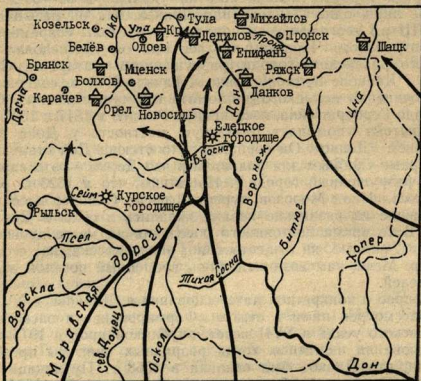

Рис.2. Территория современного Центрального Черноземья и прилегающая к ней «украина» в 1568 г.
Схематическая карта

Условные обозначения:

- современная граница Центрального Черноземья
- Рылск — города, существовавшие в 1550 г.
- Данков — города, основанные или возрожденные в 1551 — 1568 гг.
- основные дороги татарских вторжений
- Кр. Крапивна

Нет никаких сомнений в том, что, говоря о «новопоставленном граде на самом Танаисе», А. М. Курбский имел в виду именно Данков. Становится ясно, что новый город на Дону, в пределах современной территории Центрального Черноземья, сразу же после своего возникновения стал местом кровавых опричных репрессий.

Данков быстро занял одно из ведущих мест среди городов южнорусской Украины. Весной 1569 г. в разрядной росписи городов «от польские Украины» он значится первым; воеводами в Данков были посланы тогда князя Никита Романович Одоевский и Андрей Васильевич Репнин⁵¹.

Велика роль Данкова в организации российской сторожевой службы на Поле в 70—80-х гг. XVI в. Район наблюдения данковских сторож охватывал тогда почти всю территорию современной Липецкой области, части современных Орловской, Тамбовской и Воронежской областей.

Данков относится к числу тех городов, которые в ходе своей истории «перебрались» на другое место. С 1568 по 1618 г. он находился на левом берегу Дона, в северной части современного Данковского района Липецкой области. В 1613 г. Данков выдержал осаду татар. Но в 1618 г., на заключительном этапе польско-литовской интервенции в России, город не устоял, он был взят и сожжен гетманом Петром Сагайдачным во время похода гетмана на соединение с польскими войсками к Москве.

Данков возродился как город уже в следующем году, но возродился на новом месте, на правом берегу Дона, при устье речки Вязовни. Он и теперь находится здесь. Писцовые книги XVII в. неоднократно упоминают место расположения г. Данкова 1568—1618 гг. как географический ориентир («что был город старой Донков на городище»⁵²). По прямой линии от старого Данковского городища до современного города — 30 км, по Дону — примерно 40 км. Причины своеобразного «перескока» Данкова через Дон рассмотрены нами недавно в одной из научных статей⁵³.

Основанием Данкова заканчивается период бурного строительства новых российских городов на стыке Украины и Поля, начавшийся в 1551 г. и продолжавшийся, хотя и менее активно, в течение 60-х гг. XVI в. (Рис. 2).

На грани 60-х и 70-х гг. XVI в. записи в разрядных книгах о назначениях воевод и осадных голов в южнорусские города становятся более краткими, неполными. В этом факте отразилось, с одной стороны, общее осложнение политиче-

ской жизни страны, потрясенной опричным террором, занятой продолжавшейся Ливонской войной. С другой стороны, в уменьшении информативности и, так сказать, четкости разрядных книг видны и конкретные результаты массовых репрессий Ивана Грозного, коснувшихся московских дьяков и подьячих — документалистов того времени. В 1570 г., как сообщает Пискаревский летописец, Иван Грозный «повеле казнити дияка Ивана Висковатова по суставом резати, а Никиту Фуникова, дияка же, варом обварити; а иных многих розными муками казниша»⁵⁴.

В разрядной записи 1570 г., в списке наместников и воевод, значатся следующие города «от польские украины»: Данков, Дедилов, Новосиль, Мценск, Орел, Рязск, Карачев, Шацк, Брянск, Почеп, Стародуб, Чернигов, Новгород-Северский, Путивль, Рыльск, Рославль⁵⁵. В разрядной росписи 1571 г. список городов «от польские украины» отличается от предыдущего; здесь названы Путивль, Плова и Солова, Данков, Новосиль, Тула, Дедилов, Орел, Мценск, Рязань, Рязск, Болхов, Брянск, Рославль, Чернигов⁵⁶. Новые города, возникшие в 50—60-е гг. XVI в., никак не различаются со старыми, все они считаются городами «от польские украины» — соседствующими с Полем.

Выяснив даты и конкретную историю возникновения российских городов на примыкающей «к Полю» территории в 50—60-х гг. XVI в., перейдем теперь к более подробному изложению политических событий этого времени, связанных с интересующим нас регионом.

2. Борьба Российского государства с Крымским ханством в 1551—1554 гг.: хроника событий на Поле и за его пределами

Основные военные и внешнеполитические мероприятия России в 1551—1552 гг. были нацелены на восток и направлены на борьбу против Казанского ханства, борьба эта вступала в завершающую стадию. Предыдущие походы Ивана IV на Казань не дали реального результата. Новый поход Иван IV и его советники готовили планомерно и обстоятельно. В 1551 г. на берегу Волги, недалеко от Казани, была построена русская крепость — Свияжск. Обстановка на западных рубежах России благоприятствовала подготовке казанского похода, еще в 1549 г. с Литвой было заключено пе-

ремирие на пять лет⁵⁷. Помешать походу могли лишь крымские татары.

В апреле 1551 г. для затруднения контактов Казани с Крымом на Поле из Переяславля-Рязанского были посланы с войсками воеводы Михаил Волинский (Вороной) и Григорий Филипов-Наумов.

Иван IV, по сообщению разрядных книг, «велел им беречи, нечто пойдут ис Казани казанские люди в Крым по царевича или как царевич ис Крыму или крымские люди пойдут в Казань, и им над ними дела царева и великого князя беречи, посморя по делу»⁵⁸. Точное место размещения русского отряда в 1551 г. на Поле неизвестно. Одна из дорог, шедших из Крыма в Казань, пересекала тогда Дон у «Казанского перевоза», там, где ныне находится станица Казанская (на севере современной Ростовской области, у границы с Воронежской областью). Весьма вероятно, что М. Волинский и Г. Филипов-Наумов выходили в 1551 г. именно в этот район Придонья. Важен и сам факт выдвижения русского военного отряда на Поле в 1551 г. Выражение «посморя по делу» в наказе воеводам говорит о предоставлении им права принятия самостоятельных решений при встрече с татарами.

На случай возможного крупного наступления крымских татар в мае 1551 г. у Оки вновь выстроились полки дворянской конницы. Был сделан традиционный расчет войск на пять полков. Большой и сторожевой полки расположились в Коломне, передовой полк — в Переяславле-Рязанском, полк левой руки — в Кашире, полк правой руки — за Окой, в Зарайске. Главным воеводой большого полка в разрядных книгах записан князь Иван Михайлович Шуйский⁵⁹. По другому, особому, расчету полки дворянской конницы стали затем и в Калуге⁶⁰. Здесь войска возглавил князь Дмитрий Иванович Микулинский. Выдвижение русских войск в Калугу было связано с появлением небольших отрядов крымских татар поздней осенью 1550 г. в западной части русской уkraine, под Белёвом и Карачевом.

Однако нападения крымских татар на российскую Украину в 1551 г. не последовало. С 1550 г. в Крымском ханстве развернулась кровавая междоусобная борьба между претендентами на ханский престол, продолжавшаяся и в 1551 г. В ходе ее был свергнут Сагиб-Гирей. Новый хан Девлет-Гирей, утвердившийся в Крыму с турецкой помощью, перебил своих соперников⁶¹. Он стал готовить силы и выбирать время для похода на Русь.

Есть все основания полагать, что в 1551 г. на Поле были направлены из Путивля станицы (отряды русских конных воинов) для наблюдения за татарскими дорогами, что именно в 1551 г. после десятилетнего перерыва была вновь отлажена путивльская станичная служба на Поле, так хорошо показавшая себя во время крымского нашествия 1541 г. В летописях и разрядных книгах нет упоминания о действиях путивльских станичников в 1551 г. Но такое умолчание легко объяснимо, поскольку крымские татары в 1551 г. не совершали нападений на русские земли. Документы же, относящиеся к весне и лету 1552 г., фиксируют действующую без дополнительных распоряжений российскую станичную службу на Поле со стороны Путивля. Думаем, что именно с 1551 г. выезды путивльских станичников на Поле стали регулярными. Правительственное же решение об организации постоянных выездов в летнее время станиц и сторож из Путивля к татарским степным дорогам могло состояться, по нашему мнению, в 1550 г., когда Иван IV, опасаясь крымского нашествия, лично выходил к Коломне и Рязани. (Об этом походе в июле—августе 1550 г. упоминалось выше.) Документы свидетельствуют также, что в начале 50-х гг. активно стала действовать сторожевая служба на Поле и со стороны рязанских городов.

К 1552 г. относится третье в истории российско-крымского противоборства нашествие крымских татар на Россию. Как и во время нашествий 1521 г. и 1541 г., во главе крымских войск стал сам хан. Как и во время предыдущих нашествий, татарский удар был направлен на Москву. Крымские войска были усилены в 1552 г. турецкими отрядами, имели артиллерию. Целью похода была в первую очередь конкретная военная помощь Казанскому ханству со стороны Турции и Крымского ханства.

Девлет-Гирей не совсем удачно для себя выбрал время выступления. Он считал, что Иван IV двинется в поход на Казань ранней весной (или даже зимой) и на пути крымских татар не окажется крупной русской армии. Позже пленные крымские татары так говорили в Москве об этом: «Яко того ради поиде царь [Девлет-Гирей. — В. З.] на Русь: сказали в Крыму, что царь и великий князь [Иван IV. — В. З.] со всеми людьми в Казани»⁶².

Действительно, русские «многие люди были в Свиязском городе». Весной 1552 г. к Казани выступило несколько полков с артиллерией, отплыла «судовая рать»⁶³. Но основ-

ные силы дворянской конницы оставались пока под Москвой. Иван IV задержал поход на Казань до выяснения обстановки на юге и намерений Девлет-Гирея, «своего недруга». Решено было собраться в июне 1552 г. в Коломне «и ждати из Крыму вести»⁶⁴.

Русские войска в Коломне традиционно были расписаны по пяти полкам. Большим полком командовали воеводы И. Ф. Мстиславский и М. И. Воротынский, передовым полком — И. И. Пронский и Д. И. Хилков, полком правой руки (стоявшим в Кашире) — П. М. Щенятев и А. М. Курбский, полком левой руки — Д. И. Микулинский и Д. М. Плещеев, сторожевым полком — Д. И. Оболенский и М. И. Волинский (Вороной). Другим местом сбора русских войск в июне 1552 г. стала Калуга⁶⁵.

Путивльские станичники вновь, как и в 1541 г., хорошо справились со всеми задачами и принесли с Поля важные вести Ивану IV. Летописи и разрядные книги дают возможность проследить последовательность событий на Поле и на южной Украине в июне 1552 г.

16 июня Иван IV выступил из Москвы в Коломну, «и прииде государю весть на пути, пригонил ис Путивля станичник Ивашко Стрельник от Адара от Волжина, а сказывает, что идут многие люди крымские к Украине государеве, а того неведомо, царь ли, или царевич, а уже Донец Северской перелезли»⁶⁶. От путивльского станичника в Москве узнали о крупном походе крымских татар на Россию. Сообщение Ивана Стрельника о переправе татар через р. Северский Донец говорило о том, что Девлет-Гирей выбрал для начала вторжения Изюмскую дорогу. Можно сделать и другой, ценный для темы нашего исследования, вывод: путивльские станичники в 1552 г. наблюдали не только за ближайшей к Путивлю Муравской дорогой, но и за более отдаленной — Изюмской.

19 июня Иван IV прибыл в Коломну. По сообщению летописи, «тут приехал Айдар Волжен, а сказывает, что идут многие люди крымские, а чают их на Резань и х Коломне, а иные Украины государевы проходят»⁶⁷. Дважды упоминаемый в летописи Айдар Волжин, по всей вероятности, — станичный голова, начальник путивльской станицы. Затем Иван IV получил еще одно донесение: «Приехал станичник Васька Александров, а сказывал, что многие людиближают к Резани, а иные Украины многие проходят»⁶⁸.

Девлет-Гирей шел по пути, уже проторенному Мухамед-Гиреем и Сагиб-Гиреем во время их нашествий. Он, видимо, прошел к рязанским рубежам между Тулой и Михайловом (Дедилова тогда еще не было) и хотел выйти к Оке в районе Коломны. У Коломны поджидало татар русское войско.

Но вскоре ситуация резко изменилась. От захваченных татарами в плен рязанских станичников Девлет-Гирей узнал, что Иван IV с войском находится не под Казанью, а ждет его на берегу Оки, под Коломной. Сражение с русскими войсками не привлекало Девлет-Гирея, и хан немедленно изменил свой план. По словам пленных татар, советники хана, уже бывавшие на русской уkraine, порекомендовали Девлет-Гирею нанести удар по Туле: «Есть у великого князя град Тула на Поле, а от Коломны за великими крепостями и лесы, и далеко от Коломны»⁶⁹. В результате Девлет-Гирей повернул свое войско на запад и утром 22 июня 1552 г. появился у стен Тулы. Ему надо было спешить, он, конечно, понимал, что русские войска от Коломны смогут дойти к Туле за три-четыре дня.

Летопись сообщает, что крымский хан пришел к Туле «безвесно»⁷⁰. Это не совсем правильно. Приход хана оказался «безвестным» только по отношению к Туле. Вестей о приближении татар к русским рубежам было, как мы видели, достаточно.

Татары сразу же начали штурм Тулы, хан «приступал день весь и ис пушек бил по городу и огненными ядры и стрелами стрелял на город». До начала штурма воевода Тулы Василий Темкин успел послать Ивану IV донесение, «что пришли к Туле многие люди»⁷¹. Иван IV распорядился идти воеводам от Каширы и Коломны к Туле «наперед себя»⁷².

23 июня осажденные туляне совершили удачную вылазку из города: «воеводы тульская вылазили и татар многих побили»⁷³. В тот же день на помощь тульскому гарнизону подошли военные отряды из соседних городов: Пронска и Михайлова. Опасаясь подхода основных сил русской армии, Девлет-Гирей начал поспешное отступление. Русские воины преследовали татар до речки Шиворони, оттуда «царь побежал и телеги пометал и велблюдь многие порезал, а иные живы пометал»⁷⁴. По сообщению Пискаревского летописца, в качестве трофеев русским на речке Шиворони достались не только верблюды с телегами, но и пушки⁷⁵. Отступали татары по Муравской дороге, которая начиналась восточнее

Тулы, пересекала речку Шиворонь и шла на юг к Костомарову броду на р. Упе⁷⁶. За татарским войском поехали русские станичники, «и которые станичники приезжают, и те сказывают, что царь великим спехом идет, верст по 60 и по 70 на день, и коней мечет много»⁷⁷. В ходе отступления Девлет-Гирей снова пересек территорию современных центрально-черноземных областей, на этот раз — с севера на юг. Нашествие Девлет-Гирея на Россию в 1552 г. закончилось полным провалом. Внезапно появиться у Оки крымскому хану не удалось, путивльские станичники выследили его в Поле. Отметим, однако, что через Поле, через территорию современного Центрального Черноземья татарская армия с пушками и огромным обозом прошла беспрепятственно. Русские войска не помешали Девлет-Гирею пройти через Поле и при отступлении татар в Крым.

Отбив нападение Девлет-Гирея, Иван IV с основными силами русской армии 20 июля 1552 г. выступил из Муром на Казань. Осада Казани русским войском, подробности штурма и взятия Казани, последующее закрепление за Россией всей казанской земли хорошо освещены в источниках и научной литературе. Нет необходимости их пересказывать. Отметим лишь, что победа под Казанью резко улучшила международное положение России в Восточной Европе. На очередь дня стала Астрахань, не за горами были разгром и ликвидация Астраханского ханства. Появилась реальная возможность для нанесения русского удара и по Крымскому ханству.

В 1553 г. российско-крымские отношения развивались в сравнительно мирном ключе. Летом в Москву приехал крымский гонец Акинчей. Как ни в чем не бывало, Девлет-Гирей сообщал с гонцом, что хочет «дружбы» с Иваном IV, что направит в Москву посла. 24 июня Акинчей отпустили в Крым, с ним поехал российский гонец Семен Тутаяев. Вскоре в Крым отправился и русский посол Ф. Д. Загряжский. Однако затем «пришли вести к государю из Крыму», что Девлет-Гирей снова собирается в поход на русскую Украину⁷⁸. Небольшой татарский отряд в 50 человек подходил к мценским селам и был отбит. Иван IV выступил было с войсками в Коломну, но после допроса взятых под Мценском татарских «языков» решил 16 августа вернуться в Москву. Летом 1553 г. в Коломну, Каширу, Серпухов и Зарайск выходили полки дворянской конницы.

В сентябре 1553 г. в Москву возвратился гонец Тутаяев.

В Никоновской летописи приведены краткие сведения о его пути. Тутаев ехал с крымским послом «вместе до Думчего кургана», а затем поехал «наперед»⁷⁹. Думчий курган как географический ориентир неоднократно упоминается в документах XVI—XVII вв. Он находился в степи, в пределах современной Белгородской области, у истоков нескольких рек: Северского Донца, Псла, Донецкой Сеймицы. Здесь была развилка степных дорог. «Думчей курган на Муравской дороге» упоминается и в «Книге Большому чертежу»⁸⁰. Место это, несомненно, было хорошо известно и русским, и татарам.

В октябре 1553 г. из Ногайской орды «выбежали» русские пленные: Карп Горлов с товарищами. Они сообщили о намерении ногайских мурз напасть «на государевы украины». По свидетельству разрядной книги, Иван IV «по этим вестям» осенью 1553 г. еще раз выходил с войсками в Коломну⁸¹.

В 1554 г. русско-крымские дипломатические контакты проходили далеко не в мирных тонах. 21 апреля в Москву приехал крымский гонец Бидал. Девлет-Гирей высказывал свое недовольство малочисленностью поминков (подарков), присланных с послом Ф. Загряжским. Он обещал «помириться» с Иваном IV только при условии получения больших подарков.

Ответ русского правительства на это наглое требование, сохранившийся в изложении Никоновской летописи, звучал четко и гордо. Иван IV «дружбы у царя не выкупает». Российское государство — за мир, но просить мира у Девлет-Гирея не будет. Если хан хочет мира, то пусть отпустит посла Ф. Загряжского вместе с крымским послом. «А не похочет миру», пусть отпустит одного русского посла. Тогда и Иван IV отпустит из Москвы крымского посла «и розменяются послы в Путивле»⁸².

В 1554 г. одним из мест, где столкнулись интересы Российского государства и Крымского ханства, стала Астрахань. 2 июля 1554 г. отряд русских войск, включавший дворян, детей боярских, стрельцов и казаков, под командованием князя Юрия Ивановича Пронского-Шемякина, спустившись на судах по Волге, взял «град Астрахань»⁸³. Астраханский хан Ямгурчей «побежал в Азов». Ю. И. Пронский-Шемякин в соответствии с данным ему наказом «посадил» в Астрахани хана Дербыша, который еще раньше обязался находиться в полном подчинении у Ивана IV. Астраханское ханство как государственное образование пока сохранилось.

Политическое обоснование походу на Астрахань дали окольничий Алексей Адашев (ближайший сподвижник Ивана IV в эти годы) и дьяк Иван Михайлов в ходе переговоров с послами ногайского князя Измаила. По утверждению А. Адашева и И. Михайлова, Астрахань XVI в. — это не что иное, как древняя Тмутаракань. А Тмутараканью владел прежде предок Ивана IV — киевский князь Владимир, который передал ее под управление своему сыну Мстиславу. Следовательно, русские государи раньше «теми месты обладали»⁸⁴.

Подчинение Астраханского ханства России вызвало резкое недовольство со стороны Турции, Крымского ханства, ряда ногайских мурз. Русскому гарнизону, оставленному в Астрахани Ю. И. Пронским-Шемякиным, пришлось нелегко. По сообщению одной из разрядных книг, «татаровя нагаи пришли к Астрахани все и повели гору поленну; и как ветр потянул на город, и татаровя подвезли под город нефти и гору зажгли»⁸⁵. Применение ногайскими татарами почти неизвестной русским нефти дало немедленный результат: русские служилые люди побежали из города «от дыму», но затем, видимо, вернулись. По свидетельству Никоновской летописи, к Астрахани в начале 1555 г. подходил свергнутый хан Ямгурчей с ногаями, крымскими татарами и турецкими янычарами («да с ним крымцы и янычане»). Русские служилые казаки отстояли Астрахань, известие об этом было получено в Москве 13 апреля 1555 г.⁸⁶ Хан Дербыш оказался ненадежным вассалом России; документы сообщают, что весной 1555 г. у него была «ссылка» с Девлет-Гиреем⁸⁷.

3. Русско-крымское столкновение в 1555 г.: обмен ударами, битва под Судьбищами

В 1555 г. крымский хан Девлет-Гирей попытался осуществить новое вторжение в центр России, четвертое в истории российско-крымских отношений. Предыдущее нашествие Девлет-Гирея на Россию в 1552 г., как уже отмечалось, было связано с событиями под Казанью. Турции и Крымскому ханству не удалось тогда помешать России в борьбе с Казанью, не удалось спасти Казанское ханство от гибели. Новым нашествием в 1555 г. Турция и Крым помимо нанесения прямого военного удара по России старались вернуть под свое влияние Астрахань, не допустить включения Астраханского ханства в состав Российского государства. В том же 1555 г.

русское правительство наметило провести первый в истории борьбы с Крымом собственный военный удар непосредственно по Крымскому ханству. Обе военные акции — и русская и татарская — начались почти одновременно и привели к любопытному переплетению событий в пределах Поля.

В марте 1555 г. «приговорил царь и великий князь [Иван IV. — В. З.] послати на крымские улусы воевод боярина Ивана Васильевича Шереметева с товарищи, а с ним детей боярских, московских городов выбор»⁸⁸. Речь в документе идет о И. В. Большом Шереметеве, он назывался «Большим» в отличие от младшего брата. А. М. Курбский в своей «Истории о великом князе Московском» высоко оценивает политические и военные способности И. В. Шереметева, по словам А. М. Курбского, это был «муж зело мудрый и острозрительный»⁸⁹.

И. В. Шереметеву надлежало войти с войсками в пределы Крымского ханства, к левому берегу Днепра, в район Мамай-луга, и совершить нападение «на стада на крымские»⁹⁰. Конкретных больших задач перед отрядом И. В. Шереметева не ставилось. Думается, что стратегические цели похода в данном случае преобладали над тактическими. Первый в истории русско-крымского соперничества ответный русский удар должен был показать возросшую силу России, поставить Девлет-Гирея в положение оборонявшейся стороны.

Местом сбора отряда И. В. Шереметева был избран г. Белёв. Русское конное войско, насчитывавшее примерно 13 тысяч всадников и разделенное на три полка — большой, передовой и сторожевой, выступило оттуда 2 июня. Среди русских воинов были и вооруженные огнестрельным оружием стрельцы. И. В. Шереметев, имевший чин боярина, являлся главным воеводой и одновременно — воеводой большого полка. Передовым полком командовал окольный Алексей Данилович Басманов, впоследствии — один из инициаторов и видных деятелей опричнины. По свидетельству Никоновской летописи, воеводы «шли Муравскою дорогою»⁹¹. Как можно полагать, путь русского войска пролегал от Белёва на восток; достигнув Муравской дороги, войско повернуло на юг и пересекло территорию современных Орловской, Курской и Белгородской областей.

Пройдя по Муравской дороге Подем за 20 дней около 500 км, И. В. Шереметев достиг верховьев р. Коломака в пределах современной Харьковской области. Здесь, у старинных «валков», перегородивших когда-то Муравскую до-

рогу⁹², его войско должно было пополниться детьми боярскими из северских городов, двигавшимися сюда из Новгорода-Северского прямым путем⁹³.

Соединение И. В. Шереметева с войнами северских городов, как видно по документам, не состоялось. 22 июня 1555 г. к нему, к верховьям Коломака, «прибежал Изюм-Курганский сторож» Иван Григорьев и сообщил, что многие тысячи крымских татар двинулись в поход на Русь, что татары «лезут» Северский Донец «под Изюм-Курганом, и под Совиным бором, и под Болыклеем, и на Обышкине»⁹⁴. Шереметев немедленно послал об этом донесение в Москву с гонцом Иваном Дариным и тут же пошел «к татарской сакме», как он доносил, «призывая бога в помощь».

Упоминаемой И. В. Шереметевым «татарской сакмой» была в данном случае Изюмская дорога, проходившая восточнее Муравской дороги и отделенная от русского отряда Северским Донцом. Нетрудно понять, что поход Шереметева к татарской сакме в июне 1555 г. был движением русских войск назад по Муравской дороге к Думчеву кургану, в пределы современной Белгородской области, к месту соединения Муравской и Изюмской дорог.

Татары прошли Думчий курган за несколько дней до повторного появления здесь И. В. Шереметева, который продолжал, двигаясь на север со своим отрядом, преследовать Девлет-Гирея. Позже Шереметев и второй воевода большого полка Л. А. Салтыков объясняли причины преследования ими татар и свои цели так: «Чаяли его [Девлет-Гирея. — В. З.] в войне застати; нечто станет воевати и розпустит войну, и воеводам было приходи́ти на суволоку»⁹⁵.

В авангарде войска И. В. Шереметева шел большой отряд детей боярских под начальством Ширия Кобякова⁹⁶ и Григория Жолобова. Примерно на стыке современных Орловской и Липецкой областей Кобяков и Жолобов нагнали «кош» (обоз) армии Девлет-Гирея, коротким ударом разгромили охранявших его татар, взяли «лошадей с шестдесят тысячъ, да аргамаков з двесте, да восемьдесят верблюдов»⁹⁷. 20 пленных татар Кобяков и Жолобов отослали к И. В. Шереметеву. Русским досталась огромная добыча. Крымские татары, привыкшие иметь в большом количестве запасных лошадей и неожиданно потерявшие их, в случае продолжения наступления могли оказаться в критическом положении. Примерно шесть тысяч русских воинов отделились от основных сил И. В. Шереметева, чтобы отогнать захваченных та-

тарских лошадей и верблюдов к ближайшим русским городам и селам. Половину добычи они погнали на северо-запад, к Мценску (Новосиль, как мы знаем, в это время еще не была возобновлена), другую половину — на северо-восток, по направлению к крайним рязанским селам.

От захваченных в плен татар, находившихся с запасными лошадьми позади татарской армии, Шереметев узнал о плане Девлет-Гирея: тот, по словам «языков», хотел пройти мимо Тулы к Кашире и там «наспех» переправиться через Оку. И. В. Шереметев и его помощники поняли, что Девлет-Гирей собирается не просто громить русскую Украину, в планы хана входила переправа через Оку и поход на Москву. Получив такое известие, «воеводы пошли за царем [Девлет-Гиреем. — В. З.] наспех его сакмою, и встретились с царем в среду [3 июля. — В. З.] с полден на Судбище»⁹⁸.

Что же происходило летом 1555 г. под Москвой? Какие меры принял для отражения нашествия Девлет-Гирея Иван IV?

В 1555 г. снова, как и в 1552 г., четко сработала путивльская станичная служба. Путивльскую станицу, выехавшую к Святым горам на Северском Донце, возглавлял станичный голова Лаврентий Колтовский. 19 июня станичники обнаружили татар «на Обышкине перевозе»; здесь переправлялось через Северский Донец татар «тысяч с 12». Колтовский немедленно послал об этом через Путивль донесение в Москву со станичником Богданом Никифоровым и проводником Шмятком, а также направил сообщение о татарах Шереметеву. Сам он остался на несколько дней у Северского Донца, чтобы более точно определить численность татар.

28 июня в Москву прискакали гонцы-станичники, в этот день Иван IV узнал о походе Девлет-Гирея на Русь. 30 июня в столицу примчался и станичный голова Колтовский. Полностью «сметить» татар он не успел, потому что «спешил с вестью ко царю и великому князю»⁹⁹. По его словам, на одном из перевозов через Северский Донец переправилось примерно 20 тысяч татар, причем таких перевозов было несколько, татары «шли и с телегами».

Никоновская летопись определяет численность армии Девлет-Гирея во время приближения ее к г. Одоеву в 60 тысяч человек¹⁰⁰.

Количество татар, вошедших в 1555 г. в пределы российской Украины, мы можем ориентировочно определить и другим способом — по числу захваченных отрядом И. В. Шере-

метева лошадей. Современник событий князь А. М. Курбский, оценивая действия Шереметева, писал: «Бо обычай есть всегда перекопского царя: днищ за пять, або за шесть, оставлять половину коней всего воинства своего, пригодь ради»¹⁰¹. Во втором эшелоне, позади войска Девлет-Гирея, оказалось, как мы видели, 60 тысяч лошадей, не считая арабских скакунов (аргамаков) и верблюдов. Примерно такое же количество татар на конях должно было двигаться и в первом эшелоне войска Девлет-Гирея. Цифра Никоновской летописи подтверждается, таким образом, и другим расчетом.

Весной 1555 г. традиционно вышли к Оке полки дворянской конницы, они расположились в Коломне, Зарайске и Кашире. Большим полком командовали воеводы И. Ф. Мстиславский и М. Я. Морозов. Задержать татар могли также укрепленные города уkraine: старые (Тула, Пронск, Мценск, Карачев, принадлежавший князьям Воротынским вотчинный город Одоев) и новые (Михайлов, Дедилов, строившийся в это время Болхов). Прямой путь татарам к Москве был закрыт довольно прочно. Следует учесть, что в 1555 г. (в отличие от 1552 г., когда состоялось предыдущее нашествие Девлет-Гирея) у Российского государства не было второго сухопутного фронта. На отражение и разгром крымских татар можно было направить практически все военные силы страны.

Получив известие от путивльских станичников о нашествии Девлет-Гирея на Россию, Иван IV 30 июня 1555 г. лично выступил в Коломну с дополнительным войском и большой свитой. 2 июля он прибыл в Коломну, 4 июля выступил из Коломны в Тулу, 6 июля «на солнечном возходе» был в Туле¹⁰². Хорошо видна быстрота передвижения царя: расстояние от Коломны до Тулы в 120 км он преодолел за двое суток. По распоряжению Ивана IV полки дворянской конницы двинулись от Коломны к Туле. Здесь, под Тулой, Иван IV хотел дать генеральное сражение татарам и разбить Девлет-Гирея. Учитывая численное превосходство русских над татарами и наличие в тылу у татар 13-тысячного отряда И. В. Шереметева, Иван IV вполне мог надеяться на полную победу. Армия Девлет-Гирея оказалась в начале июля 1555 г. в своеобразной ловушке.

В сложной, быстро меняющейся боевой обстановке крымский хан Девлет-Гирей показал себя умелым и весьма осторожным полководцем. По свидетельству захваченных русскими татарских «языков», Девлет-Гирей, «идучи к Туле,

поимал сторожей» и узнал от них о сосредоточении русских войск в Коломне, о походе в Коломну Ивана IV¹⁰³. Стремясь обойти русскую армию, он свернул с Муравской дороги на запад и двинулся к г. Одоеву на р. Упе — вотчинному городу князей Воротынских, в обход Тулы и Коломны. Когда он находился в 30 верстах от Одоева, татары захватили «иных сторожей». У них Девлет-Гирей выяснил, что Иван IV не ждет его на берегу Оки, а идет навстречу татарам к Туле. Примерно в это же время Девлет-Гирей получил неприятное известие о разгроме его обоза отрядом И. В. Шереметева, о потере татарских запасных лошадей, аргамаков и верблюдов.

Чтобы спасти свою армию, чтобы выйти из окружения, крымскому хану нужно было решиться на немедленное отступление от русской украины, и Девлет-Гирей принял такое решение. Для Ивана IV и для воеводы И. В. Шереметева оно оказалось неожиданным.

3 июля, в полдень, передовые части отступавших татар столкнулись на Муравской дороге в урочище Судьбищи, у речки Любовши в пределах современной Орловской области с отрядом И. В. Шереметева. По сообщению Никоновской летописи, русские воеводы «с царем билися и до вечера, и передовой полк царев и правую руку и левую потоптали, и знамя взяли ширинских князей, и билися до ночи»¹⁰⁴. Ночью сражение приостановилось, «стояли полки чрез всю ночь». И. В. Шереметев и другие воеводы пытались вернуть детей боярских, отгонявших захваченных перед этим татарских лошадей к Мценску и Рязани. Никоновская летопись дает довольно подробный расчет отряда И. В. Шереметева: «А всех было с воеводами детей боярских 4000, а с людьми их и казаков и стрельцов и кошевых людей тринадцать тысяч; и от них было послано на коши с шесть тысящ, и в ночи к ним поспело против четверга только с пятьсот человек»¹⁰⁵.

Утром 4 июля бой возобновился. Девлет-Гирей обрушил на отряд И. В. Шереметева всю силу своего войска, он пришел «со всеми людьми да воевод розгромил и людей побил многих». По словам Никоновской летописи, успешно сражался с татарами воевода А. Д. Басманов, укрепившийся в соседней с полем битвы дубраве, куда «к нему съехались многие дети боярские и боярские люди и стрельцы». Чтобы разбить севших в осаду в дубраве русских воинов, Девлет-Гирей, «к ним приступал со всеми людьми и з пушками и з

пищальми» до вечера, но безрезультатно. Получив от пленных подтверждение прежних сведений о походе Ивана IV к Туле, Девлет-Гирей от Судьбищ «пошел назад наспех и Сосну [реку Быструю Сосну. — В. З.] перелез назавтрие»¹⁰⁶.

Сведения о русских потерях в битве под Судьбищами, содержащиеся в различных списках Никоновской летописи, противоречивы. Число погибших в бою и попавших в плен к татарам детей боярских определяется то в 320, то в 2000 человек. Потери «боярских людей» (боевых холопов) определены в одном из списков Никоновской летописи в 5000 человек, потери стрельцов — в 34 человека. По свидетельству А. М. Курбского, боярин И. В. Шереметев в бою под Судьбищами был ранен, под ним убита лошадь¹⁰⁷. Иван IV, вышедший с большим войском к Туле, ничем не помог русским воинам, сражавшимся с татарами под Судьбищами. Получив известие о битве, он не стал преследовать отступавших татар. Как сообщили позже в Москве дети боярские Иван Трофимов и Богдан Шелонин, попавшие в плен к татарам под Судьбищами, а затем выкупленные русскими из плена, Девлет-Гирей очень опасался в июле 1555 г. не только преследования со стороны Ивана IV, но и немедленного похода русского царя во главе армии в Крым¹⁰⁸. Девлет-Гирей имел для этого основания, зная, что Иван IV лично возглавлял русские войска в походах на Казань. Иван IV не решился на такой поход, хотя возможность похода в принципе не исключалась¹⁰⁹.

Как оценить события 1555 г. в русле изучения борьбы России с Крымским ханством за обладание Полем? Думается, что оценка в целом должна быть однозначной: в 1555 г., послав свои войска к крымским границам, Россия реально вступила в борьбу с Крымским ханством за ничейное, пока еще никому не принадлежащее Поле. Переход России в борьбе с татарами к активным наступательным действиям стал свершившимся фактом. Отметим, что поход крымского хана в 1555 г. через Поле на Москву ни в коей мере не помог Астраханскому ханству, которое в следующем году окончательно прекратило свое существование. В то же время события 1555 г. выявили трудности в организации русского военного похода через Поле против Крымского ханства, показали нежелание Ивана IV лично участвовать в таком походе.

4. Развитие российской активности на Поле в борьбе против Крымского ханства в 1556—1558 гг.

Активные действия России летом 1555 г. на Поле, связанные с посылкой войск к рубежам Крымского ханства, получили в последующие годы дальнейшее развитие. Важным внешнеполитическим фактором, облегчившим борьбу Российского государства с татарами, стало продление в 1556 г. русско-литовского перемирия на шесть лет, вплоть до марта 1562 г.¹¹⁰ По Крымскому ханству Россия нанесла в это время первые реальные военные удары. Регулярными стали выходы русских войск в пределы современного Центрально-Черноземья. На Поле заметно повысилась роль казаков, официальные документы неоднократно упоминают атаманов и казаков, называют их имена.

Начавшаяся зимой 1557/58 г. Ливонская война на первых порах не вызвала резкой переориентации российской внешней политики с юга на запад. Как хорошо видно по документам, поход русских войск в Ливонию в начале 1558 г. рассматривался русским правительством как локальное, не очень крупное, военное мероприятие. Годом раньше, зимой 1556/57 г., аналогичный поход русского войска в ходе довольно вяло протекавшей русско-шведской войны 1554—1557 гг. был организован в сторону Выборга. Никоновская летопись сообщает об обоих этих походах примерно в одинаковых выражениях.

Очевидец и активный участник военных мероприятий русского правительства, один из соратников Ивана IV в «Избранной раде» князь Андрей Курбский впоследствии (после своего бегства в Литву) писал о возможном походе большого русского войска в Крым как о деле вполне реальном. По словам А. Курбского, советники Ивана IV убеждали царя лично возглавить поход против крымского хана, покорить Крым так же, как Казань и Астрахань¹¹¹. Вопрос о целесообразности такого похода подвергался анализу со стороны дореволюционных русских и советских историков¹¹². Думается, что поход русского войска во главе с Иваном IV на Крым независимо от его конечного результата ускорил бы уже начавшийся процесс выдвижения России в пределы ничейного, незаселенного Поля. Впрочем, историку не следует углубляться в событие, которое могло случиться, но по объективным или субъективным причинам не произошло.

Сослагательное наклонение, как правило, является нежелательным в историческом исследовании. Рассмотрим, что же фактически произошло на Поле и у его рубежей в 1556—1558 гг.

Руководители русского правительства не сомневались, что Девлет-Гирей, отбитый летом 1555 г. от русской Украины, будет готовить новое нападение. По сообщениям разрядных книг, в Москве не исключалась возможность зимнего нашествия татар. В связи с этим поздней осенью 1555 г. часть полков дворянской конницы выходила в Калугу и Серпухов¹¹³. Серьезная подготовка к отражению нападения Девлет-Гирея развернулась весной 1556 г. Ивану IV и его советникам важно было как можно раньше узнать о намерениях Девлет-Гирея, а затем получать информацию о действиях крымского хана более или менее регулярно.

Однако наладить получение достоверной информации из Крыма в 1556 г. не удалось. Сведения о планах крымского хана доставлялись в Москву случайными людьми, зачастую не знавшими общей ситуации: татарскими «языками» (пленными), убежавшими из Крыма русскими «полоняниками».

Первые вести о намерениях Девлет-Гирея на весну и лето 1556 г. пришли в Москву в марте из Рыльска, из пределов современного Центрального Черноземья. По сообщению Никоновской летописи, «ходил на Поле атаман Михалко Грошев да побил крымцов»¹¹⁴. Судя по летописному тексту, Михаил Грошев был служилым атаманом, на Поле он действовал во главе отряда казаков. Атаман захватил в плен несколько крымских татар и привел их в Рыльск. Оттуда «языки» срочно были доставлены в Москву, «и те языки сказывали, что крымской царь... наряжается со всеми людьми, а хочет быти по весне рано на царя и великого князя Украину».

Никоновская летопись сообщает, что решения Ивана IV о посылке русских военных отрядов к границам Крымского ханства, принятые весной 1556 г., определялись именно рассказом привезенных из Рыльска пленных татар. Вот соответствующее продолжение летописного текста: «И по тем вестем послал государь диака Ржевского ис Путимля на Днепр с казаки, а велел ему ити Днепром под улусы крымские и языков добывати, про царя проведати. И диак собрався с казаки да пришел на Псел-реку, суды поделал и пошел по наказу. А Данилка Чюлкова да Иванка Малцова послал государь вниз по Дону проведати про крымские же вести»¹¹⁵. Полагаем, что довольно сложный и смелый план

военных действий против Крымского ханства, включавший строительство и использование речного флота, был подготовлен независимо от рассказа «татарских языков», рассказа об обычной, типичной для Девлет-Гирея подготовке его к походу на Россию. Появление в Москве «татарских языков», скорее всего стало лишь поводом для конкретного правительственного распоряжения, сделанного от имени царя Матвеем Ржевскому, Даниле Чулкову и Ивану Мальцеву.

Весной 1556 г. полки дворянской конницы вышли к Оке. Большой полк под командованием воевод Ивана Федоровича Мстиславского и Михаила Ивановича Воротынского расположился в Коломне, полк правой руки и передовой полк — в Кашире, полк левой руки — «на Сенькине перевозе», сторожевой полк — при устье р. Лопасни¹¹⁶. В Москве, несомненно, ожидали известий от путивльских станичников, наблюдавших на Поле за Муравской и Изюмской степными дорогами. Но путивльские станичники пока молчали, татары ни на Муравской, ни на Изюмской дорогах не появлялись.

Донесение, полученное в Москве в мае 1556 г. от дьяка М. Ржевского, вроде бы подтверждало прежние намерения Девлет-Гирея. Дьяк достиг со своими казаками Мамай-луга на Днепре, «к нему полоняники прибежали, а сказывают, что крымский царь, собрався, вышел на Конские Воды со всеми людьми, а хочет ити на царя и великого князя украины»¹¹⁷. Аналогичные сведения были получены и от Дементия Иванова, убежавшего из крымского плена: тот, кроме того, сообщил некоторые подробности: крымский хан «хочет быти на тульские места или на козельские»¹¹⁸.

Для выбора лучшего способа отражения татар Иван IV провел, как сообщает Никоновская летопись, совещание «з братиею и з бояры». Решено было встретить татар в степи и победить их в открытом бою: «делати с ними прямое дело, как бог поможет». Иван IV решил лично стать во главе русских войск. Чтобы не разминуться с татарами, намечено было действовать следующим образом: «С Тулы, вышедши на Поле, ждати: на которую царь крымской украину не пойдет, на Рязань, или в Одуев, и в Козелеск, и царю и великому князю ко всем местом поспети лъзя, докуда не придет на украину»¹¹⁹. Окольничего Никиту Васильевича Шереметева Иван IV послал «места заняти» к югу от недавно основанного г. Дедилова, «за Шавороною [р. Шиворонью. — В. З.] на Поле».

Поход Ивана IV в Тулу и на Поле в июне 1556 г. не со-

стоялся. Царь дошел только до Серпухова, где узнал об изменении планов Девлет-Гирея. Из Крыма прибежал еще один русский полоняник — черниговец Моисей Дементьев. Он сообщил, что Девлет-Гирей, узнав о сосредоточении русских войск у Оки, отменил поход к российской уkraine. Сначала крымский хан двинулся было в сторону Кавказа, но вскоре вернулся, получив донесение о действиях русского боевого отряда в низовьях Днепра. Прибывший от Данилы Чулкова русский гонец с низовьев Дона полностью подтвердил сообщение М. Дементьева о действиях Девлет-Гирея.

Капкан, подготовленный для крымского хана южнее Тулы, не сработал. Девлет-Гирей снова, как и в 1555 г., «перехитрил» Ивана IV.

Действия отряда М. Ржевского летом 1556 г. в низовьях Днепра, у татарских крепостей Ислан-Керменя и Очакова, были удачными. К русскому отряду присоединились черкаские и каневские казаки — «литовские люди». (Приднепровские города Черкассы и Канев находились в составе Великого княжества Литовского.) Девлет-Гирей посылал к Ислам-Кермену большое татарское войско, чтобы перехватить Ржевского, но безрезультатно. Ржевский укрепился на одном из островов Днепра, в течение шести дней обстреливал татар из пищалей, нанес им потери, а затем ушел со своим отрядом «по Заднепрью по Литовской стороне»¹²⁰.

Весьма успешно развивались и победоносно завершились в 1556 г. действия русских войск под Астраханью. Турции и Крымскому ханству не удалось удержать Астрахань под своим влиянием, несмотря на то, что Девлет-Гирей послал туда 700 татар и 300 турецких янычар с пушками. Стрелецкий голова Иван Черемисинов с помощью атамана Ляпуна Филимонова без большого труда овладел городом. Изменивший России астраханский хан Дербыш бежал в Азов, откуда отправился в Мекку. Астраханское ханство прекратило свое существование. Русские служилые люди, овладев Астраханью, сразу же построили в городе новую деревянную крепость¹²¹. Окончательное присоединение Астрахани фактически закрепило за Россией все нижнее течение Волги, лишив опоры кочевавших поблизости ногайских татар.

В 1556 г. впервые заявили о себе как о серьезной военной силе донские казаки, совершившие морской поход против Крымского ханства. Атаман Михаил Черкашенин с казаками спустился по р. Миусу, пересек Азовское море и подверг погрому окрестности Керчи. По свидетельству Нико-

новской летописи, атаман выходил «Миюсом-рекою в море, а морем под Керечь, и тут повоевали и отшел здорово»¹²². Участники похода действовали самостоятельно, но считали себя русскими людьми, подданными русского царя. Это видно из того, что Михаил Черкашенин прислал в Москву двух «языков», захваченных во время похода: крымского татарина и турка. (Впоследствии Михаил Черкашенин с большой группой донских казаков официально перешел на службу русскому правительству.)

В сентябре 1556 г. новые крымские «языки», присланные с Поля (из-под Путивля) дьяком М. Ржевским, сообщили о роспуске Девлет-Гиреем собравшихся к нему еще весной татарских мурз и рядовых татар. Отдельные татарские отряды, насчитывавшие по 100—200 всадников, на свой страх и риск отправились к российской уkraine для грабежа и захвата «полона»¹²³. Один из таких отрядов численностью в 150 человек был разбит на р. Айдаре (верховья Айдара находятся в пределах современной Белгородской области) казачьим головой Юрием Булгаковым. Отметим, что воевода командовал в данном случае на Поле не детьми боярскими, а служилыми атаманами и казаками. С берегов Айдара в Москву татарских «языков» привезли атаманы, имевшиелюбимые имена-прозвища: Елка и Лопырь¹²⁴.

Осенью 1556 г. произошло еще одно событие, весьма выгодное для России и невыгодное для Крыма: на службу к Ивану IV перешел польско-литовский магнат, князь Дмитрий Иванович Вишневецкий вместе «со своими людьми». Он «от короля из Литвы отъехал и на Кортицком острове город поставил».

Решение Д. Вишневецкого нельзя не связать с общими успехами России, с усилением русской активности на юге и юго-западе. Иван IV благосклонно принял перебежчика, послал к нему на Днепр детей боярских Андрея Щепотева и Нечая Ртищева «с опасною грамотою и з жалованием».

Служба Д. Вишневецкого российскому царю началась с крупной военной победы над татарами: Вишневецкий штурмом взял пограничную крепость Крымского ханства — Ислам-Кермень на берегу Днепра, перебил татарский гарнизон и перевез все пушки из Ислам-Керменя в свой город, на остров Хортицу¹²⁵.

Итоги года оказались в целом весьма успешными для России. Хотя Девлет-Гирею удалось избежать прямого военного столкновения с русской армией, его дела в конце 1556 г.

выглядели неважно. Девлет-Гирей так и не рискнул в 1556 г. выйти с войсками за пределы Крымского ханства. После присоединения Астрахани оставшееся пока ничейным Поле уже охватывалось российскими землями с трех сторон: с севера, востока и запада.

Возможность нашествия крымских татар на Россию не исключалась русским правительством и в 1557 г.; о такой возможности сообщил в Москву, в частности, посол Ф. Загряжский, задержавшийся в Крыму¹²⁶. Анализируя мероприятия России, осуществленные весной 1557 г. для укрепления обороны южной украины, мы видим новшество, весьма интересное для темы нашего исследования.

Кроме традиционного сбора полков дворянской конницы у Оки и возведения на краю Поля очередного русского города (Ряжска), в 1557 г. был осуществлен выход воевод со служилыми людьми «украинных городов» далеко в Поле — к рекам Быстрой Сосне и Сейму. Здесь, в незаселенном Поле, создавалась как бы временная передовая линия обороны. Этим актом Россия попутно, но весьма недвусмысленно заявляла о своем праве на старинные русские земли по берегам Быстрой Сосны и Сейма в пределах современных Орловской, Липецкой и Курской областей. Подчеркнем: речь идет не о сторожах и станичных разъездах, а о посылке на Поле настоящих, хорошо вооруженных войск, дворянской конницы.

В Москве был разработан четкий план выхода воевод на Поле. В города украины (Дедилов, Мценск, Михайлов, Пронск, Карачев, Болхов) назначались по два воеводы. В дальнейшем один из них оставался во главе городского гарнизона, а другой с частью служилых людей выступал вперед, в пределы Поля. К среднему течению Быстрой Сосны из Дедилова вышел воевода Иван Петрович Яковлев-Хирон, из Мценска — князь Петр Иванович Горенский. Они соединились и стали с войсками «на усть Ливен» — на северном берегу Быстрой Сосны, при впадении в нее двух речек Ливен. Из Михайлова к низовьям Быстрой Сосны двинулся воевода Иван Васильевич Меньшой Шереметев; из Пронска туда же пошел Федор Васильевич Шереметев. Эти два воеводы стали с ратными людьми «на Поле усть Ельца». Третьим местом сбора русских войск на Поле было выбрано старое Курское городище на р. Сейме. Сюда вышли воеводы: из Карачева — князь Михаил Петрович Репнин, из Болхова — князь Петр Иванович Татев¹²⁷.

Отметим, что пункты расположения в 1557 г. русских войск на Поле стали в дальнейшем местами трех российских городов. Но это произошло нескоро, лишь после окончания Ливонской войны. В конкретных исторических условиях 1557 г. выход русских войск к берегам рек Быстрой Сосны и Сейма не привел к немедленному закреплению этой части Поля за Российским государством.

История борьбы России с Крымским ханством в XVI в. развивалась не по прямой линии, на нее оказывали влияние разнообразные процессы социально-экономического и политического характера, протекавшие как в России, так и за ее пределами, свою роль сыграли и случайные факторы, действия отдельных лиц. Объективно полезной для Крымского ханства оказалась исключительно суровая снежная зима в историческом центре России в 1557 г., вызвавшая голод, гибель крестьян в ряде русских уездов¹²⁸. Весьма выгодным для Девлет-Гирея был переход одной из ногайских орд — Казыевой, или Малой, орды, под его покровительство. Татары Казыевой орды откочевали в 1557 г. на территорию к югу от Азова. Они стали на долгие годы союзниками Девлет-Гирея, значительно пополнили боевые силы крымских татар¹²⁹.

В 1557 г. крымские татары не беспокоили российскую Украину. Все свои силы Девлет-Гирей бросил на борьбу с отрядом Д. Вишневецкого за овладение приднепровскими крепостями: Ислам-Керменем и городом на Хортице. Разрушенный Ислам-Кермень в 1557 г., по сути дела, уже не являлся крепостью. Новая же крепость на Хортице, насыщенная артиллерией, перешедшая в распоряжение Ивана IV, весьма мешала Девлет-Гирею. Согласно донесению Д. Вишневецкого, Девлет-Гирей весной 1557 г. «со всеми людьми крымскими» в течение 24 дней штурмовал город на Хортице. Вишневецкий «божиим милосердием и царя и государя великого князя именем и счастьем от царя [Девлет-Гирея. — В. 3.] отбилсЯ и побил у царя многих людей лутчих, и пошел царь от него с великим соромом»¹³⁰.

Одно место в донесении Д. Вишневецкого заслуживает особого внимания с военной точки зрения. Подчеркивая значение крепости на Хортице, Вишневецкий писал: «Докуды в том городе люди будут царьским именем, и крымцом на войну ходить никуда нельзя»¹³¹. Достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться в справедливости этого мнения. Российская крепость в излучине Днепра как бы нависала над

Перекопом, она держала под ударом татарские кочевья в Приазовье, все татарские степные дороги, выходившие из Крыма на Русь. Заметим, что аналогичное значение имел в 1920 г. для Красной Армии, во время войны с белогвардейским генералом Врангелем, знаменитый Каховский плацдарм.

Иван IV не поддержал в 1557 г. в достаточной мере Д. Вишневецкого, не послал в низовья Днепра, в отличие от предыдущего года, русские войска. Иван IV и его советники не использовали исключительно удачную днепровскую ситуацию для борьбы с крымскими татарами, для нанесения решающего удара по Крымскому ханству и закрепления в 1557 г. всей территории Поля за Россией.

Повторный поход Девлет-Гирея к Днепру осенью 1557 г., поддержанный турецкой армией и флотом, принес успех татарам. Вишневецкий объяснял потерю города на Хортице тем, «что корму не стало у него, и казаки от него разошлись, а царь крымской пошел на его город да турецкого люди многие в судех да волохи, и он за кормом не сел в городе, а, пришед, засел Черкасы и Канев»¹³². Иван IV приказал Д. Вишневецкому уйти из литовских городов, ехать в Москву, «а Черкасы и Канев велел королю отступитца, потому что царь и великий князь с королем в перемирье»¹³³. Начинаясь Ливонская война, русские полки в ноябре 1557 г. выступили в поход против Ливонии. Русское правительство не хотело ссориться в такое время с Польшей и Литвой.

Д. Вишневецкий получил от Ивана IV в вотчину «город Белёв со всеми волостями и селы, да в ыных городех села». Он обещал служить Ивану IV «во веки», но в дальнейшем не сдержал слова и в 1562 г. вернулся на службу к польскому королю.

Анализ событий 1557 г. показывает, помимо всего прочего, возросшую роль казаков в делах и судьбах Поля, самостоятельность действий этих представителей народа, по своему начавших обживать Поле. На Хортице, как мы видели, казаки сначала поддерживали Д. Вишневецкого в борьбе с татарами, но затем «разошлись»: их вряд ли устраивала передача крепости на этом днепровском острове русскому царю. В 1557 г. в Поволжье произошло первое, документально зафиксированное, открытое выступление казаков против русского правительства. Оно началось с нападения казаков на ногайских татар. Иван IV послал «на Волгу» (видимо, в пределы современных Саратовской или Волгоград-

ской областей) одного из героев астраханского взятия — атамана Ляпуна Филимонова, «чтоб казаки не воровали и на ногайские улусы не приходили»¹³⁴. Казаки убили Л. Филимонова, а затем разгромили на Волге караван речных судов, где «взяли казну государеву», отправленную в Астрахань. Против «воров» были посланы отряды русских войск, включавшие детей боярских, стрельцов, верных правительству казаков.

В начале 1558 г. одновременно с Ливонским походом русское правительство возобновило активные действия против крымских татар со стороны низовьев Днепра. Туда, в хорошо знакомые ему места, был послан Д. Вишневецкий с отрядом русских ратных людей. Распоряжение Ивана IV об этом походе датируется январем 1558 г. Никоновская летопись перечисляет направленных вместе с Вишневецким воевод, сообщает о целях похода: «Да со князем Дмитрием же государь отпустил Игнатия Заболоцкого с жильцы, да Ширяя Кобякова з детьми з боярскими, да и Данила Чюлкова да Юрья Булгакова и иных атаманов с казаки, да сотских с стрельцы; а велел ему государь ити прямо, а во Псле велел суды поделати и з запасы ити на Днепр. И велел государь князю Дмитрею стояти на Днепре и беречи своего дела над крымским царем, сколько ему бог поможет»¹³⁵. Все указанные в летописи воеводы и головы (И. Заболоцкий, Ш. Кобяков, Д. Чулков, Ю. Булгаков) имели большой боевой опыт, разрядные книги упоминают их в 50-е гг. XVI в. неоднократно.

Численность русского войска, прошедшего весной 1558 г. через Поле с севера на юг, в летописях и разрядных книгах не указана. А. М. Курбский в «Истории о великом князе Московском» сообщает, что с Д. И. Вишневецким Иван IV послал «на перекопскую орду» пять тысяч «всего воинства» и что этого числа воинов для нанесения серьезного удара по Крыму было явно мало¹³⁶. Полагаем, что А. М. Курбскому в данном случае можно доверять.

Девлет-Гирей уклонился от столкновения с отрядом Д. Вишневецкого. Часть русского войска, видимо, осталась около устья р. Псёл для строительства кораблей и крепости. С большей частью воинов Вишневецкий прошел через оставленный татарами Ислам-Кермень, пересек без единого столкновения с татарами степи Северной Таврии и приблизился к Перекопу. По его донесению, за шесть верст до Перекопа он «побил» татарских сторожей, но непосредственно к Пе-

рекопу не пошел. Переночевав «за десять верст от Перекопа», он вернулся с войском на Днепр, к Таванскому перевозу (это место находилось в 25 верстах ниже Ислам-Кермения). Не найдя и здесь татар, он прошел вверх по Днепру, к острову Хортице. Выше днепровских порогов он встретил дьяка Матвея Ржевского, плывшего от устья Псла на построенных русскими судах. По словам Д. Вишневецкого, татары не выступили против него, побоявшись открытого сражения, «царь крымской улусы все забил за Перекоп, а сам в осаде был»¹³⁷.

Д. Вишневецкий хотел остаться «летовать» в Ислам-Кермене и затем совершить новый поход против крымских татар: либо «за Перекоп», либо «под Козлец» (к Евпатории), но неожиданно был отозван Иваном IV в Москву. Блокада Крымского полуострова отрядом Вишневецкого оказалась недолгой. В районе Ислам-Кермения и Хортицы осталось «немного» детей боярских, стрельцов и казаков, эти люди не мешали татарам осенью 1558 г. выйти из Крыма с целью нападения на российскую Украину.

Вместо утраченной в 1557 г. крепости на Хортице базой русских войск в Приднепровье стал с 1558 г. «новый город на Псле». Конкретная история возведения русского города при устье р. Псел в документах не отражена; не вполне ясна и точная дата его постройки. Е. Н. Кушева уклончиво пишет о том, что город был построен «в 1557/58 г.»¹³⁸. Как место строительства судов устье р. Псел стало использоваться Россией с 1556 г., со времени похода дьяка М. Ржевского в низовья Днепра. Здесь были русские воины и в летнюю кампанию 1557 г. Польский король и литовский великий князь Сигизмунд-Август в мае 1557 г. предупреждали Девлет-Гирея об опасности, которую может представить для Крыма постройка здесь русского города¹³⁹. Появление в нижнем течении Днепра русского города, естественно, не нравилось и самому Сигизмунду-Августу.

Возведение дерево-земляной крепости при устье р. Псел и превращение места строительства русских кораблей в «город» с постоянным гарнизоном произошло, как нам представляется, в 1558 г. Летом этого года в «новый город на Псле», как и во все города российской Украины, были назначены воеводы. На р. Псел посланы были воеводы князь А. А. Звенигородский и М. Сунбулов¹⁴⁰. Они, видимо, и руководили основными строительными работами.

В документах 1559—1560 гг. новый город называется

«Псельским»¹⁴¹. Он находился у Днепра примерно в 120 км ниже крайнего литовского города — Черкасс — и в 250 км южнее ближайшего русского города — Путивля. Обязанный своим возникновением русским военным походам против Крымского ханства, Псельский город мог сыграть очень большую, даже решающую роль в деле закрепления за Россией обширных территорий в юго-западной части Поля: современной Полтавской области, значительной части современных Сумской и Белгородской областей. В конкретных политических условиях начала 60-х гг. XVI в. Россия не удержала за собой Псельский город и прилегающую к нему территорию. (О гибели Псельского города речь пойдет в следующем параграфе.)

Вернемся, однако, к событиям 1558 г.

Поздней осенью 1558 г. Девлет-Гирей, полагая, что Иван IV и лучшие русские воеводы находятся в Ливонии, послал к российской уkraine своего сына Мухаммед-Гирея с большим войском. Вместе с крымскими татарами на Русь двинулись многие ногайские мурзы, перешедшие на сторону Девлет-Гирея. По свидетельству татарских перебежчиков, зафиксированному Никоновской летописью, «всех крымских людей было и нагайских сто тысяч»¹⁴². Через Северский Донец татары переправились в низовьях этой реки и пошли «Дном вверх», по территории современных Ростовской, Воронежской и Липецкой областей. В их планы входило, «розделяся» на три части, «воевати» рязанские, тульские и каширские места.

В низовьях р. Мечи, в пределах современной Липецкой области, «за два дни до уkraine», татары захватили «рыболовей пяти человек»¹⁴³. Мухаммед-Гирей узнал у них о нахождении Ивана IV в Москве (не в Ливонии). Крымский «царевич» специально спросил о двух русских воеводах, руководивших прежде походами против Крымского ханства, о Дмитрии Вишневецком и Иване Шереметеве: «в немцах ли?». Узнав, что воеводы стоят соответственно в Туле и Рязани, Мухаммед-Гирей повернул свое войско назад¹⁴⁴.

Путивльская сторожевая служба прозевала этот татарский поход. Для объяснения промаха путивльских сторожей и станичников возможны, на наш взгляд, два предположения: хронологическое и географическое. Наиболее вероятной причиной отсутствия донесений о татарах от путивльских станичников является выбор татарами времени года для похода к российской уkraine. В Москве сведения о приходе

татар к р. Мече и начале татарского отступления были получены 21 декабря 1558 г. от уже упоминавшихся выше татар-перебежчиков. Думаем, что р. Тихую Сосну в пределах современной Воронежской области татары преодолели во второй половине ноября, когда с наступлением холодов прекратились станичные разъезды из Путивля. Мог иметь значение и выбранный татарами путь вдоль Дона, форсирование ими Северского Донца в месте, наиболее удаленном от Путивля.

Вдогонку за отступавшими татарами Иван IV послал крупное войско, организованное в три полка: большой, передовой и сторожевой. Главным воеводой был князь Михаил Иванович Воротынский. Он вышел с войсками из Калуги на Поле, дошел до р. Оскола в пределах современной Белгородской области, но татар не догнал и вынужден был вернуться. На дороге татарского отступления русские воины видели тысячи павших лошадей и верблюдов. Никоновская летопись также сообщает, что путивльский атаман по имени Капуста побил за Северским Донцом отставших от основной армии татар («царевичевых остальцов») и захватил много татарских лошадей¹⁴⁵.

Попытка осенне-зимнего татарского контрудара по российской Украине провалилась. Девлет-Гирею не удалось хотя бы на короткий срок перехватить инициативу в борьбе с Россией. Но татары сохранили свои основные боевые силы. Уклонившись от сражения с русской армией, они поспешили уйти из пределов Поля.

«Царевич» Мухаммед-Гирей вернулся в Крым уже зимой; по свидетельству пленных татар, захваченных Д. Вишневецким и присланных в апреле 1559 г. в Москву, он «в Крым пришел добре истомен», потеряв немало коней и людей¹⁴⁶.

5. Русские наступательные операции против Крыма и события на Поле в 1559 г.

А. А. Новосельский писал, что меры, принятые русским правительством в начале 1559 г., «представляют собой попытку предупредить новое нападение татар»¹⁴⁷. Позволим себе не согласиться с таким утверждением весьма уважаемого нами исследователя.

К 1559 г. Российское государство в борьбе с Крымским ханством прочно овладело инициативой. В 1556—1558 гг.,

как мы видели, Россия организовала несколько наступательных походов против Крымского ханства. Д. И. Вишневецкий во главе русского военного отряда доходил в 1558 г. до Перекопа. Спасаясь от русских воинов, Девлет-Гирей уводил татарские улусы с кочевий Северного Приазовья непосредственно в пределы Крымского полуострова, «в осаду». На берегу Днепра, между владениями великого княжества Литовского и Крымским ханством, появилась новая русская крепость — Псельский город. Русские войска стали регулярно выходить на Поле в пределы современного Центрального Черноземья. Фактически без боя, лишь путем демонстрации силы Россия отразила в конце 1558 г. начавшийся, но так и не состоявшийся крупный татарский набег. Речь в 1559 г. шла, на наш взгляд, не столько об обороне от татарского нападения, сколько о продолжении российского наступления через Поле на Крым.

В 1559 г. русское правительство надеялось добиться нового успеха в борьбе с татарами, если удастся — решающего. Ради этого можно было временно отложить ливонские дела. В ходе переговоров с послами датского короля российские дипломаты во главе с Алексеем Федоровичем Адашевым согласились от имени Ивана IV на прекращение военных действий в Ливонии, кстати, весьма успешных для России, «на шесть месяц, от майя до ноября»¹⁴⁸. Было подтверждено перемирие с Польшей и Литвой, заключенное до 1562 г., эти переговоры с послами короля Сигизмунда-Августа также вел А. Ф. Адашев¹⁴⁹. Крымское направление временно стало главным направлением российской внешней политики, анализ документов не оставляет в этом сомнений.

В 1559 г. русским правительством был подготовлен и осуществлен ряд наступательных мероприятий против Крыма. Удары по Крымскому ханству планировалось нанести с востока и с запада: со стороны низовьев Дона и со стороны низовьев Днепра.

В феврале 1559 г. во главе русского военного отряда в поход выступил князь Д. И. Вишневецкий. Ему поручалось идти к Северскому Донцу, построить там мореходные суда, выйти Северским Донцом и Доном в Азовское море, плыть «под Керчь», воевать «крымские улусы»¹⁵⁰. Полагаем, что местом строительства судов намечался на Поле район нынешнего г. Белгорода; там при впадении речки Везеницы в Северский Донец более поздние документы отмечают наличие

возобновляемой при необходимости русской «судовой пристани»¹⁵¹.

В низовья Дона для поддержки действий Д. И. Вишневецкого был послан один из ближайших советников Ивана IV — «постельничий» Игнатий Михайлович Вешняков. Разрядные книги сообщают, что И. М. Вешняков должен был «сходиться на Дону» с Д. И. Вишневецким¹⁵². Е. Н. Кушева, анализируя ногайские документы, установила, что перед И. М. Вешняковым были поставлены и другие задачи: он, в частности, должен был подыскать место для строительства на Дону русского города (по типу Псельского города на Днепре). Е. Н. Кушева считала, что Вешняков даже приступил к строительству на Дону русского города, «может быть, временного типа»¹⁵³.

Наиболее серьезный удар по Крымскому ханству был запланирован и нанесен со стороны низовьев Днепра. В феврале 1559 г. одновременно с отправкой к Северскому Донцу отряда Д. И. Вишневецкого на Днепр к Псельскому городу был послан со значительным войском Данила Федорович Адашев, брат пока еще могущественного Алексея Адашева. Войско Д. Ф. Адашева, включавшее сотни дворянской конницы, вооруженных огнестрельным оружием стрельцов и казаков, по традиции разделялось на три полка: большой, передовой и сторожевой. В распоряжение Д. Ф. Адашева в Псельский город были направлены также служилые люди двух городов днепровского бассейна — Чернигова и Почеп¹⁵⁴.

Отряды Д. И. Вишневецкого, И. М. Вешнякова и Д. Ф. Адашева без каких-либо осложнений прошли через Поле, через территорию современного Центрального Черноземья и приблизились к рубежам Крымского ханства.

Несмотря на открытие наступательных действий против Крыма, в Москве весной 1559 г. не исключалась возможность нападения Девлет-Гирея или одного из сыновей хана на русскую Украину. Основания для такого опасения были. Как мы помним, поздней осенью 1558 г. татары начали крупный поход на Русь, дошли до р. Мечи, но затем, испугавшись, вернулись назад. 11 марта Иван IV провел заседание боярской думы, где рассматривался вопрос о том, «как ему против своего недруга крымского царя Девлет-Гирея стоять и как ему своих украин беречь»¹⁵⁵. В этот день состоялись назначения воевод в полки дворянской конницы на Украину. Иван IV заявил о готовности лично возглавить русское вой-

ско в случае нападения татар, об этом говорит следующая формулировка в «приговоре» царя и бояр: «А самому царю и великому князю своего для дела и земского быть готову»¹⁵⁶.

Действия отряда Д. Ф. Адашева на суше и на море описаны в Никоновской летописи весьма подробно. Русские воины от Псельского города прошли Днепром «в малых челнах» к Очакову, «и тут корабль взяли и турок и татар побили, а иных людей поимали с собою в вожи [в проводники. — В.З.] на море». Высадившись затем на северо-западном побережье Крымского полуострова, воины Д. Ф. Адашева «повоевали и поимали многие улусы и многих людей побили и поимали, и которые татарове, собрався, приходили на них, и тех многих ис пищалей побили»¹⁵⁷. В донесении Д. Ф. Адашева упоминается также нападение русских воинов «на сидячих людей» — оседлых жителей Крыма. Как сообщил позже в Москве один из ногайских мурз, во время нападения Д. Ф. Адашева «с моря» в Крыму царила паника, многие крымские татары «бегали в горы», считая, что в Крыму появился сам Иван IV¹⁵⁸. При возвращении Д. Ф. Адашева крымский хан Девлет-Гирей пытался перехватить русских воинов у днепровских порогов, но безуспешно.

Д. И. Вишневецкий в низовьях Дона объединил свои силы с донскими казаками, возглавляемыми атаманом Михаилом Черкашениным. Он разбил под Азовом отряд крымских татар в 250 человек, который хотел идти «под казанские места войною». Поход Вишневецкого под Керчь в 1559 г., как можно полагать, не состоялся. Зато Вишневецкий привез в сентябре 1559 г. в Москву одного из черкесских князей — Ичурука, который от имени черкесов (адыгейцев) просил Ивана IV послать в Черкесию российского воеводу и попов, чтобы крестить черкесов¹⁵⁹.

В феврале следующего года «отпустил государь Вишневецкого на государьство в черкасы»¹⁶⁰. Е. Н. Кушева справедливо подчеркивает, что Д. И. Вишневецкий был послан на Северный Кавказ не простым воеводой, «а в ином, более высоком звании»¹⁶¹. Ему и черкесским князьям поручалось «промышляти над крымским царем». Активные военные операции против Крымского ханства со стороны Черкесии Д. И. Вишневецкому удалось провести в 1560 г.

В целом же русские удары по Крымскому ханству, нанесенные в 1559 г. со стороны Днепра и Дона, несмотря на внешний эффект, оказались малорезультативными. Для нападения на Крым Россия направила в 1559 г. сравнительно

небольшие силы. К тому же к Перекопу, в отличие от 1558 г., ни один русский военный отряд не пошел.

Основную ставку в борьбе с крымскими татарами русское правительство в 1559 г., как и в предыдущие годы, сделало на подготовку к открытому, прямому сражению с татарами на Поле. Многочисленная русская армия сосредоточилась на южной Украине и подготовилась к такому сражению. Дворянская конница, разделенная на шесть полков, во главе с лучшими, опытными воеводами расположилась сначала у Оки, затем она выдвинулась вперед, в район г. Дедилова, к Муравской степной дороге. Поводом для сбора всех русских войск за Дедиловом стали какие-то «крымские вести», привезенные из Путивля гонцом Третьяком Ртищевым¹⁶². Подробности о содержании этих «крымских вестей» документы не сообщают. Сам Иван IV собирался выступить к Туле.

Иван IV и его советники не смогли, как нам кажется, правильно оценить общую военную ситуацию, сложившуюся летом 1559 г., отрешиться от традиционного мышления, согласно которому наступающей стороной обязательно являлись татары, а оборонявшейся — Россия. Ожидание татар русской армией на краю Поля снова оказалось совершенно напрасным. Девлет-Гирей опять уклонился от наступления, от открытого сражения с русской армией на Поле, он ограничился борьбой с отрядом Д. Ф. Адашева, походом к Днепру. Собранную летом 1559 г. русскую армию можно было использовать для закрепления за Россией северной части Поля, устройства здесь укрепленных пунктов, основания одного-двух новых городов. Ничего этого сделано не было. Не состоялся и поход Ивана IV к Туле.

Главный воевода собравшейся под Дедиловом русской армии князь Иван Дмитриевич Бельский, по свидетельству разрядных книг, послал в августе 1559 г. вперед воеводу Ивана Федцова «с теми людьми, которые с ним». Отметим, что в разрядных книгах имеется географическая ошибка: Ивана Федцова «отпустили на Тихую Сосну», но «велели ему стояти в Сербольском лесу»¹⁶³. Сербольский, или Серболов, лес расположен не у Тихой Сосны, а у Быстрой Сосны. Он упоминается многократно у р. Быстрой Сосны в документах XVI—XVII вв.¹⁶⁴ Позже в Ливенском уезде, в XVII в., существовал даже особый Серболов стан, названный по лесу¹⁶⁵. На берегах же р. Тихой Сосны Серболова (Сербольского) леса не было и нет. К сожалению, географическую ошибку разрядных книг повторили некоторые историки, в том числе А. А. Новосельский¹⁶⁶.

И. Федцов выходил со своим отрядом, несомненно, к р. Быстрой Сосне. Отправка сюда крупной военной разведки от Дедилова вполне логична и понятна. Подобный выход русских войск к р. Быстрой Сосне, как уже говорилось выше, состоялся перед этим и в 1557 г.

23 августа 1559 г. Иван IV «велел з Дедилова воеводу князь Ивана Дмитриевича Бельскова и всех бояр и воевод отпустить»¹⁶⁷. Дальнейшее ожидание татарского нападения на российскую Украину становилось нелепым.

В конце 1559 г. против Девлет-Гирея выступили некоторые союзные России ногайские мурзы, они совершили поход с берегов Волги мимо Перекопа к низовьям Днепра. Ногайских татар поддерживали на этот раз донские казаки: «И казаки государевы с ними с пищальми з Дону были же»¹⁶⁸. По словам ногайских послов, приехавших в Москву, крымские татары сидели во время этого похода «в осаде», за Перекопом, «всю зиму»¹⁶⁹. Иван IV в знак благодарности послал через ногайского посла Карамыша мурзе Тахтару «жалованную грамоту», в которой, в частности, разрешил ногайским татарам «кочевати меж Дону и Волги, а от государевых им людей лиха некоего не будет»¹⁷⁰.

6. Хроника событий 1560—1562 гг.: переход инициативы к татарам, разорение Псельского города по приказу Ивана IV

В 1560—1562 гг. произошло постепенное изменение главного направления российской внешней политики: западные проблемы во внешнеполитической деятельности России стали явно преобладать над южными. Прекратились русские наступательные операции и удары по Крымскому ханству, инициатива на Поле опять перешла к татарам.

В 1560 г. возобновились военные действия в Ливонии, потребовавшие постоянного пребывания там русских войск. Многих опытных воевод, находившихся летом 1559 г. в Дедилове и готовившихся к битве с татарами, Иван IV послал в Ливонию. Фактически был отстранен от государственных дел А. Ф. Адашев, его мы видим в списке «бояр и воевод», отправленных весной 1560 г. в Ливонию¹⁷¹. Действия Д. И. Вишневецкого против Крыма со стороны Северного Кавказа, довольно высоко оцененные в книге Е. Н. Кушевой¹⁷², носили все же, как нам представляется, локальный характер.

ни в Никоновской летописи, ни в разрядных книгах о них не говорится ничего.

Снижение российской активности на Поле наступило не сразу: Весной 1560 г. русские войска вновь выдвинулись к р. Быстрой Сосне, в пределы Поля. Как и в 1557 г., сюда вышли не полки дворянской конницы, а воеводы украинских городов со служилыми людьми этих городов. Войска стояли «на Сосне усть Ливен»¹⁷³, главным воеводой являлся князь Александр Иванович Воротынский.

После более чем годичного перерыва, в 1560 г. вновь появились на русской Украине крымские татары. Татарский отряд во главе с мурзой Дивеем совершил нападение на г. Рыльск. Татары подвергли разорению посад — неукрепленную часть Рыльска. Рыльский наместник князь Василий Иванович Елецкий и воевода Петр Дмитриевич Тургенев отсиделись в крепости, «в осаде»¹⁷⁴.

На сторону русских перешел в Рыльске татарский перебежчик по имени Илемак¹⁷⁵. Он сообщил, что на речке Уда (притоке Северского Донца) будто бы стоит крымский «царевич» во главе войска в 20 000 человек. «По тем вестем» в Тулу были посланы сотни дворянской конницы во главе с князем Михаилом Ивановичем Воротынским. По свидетельству разрядной книги, в июле 1560 г. они пошли «за крымскими людьми, за Дивий-мурзою, и крымских людей не сошли, и, пришед с Поля, стояли на Туле по полкам»¹⁷⁶.

Этот поход географически не совсем понятен. Идти к Рыльску из Тулы по меньшей мере нелогично. Скорее всего, в Москву пришли новые вести о Дивей-мурзе, не отраженные в разрядной книге, и М. И. Воротынский хотел дать бой татарскому мурзе не под Рыльском, а в другом месте.

Подобное предположение в некоторой мере подтверждается сообщением Никоновской летописи. Оказывается, неутомимый мурза Дивей в начале августа 1560 г. совершил еще один стремительный набег на российскую Украину. Пройдя быстро через Поле, оставив слева г. Дедилов, а справа — г. Михайлов, он прорвался «на Потегу». (Потежский лес находился между Тулой и Зарайском на левом берегу р. Осетра; позже здесь была устроена Потежская, или Поческая, засека — одна из Каширских засек.) Никоновская летопись определяет число татар у Дивей-мурзы в это время в три тысячи человек. На Украине татары пробыли лишь один день, «назавтрее и прочь пошли». В погоню за Дивей-мурзою на этот раз устремился из Тулы боярин Иван Дмитриевич

Бельский с другими воеводами. Двигаясь по сходящимся направлениям (И. Д. Бельский — на юго-восток, татары — на юг), русские воины настигли татар «на Поле на третьей день на Дону на ранней зоре». Однако сражения в верховьях Дона не произошло. По сообщению Никоновской летописи, татары «полон посекали и иной пометали, а сами бегом отошли»¹⁷⁷. И. Д. Бельский почему-то отказался от дальнейшего преследования Дивея.

Походы мурзы Дивея носили, возможно, характер своеобразной разведки боем. Подвергнув нападению Рыльский уезд, а затем проверив состояние обороны восточнее Тулы, он поспешил обратиться к восояси.

Осенью 1560 г. татары предприняли также попытку нападения на восточную часть российской укайны, на район г. Темникова. «Государевы станишники» обнаружили татарскую сакму на левом берегу Дона «усть Фарасани и Икорца» в пределах современной Воронежской области и определили число проехавших по ней татар в четыре тысячи человек¹⁷⁸. Результат похода этого татарского отряда в документах не отражен, но сам факт нового появления татар на территории современного Центрального Черноземья говорит о возобновлении татарской угрозы различным районам русской укайны, о попытках татар в 1560 г. перехватить инициативу в Поле.

Весной 1561 г. крымский хан Девлет-Гирей, как можно полагать, временно занял выжидательную позицию по отношению к России. Он наблюдал за развитием событий в Литвонии, ждал окончания русско-литовского перемирия. В апреле 1561 г. от Девлет-Гирея приехал к Ивану IV гонец Уракчей, пригнавший в подарок русскому царю от крымского хана арабскую скаковую лошадь. Девлет-Гирей предлагал Ивану IV мир при условии посылки из Москвы в Крым больших поминок (подарков). Поминки в Крым Девлет-Гирей запрашивал в таком же количестве, в каком получал их прежде хан Мухаммед-Гирей от Василия III. В этом случае он «того дня в миру учинится»¹⁷⁹.

Иван IV не возражал против возобновления переписки с Девлет-Гиреем, но прямого ответа на его запрос не дал. В декабре 1561 г. он послал в Крым нескольких служилых татар, «а писал ко царю [Девлет-Гирею. — В. З.] о дружбе, чтобы меж их государств гостем дорога отворилась»¹⁸⁰.

В 1561 г. Д. Вишневецкий, закончив свою кавказскую миссию, «крымские улусы воевал, которые кочевали блиско

Днепра»¹⁸¹. Других сведений о событиях на Поле в 1561 г. Никоновская летопись не приводит. В ноябре 1561 г. Вишневецкий вернулся в Москву. К этому времени он уже вел тайную переписку через своего брата Михаила с польским королем Сигизмундом-Августом о возможности возвращения на польскую службу и получил от короля такое разрешение¹⁸². Иван IV ничего об этой переписке не знал.

14 апреля 1562 г. Д. И. Вишневецкий снова был послан Иваном IV в низовья Днепра «недружбу делати царю крымскому и королю литовскому»¹⁸³. А в июле 1562 г. в Можайск, где находился тогда Иван IV, казаки «с Поля» привезли весть, «что князь Дмитрий Вишневецкой государю царю и великому князю изменил, отъехал с Поля з Днепра в Литву к польскому королю со всеми своими людьми, которые с ним были на Поле, а людей его было триста человек»¹⁸⁴.

Сторонники Д. Вишневецкого «с собою взяли в Литву казацкого московского атамана Водопьяна с его прибором, с польскими казаки, а казаков с ним было с полтора ста человек»¹⁸⁵. Отвлекаясь в данном случае от Д. И. Вишневецкого и русско-литовских отношений, отметим сам факт наличия на Поле немалого числа казаков, «прибранных» на московскую службу. Есть все основания полагать, что эти казаки были набраны на службу непосредственно на Поле, являлись до этого вольными казаками.

Иван IV не предвидел «измены» князя Д. Вишневецкого. В том же 1562 г. он «положил опалу свою» на двух других крупных русских воевод, имевших большой опыт борьбы с татарами, хорошо знавших Поле. В январе 1562 г. опале подвергся боярин, князь Иван Дмитриевич Бельский, за то, что «хотел бежати в Литву». И. Д. Бельский был посажен «за сторожи на Угрешском дворе»¹⁸⁶, но сумел каким-то образом оправдаться и уже в конце 1562 г. получил назначение в поход к Полоцку в прежней роли одного из воевод большого полка¹⁸⁷. Опала на князя Михаила Ивановича Воротынского в сентябре 1562 г., о которой мы подробно говорили, анализируя историю восстановления г. Новосиля¹⁸⁸, оказалась более продолжительной. Из северной ссылки М. И. Воротынский вернулся только через три с половиной года.

В июле 1562 г. крымский хан Девлет-Гирей совершил нападение на г. Мценск и Мценский уезд. Отошедшие от главных татарских сил отряды Дивея-мурзы и Мустафы-аги подвергли разорению Болховский и Белёвский уезды («болховские и белёвские места»)¹⁸⁹. Погоня за татарами русских

войск, которой руководил князь М. И. Воротынский, как мы уже отмечали выше, не дала реального результата.

В 1562 г. в борьбе России с Крымским ханством обозначился перелом. Порвав со своими прежними советниками, с «Избранной радой», Иван IV отошел от внешнеполитического курса, направленного в первую очередь на борьбу с татарами, с осколками Золотой Орды. Основные русские военные силы были направлены на запад, где с 1562 г. возобновилась война с Польшей и Литвой. Надеясь на нейтралитет Крыма, Иван IV пошел на большие уступки Девлет-Гирею, на потерю стратегической инициативы на Поле.

Ярким проявлением изменения политики России по отношению к Крыму стало уничтожение («разорение») по распоряжению Ивана IV Псельского города — крайней российской крепости, построенной в Приднепровье, у самых рубежей Крымского ханства. Выше уже говорилось о том, что новый русский город в низовьях р. Псел являлся в конце 50-х гг. базой русских наступательных операций против Крыма. В 1559—1560 гг. в Псельском городе «годовали» воеводы Семен Упин и Михаил Булгаков¹⁹⁰. В связи с прекращением походов в пределы Крымского ханства военная необходимость в существовании Псельского города временно отпала. Но зачем было разорять существующую крепость без особых на то причин, отступать с уже занятой и фактически присоединенной к России территории? Такого в России прежде не случалось.

Сообщение о разорении самими русскими Псельского города имеется в наказе послу Афанасию Нагому, отправившемуся в Крым весной 1563 г. В летописях и разрядных книгах это событие совершенно не отражено. «Отпуск» посла состоялся 25 апреля 1563 г.¹⁹¹ Вот соответствующее место наказа, полученного послом: «А нечто вспросят о Псельском городе, чего для его разорили. И Офонасью говорити: сказали были государю нашему тамошние украинные люди, что то место пригодитца х пашням и к иным угодиям, и государь наш того для велел им и город поставити. И как того места велел государь порозсмотретьи гораздо, и то ся место х такому делу не пригодило. И того для государь наш велел его и разорити. А государю нашему города новые не нужны. Божьим милосердием и старые города емлет»¹⁹².

Мы воздержимся от подробных комментариев приведенного только что дипломатического документа. Заметим лишь, что земли в окрестностях бывшего Псельского города, в пре-

делах современной Полтавской области, весьма плодородны. Опыт нескольких столетий показал, что они с успехом годятся «к пашням и к иным угодьям».

Построенный русскими служилыми людьми Пселский город благодаря своему географическому положению сдерживал наступательный пыл крымских татар. Одновременно он являлся препятствием и для польско-литовского проникновения на левобережье Днепра, в примыкавшую к Днепру часть Поля. Теперь такого препятствия не стало.

Уничтожение Иваном Грозным русской крепости у р. Псел свидетельствует, на наш взгляд, не только об изменении внешнеполитического курса России. Оно показывает также политическую недалекость и дипломатическую слабость Ивана Грозного, вставшего после разрыва с «Избранной радой» на путь террора и удовлетворения собственных, зачастую нелепых, прихотей.

7. Борьба с татарами в 1563—1570 гг., дальнейшее продвижение России в пределы Поля

Начало 1563 г. ознаменовалось заметным успехом России в войне с Польшей и Литвой: 15 февраля русские воины взяли город Полоцк. Высоко оценивая эту победу и надеясь развить ее в дальнейшем, Иван IV попытался установить долгосрочный мир с Крымским ханством. Переговоры об установлении мира начал вести русский посол Афанасий Нагой, прибывший в Крым летом 1563 г. Дважды с гонцами (Ф. Писемским и И. А. Мясным) посылались в 1564 г. из Москвы в Крым «поминки»¹⁹³. Крымские татары, однако, отвергли мирные предложения России.

История развития российско-крымских политических отношений в 1563—1570 гг. глубоко исследована А. А. Новосельским¹⁹⁴. Ему удалось выяснить мотивы, которыми руководствовалось Крымское ханство, отклоняя предложенный из Москвы мир. На совещании с Девлет-Гиреем татарские князья и мурзы летом 1564 г. убедили хана «не мириться» с Иваном IV, поскольку под угрозой могло оказаться само существование Крыма как независимого государства. В случае победы над польским королем московский государь, по их мнению, немедленно направил бы свой удар против Крыма. События 1556—1560 гг. давали крымским феодалам основание для такого вывода. Девлет-Гирей, как показал А. А.

Новосельский, согласился с мнением лидеров кочевой татарской аристократии¹⁹⁵. К тому же в 1564 г. изменилась ситуация в русско-польской войне в пользу Польши, и крымские татары надеялись с большей выгодой использовать отвлечение на запад русских военных сил для грабежа Украины.

Еще раз вопрос о войне или мире с Москвой обсуждался в Крыму летом 1567 г. И снова крымская знать приняла решение о войне с Российским государством и союзе с Польшей. «При явно возрастающей силе Московского государства, — справедливо замечает А. А. Новосельский, — Польша и Крым становились естественными союзниками против него»¹⁹⁶.

Российское государство, приостановив после 1562 г. организацию наступательных походов и прямых военных ударов по Крымскому ханству, укрепляя оборону Украины и стремясь к миру с татарами, не прекратило, однако, начавшегося в 50-е гг. выдвижения в Поле. На стыке Украины и Поля продолжалось, хотя и в замедленном темпе, строительство новых городов. (Об этом говорилось выше, в начале данной главы.)

Весной 1563 г., до прибытия в Крым российского посла А. Нагого, крымские татары числом до 10 тысяч человек совершили нападение на окрестности г. Михайлова. Среди руководителей татарского похода были сыновья Девлет-Гирея — Мухаммед-Гирей (Магмет-Гирей) и Алды-Гирей, а также весьма активный мурза Дивей¹⁹⁷. Русские источники подробностей об этом татарском набеге не сообщают, определить, шли татары Муравской или Кальмиусской дорогами в пределах современного Центрального Черноземья, не представляется возможным. Кроме Михайлова татары появлялись также под соседними городами — Дедиловом, Пронском и Переяславлем-Рязанским; по свидетельству разрядных книг, в эти города посылались воеводы «для осадного дела»¹⁹⁸.

В разрядных записях за 7072 г. (осень 1563 г. — весна и лето 1564 г.) в перечне городов от Поля названы Дедилов, Пронск, Михайлов, Ряжск, Мценск, Болхов, Одоев, городки на Плове и Солове, Карачев, Брянск, Почеп, Стародуб, Чернигов, Новгород-Северский, Путивль, Рыльск¹⁹⁹. Отметим, что города на Оке (Белёв, Перемышль, Лихвин, Калуга, Алексин, Таруса, Серпухов, Кашира, Коломна, Переяславль-Рязанский), Козельск за Окой, а также Тула разрядными книгами в этот список не включены; они уже не считаются

городами, непосредственно примыкающими к Полю, и составляют как бы вторую, глубинную линию обороны. Это разделение южнорусских городов, появившееся в разрядных книгах, находит географическое подтверждение. Города на Оке и даже располагавшаяся раньше у самого Поля Тула теперь уже заслонены от доступного татарам Поля новыми городами.

Города «от Поля» в дальнейшем не всегда в разрядных записях четко отделяются от прочих украинских городов. Весной 1565 г. был составлен своего рода «объединенный «разряд от Поля и по берегу»²⁰⁰, включавший Тулу и важнейшие города на Оке, сообщающий о назначении туда воевод. В нем перечислены следующие города: Дедилов, Пронск, Михайлов, Ряжск, Зарайск, Мценск, Болхов, Одоев, Новосиль, Солова и Плова, Карачев, Шацк, Брянск, Почеп, Стародуб, Трубчевск, Чернигов, Путивль, Рыльск, Новгород-Северский, Рязань (Переяславль-Рязанский), Тула, Коломна, Кашира, Серпухов, Калуга²⁰¹. Полки дворянской конницы выходили в 1565 г. в Коломну, Каширу, Серпухов и Калугу, по терминологии того времени, — «на берег».

Вернемся, однако, к событиям второй половины 1564 г. Отвергнув мирные предложения России, крымские татары осуществили осенью 1564 г. крупное и внезапное нападение на российскую Украину. Возглавлял татар сам хан Девлет-Гирей, в походе участвовали и его сыновья. Разрядные книги определяют численность татар в 60 тысяч человек²⁰². Погрому подверглась Рязанская земля — наиболее удаленная от русско-литовской границы и от находившихся там русских войск часть Украины. В течение нескольких дней татары, имевшие артиллерию, осаждали главный город Рязанской земли — Переяславль-Рязанский (он нередко называется в документах Рязанью). Находясь у Переяславля-Рязанского, Девлет-Гирей «отпустил людей в войну»; татары захватили большой полон. Назад в Крым Девлет-Гирей пошел из Рязанской земли 5 октября 1564 г.²⁰³

Анализ документов, относящихся к осени 1564 г., позволяет утверждать, что путивльской сторожевой службы на Поле в это время фактически не было. Нападение Девлет-Гирея оказалось «безвестным» для русского правительства. Иван IV, видимо, был уверен в успехе мирных переговоров русских дипломатов в Крыму, введен в заблуждение завязывавшейся перепиской с Девлет-Гиреем. 27 июня 1564 г. в Москву приехали крымские гонцы, 17 августа, незадолго до

татарского нападения, в Крым отправился очередной русский гонец. Шли переговоры о предстоящей отправке посольств, о возможной «розмене» русского и крымского послов «на Семи реке»²⁰⁴.

Кстати, предлагая Девлет-Гирею провести «розмену» послов у р. Сейма, Иван IV следовал примеру своего деда Ивана III, который, как мы видим, высказал аналогичное предложение крымскому хану Менгли-Гирею. Иван IV как бы соглашался на разграничение сфер русского и крымского влияния на Поле, не возражал против выдвижения Крымского ханства в южную часть Поля, вплоть до р. Сейма.

И эта только намеченная, но не осуществленная российская уступка Девлет-Гирею оказалась безрезультатной. После нападения крымских татар на Рязанскую землю вопрос об обмене посольствами отпал.

В декабре 1564 г. Иван IV уехал в Александровскую слободу и «государство свое оставил». Бояр и воевод он обвинил, в частности, в том, что они «от недругов его от крымского и от литовского и от немец не хотя христианства обороняти»²⁰⁵. Заметим попутно, что крымский хан в списке «недругов» Ивана IV стоит на первом месте.

Начались трудные для России годы опричнины Ивана Грозного. Из украинских городов Иван IV «отписал» в опричнину Белёв, Козельск, Лихвин и частично Перемышль; эти города, как мы уже заметили, к 1564 г. были заслонены от Поля новыми городами и непосредственно к Полю не примыкали. Ближайшие к Полю города Украины оказались в составе земщины.

В одной из разрядных книг содержится любопытное сообщение о том, что в 1565 г., наряду с обычным назначением воевод на Украину, была составлена «роспись тайная», предусматривавшая в необходимых случаях выход русских войск навстречу крымскому хану²⁰⁶. Причина составления ее понятна: Иван Грозный все еще надеялся на заключение мира с Девлет-Гиреем и старался не давать татарам лишнего повода для нападений.

Русские активные действия на Поле полностью, естественно, не исключались. В недавно восстановленную Новосиль 1 мая 1565 г. был послан в качестве воеводы князь Ю. Ф. Борятинский, ему поручалось «итти на Поле к Сосне и за Сосну»²⁰⁷. Новосиль в это время была крайним русским городом, дальше других выдвинутым с севера в сторону Поля.

В документах 1565 г. содержится несколько сведений о

путивльской станичной службе. Станичный голова Роман Семичев прислал в Москву 19 мая 1565 г. сообщение о появлении татар на Муравской дороге, «верх Мерла»²⁰⁸. Однако нападения этой татарской группировки на российскую Украину не последовало.

В сентябре 1565 г. путивльские станичники обнаружили татар на переправах через Северский Донец. По этим вестям русские войска были посланы в Коломну, Каширу, Серпухов и Калугу. Но Девлет-Гирей опять перехитрил русских воевод: он совершил нападение на ту часть Украины, где почти не было русских войск, в данном случае — на район Болхова. У стен Болхова Девлет-Гирей появился, по свидетельству разрядной книги, 9 октября «в половине дни»²⁰⁹. Ночью он ушел от крепости, чтобы избежать столкновения с русскими войсками. Татары захватили немалый полон.

Против татар Иван IV послал к Болхову войска и из земщины, и из опричнины. Войско земщины, в котором возникли традиционные местнические споры, возглавил боярин И. Д. Бельский, в опричном войске названы в качестве воевод князь А. П. Телятевский, Д. И. Хворостинин и А. И. Хворостинин²¹⁰. Открытого столкновения русских войск с татарами не произошло, Девлет-Гирей успел увести татар и захваченный полон с Украины.

Оборонительные мероприятия, проводимые Российским государством на Украине в 1565—1566 гг., касались, как можно полагать, устройства отдельных лесных засек. Засеки в лесах для защиты от татар устраивались русским правительством и городскими воеводами и раньше. Толчком для усиления работ в этом направлении в 1565—1566 г. явился неожиданный для русских, довольно легкий проход татар через лес в Рязанской земле во время осеннего набега 1564 г. Однако говорить о создании сплошной «засечной черты» в это время еще рано. По нашему мнению, такая черта была создана лишь в 90-х гг. XVI в. (см. далее, гл. V). Весной 1566 г. Иван IV лично осматривал «места от крымские Украины», побывал в Козельске, Белёве, Болхове, Алексине²¹¹. В 1566 г. на Украине, как уже отмечалось выше, был построен новый русский город — Орел. На западе с польским королем было заключено короткое перемирие²¹².

В 1566 г. Украина получила небольшую передышку: татарских нападений в течение года не произошло. Большая группировка татар под начальством царевича Мухамед-Гирея по требованию турецкого султана совершила в это вре-

мя поход в Венгрию. Девлет-Гирей возобновил переговоры о мире с Москвой. 3 сентября 1566 г. от крымского хана приехал в Москву гонец Коримша, его сопровождали гонцы от царевичей, цариц, мурз, турецкие купцы²¹³.

Временное затишье и надежды на установление мирных отношений с Крымом своеобразно отразились в терминологии разрядных книг: в 1567 г. воеводы были посланы не «в города от крымской украины», а просто «по украиным городам»²¹⁴. В первой половине 1567 г. Девлет-Гирей еще колебался, но татарские мурзы организовали несколько самостоятельных набегов на российскую Украину.

Во второй половине 1567 г. Девлет-Гирей вернулся к политике открытой войны с Россией. Терминология разрядных книг по-своему зафиксировала эту перемену в российско-крымских отношениях: весной 1568 г. русские воеводы были посланы в города «на крымскую Украину»²¹⁵.

Весной и летом 1568 г., ожидая «крымского царя», на берегу Оки стояли полки дворянской конницы из земщины и из опричнины. Татарское нападение на Украину состоялось, но подробности его в документах не отражены. Известно только, что набегом руководили сыновья Девлет-Гирея, сам он в походе не участвовал. Для отражения татар выходило войско под начальством боярина И. П. Яковлева-Хирона, открытого сражения с татарами не произошло²¹⁶.

В 1568 г. на Украине, на берегу Дона, был основан (вернее сказать, восстановлен) г. Данков. В это же время («в тое пору»), по свидетельству одной из разрядных книг, воеводы А. В. Репнин и Д. Ф. Ивашкин ходили из Дедилова «на Поле, за Сосну»²¹⁷. Целью похода, как видно из текста, была защита строителей Данкова от возможного неожиданного нападения татар. По всей вероятности, А. В. Репнин и Д. Ф. Ивашкин с войсками располагались юго-западнее старого Елецкого городища, у Муравской дороги, примерно в 100 км от строившегося нового города.

Еще одно нападение татар на Украину датируется сентябрем 1568 г. «Крымские люди» под руководством одного из татарских мурз, по свидетельству разрядных книг совершили набег «на одоевские места и на чернские и на белёвские»²¹⁸. Для отражения татар были посланы воеводы со служилыми людьми из четырех городов: Тулы, Данкова, Дедилова и Переяславля-Рязанского. Они «сошлись» в верховьях речки Черни, но татар уже не застали.

В 1569 г., во время похода турецкой армии к Астраха-

ни, являвшегося, по сути дела, первой в истории русско-турецкой войной, российская Украина находилась в напряжении. Удар крымских татар в направлении на Москву представлялся, как свидетельствуют разрядные записи, вполне вероятным. Дважды в течение 1569 г., в апреле и августе, составлялись «рописи» воевод и полков дворянской конницы на Украину; к Оке и в район Тулы выходили крупные русские военные силы из земщины и опричнины²¹⁹. В боярской думе рассматривались два возможных варианта татарских военных действий: попытка татар форсировать Оку и нападение на Украину без выхода татар «к берегу», к Оке. Разрядные книги строго разграничивают действия воевод в первом и во втором случае. Заметим, что в 1569 г. в стране развернулся опричный террор, который не мог не сказаться отрицательно на боеспособности Украины. Однако крымские татары, занятые астраханскими событиями, в 1569 г. на Украину не появлялись. Поход же турецкого войска к Астрахани, как известно, полностью провалился; его освещение не входит в наши задачи.

Для помощи астраханскому гарнизону в 1569 г. был послан с войском князь П. С. Серебряный на судах, вниз по Волге. Русской активности в пределах Поля в это время не заметно.

В исторической литературе высказаны два различных взгляда по вопросу о зависимости политики крымских ханов, в частности Девлет-Гирея, от Турции. Согласно первому политика крымских ханов полностью определялась Турцией, а Девлет-Гирей находился в фактическом подчинении у турецкого султана, был его вассалом. Из числа дореволюционных русских историков такое мнение особенно ярко высказано Василием Дмитриевичем Смирновым в книге «Крымское ханство под верховенством Османской порты до начала XVIII века», из числа советских — его однофамильцем Николаем Александровичем Смирновым в книге «Россия и Турция в XVI—XVII вв.». Другая точка зрения, с которой мы в целом согласны, была обоснована А. А. Новосельским, подчеркнувшим значительную самостоятельность внешней политики Девлет-Гирея, относительную независимость ее от турецкой политики²²⁰. Думаем, что Девлет-Гирей не являлся турецким вассалом, во всяком случае никак не хотел им быть. Лишь иногда обстоятельства вынуждали крымского хана, ловкого политика и дипломата, внешне солидаризироваться с турецкой политикой, выполнять требования султана.

В 1570 г. Турция отказалась от повторного похода на Астрахань, а крымские татары возобновили свои нападения на русскую Украину.

Начало 1570 г. ознаменовалось в России разгулом террора опричников, состоялся печально знаменитый поход Ивана Грозного на Новгород. Ухудшение политической ситуации совпало с общенародным стихийным бедствием: Россию охватила эпидемия. По свидетельству Пискаревского летописца, «был мор по всем градам руским»²²¹. Р. Г. Скрынников считает, что речь идет об эпидемии чумы²²², которая продолжалась около двух лет.

Выдвижение полков дворянской конницы «на берег» весной 1570 г. первоначально не планировалось. Главную роль в отражении возможных татарских нападений должны были сыграть служилые люди новых и старых городов «от Поля» (Данкова, Новосили, Орла, Дедилова, Шацка, Ряжска, Мценска, Путивля, Рылска и др.). Своеобразным центром обороны Украины утвержден был Данков. Туда поехал в качестве городского воеводы князь Иван Петрович Шуйский. В случае «прихода воинских людей» он должен был возглавить большой полк, в его распоряжение предписано было идти воеводам из Новосили и Орла. Не исключалась возможность соединения И. П. Шуйского и «с опришниками воеводами»²²³.

Вести, пришедшие в Москву в середине мая 1570 г., побудили Ивана Грозного изменить намеченный план обороны Украины. Путивльский наместник П. Татев прислал в Москву «донецкого сторожа» Абрама Алексеева, который видел при впадении речки Мжи в Северский Донец многих татар, шедших «в Русь». Иван Грозный немедленно направил воевод «на берег», приказал в Коломне «збирать детей боярских»²²⁴.

Майский набег татар, судя по разрядным книгам, оказался весьма быстротечным и типично грабительским. Минувив передовые русские города, татары появились 21—22 мая в каширских и рязанских местах, где взяли большой полон²²⁵. Иван Грозный 23 мая лично двинулся против татар в направлении Коломны, но дошел только до подмосковного села Коломенского. Под Зарайском воеводы Дмитрий Хворостинин и Федор Львов, согласно их донесению, «с крымскими людьми» бились и «полон многой отполонили»²²⁶. Полки дворянской конницы, собравшиеся у Оки, с врагом сразиться не успели.

Татары очень быстро ушли из района Зарайска. Находившиеся в Данкове князь И. П. Шуйский, а также воеводы Новосили (князь А. Д. Палецкий) и Орла (князь А. В. Репнин) вполне могли перехватить татар в Поле, например при переправе через р. Мечу, но даже не попытались это сделать. Иван Грозный имел основания для недовольства действиями русских воевод на Украине в мае 1570 г.

Новые известия о возможном нападении крымских татар пришли в Москву в начале сентября. 4 сентября 1570 г. из Рыльска от воеводы и наместника Семена Нагого прискакал гонец: рыльские станичники зафиксировали появление татар в верховьях р. Тора и на речке Береке. Путивльской наместник Петр Татев сообщил о разгроме татарами двух путивльских «месячных сторож» у Северского Донца²²⁷. «По тем вестем» Иван Грозный приказал выйти к Оке «большим боярам» с полками дворянской конницы: князьям И. Д. Бельскому, И. Ф. Мстиславскому и М. И. Воротынскому. Первым воеводой большого полка был назначен И. Д. Бельский.

Известия о приближении татар продолжали поступать из многих городов, станичники и казаки видели татар в различных местах Поля: у речек Уразовой, Котла, Потудани — в пределах современных Белгородской, Курской, Воронежской областей. Воевода г. Новосили князь А. Д. Палецкий сообщил о появлении 12 сентября под городом татарского отряда, татар было «по смете тысяч с шесть или семь»²²⁸. А. Д. Палецкий прислал пленного татарина, который подтвердил намерение крымского хана «итти на государевы украинны».

14 сентября 1570 г. воевода большого полка боярин И. Д. Бельский на основании донесений тульского, дедиловского и соловского городских воевод послал из Коломны Ивану Грозному в Александровскую слободу срочное сообщение о том, что «идут на Дедилов и на Тулу царь и царевици»²²⁹. Являясь формально главнокомандующим, И. Д. Бельский в сентябре 1570 г. не принял на себя фактического руководства войсками. Он действовал неуверенно, не организовал собственной военной разведки, чтобы проверить версию о движении к русской Украине крымского хана, постоянно оглядываясь на Александровскую слободу, где находился с опричниками Иван Грозный. Чтобы снять с себя ответственность, он даже приложил к своему донесению Ивану Грозному от 14 сентября письмо, присланное ему тульским воеводой Борисом Жулебиным²³⁰.

Иван Грозный счел полученные вести о приближении Девлет-Гирея достаточно обоснованными. По свидетельству разрядных книг, он «пошел из слободы сентября в 16 день против недруга своего крымского царя и царевичей со многими людьми искати прямого дела»²³¹. 19 сентября он уже был в Серпухове, преодолев расстояние в 200 км (от Александровской слободы до Серпухова) за три дня.

Открытого сражения («прямого дела») с крымскими татарами у Ивана Грозного вновь не получилось. В который раз крымский хан перехитрил русского царя! Вскоре выяснилось, что на этот раз Девлет-Гирей вообще в поход не ходил. Появившиеся у русской украины отдельные татарские отряды ко времени прибытия в Серпухов Ивана IV покинули не только украину, но и основную часть Поля. В Серпухов прискакал из Путивля станичный голова Ширий Сумороцкий. Он перед этим проехал вдоль Северского Донца вплоть до устья Айдара и не обнаружил ни одной татарской сакмы²³².

Марш-бросок, совершенный Иваном Грозным с опричниками из Александровской слободы в Серпухов, оказался ненужным. Можно представить себе гнев психически неуравновешенного царя! Разрядные книги кратко рассказывают о военном совещании, проведенном Иваном Грозным «со всеми бояры и воеводами» в Серпухове 22 сентября 1570 г. И. Д. Бельский и другие бояре попытались свалить всю вину на станичников: «про царя [Девлет-Гирея. — В. З.] и про царевичей и про большие люди все станичники во всех местах, где, сказали, видели людей и по сакме смечали до тридцати тысяч, то солгали»²³³. Им как будто удалось убедить царя. Иван Грозный с сыном Иваном из Серпухова через Каширу, Зарайск и Коломну отправился назад в Александровскую слободу. «На берегу» временно, до 8 октября²³⁴ (если «не поновятся вести до того дни»), оставались полки дворянской конницы и воеводы «из опришнины».

На военном совете в Серпухове 22 сентября 1570 г. во время критики действий станичников, несомненно, говорилось об общем состоянии сторожевой и станичной службы на Поле. Чтобы оправдаться перед Иваном Грозным, «большим боярам» (И. Д. Бельскому, И. Ф. Мстиславскому, М. И. Воротыньскому) нужно было поставить вопрос о реорганизации российской сторожевой и станичной службы. Такая реорганизация нужна была и для пользы дела, для улучшения обороны украины. Возможно, что именно в Серпухове

была намечена кандидатура князя Михаила Ивановича Воротынского в качестве организатора и руководителя новой российской службы сторож и станиц в Поле. Официальное поручение ему от имени Ивана IV «ведати станицы и сторожи и всякие свои государевы польские службы» было вскоре подготовлено боярской думой и утверждено 1 января 1571 г.²³⁵ Формально это поручение исходило от царя, фактически, как нам представляется, от боярской думы.

По нашему мнению, личная роль Ивана Грозного в перестройке российской сторожевой службы в Поле, весьма способствовавшей последующим политическим и экономическим успехам России, значительному расширению территории страны в южном направлении, была в целом невелика. Нам кажется, что Иван Грозный недооценивал роль украин и Поля в жизни страны. Это видно хотя бы по обычному назначению весной 1571 г. боярина М. И. Воротынского, только что возглавившего огромную по своим масштабам российскую сторожевую службу, воеводой передового полка на берег Оки.

О реорганизации российской сторожевой службы на Поле, приведшей к качественным изменениям на территории современного Центрального Черноземья, речь пойдет в следующей главе.

Глава IV

ПОПЫТКА ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПОЛЯ В ПОЛЬЗУ РОССИИ В 1571 г. СОБЫТИЯ 1571—1584 гг.

1. Реорганизация российской сторожевой службы на Поле в 1571 г. и ее политические результаты. 2. Нашествие хана Девлет-Гирея на Россию в 1571 г. 3. Нашествие хана Девлет-Гирея на Россию в 1572 г. 4. Оборона Украины и состояние российской сторожевой службы на Поле в 1573—1584 гг.

1. Реорганизация российской сторожевой службы на Поле в 1571 г. и ее политические результаты

К руководству «всякими польскими службами» боярин Михаил Иванович Воротынский отнесся серьезно, по-государственному. Он принял разумное решение: собрать в Москве знатоков Поля и посоветоваться с ними. 7 января 1571 г., как явствует из документов, М. И. Воротынский лично явился в Разрядный приказ, где «говорил государевым словом» с дьяком Андреем Клобуковым и его помощниками. Перед дьяками и подьячими Разрядного приказа М. И. Воротынский поставил в этот день две задачи: во-первых, «доискаться прежних станичных списков и, во-вторых, вызвать в Москву с Украины детей боярских, выполнявших на Поле службу станичных голов, а также проводников («вожей»), лучших рядовых сторожей и станичников, которые ездят сейчас или ездили прежде «в станицах на Поле»¹.

Поиск в Разрядном приказе старых документов о сторожах не имел в январе 1571 г. большого значения, поскольку структура российской сторожевой службы пересматривалась принципиально. Основное внимание Разрядный приказ обратил на вызов в Москву людей, знавших Поле, постоянно бывавших в нем.

Сохранившиеся в ЦГАДА в особой рукописной книге записей о станичной и сторожевой службе документы² были в 1890 г. опубликованы в первом томе «Актów Московского государства». Они в общих чертах позволяют проследить историю созыва и работы замечательного для своего времени

всероссийского совещания знатоков Поля, проходившего под руководством М. И. Воротынского.

Участники совещания — «из всех украинских городов дети боярские, станичники и сторожи и вожи в генваре, а иные в феврале к Москве все съехались»³. Их рассказы «порознь» были записаны подьячими Разрядного приказа.

Как видно по документам, знатоки Поля собирались все вместе по меньшей мере дважды — 16 и 21 февраля. Составленные от имени М. И. Воротынского и всех участников совещания «приговоры» в дальнейшем имели значение юридических документов, на их основе принимались и особые решения боярской думы (например, о льготах для данковских служилых казаков, о запрещении нанимать и посылать на сторожи путивльских севрюков⁴). 16 февраля обсуждались общие принципы организации сторожевой и станичной службы на Поле, сроки поездок станиц из Путивля и Рыльска. 21 февраля рассматривался вопрос о создании на Поле крупных общероссийских сторож, или сторожевых постов (ничего подобного в России раньше не бывало), определялись места общероссийских сторож, численность сторожей на них, порядок их смены⁵. Решено было ежегодно устанавливать четыре такие сторожи.

Формально и само совещание и принятые им «приговоры» носили прикладной, чисто военный характер. Установление правил сторожевой службы на Поле, утверждение сроков и маршрутов станичных разъездов, мест общероссийских сторожевых постов — все это вроде бы преследовало только военные цели: «чтоб государю про приход воинских людей быти не безвестну и воинские б люди на государевы украинны, безвестно не приходили». Боярин М. И. Воротынский сумел, однако, придать совещанию и его решениям большой политический смысл. Государственная фиксация на Поле русских станичных маршрутов и установка на Поле ежегодных крупных общероссийских сторож должна была закрепить и фактически закрепляла территорию Поля за Российским государством. Формулировки документов не вызывают сомнений: имелось в виду, что станицы будут ездить не по нейтральной, не по татарской, а по российской земле; сторожи будут стоять на российской территории.

Конечно, не от одного М. И. Воротынского зависел политический крен документов, принятых в феврале 1571 г. на совещании знатоков Поля. Свою руку здесь, возможно, положили и руководители Разрядного приказа и участвовав-

шие в совещании отдельные дети боярские южнорусских городов, видевшие в плодородном, незаселенном Поле удобный район для будущего расширения своих поместий. Думаем все же, что роль князя М. И. Воротынского как руководителя совещания и общего редактора принятых на нем «приговоров» в этом вопросе была решающей.

Анализируя документы, связанные с реорганизацией сторожевой службы на Поле в 1571 г., хотелось бы обратить внимание и на такой аспект. М. И. Воротынский и его временные помощники из числа южнорусских детей боярских категорически отвергли привлечение к сторожевой службе вольных, неслуживших людей. Мы уже упоминали о запрещении найма для сторожевой службы путивльских севрюков. Нет речи в документах и о возможном участии в наблюдении за татарами вольных донских, донецких, оскольских, волжских казаков, уже появившихся в то время в отдельных районах Поля. М. И. Воротынский и участвовавшие в московском совещании южнорусские дети боярские рассматривали сторожевую службу на Поле именно как государственную службу.

Что же непосредственно менялось в организации сторожевой службы на Поле с 1571 г.? Помимо установления общего, централизованного руководства всей российской сторожевой службой из Москвы, в нее были внесены принципиальные структурные изменения. Вместо двух прежних ее составных частей: ездивших на Поле из отдельных городов конных станиц и стоявших там сторож, посылаемых также городскими воеводами, создаваемая вновь общероссийская сторожевая служба складывалась теперь из трех элементов. Это были: 1) уже известные прежде путивльские и рыльские станицы (отряды конных воинов), которые должны были ездить теперь по строгому расписанию и по утвержденным в Москве маршрутам; 2) уже известные прежде сторожи из крайних русских городов, которые должны были, периодически сменяясь, находиться на утвержденных в Москве местах, наблюдая за путями возможных татарских набегов; 3) вновь создаваемые крупные общегосударственные сторожи (сторожевые посты) во главе со «стоялыми головами», комплектуемые из служивых людей нескольких городов и посылавшие в стороны по территории Поля свои собственные станицы.

Для общей географической ориентировки принятых в феврале 1571 г. решений укажем места вновь создаваемых

четырёх общероссийских сторо́ж, а также конечные пункты разъездов путивльских и рыльских станиц. Общероссийские сторо́жи по приговору 1571 г. располагались следующим образом: первая — у Волги под Караманским лесом при устье речки Балыклеи, вторая — на левом берегу Дона «в Вёшках», выше устья Хопра, третья — на р. Осколе при устье речки Убли, четвертая — на р. Сейме при устье речки Хона. Путивльские и рыльские станицы должны были ездить из этих городов до верховьев рек Самары, Орели и Миуса. Нетрудно заметить, что не только вся территория современного Центрального Черноземья, но практически и все Поле (за исключением его крайней юго-восточной части) включалось с 1571 г. в зону действий российских сторо́ж и станиц.

Реорганизация системы государственной сторожевой службы на Поле сразу же была подкреплена конкретным фактическим мероприятием. Ранней весной 1571 г. в сторону Крымского ханства выехал отряд русских служилых людей под начальством князя Михаила Тюфякина и дьяка Матвея Ржевского. Отряд получил задание: осмотреть непосредственно на Поле точные места сторо́ж, находившихся западнее Дона, проверить там пути станичных разъездов и сделать в конечных пунктах путивльских и рыльских станиц особые «признаки». Тюфякин и Ржевский успели выполнить большую часть задания. Они установили «признаки» в верховьях рек Миуса и Орели — это были выбитые топорами на коре деревьев кресты с датой и их именами⁶, фактически обозначившие границу России с Крымским ханством. Получив известие от сторо́жа с речки Бёрестовой о походе крымского хана Девлет-Гирея в направлении русской уkraine, Тюфякин и Ржевский поспешили назад. На ногайскую (восточную) сторону Дона для осмотра мест намеченных там сторо́ж ранней весной 1571 г. выезжал отряд русских служилых людей под начальством Юрия Булгакова и Бориса Хохлова.

Кроме четырёх общероссийских сторо́ж, расположенных как бы в глубине Поля, в 1571 г. был утвержден список сторо́ж, устанавливаемых городскими воеводами сравнительно недалеко от южнорусских городов, от уkraine. В этом списке более половины составляли так называемые «смесные» (совместные) сторо́жи, где стояли служилые люди нескольких городов. В пределах современного Центрального Черноземья наиболее густо была наполнена сторо́жами территория нынешней Липецкой области. Представление об этом дает

приводимый ниже и подкрепленный схематической картой перечень 14 сторож, на которые, согласно «рописи», должен был посылать сторожей воевода г. Данкова⁷.

Первая сторожа в этом перечне размещалась «на Сосне усть Ливен», в пределах современной Орловской области; стоять на ней должны были служилые люди Данкова, Епифани, Дедилова, Новосили и Мценска, по два человека от города. Вторая — при впадении в р. Быструю Сосну реки Чернавы, в современном Измалковом районе Липецкой области; на ней стояли жители тех же пяти городов.

Третья сторожа находилась также у р. Быстрой Сосны, «усть Воргла», в пределах современного Елецкого района Липецкой области. Здесь стояли жители Данкова, Епифани, Дедилова и люди «рязанского владыки» (епископа), всего восемь человек. Отметим, что эта сторожа должна была «беречь» берега р. Быстрой Сосны «налево через Елечь до усть Полны». Упоминание в данном контексте реки Елечь, впадающей в Быструю Сосну, еще раз уверенно подтверждает отсутствие в это время какого-либо поселения на месте разоренного татарами г. Ельца.

Четвертая сторожа располагалась «у Талецкого броду, на Сосне ж», в современном Елецком районе Липецкой области. Здесь, как и на третьей стороже, стояли жители Данкова, Епифани, Дедилова и люди «рязанского владыки». Пятая сторожа стояла «на Дону под Галичьими горами», в современном Задонском районе Липецкой области. Здесь полагалось находиться сторожам из Данкова, Ряжска и людям «рязанского владыки».

Самой отдаленной от Данкова была шестая сторожа «у Кривого Бору», в пределах современного Рамонского района Воронежской области. Здесь должны были стоять жители Данкова и Ряжска, «по пяти человек из города».

Седьмая сторожа находилась «на Дону на Ногайской стороне усть Скверны против Романцовского лесу», в современном Лебединском районе Липецкой области. Восьмая — «верх Скверны», в нынешнем Лев-Толстовском районе Липецкой области. На этих двух сторожах полагалось стоять одним данковцам.

Девятая и десятая сторожи располагались к юго-востоку и востоку от Данкова, соответственно — «верх Ягодны» и «верх Ряс», в пределах современных Лев-Толстовского и Чаплыгинского районов Липецкой области. На них стояли служилые люди из Данкова и Ряжска. Одиннадцатая и

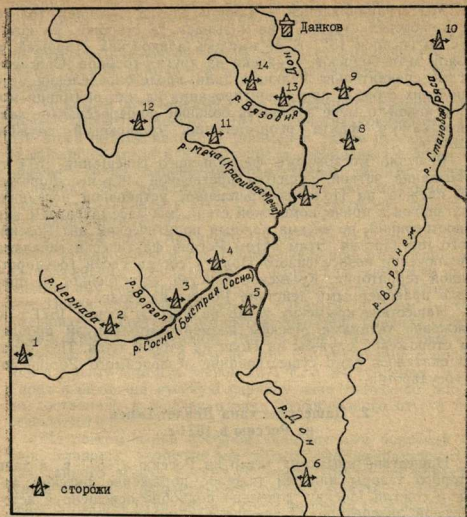

Рис.3. Схема расположения данковских сторож в 1571 г.

двенадцатая сторожи находились на р. Мече, к юго-западу от Данкова, «у Турмышского броду» и «меж Зеленкова и Семенцова броду», в современной Тульской области. Здесь стояли служилые люди трех городов: Данкова, Епифани и Дедилова.

Самыми близкими к Данкову были тринадцатая и четырнадцатая сторожи, стоявшие на речке Вязовне, в пределах современного Данковского района Липецкой области. Здесь несли службу только данковцы (Рис. 3).

Мы ограничиваемся в данном случае перечнем только 14 данковских сторо́ж и не называем те сторо́жи, на которых по росписи 1571 г. не имелось данковских стороже́й, а стояли дети боярские и казаки из других городов. Опасаемся, что сравнительно мелкие детали, вроде определения мест городских сторо́ж, при акцентировании на них внимания могут в какой-то мере заслонить большое общероссийское значение самого факта реорганизации сторожевой службы в 1571 г.

Решение московского февральского совещания 1571 г. о создании четкой, общегосударственной системы сторожевой службы на Поле, подкрепленное установкой пограничных знаков в причерноморской степи, мы рассматриваем как односторонний, но весьма важный политический акт Российского государства. Этим актом Россия фактически заявляла о включении незаселенного Поля в состав своей государственной территории. Крымское ханство, естественно, не признало правомерными действия России на Поле.

Нашествие крымских татар на Россию весной 1571 г. и сожжение татарами Москвы временно отодвинули проблемы сторожевой службы на Поле на второй план. Под угрозой оказалось само существование независимого Российского государства.

2. Нашествие хана Девлет-Гирея на Россию в 1571 г.

Нашествие крымских татар на Россию в 1571 г., в ходе которого татары нанесли тяжелое поражение русской армии и сожгли Москву, довольно подробно освещено в исторической литературе. О нем не раз писали дореволюционные и советские историки, главным образом — исследователи эпохи Ивана Грозного. Используя не только печатные публикации, но и малоизвестные архивные документы, мы попытаемся проанализировать это нашествие в русле проблемы Поля, посмотреть на него и из Москвы, и с южнорусской Украины.

Хан Девлет-Гирей к этому времени уже в течение 20 лет занимал крымский престол. В первые годы своего правления, как мы помним, он дважды попытался совершить крупные нашествия на Россию (в 1552 и 1555 гг.). Не добившись успеха, едва унеся ноги в 1555 г. с русской Украины, он стал применять в борьбе с Россией более осторожную и осмотри-

тельную тактику. В последующие годы татары ограничивались лишь быстрыми набегами и грабежом украинны, не помышляя о походе на Москву. Такая тактика соответствовала интересам основной массы татар, стремившихся к получению легкой добычи, а не к столкновениям с русскими воинами.

Ценными источниками для выявления причин похода Девлет-Гирея на Москву в 1571 г., многих конкретных деталей этого похода являются донесения двух русских людей, оказавшихся тогда в Крыму: посла Афанасия Нагого и московского гонца, одновременно — тайного агента, Севрюка Клавшова. Эти донесения, переписанные московскими подьячими, сохранились в ЦГАДА среди «крымских дел» в рукописной книге № 14⁸.

Русский посол Афанасий Нагой жил в Крыму с 1563 г. уже в течение восьми лет. Плохое состояние отношений между Российским государством и Крымским ханством не позволяло ему вернуться в Москву, Девлет-Гирей «не отпускал» его. Посол различными путями, главным образом — через имевшихся в составе посольства толмачей, узнавал о событиях в Крыму, о действиях Девлет-Гирея, но известить своевременно Москву ни о чем не мог. Его сообщение о положении в Крыму зимой и весной 1571 г., о выступлении Девлет-Гирея в поход на русскую Украину явно запоздало, оно было доставлено в Москву в виде своеобразного отчета лишь осенью 1571 г.

Не совсем ясной фигурой является сын боярский Севрюк Клавшов, которого мы только что охарактеризовали как тайного агента России. В марте 1571 г. он приехал в Крым вместе с официальным русским гонцом, сыном боярским Богданом Шапкиным. Одной из задач С. Клавшова являлось выяснение состояния отношений между Крымским ханством и Турцией: подчиняется ли Девлет-Гирей султану Селиму или нет, «как ныне турецкой с крымским царем?». Об этом С. Клавшов должен был проведать «тайно»⁹. Второй задачей Севрюка Клавшова, как видно из его донесения, было установление непосредственного контакта с одним из крымских аристократов — князем Сулешем, который считался другом Москвы и эпизодически получал за это русское жалованье и подарки.

Клавшов выполнил оба поручения. Он вернулся в Москву в конце 1571 г. вместе с русским гонцом Б. Шапкиным и крымским гонцом Янмагметом¹⁰. В его донесении наиболее

интересна для нас запись рассказа князя Сулеша о татарском походе весной 1571 г. на Москву. Сулеш участвовал в этом походе, часто находился рядом с Девлет-Гиреем, лично видел и слышал перешедших на сторону татар русских изменников. Рассказ Сулеша дан в документе в интерпретации Севрюка Клавшова и с его комментариями. Летом 1571 г., перед отъездом Клавшова в Москву, его принял в Крыму как неофициального посланника Ивана Грозного (видимо, по рекомендации Сулеша) сам крымский хан Девлет-Гирей. Отметим, что роль «русского друга» князь Сулеш, а затем и его потомки Сулешевы выполняли в Крыму довольно долго и вполне открыто.

В феврале 1571 г., когда в Москве под руководством боярина М. И. Воротынского проходило совещание знатоков Поля, крымский хан Девлет-Гирей получил первые сведения о тяжелом положении в России. 12 февраля к нему привели русских пленников — «Федьку Сенькина сына Жюкова с товарищи», 10 человек. Выезжавший в Поле татарский отряд захватил их за несколько дней до этого «на После на рыбной ловле»¹¹. Федор Жуков (видимо, сын боярский из Путивля или Рыльска) оказался весьма осведомленным человеком. Он сказал на допросе, что «на Москве и во всех городех мор и меженина великая», что русское войско ушло «в немцы» и что «с крымские де стороны в городех воевод и заставы нет». (Великая меженина — это резкое падение уровня воды в реках, засуха и, как следствие, — неурожай, голод).

Сообщение Ф. Жукова о серьезных неполадках в русской земле подтвердили ногайские мурзы, появившиеся в Крыму после бегства (через Литву) с русской службы. Причиной бегства мурзы Ибрейма с сыном, двух других мурз и 130 ногайских татар в Крым стала их ссора с опричником Романом Пивовым и боязнь в связи с этим гнева Ивана Грозного¹².

Русский посол Афанасий Нагой узнал, что 14 марта 1571 г. на р. Альме Девлет-Гирей провел военный совет: «о войне, как ити на государеву украину». 5 апреля толмачи сказали послу, что «царь [Девлет-Гирей. — В. З.] де пошол с Олмы в Перекоп, а ис Перекопи де идет на государя нашего украину»¹³. С. Клавшов в своем донесении сообщает, что «московские послы» будто бы скрытно послали с важной вестью в Москву из Крыма служилого татарина и что тот

использовал помощь донских казаков. В отчете А. Нагого такой эпизод не отражен.

За Перекопом армия Девлет-Гирея заметно увеличилась, к крымским татарам присоединилось много ногайских татар: «нагае Казыевых улусов и иных мурз люди»¹⁴. От Перекопа Девлет-Гирей повел свое войско на северо-восток, к р. Молочной. Здесь к нему привели русского перебежчика Башуя Сумарокова — сына боярского из Галича.

Севрjuk Клавшов следующим образом излагает рассказ изменника Сумарокова крымскому хану: «Он де царю [Девлет-Гирею. — В. З.] говорил, что на Москве и во всех московских городех по два года была меженина великая и мор великий, и межениною де и мором воинские многие люди и чернь вымерли, а иных де многих людей государь казнил в своей опале. А государь де живет в Слободе, а воинские де люди в немцах. А против де тебя в собрание людей нет. И царю де говорил, чтоб царь шел прямо к Москве»¹⁵. Однако против похода на Москву выступили все крымские татары: «царевичи де и князи, и мурзы, и вся земля»¹⁶. Они предложили идти «на козельские места», ограничиться грабежом этого района, и Девлет-Гирей согласился с ними.

Через Поле татары двинулись сначала по Муравской дороге. Территорию современной Белгородской области они пересекли в общем направлении с юга на север, но затем Девлет-Гирей резко развернул свое войско на запад, к верховьям Оки. Справа остались появившиеся в 60-х гг. XVI в. на стыке Украины и Поля русские города Новосиль и Орел. Южнее Орла татары легко преодолели сравнительно немногочисленную в этом месте Оку, использовав брод под названием «Быстрый»¹⁷, и вновь повернули на север — по направлению к Болхову и Козельску.

Русские сторожи обнаружили татар очень рано, у реки Берестовой, на территории современной Харьковской области. Поскольку в разрядных книгах донесений сторожей, относящихся к маю 1571 г., нет, Р. Г. Скрынников считал, что «сторожевая служба не выполнила своих функций», пытался выяснить причины этого¹⁸. На наш взгляд, русская сторожевая служба в мае 1571 г. успешно выполнила свои задачи. О движении татар сторожа своевременно известили воевод М. Тюфякина и М. Ржевского, находившихся в то время на Поле¹⁹. Несомненно, что тревожное известие о походе татар к русской Украине было вовремя доставлено в Москву. Об этом косвенно свидетельствует сам ход после-

дующих событий, хотя бы тот факт, что Иван Грозный 16 мая 1571 г. лично выступил против татар во главе опричного войска из Александровской слободы к Оке. Для руководителей боярской думы и Ивана Грозного долгое время оставались неизвестными, естественно, цели похода Девлет-Гирея. Неясным был и район Украины, который подвергнется татарскому нападению. На основании первых известий русских сторожей о движении татар по Муравской дороге можно было полагать, что татары пойдут и дальше той же дорогой, что Девлет-Гирея следует ждать у Тулы. Так, видимо, решили руководители боярской думы, об этом говорит расстановка русских войск весной 1571 г. Поворот Девлет-Гирея с Муравской дороги на запад в сторону Болхова и Козельска оказался для русского правительства совершенно неожиданным.

Обстановка в России в 1571 г. не благоприятствовала организации отпора татарам. Террор Ивана Грозного по отношению к населению своей страны, отвлечение части русских военных сил в Прибалтику в связи с Ливонской войной, эпидемия и голод — такого стечения обстоятельств в истории борьбы России с Крымским ханством еще не бывало. Все же Россия имела достаточно сил, чтобы отразить татар, не пропустить их к Москве.

Численность войска Девлет-Гирея в 1571 г., по подсчетам современников, составляла всего 40 тысяч человек²⁰. Заметим, что татар было значительно меньше, чем во время похода Девлет-Гирея в 1555 г., когда на русской Украине появились 60 тысяч конных татарских воинов; меньше, чем во время обычного грабительского набега на Украину в 1564 г., когда в поход с ханом отправились также 60 тысяч татар. У Девлет-Гирея в 1571 г. в походе не было артиллерии, как во время его нашествия в 1552 г.

Как сообщают разрядные книги, русская дворянская конница, традиционно разделенная на пять полков, весной 1571 г. вышла к Оке. Главнокомандующим, или первым воеводой большого полка, был боярин И. Д. Бельский, он расположился с полком в Коломне. Вторым воеводой большого полка записан боярин М. Я. Морозов. Полком правой руки командовал боярин И. Ф. Мстиславский, передовым полком — едва завершивший дела по организации сторож на Поле боярин М. И. Воротынский, сторожевым полком — боярин И. А. Шуйский, полком левой руки — И. П. Шуйский²¹. Дворянская конница, находившаяся в распоряжении зем-

ских бояр, хотя и менее многочисленная, чем в предыдущие годы, представляла, на наш взгляд, достаточно серьезную силу и вполне могла отразить татар у Оки, если бы Девлет-Гирей двинулся на Москву прямой дорогой.

Весной 1571 г. имелось в виду и традиционное уже соединение воевод городов украины для совместного отпора татарам, еще до появления их у Оки. «В сход» к тульскому воеводе В. Ю. Булгакову-Голицыну должны были «по вес-тям» идти воеводы других городов со служилыми людьми. Разрядные росписи предусматривали также возможность соединения воеводы В. Ю. Булгакова-Голицына «с оприш-ными воеводами». Татар ждали у Тулы.

Но события развернулись не по намеченному русским правительством сценарию. В середине мая татары подошли к российской украине южнее г. Болхова и сделали короткую остановку «на Злынском поле»²². Место Злынского поля определяется современным селом по имени Злынь, которое находится в пределах Орловской области, на полпути между Орлом и Болховом. Здесь Девлет-Гирей резко изменил намеченный ранее план, согласно которому татары собирались пройти мимо Болхова в густонаселенный район г. Козельска и подвергнуть грабежу «козельские места».

Что же произошло на Злынском поле? Попытаемся восстано-вить ход событий по донесению Севрюка Клавшова, в основу которого положен рассказ участника нашествия — татарского князя Сулеша. Клавшов пишет об этом так: «И на Злынском де поле прибежали ко царю [Девлет-Гирею. — В. З.] изменники, государские дети боярские белевцы Куде-яр Тишинков да Окул Семенов, да колужане Ждан да Иван Васильевы дети Юдинкова, да коширяне Федор Лихарев, а прозвище Сотник, да серпуховитин Русин, а с ними десять человек их людей. И царь и царевичи про государя и про московское собрание про все выпрашивали»²³.

Русские изменники убеждали Девлет-Гирея идти «пря-мо к Москве» и говорили, что путь туда татарам свободен. Кудеяр Тишенков и его сообщники будто бы повторили сло-ва Б. Сумарокова о том, что «во всех московских городех по два года была меженина великая и мор великой, и мором де и меженинною служилые многие люди и чернь в горо-дах, на посадах и в уездах вымерли, а иных де многих лю-дей государь в своей опале побил»²⁴.

Письменное донесение С. Кавшова дополнено его уст-ным рассказом, записанным московскими подьячими. Одно

место этого рассказа представляет особый интерес: «И царя изымал за узду Кудеяр Тишенков и говорил: только де ты, пришед к Москве, ничего не учинишь, и ты де меня на кол посади у Москвы, стоять де против тебя некому. И царь де потому и приходил к Москве»²⁵.

План грабежа «козельских мест» был отставлен, под Москвой татары могли рассчитывать на более крупную добычу. Разгромом Москвы Девлет-Гирей хотел нанести решающее поражение Российскому государству, продемонстрировать силу Крымского ханства, обеспечить татарам открытый грабеж русских земель в дальнейшем.

Есть все основания полагать, что Севрюк Клавшов прав, что именно появление в татарском стане на Злыньском поле Кудеяра Тишенкова и сообщение этого изменника о месте дислокации русской армии побудили Девлет-Гирея двинуться из-под Болхова прямым путем на Москву. Рассказ Кудеяра Тишенкова сразу же стал известен крымским «царевичам» и начальникам отдельных татарских отрядов, которые на сей раз поддерживали идею похода на Москву. В районе Козельска Девлет-Гирей не распустил татар «в войну». Татары быстро прошли «козельские места», форсировали р. Жиздру в ее нижнем течении под Перемышлем и устремились к Москве.

Разрядные книги о пути Девлет-Гирея к Москве в 1571 г. сообщают кратко и неопределенно. В Пискаревский летописец, в рассказ о походе татар на Москву в 1571 г. ошибочно попала (видимо, при перепiske текста) фраза из следующего года о движении Девлет-Гирея через Тулу в 1572 г.²⁶ Видные советские исследователи опричнины А. А. Зимин и Р. Г. Скрынников высказали по поводу пути татар к Москве различные точки зрения. А. А. Зимин считал, что крымские татары прошли к Москве через район Тулы.²⁷ Р. Г. Скрынников на основании более поздних документов показал, что Девлет-Гирей прошел к Москве западнее Оки через район Болхова.²⁸ Сохранившееся в архиве донесение Севрюка Клавшова, как мы видим, подтверждает правильность утверждения Р. Г. Скрынникова и ошибочность мнения А. А. Зимина по этому вопросу.

Около 20 мая Иван Грозный со сравнительно небольшим отрядом опричного войска появился «на берегу», в районе Серпухова. Дата выступления его из Александровской слободы известна — 16 мая. Годом раньше Иван Грозный прошел из Александровской слободы до Серпухова за

три дня. Мы вполне можем предположить, что и на этот раз его путь до Серпухова занял примерно такое же время.

У Оки Иван Грозный мог возглавить собравшуюся здесь дворянскую конницу. Так бывало прежде не раз: и в 1552 г., и в 1555, и в 1570 гг. Но теперь царь не захотел стать во главе армии. Вместо этого он с небольшой свитой ускорил подальше от опасности — в г. Ростов²⁹. Отсюда, при необходимости, он собирался бежать еще дальше — в Вологду³⁰. Армию и столицу царь, попросту говоря, бросил.

Неожиданное бегство царя, несомненно, весьма затруднило руководство русской армией со стороны бояр, и в первую очередь со стороны главнокомандующего — первого воеводы большого полка И. Д. Бельского. Разрядные книги сообщают, что, узнав о переправе татар через Оку и движении Девлет-Гирея к Москве, «бояре з берегу пошли к Москве по полкам»³¹.

Все пять полков русского войска пришли в Москву за день до появления татар, 23 мая. И. Д. Бельский мог дать бой татарам перед Москвой, вместо этого он расположил войска непосредственно в Москве, на улицах города. Здесь же разместился и отряд опричного войска. Тактика Бельского в конкретных условиях мая 1571 г. оказалась неудачной. Татары не стали ввязываться в Москве в уличные бои. Они 24 мая с нескольких сторон подожгли Москву. Сильный, порывистый ветер способствовал быстрому и повсеместному распространению огня.

Страшный результат трехчасового пожара Москвы отражен в летописях, в записках иностранцев-современников. По свидетельству Никоновской летописи, 24 мая «Москва згорела вся: город и в городе государев двор и все дворы, и посады за Москвою, и людей погорело великое множество, им же не бе числа»³². Иностранцы И. Таубе и Э. Крузе сообщают, что во время пожара в Москве погибло более 120 тысяч человек³³. Полки, стоявшие на тесных улицах, утратили порядок, смешались с бежавшим населением. Погиб, задохнувшись в дыму, боярин И. Д. Бельский. Боеспособность сохранил только передовой полк под начальством М. И. Воротынского.

26 мая 1571 г. Девлет-Гирей начал отход от Москвы, вскоре он распустил татар для грабежа. К Москве татары подошли, как мы видели, с юго-запада; из разоренной Москвы они двинулись на юго-восток. Обратный путь татар лежал через каширские и рязанские места. «Татарский царь,

Девлет-Гирей, — пишет Г. Штаден, — повернул обратно в Крым со множеством денег и добра и многим множеством [буквально: с сотнями тысяч — «viel hundert tausent». — В. З.] полоняников и положил в пуге у великого князя всю Рязанскую землю»³⁴. Подробности бесчинств татар в Рязанской земле неизвестны. По крымским источникам, татары перебили в России в 1571 г. до 60 тысяч человек и столько же увели в плен, — такие цифры называл позже в Литве крымский посол³⁵.

М. И. Воротынский с отрядом ратных людей даже ходил, по свидетельству разрядных книг, в 1571 г. «проводить» татар «до Поля»³⁶. Попыток освобождения русских пленников он не предпринимал: слишком неравными были силы татар и преследовавшего их небольшого русского отряда.

Р. Г. Скрынников писал, что крымское нашествие в 1571 г. будто бы «причинило невиданные опустошения южным уездам страны» и что «татары разорили 36 городов к югу от Оки»³⁷. Полагаем, что география подвергшихся татарскому погрому мест определена Р. Г. Скрынниковым неточно. Пострадали главным образом Москва, окрестности Москвы, район Каширы и Рязанская земля — места, расположенные не к югу от Оки, а по обе стороны этой реки. Документы сообщают о разорении татарами городов именно здесь.

В составленных через несколько лет писцовых книгах Каширского уезда упоминается о том, что г. Каширу «сожгли татарове в 79 году»³⁸, деревянная крепость в Кашире была сожжена татарами при движении Девлет-Гирея от Москвы в Крым. Как свидетельствуют писцовые книги Епифанского уезда, татары разорили там в 1571 г. отдельные селения, но г. Епифань не взяли³⁹. Анализ разрядных книг показывает, что такие города укайны, как Данков, Дедилов, Новосиль, Орел, Мценск, Путивль, Рыльск, в 1571 г. татарским нападениям не подвергались, от татар не пострадали.

Общероссийская сторожевая служба на Поле продолжала действовать. В октябре 1571 г. боярин М. И. Воротынский, руководивший ею, распорядился о посылке станиц из Шацка, Данкова, Новосили, Мценска, Орла, Рыльска и Путивля «жечи Поле»⁴⁰. Траву в степи обычно жгли для того, как говорится в одном более позднем документе, «чтоб в приход воинским людем лошадей накормить было нечем»⁴¹. В Разрядном приказе был составлен подробнейший с географической точки зрения перечень станичных маршру-

тов для этой цели. Он охватывал практически все районы Поля, где, по решению февральского совещания о сторожевой службе, должны были находиться российские сторожи и станицы. В юго-западной части Поля район поджога степи доходил до Днепра. Путивльские станицы должны были выжигать траву здесь «от усть Псла по Днепру до усть Ворскла»⁴². Делаем отсюда вывод, что эта часть днепровского Левобережья, несмотря на уничтожение по приказу Ивана Грозного Псельского города, продолжала в Разрядном приказе считаться российским владением.

Девлет-Гирей, на наш взгляд, явно переоценил значение своей победы. Поражение под Москвой в 1571 г. было серьезной неудачей русской армии, брошенной в трудный для нее момент Иваном Грозным, но отнюдь не решающим поражением России в борьбе с татарами. Это ярко проявилось в следующем году, когда Российскому государству удалось взять у татар военный реванш.

3. Нашествие хана Девлет-Гирея на Россию в 1572 г.

Очень легко досталась крымским татарам в 1571 г. победа над русским войском, без особых усилий и потерь они сожгли Москву, разорили Рязанскую землю, увели в Крым огромный полон. Легкий успех не мог не побудить Девлет-Гирея к новому нашествию, результатом которого должно было стать отторжение от России Казани и Астрахани, а затем и полное расчленение Российского государства, передача отдельных его частей в управление татарским мурзам. Для выяснения целей Девлет-Гирея в 1572 г. воспользуемся свидетельствами двух современников и участников событий того времени, привлечем также одну из русских летописей.

Неоднократно упоминаемый нами в предыдущем параграфе московский гонец и тайный агент, сын боярский Севериук Клавшов, следующим образом передал слова Девлет-Гирея, сказанные ему летом 1571 г. во время аудиенции, после возвращения хана из победного марша по русским землям: «А не отдаст де мне государь ваш Казани и Асторохани, и мне с ним в миру никак не бывать, а учну де его воевать. А да весну де пойду на него. А пришед к Москве, стану, прошеду Москву, и князь великий де от меня пойдет на Белую Воду [Белоозеро? — В. З.]. А со мною не станет, и яз де за ним пошлю. А Асторохань де и Казань возьму»⁴³. По све-

жим следам описал планы Девлет-Гирея в 1572 г. немец-опричник Генрих Штаден: «На следующий год, после того, как была сожжена Москва, опять пришел крымский царь поделить Русскую землю... Города и уезды Русской земли все уже были расписаны и разделены между мурзами, бывшими при крымском царе; [было определено] — какой кто должен держать. При крымском царе было несколько знатных турок, которые должны были наблюдать за этим: они были посланы турецким султаном по желанию крымского царя. Крымский царь похвалялся перед турецким султаном, что он возьмет всю Русскую землю в течение года, великого князя пленником уведет в Крым и своими мурзами займет Русскую землю»⁴⁴. Эта же мысль кратко выражена в Пискаревском летописце: «И прииде царь с великими похвалами и со многими силами на Рускую землю, и росписав всю Рускую землю, комуждо что дати, как при Батые»⁴⁵.

Полагаем, что оба очевидца и Пискаревский летописец в целом правильно показывают суть замыслов Девлет-Гирея во время нашествия на Россию в 1572 г. Генрих Штаден при этом отметил и роль Турции, через три года после неудачной Астраханской экспедиции вновь попытавшейся резко изменить соотношение сил в Восточной Европе в свою пользу, а составитель Пискаревского летописца даже вспомнил Батю⁴⁶.

В 1572 г. возникла реальная угроза утраты Российским государством не только Казани и Астрахани, но и самостоятельности. Для этого Девлет-Гирею нужна была еще одна крупная военная победа над русским войском. Однако добыть ее татарам не удалось.

В отличие от весны 1571 г., Россия в 1572 г. значительно лучше подготовилась к отражению татарского нашествия. Среди ряда объективных и субъективных факторов, способствовавших военному успеху России в 1572 г., риснем поставить на первое место один из субъективных факторов, а именно — смену главнокомандующего русской армией, появление в должности первого воеводы большого полка боярина Михаила Ивановича Воротынского. Боярин И. Д. Бельский, возглавлявший в предшествующие годы русские войска, выходившие против татар к Оке, как видно по документам, большими военными способностями не обладал. Он, как правило, не принимал ответственных военных решений, в мае 1571 г. не дал татарам решающего сражения под Москвой и погиб во время московского пожара. Нового

главнокомандующего М. И. Воротынского документы и современники характеризуют как опытного, знающего военачальника, отличного организатора военного дела. По словам князя А. М. Курбского, М. И. Воротынский был «муж крепкий и мужественный, в полкоустроениях зело искусный»⁴⁷. М. И. Воротынский хорошо знал Поле и Украину, его военные и организаторские способности проявились в неоднократных схватках с татарами, в создании общероссийской сторожевой службы в 1571 г., о чем говорилось выше, а затем — и в решающем сражении с татарами при Молодях летом 1572 г.

Несомненно положительным для России фактором в конкретных условиях 1572 г. явился, на наш взгляд, отъезд Ивана Грозного в далекий Новгород. В мае 1571 г. появление Ивана Грозного с отрядом опричников в Серпухове перед нашествием Девлет-Гирея дезориентировало И. Д. Бельского. Теперь психически неуравновешенный царь, оказавшийся вдали от Оки, от армии, не мог реально «мешать» главнокомандующему М. И. Воротынскому.

В 1572 г. относительно спокойной оказалась обстановка на западных и северо-западных рубежах России. Ливонская война временно затихла; намеченный было поход русских войск против шведов не состоялся, необходимость в нем отпала⁴⁸. Подошла к концу бушевавшая в ряде районов страны эпидемия, прекратились сообщения о стихийном бедствии, названном современниками «великой межиной». Все эти объективные факторы в большей или меньшей мере содействовали успешной мобилизации русских военных сил для отражения татарского нашествия.

Анализ документов, относящихся к первой половине 1572 г., позволяет выявить ряд новшеств в организации защиты страны от татарского нашествия, не применявшихся ранее.

Практически все наличные русские военные силы решено было сосредоточить вдоль Оки. Полки дворянской конницы, расположенные по левому берегу Оки от Калуги до Коломны, дополнялись на этот раз служилыми людьми из многих городов, находящихся южнее Оки. Такого прежде не бывало. Напомним, что в 1571 г. воеводам украинских городов при появлении татар полагалось идти к Туле, переходить под общее командование тульского воеводы и действовать к югу от Оки. Теперь же дети боярские и конные казаки из Дедилова (500 человек), Данкова (400 человек),

Орла (450 человек), Новосили (450 человек), Рязска (220 человек), Епифани (550 человек), Шацка (50 человек), Пловы и Соловы (220 человек), отзывались заранее назад, на северный берег Оки на основную линию обороны⁴⁹. При этом служилые люди первых четырех городов (Дедилов, Данков, Орел, Новосиль) отходили на Оку вместе со своими городскими воеводами⁵⁰. Воины из украинских городов влились на берегу Оки в полки дворянской конницы.

В полном составе на месте остался лишь гарнизон Тулы и гарнизоны некоторых менее крупных городов, которые могли оказаться на пути татарского вторжения (Михайлов, Зарайск, Одоев). Даже из разоренной в 1571 г. Рязанской земли, из г. Переяславля-Рязанского, были вызваны в полк левой руки, к месту впадения речки Лопасни в Оку, 300 человек «старых и новых помещиков, которые полутче»⁵¹. На берег Оки, согласно «росписи», было послано также 2035 московских и городовых стрельцов. Никаких активных действий на Украине, а тем более на Поле не предусматривалось. Все было подчинено обороне центра страны, в первую очередь — Москвы.

В. И. Буганов, публикуя в 1959 г. в журнале «Исторический архив» документы о сражении при Молодях, отмечал во вступительной статье, что «основной контингент русского войска, выступившего против огромной армии крымских татар, насчитывал немногим более 20 тыс. чел. (не считая казаков М. Черкашенина и боярских и дворянских людей)»⁵². Думается, что при определении численности русских войск, собравшихся в 1572 г. на берегу Оки, сбрасывать со счета «боярских и дворянских людей» (боевых холопов и слуг) не следует. Точное число таких людей, вышедших против татар со своими господами, неизвестно, но для примерного подсчета можно воспользоваться аналогиями. В 1555 г. во время наступательной операции — похода И. В. Шереметева через Поле к границам Крымского ханства — соотношение между детьми боярскими и их «людьми» составляло 1:2. Тогда в тринадцатитысячном отряде насчитывалось четыре тысячи детей боярских и около восьми тысяч их «людей» (оставшаяся тысяча распределялась между стрельцами и служилыми казаками)⁵³. Принимая условно такое же соотношение при сборе русских войск на Оке в 1572 г., исключив из отмеченных в «росписи» 20 тысяч человек примерно 5 тысяч — стрельцов, наемных казаков и служилых людей украинских городов, не имевших боевых холопов, получаем у

оставшихся 15 тысяч дворян и детей боярских примерно 30 тысяч их «людей». Общее число русских войск, собравшихся в 1572 г. для отражения татарского нашествия, определяем, таким образом, примерно в 50 тысяч человек.

Наступавших на Москву татар было, видимо, несколько больше. Определим условно число татар, шедших с Девлет-Гиреем в 1572 г., по аналогии с предыдущими крымскими нашествиями и походами, примерно в 60 тысяч человек.

Наказ М. И. Воротынскому, составленный от имени Ивана IV в начале 1572 г., сохранился в архиве и был опубликован в 1959 г. В. И. Бугановым⁵⁴. Полагаем, что в составлении наказа принимал участие и сам Воротынский как один из руководителей боярской думы. В наказе перечисляются четыре возможных пути предстоящего татарского нашествия. Татары могли двинуться: 1) западнее Оки, по маршруту 1571 г., с форсированием рек Жиздры и Угры; 2) «к реке к Оке прямо»; 3) на Рязанскую землю с переправой через Оку «под Солочью или ниже» и затем по левому берегу Оки — к Коломне; 4) на Владимир через «мещерскую украину». Особое внимание в наказе уделялось устройству «крепостей» перед боем с татарами «у наряду [артиллерии. — В. З.] и пеших людей». Такие крепости в виде деревянных «гуляй-городов» были блестяще использованы Воротынским в сражении при Молодях.

Весьма любопытным фактом, важным для изучения истории Поля, является включение в состав русского войска в 1572 г. одной тысячи «казаков польских наемных»⁵⁵. Наличие в незаселенном Поле значительного количества вольных казаков, которых можно нанять, стало свершившимся фактом и подтверждалось в 1572 г. документально. Нанятые на службу «польские казаки» под начальством «голов» Юрия Булгакова и Ивана Фустова расположились в Калуге и вошли в состав передового полка. Они должны были при необходимости (если Девлет-Гирей пойдет «старою дорогою» западнее Оки) выйти к лесным засекам у р. Жиздры и защищать от татар проходы в лесу. В их задачу входило также преследование отдельных татарских отрядов на Поле и освобождение русских пленных после общего отхода татар.

Новым в практике отражения татар было применение флотилии русских речных судов для защиты переправ через Оку. Дети боярские из Вятки должны были заранее, по полой воде, перегнать речные струги на Оку, расположиться в Калуге и оттуда спешить к месту появления татар. При не-

обходимости на суда можно было посадить и «казаков-польских».

В составе большого полка находились и казаки под командой атамана Михаила Черкашенина⁵⁶, количество их в документах не указано. Полагаем, что «казаков Мишки Черкашенина» нельзя в это время считать вольными казаками. Это были прежние донские казаки, перешедшие на постоянную русскую службу⁵⁷, но сохранившие свое название, некоторые вольности и традиции. Позже таких казаков стали называть «поместными»⁵⁸.

В наказе М. И. Воротынскому полностью подтверждается принятое годом раньше решение о постоянной организации общероссийских сторож (сторожевых постов) на берегах Оскола и Сейма, в пределах современных Белгородской и Курской областей, а также о регулярных поездках русских станиц через Поле. Вот соответствующее место наказа: «А станицы и головы на Оскол и на Семь и в дальние проезды по прежней росписи и в иные места посылать, где пригоже, чтоб дал бог заранья про царев приход было в ведомо»⁵⁹.

Несмотря на отсутствие документального подтверждения, полагаем, что российская сторожевая служба на Поле в 1572 г. выполнила свою задачу и предупредила М. И. Воротынского о пути движения Девлет-Гирея к российской уkraine. Во всяком случае появление татар под Тулой не оказалось, как бывало раньше, «безвестным».

23 июля 1572 г., пройдя напрямик Муравской дорогой, Девлет-Гирей появился на уkraine, под Тулой. С ним были «крымские и нагайские многие люди»⁶⁰. Как и во время нашествия 1571 г., в войске Девлет-Гирея оказалось много ногайских татар, которые, по словам Г. Штадена, собирались принять участие в разделе Русского государства и требовали от крымского хана своей доли⁶¹. Времени на осаду Тулы татары тратить не стали, Девлет-Гирей ограничился сожжением тульского посада за пределами каменной крепости.

Сражение между русской и татарской армиями, начавшееся на берегу Оки 27 июля и закончившееся 2 августа 1572 г. полным разгромом татар севернее Оки в урочище под названием «Молоди», подробно описано в разрядной книге 1475—1605 гг. Девлет-Гирею удалось форсировать Оку. В ходе сражения по распоряжению М. И. Воротынского русские воины соорудили деревянную крепость, или гуляй-город, «и большой полк стоял в гуляе городе, а иные полки стояли за гуляем городом, недалече от города»⁶². По

мнению участника сражения опричника Г. Штадена, именно устройство гуляй-города обеспечило успех. «Если бы у русских не было гуляй-города, то крымский царь побил бы нас, взял бы в плен и связанными увел бы всех в Крым, а Русская земля была бы его землей», — пишет Г. Штаден⁶³.

Победа при Молодях была достигнута, конечно, не только с помощью гуляй-города, но и благодаря общему умелому руководству войсками со стороны М. И. Воротынского, которому удалось направить против татар все имевшиеся в его распоряжении боевые силы, превосходству российской артиллерии и, конечно, благодаря стойкости русских воинов, защищавших от татар Москву и всю Русскую землю. Полагаем, что и воеводы, и рядовые участники сражения — дети боярские, казаки, стрельцы, представляли опасность, нависшую над Россией в 1572 г. Не случайно составитель Пискаревского летописца сравнивал нашествие Девлет-Гирея в 1572 г. с Батыевым нашествием, подчеркивал, что крымские татары хотели сделать с Русью то же самое, что в свое время сделал Батый. В сражении при Молодях было убито много знатных татар. 30 июля, суздалец сын боярский Иван Алалыкин, взял в плен известного мурзу Дивея — организатора ряда татарских нападений на русскую Украину. 2 августа, когда Девлет-Гирей бросил все силы против гуляй-города, стремясь отбить пленного мурзу, М. И. Воротынский с большим полком и артиллерией совершил умелый маневр: он обошел «крымских людей долом» и появился в тылу у татар. Удар по татарам большого полка «сзади», сопровождавшийся стрельбой «изо всего наряду» и одновременной вылазкой русских ратных людей из гуляй-города⁶⁴, явился последним аккордом в сражении. Понеся большие потери, татары бежали к Оке и ушли через Поле в Крым.

Еще раз отметим, что в разгроме татар при Молодях в 1572 г. приняли активное участие служилые люди южнорусской Украины, в том числе дети боярские и казаки из Данкова — нового русского города, возникшего за четыре года до этого в пределах современного Центрального Черноземья.

4. Оборона Украины и состояние русской сторожевой службы на Поле в 1573—1584 гг.

Разгром татарского войска в 1572 г. при Молодях избавил Россию от угрозы порабощения. Но внутривосточные

ская обстановка в стране не способствовала закреплению и развитию большого военного успеха. Хотя Иван Грозный упразднил в это время опричнину, развязанный им против собственного народа террор не прекратился. Продолжались опалы и казни; среди бояр, подвергнутых в 1573 г. опале, оказался и герой борьбы с татарами, организатор сторожевой службы на Поле Михаил Иванович Воротынский.

Весной 1573 г. М. И. Воротынский был вновь назначен воеводой большого полка⁶⁵, фактически — главнокомандующим русскими войсками, вышедшими к Оке против татар. Он был «взят» по приказу Ивана Грозного прямо «з берегу», подвергнут жестоким пыткам и, по выражению разрядной книги, «казнен смертью»⁶⁶. Прежняя опала М. И. Воротынского, о которой говорилось выше, кончилась для боярина более или менее благополучно. Теперь же царь-деспот окончательно расправился с выдающимся российским полководцем, победителем татар, который по своей популярности мог в чем-то соперничать с ним.

Вместе с М. И. Воротынским в 1573 г. погибли мучительной смертью воевода полка правой руки боярин Никита Романович Одоевский и второй воевода большого полка (не успевший прибыть к войскам, к Оке) боярин Михаил Яковлевич Морозов. Казнь главнокомандующего и двух видных воевод потребовала перестановок в руководстве войсками на Оке; эти перестановки вызвали большие местнические споры⁶⁷.

По документам хорошо видно, что победа русской армии над татарами при Молодях не была использована Иваном Грозным в должной мере. Крымским татарам, хану Девлет-Гирею после тяжелого поражения организовать новое нашествие было не под силу. В чисто военном смысле отвод служилых людей из городов южнорусской Украины назад, к Оке, проведенный в 1573 г. по типу предыдущего года, на наш взгляд, нельзя никак считать удачным. После победы над татарами полки дворянской конницы могли бы выдвинуться вперед с берегов Оки к городам Украины, в направлении Поля. Вместо этого многие сотни ратных людей из Данкова, Дедилова, Орла, Новосили, а также из Тулы, на все лето отзывались назад, к Оке⁶⁸. Прецедент 1572 г., возникший в конкретных условиях опасного татарского нашествия, без учета изменения исторической обстановки был перенесен на следующий год, стал повторяться в дальнейшем. Иван Грозный уже дважды, в 1571 и в 1572 гг., спасавшийся

бегством от Девлет-Гирея, боялся нового татарского нашествия на Москву. Уцелевшие бояре и московские дьяки, видимо, боялись главным образом царского гнева; после казни М. И. Воротынского никто из них не рисковал высказывать какие-либо новые мысли по отношению к южной Украине, к Полю.

Крымские татары в 1573 г. возобновили набеги на Украину. В сентябре 1573 г. нападению татар вновь подверглась многострадальная Рязанская земля; по свидетельству разрядной книги, на рязанские места «приходили крымские царевичи». Боярин С. Д. Пронский, заменивший казненного М. И. Воротынского в роли главнокомандующего русскими войсками на Оке, выступил против татар «з берегу», прошел мимо г. Михайлова до речки Вёрды, но татар не догнал⁶⁹. Преследовать врага дальше он не решился и вернулся в Серпухов.

После сентябрьского татарского набега, в октябре 1573 г., была составлена новая «роспись от Поля как береженье учинить на осень до зимы»⁷⁰. Эта «роспись» предусматривала объединение военных сил городов Украины к югу от Оки. При появлении «крымских людей» воеводам восьми южнорусских городов предписывалось объединяться в три полка с традиционными названиями: большой, передовой и сторожевой. В большой полк в Тулу под начальство тульского воеводы Д. А. Нохтева должны были идти ратные люди из Михайлова и Дедилова со своими воеводами, в передовой полк в Данков к воеводе В. Л. Салтыкову — ратные люди из Рязьска и Мценска, в сторожевой полк в Орел к воеводе Б. В. Шеину — ратные люди из Новосили. В случае же появления «больших воинских людей» полки ратных людей из восьми городов Украины должны были «сходиться» с серпуховскими воеводами, с главнокомандующим С. Д. Пронским, конкретно — отходить назад на Оку. Отметим, что какие-либо активные действия против татар, а также защита городов и населения к югу от Оки в «росписи» 1573 г. не предусматривались. Все внимание обращалось на соединение русских войск в один кулак для защиты Москвы.

Объединение военных сил из городов Украины под общим начальством тульского воеводы, впервые зафиксированное в «росписи» 1573 г. и продолжавшееся в следующие годы, иногда называется в документах «украинным разрядом», в отличие от «берегового разряда» военных сил, располагавшихся против татар на Оке. Заметим, что служба в полках

«украинного разряда» по сравнению со службой в полках «берегового разряда» считалась менее важной и почетной, подтверждением этому являются многочисленные местнические споры воевод, отмеченные в разрядных книгах.

Весной 1574 г. в Москве вновь опасались нападения татар во главе с Девлет-Гиреем на Россию. К отражению врага готовился сам Иван Грозный. 10 апреля 1574 г. он «розметил своих государевых дворовых бояр, и окольничих, и дворян и детей боярских с собою, государем, и с сыном своим царевичем князем Иваном Ивановичем в поход в Серпухов»⁷¹. Не совсем ясно, состоялся ли царский поход, но «бояре и воеводы были тогда на берегу по полком для приходу крымского царя»⁷². Большой полк с первым воеводой Иваном Юрьевичем Булгаковым-Голицыным стоял в Серпухове, передовой, правой руки, левой руки и сторожевой полки — соответственно в Калуге, Тарусе, Кашире и Коломне.

Ратные люди южнорусских городов, как и в предыдущем году, при появлении татар должны были «сходиться» в три полка. Разница состояла лишь в том, что местом расположения одного из полков вместо Данкова стал Дедилов. Тульский воевода, на этот раз им был князь Борис Васильевич Серебряный, вновь утверждался главным воеводой среди городских воевод украины; при этом в его подчинение, кроме воевод Дедилова, Данкова, Орла, Новосили, Мценска, Рязьска и Михайлова, переходил и воевода Пронска. Чтобы исключить местнические споры, «украинным воеводам» предписывалось при отражении татар быть «без мест»⁷³.

Осенью 1574 г. крымские и ногайские татары вновь попытались подвергнуть грабежу Рязанскую землю. Имеющиеся в нашем распоряжении документы не позволяют установить, в каком месте Поля наступавшие татары были замечены русскими сторожами. Известно лишь, что тульский воевода Б. В. Серебряный, получив известие о татарском набеге, успел собрать ратных людей из Тулы, Дедилова, Данкова, Пронска, Михайлова и Рязьска. Он выступил в поход против татар и сразился с ними в урочище Печерниковы Дубровы⁷⁴, к югу от р. Прони, между городами Пронском и Михайловом. Воеводы Новосили, Орла и Мценска с ратными людьми, шедшие с запада к Б. В. Серебряному, «всход не успели».

Полки дворянской конницы, находившиеся по традиции на Оке, участия в отражении татарского набега на этот раз не принимали. События 1574 г. показали, что ратные люди

южнорусских городов могут самостоятельно отражать сравнительно небольшие татарские нападения, не допускать татар к Оке.

В 1575 г. крымские татары, видимо, к Украине не подходили; документы об этом не сообщают. Но полки дворянской конницы в 1575 г. дважды собирались на берегу Оки. Весной и летом первым воеводой большого полка был И. Ю. Булгаков-Голицын, осенью — А. П. Куракин⁷⁵. Поздней осенью дошли до Москвы какие-то «крымские вести», по которым в Зарайск, Шацк и Одоев выезжали отряды дворян «з берегу»⁷⁶.

Вместо Украины крымские и ногайские татары направили в 1575 г. основную силу своих ударов по русским сторожам, установленным на Поле. К этому времени некоторые общероссийские сторожи были переведены на новые места, их расположение по сравнению с 1571 г. изменилось. Крайняя западная сторожа с берега Сейма перешла к Северскому Донцу, применительно к современному административному делению: из Солнцевского района Курской области в Чугуевский район Харьковской области. Крайняя восточная сторожа стояла уже не на берегу Волги, а «под Тилеорманским лесом» в пределах нынешнего Борисоглебского района Воронежской области.

Придонская общероссийская летняя сторожа к 1575 г. была передвинута ближе к Украине, из урочища Вёшки (из современной Ростовской области) к устью речки Толучеевой (современное название речки — Толучеевка, ее устье расположено в Петропавловском районе Воронежской области). Но и в этом месте общероссийский сторожевой пост не удержался. Из распроса стоялых и станичных голов, проведенного в Москве в начале 1576 г. боярином Н. Р. Юрьевым и дьяком В. Я. Щелкаловым, выяснилось, что пункты расположения стоялых голов, «где стояли и станичные разъезды до коих мест ездили, крымским и ногайским людям ведомы, и станицы от них многие громлены, а иные и взяты»⁷⁷. В результате донскую общероссийскую сторожу с 1576 г. пришлось отодвинуть еще далее к северу — к Богатому Затону, в пределы современного Лискинского района Воронежской области.

По документам, опубликованным в «Актах Московского государства», видно, что годом раньше, весной 1575 г., состоялось важное правительственное постановление о развитии сторожевой службы на Поле. Полный текст этого поста-

новления до нас не дошел, но ссылки на него имеются в решениях о сторожевой службе на 1576 г.⁷⁸ Наиболее крупным изменением в сторожевой службе в 1575 г. явилось установление новой общероссийской сторожи «на Сосне усть Ливен», причем под командованием воеводы, а не стоялого головы. Первым воеводой на Сосну был послан в 1575 г. М. Д. Карпов, его назначение осталось в записях разрядных книг⁷⁹. Поясним: речь идет не об основании города при впадении двух речек Ливен в Быструю Сосну (это произойдет лишь через 10 лет), а о размещении там на летнее время ратных людей с воеводой.

15 марта 1576 г. решение о расстановке общероссийских сторож на Поле вынесла правительственная комиссия во главе с боярином И. Ф. Мстиславским, в ее состав входили также бояре П. Д. Пронский, Н. Р. Юрьев, дьяки Андрей и Василий Щелкаловы. Перечисленные видные деятели Российского государства «приговорили»: сохранить на ближайший год общероссийскую сторожу во главе с воеводой «на Сосне усть Ливен». Другие общероссийские сторожи во главе со стоялыми головами решено было разместить в следующих местах: 1) «на Донце на Северском усть Уд», 2) «на Осколе усть Убли», 3) «на Дону усть Богатого Затону», 4) «меж Дону и Волги под Тилеорманским лесом»⁸⁰. (Расположение пяти общероссийских сторож в 1576 г. показано нами на схематической карте (Рис. 4).

Воеводой «на Сосну» был назначен князь Иван Охлябинин, идти ему туда предлагалось с ратными людьми из Новосиля. Стоялому голове на сторожу на р. Северский Донец надо было идти из Рыльска, на р. Оскол — из Дедилова, на р. Дон к Богатому Затону — из Ряжска, к Тилеорманскому лесу — из Шацка. На все пять сторож посылались «по росписи» дети боярские и казаки «из крайних городов»⁸¹.

Четная датировка (1576 г.) назначения Ивана Охлябинина «на Сосну», сохранившаяся в разрядных книгах, позволяет попутно исправить ошибку, допущенную при публикации приговора И. Ф. Мстиславского и его коллег в «Актах Московского государства». В тексте документа нет года, указаны лишь месяц и число — 15 марта⁸². Составители «Актов Московского государства» (редактором тома был Нил Александрович Попов), ориентируясь на предшествующие «приговору» документы, решили, что дело происходило в 1577 г. и указали этот год на полях книги. На самом деле документ относится к 1576 г.

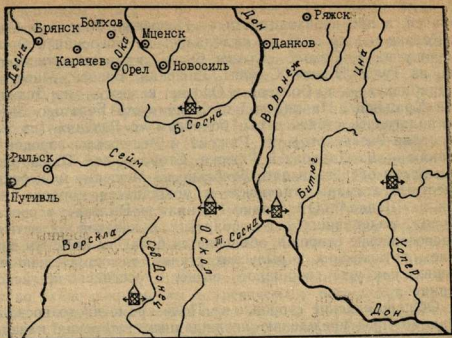

Рис. 4. Схема расположения общероссийских сторож
"на Поле" в 1576 г.

Условные обозначения:

 — общероссийские сторожи

Сразу же отметим, что общероссийский сторожевой пост во главе с воеводой при впадении рек Ливен в Быструю Сосну существовал только в 1575 и 1576 гг. В сентябре 1576 г. он подвергся нападению татар⁸³. Весной 1577 г. боярин Н. Р. Юрьев и дьяк В. Я. Щелкалов, ведавшие сторожевой службой, решили его не выставлять по географическим соображениям: «потому что донецкие и оскольские и донские головы стоят на Поле дале ливенских воевод и вести от тех голов про крымских и про ногайских людей к государю наперед ливенских воевод бывают»⁸⁴.

В 1577 г. более четко были расписаны города, из которых дети боярские и казаки должны были стоять на оставшихся четырех общероссийских сторожах на Поле. Дадим краткий перечень таких городов. На сторожу к Северскому Донцу «усть Уд» посылали детей боярских Брянск, Почен, Стародуб и Новгород-Северский, «в прибавку» — Оrel и

Карачев, а при необходимости — Новосиль, Болхов и Одо-ев. Казаки на эту сторожу выделялись из Новосили и Орла. Сторожу на р. Осколе должны были составить дети боярские из Тулы, Пловы, Соловы, Епифани, Венева, Мценска, «в прибавку» — из Болхова и Одоева, казаки — из Дедилова и Крапивны. На донской стороже «усть Богатово Затону» полагалось стоять детям боярским «с Рязани» (из Переяславля-Рязанского), из Рязска и мещерских городов⁸⁵; казакам — из Данкова и Рязска. Сторожу под Тилеорманским лесом оберегали дети боярские из Мещеры, мещерские поместные атаманы, «мценская и мокшанская мордва», казаки из Шацка⁸⁶. Отсутствие Путивля и Рыльска в списке городов, выделявших детей боярских и казаков на четыре общероссийские сторожи, объясняется большим военным значением путивльских и рыльских станиц, самостоятельно ездивших, как уже сообщалось выше, к российско-крымской границе.

Общероссийские сторожи на Поле кроме чисто военных задач по предупреждению неожиданных татарских нападений на Украину продолжали выполнять важную политическую роль, фиксируя за Российским государством территорию Поля.

Как же обстояли дела на Украине?

В 1576 г. Иван Грозный считал новое нашествие Девлет-Гирея по-прежнему возможным и готовился к его отражению. На берегу Оки вновь стояли большие военные силы, включая ратных людей из южнорусских городов. Иван Грозный и его сын Иван прибыли в Калугу, оттуда «ездили по берегу и смотрели бояр, и воевод, и дворян во всех полках»⁸⁷. Девлет-Гирей, однако, отказался в 1576 г. от нападения на Украину, узнав о сосредоточении там русских войск. Небольшие отряды татар подходили к Новгород-Северскому и на «корельские места», под Орел⁸⁸.

В 1577 г. основное внимание России было направлено на запад, в продолжавшейся Ливонской войне Иван Грозный лично возглавил военные операции, проходившие в целом успешно. Отметим, что этот год оказался последним удачным годом для России в ходе Ливонской войны, уже в следующем году на смену успехам на западе пришли неудачи. На южной Украине правительственные мероприятия носили в это время явно оборонительный характер. На помощь полкам дворянской конницы, находившимся на Оке под ко-

мандованием князя И. Ф. Мстиславского, должны были «повестям» приходить воеводы украинских городов⁸⁹.

В 1577 г. умер хан Девлет-Гирей. За время своего царствования он организовал и лично возглавил четыре татарских нашествия на Россию (в 1552, 1555, 1571 и 1572 гг.), неоднократно участвовал в грабительских нападениях на российскую Украину. Преемником Девлет-Гирея на крымском престоле стал Мухаммед-Гирей II, в русской транскрипции — «Магмет-Гирей» (1577—1584 гг.). Новый хан, по свидетельству В. Д. Смирнова, был так толст, что не помещался в седле, его возили в телеге шесть лошадей⁹⁰. Подобный правитель едва ли мог лично возглавить военный поход, а тем более крупное нашествие на Россию. Грабительские же набеги отдельных татарских отрядов на Украину продолжались. В 1578 г. во главе отряда крымских, азовских и ногайских татар набег на Украину совершил мурза Есиней⁹¹.

Осенью 1579 г. донесение о движении татарского отряда во главе с крымским «царевичем» к российской Украине было получено от станичного головы Бориса Свищева «з Дону». 7 октября гонец привез в Москву весть о том, что «пришли крымские люди к Туле и к Дедилову и воюют тульские места»⁹². Группа татар «человек з двесте» переправилась в ходе грабежа даже через Оку. Был ли дан татарам отпор со стороны полков дворянской конницы, стоявших осенью 1579 г. в Серпухове, Калуге и Коломне под общим командованием князя М. Н. Одоевского⁹³, неясно.

Резко изменилась военная ситуация на западе: в Ливонской войне русские войска стали терпеть поражения. Вступивший в 1576 г. на польский престол король Стефан Баторий перешел с 1579 г. к активным действиям против России и в ходе наступления занял несколько русских городов, в том числе Полоцк, Великие Луки, Невель⁹⁴.

Весной 1580 г. для пополнения войск, действовавших на западных рубежах России против поляков, из отдельных городов южной Украины (Пронска, Орла, Переяславля-Рязанского) были направлены в Ржев ратные люди⁹⁵. Этот факт говорит о больших военных трудностях, о кризисе, переживаемом в то время Российским государством. Южнорусская Украина, с трудом защищавшаяся от татарских набегов, сама должна была посылать воинов для отражения угрозы с запада.

Разрядные книги сообщают о приходе татар во главе с мурзой Есинеем весной 1580 г. «на тульские и на пловские,

и на каширские места»⁹⁶. Организовать достойный отпор татарам, как можно полагать, не удалось. Выдвижение полков дворянской конницы на Оку было задержано местническими спорами, начатыми боярином С. Д. Пронским. По «росписи», составленной 15 апреля 1580 г., из-за этого «на берегу воеводы не были»⁹⁷. Выход воевод с войсками под общим командованием Ф. И. Мстиславского к Оке состоялся в 1580 г. позже.

В 1581 г. в списке воевод и осадных голов, назначенных в города «от польския украины», значатся 23 города: Шацк, Рязск, Пронск, Михайлов, Рязань, Данков, Зарайск, Дедилов, Тула, Новосиль, Орел, Мценск, Венев, Епифань, Алексин, Плова, Солова, Болхов, Чернь, Одоев, Карачев, Рыльск и Путивль⁹⁸. Обстановка на Украине была тревожной. Это видно хотя бы из сообщения о том, что воеводу г. Новосили князя Семена Ивановича Коркодинова в это время «убили татаровя»⁹⁹.

Как показал А. А. Новосельский, большие размеры в 1581 г. приняла нападения ногайских татар¹⁰⁰. Обострилась обстановка в Казанском крае, где прошли выступления местного населения против русских воевод. В середине лета 1582 г. «по казанским вестям» были распущены полки дворянской конницы с берегов Оки¹⁰¹, им была «сказана служба» в зимний поход на казанские места.

При описании военных назначений на 1581—1582 гг. разрядные книги основное внимание обращают на западные русские рубежи. Россия продолжала терпеть неудачи в Ливонской войне, где ее противниками являлись Польско-Литовское государство и Швеция. В 1581 г. польский король Стефан Баторий начал осаду Пскова, намереваясь в случае успеха идти дальше на Новгород. В том же году шведы заняли Нарву и Корелу. Лишь героическая оборона Пскова, которую вело вместе с войсками население города, побудила польского короля пойти на мирные переговоры с Россией. Переговоры проходили в Запольском Яме «меж Порхова и Заволочья» и завершились в январе 1582 г. подписанием перемирия между Россией и Речью Посполитой на 10 лет. В 1583 г. было заключено Плюское перемирие со Швецией, по которому к шведам отошли старинные русские земли у Финского залива. Ливонская война кончилась для России неудачей; ее итогом была не только утрата северо-западных земель и отступление России от Балтийского моря, но и разорение значительной части страны.

Поражение России в Ливонской войне заметно ухудшило русские позиции в юго-западной части Поля, в тех местах Приднестровья, где в начальном периоде Ливонской войны стоял российский «город на Псле», уничтоженный по прихоти Ивана Грозного. Договор между Речью Посполитой и Россией, заключенный в 1582 г. в Запольском Яме¹⁰², обрисовывает здесь русско-польскую границу лишь в общих чертах. Поляки обязались «не зачепляти» Рыльска и Путивля «с волостьми», русские — Киева, Канева и Черкасс тоже «с волостьми»¹⁰³.

Обратим внимание на отдельные детали договора. Прежде, когда готовились подобные проекты перемирных договоров, в частности неосуществленный договор о перемирии в 1578 г., поляки обязывались не только «не зачепляти» Рыльска и Путивля, но на спорных южных землях «городов новых не ставити»¹⁰⁴. В тексте договора, заключенного в 1582 г. в Запольском Яме, таких слов нет, хотя во всем остальном при описании русско-польской границы в южном Приднестровье он практически полностью повторяет текст подготовленного прежнего перемирного договора 1578 г. Теперь, в 1582 г., о возможности появления новых городов Речи Посполитой на днепровском левобережье ни победители, ни побежденные не говорят ничего. Польские дипломаты в Запольском Яме, представлявшие страну-победительницу, несомненно, сознательно не включили приведенные выше слова в текст договора. Представлявшие Россию в Запольском Яме Д. П. Елецкий и Р. В. Алферьев в соответствии с полученным ими наказом спорили в основном о северо-западных землях; вопроса о русско-польских рубежах в южном Приднестровье они не затрагивали¹⁰⁵.

Следствием победы Речи Посполитой над Россией в Ливонской войне, важным для изучения истории Поля, стало начавшееся после заключения договора в Запольском Яме польское продвижение в левобережное Приднестровье, в юго-западную часть Поля. Оно получило развитие уже в 80-е гг. XVI в., продолжалось в 90-е гг. На местах разоренных древнерусских городов здесь появились новые города Речи Посполитой. Этот вопрос станет предметом рассмотрения в следующей главе.

Российской активности в пределах Поля в последние годы царствования Ивана Грозного документы не отмечают. Разрядные книги этих лет сообщают о традиционной обороне центра страны от татар. В 1583—1584 гг. полки дворян-

ской конницы продолжали на летнее время выдвигаться «на берег», к Оке. Воеводы, назначаемые в города украины, должны были «по вестям» сходить к Туле, поступать под начальство тульского воеводы и создавать, таким образом, передовую линию обороны. В случае крупных татарских нападений служилым людям украины предписывалось отходить назад «в сход» к воеводам, стоявшим на Оке.

Немедленного изменения политики русского правительства на Поле в 1584 г., после вступления на престол царя Федора Ивановича, не видно. Первое распоряжение о посылке воевод в города «от Поля» от имени нового царя было сделано 3 апреля 1584 г.¹⁰⁶ По своей структуре оно в основном повторяло весеннее распоряжение 1583 г.

Система сторожевой службы «на Поле» с 1577 по 1584 г. претерпела ряд изменений: за это время количество общероссийских сторож сократилось с четырех до двух. Общероссийская сторожа «под Тилеорманским лесом на реке на Вороне» была снята с 1580 г., сторожа на Северском Донце «усть-Уд» — с 1581 г.¹⁰⁷ Формально снятие этих сторож объяснялось тем, что грабительские татарские отряды стали использовать для прохода через Поле главным образом новую Кальмиусскую дорогу. Ослабление сторожевой службы на Поле в начале 80-х гг., несомненно, было связано и с хозяйственным разорением, переживаемым в то время Россией. Это видно хотя бы по тому, что общероссийские сторожи на новых местах вместо снятых в 1580—1581 гг. поставлены не были.

Кальмиусскую степную дорогу в качестве пути татарских вторжений русские документы упоминают с конца 70-х гг. Она начиналась в Приазовье от верховьев р. Кальмиуса и проходила восточнее Изюмской дороги. Двигаясь по Кальмиусской дороге, татары переправлялись через Северский Донец в низовьях этой реки «под Гребенными горами». Дальнейший их путь на север пролегал сначала по водоразделу между Доном и Северским Донцом, а затем — по водоразделу между Доном и Осколом к переправам через р. Тихую Сосну. К северу от Тихой Сосны татары с Кальмиусской дороги могли перейти на Муравскую дорогу или на одно из ее ответвлений.

В 1584 г. на Поле оставались две общероссийские сторожи: «на Осколе усть Убли» и «на Дону усть Богатого затону», соответственно в пределах современных Белгородской и Воронежской областей. Они стояли с ранней весны до позд-

ней осени, на каждой было «по росписи» по 70 человек. По-прежнему важное значение имели путивльские и рыльские станицы, ездившие к Северскому Донцу до устья Айдара, к верховьям рек Орели и Самары. Сохранялись сторожи, посылаемые из Рязска, Данкова, Новосили, Орла, других городов украины.

В политике Российского государства по отношению к Полю, к татарам, к Крымскому ханству продолжала сохраняться утвердившаяся после татарских нашествий 1571—1572 гг. оборонительная концепция. В конце царствования Ивана Грозного на самом Поле сложилось, на наш взгляд, своеобразное равновесие русско-татарских сил. И Российское государство, потерпевшее неудачу в Ливонской войне, пережившее опричнину, хозяйственное разорение, и Крымское ханство, временно утратившее частично в результате поражения при Молодах, частично в ходе внутренних трудностей после смерти Девлет-Гирея свой наступательный потенциал, не предпринимали на Поле серьезных активных действий.

Летом 1584 г. обстановка на украине вновь осложнилась. Крымские татары, возглавляемые мурзой Есинеем, совершили довольно крупное нападение на западную часть украины. В разрядной книге 1475—1605 гг. сообщается, что татары «белевские, и козельские, и воротынские, и мещеские [мещовские. — В. З.], и мосальские места пожгли и вывоевали и полону бесчисленно много русского народу взяли»¹⁰⁸. Войска, собравшиеся на Оке под командованием боярина Ф. М. Трубецкого, оказались в стороне от района татарского разбоя. (Ф. М. Трубецкой стоял с большим полком в Серпухове, другие полки расположились «на берегу», от Коломны до Калуги.) На перехват татар выступило войско под начальством думного дворянина Михаила Андреевича Безнина, в котором были «с Москвы дворяне и стольники», а также «головы с ратными людьми», посланные Ф. М. Трубецким. М. А. Безнин действовал весьма энергично. Он успел настичь татар, когда те, отступая с большим русским полоном, начали переправу через Оку в восьми верстах выше Калуги. По свидетельству разрядной книги, русские воины «татар побили наголову... и полон весь отбили, а татар было пятьдесят четыре тысячи»¹⁰⁹.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ ЗА РОССИЙСКИМ ГОСУДАРСТВОМ В 1585—1600 гг.

1. Общая характеристика периода, охватывающего последние полтора десятилетия XVI в.; политическая ситуация в его начале на Поле и прилегающих землях. 2. Ливны и Воронеж — первые российские города на Поле, история их возникновения. 3. Хроника борьбы России с крымскими татарами и черкасами в 1586—1590 гг. 4. Нашествие хана Казы-Гирея на Россию в 1591 г. 5. События 1592—1597 гг., возникновение в пределах Центрального Черноземья четырех новых городов. 6. Политические успехи России на юге в конце XVI в., основание в 1599 г. на Поле еще двух городов. 7. Заселение территории современного Центрального Черноземья в 80—90-х гг. XVI в.; географические особенности этого процесса.

1. Общая характеристика периода, охватывающего последние полтора десятилетия XVI в.; политическая ситуация в его начале на Поле и прилегающих землях

В 1585 г., через год после завершения сурового царствования Ивана Грозного, русское правительство вернулось к политике активных действий на южной Украине и за ее пределами. Возобновилось продвижение фактических границ страны в южном направлении. После нескольких лет перерыва на Поле снова стали выходить русские войска. В борьбе с Крымским ханством заметно обозначился отход от сугубо оборонительной тактики предыдущих лет. Военные мероприятия на Поле стали активно поддерживаться дипломатическими мероприятиями Российского государства. К этому времени русский народ своим трудом в основном преодолел хозяйственное разорение страны, пик которого пришелся на начало 80-х гг. XVI в.

Последние полтора десятилетия XVI в., хронологически относящиеся к царствованию Федора Ивановича и к началу царствования Бориса Годунова, ознаменовались большими политическими и экономическими успехами России на юге. С 1585 г. до конца XVI в. на Поле возникло восемь новых

городов: Ливны, Воронеж, Елец, Белгород, Оскол, Курск, Царев-Борисов, Валуйки. Рядом с ними появились постоянные сельские поселения: села, деревни. Край стал интенсивно заселяться.

Деятельность правительства, направленная на закрепление Поля за Россией, на включение в хозяйственный оборот обширных южных земель, в целом получила поддержку широких слоев населения. Плодородные черноземы, реки и леса, богатые рыбой, пушным зверем, бортными деревьями, привлекали в это время переселенцев из различных социальных групп. За счет земель Поля могли рассчитывать на расширение своих вотчин и поместий и крупные московские землевладельцы и мелкопоместные дети боярские украинцы. Запись на службу в новые города в качестве казаков, стрельцов, а иногда — и детей боярских, представляла активной части рядовых жителей Украины, включая крестьян, легальные возможности для поселения в новых местах, для повышения своего социального статуса.

Конечно, у новых поселенцев были свои трудности, опасности, в первую очередь, большая, чем на Украине, угроза татарского пленения, угона в рабство. Эта опасность была хорошо известна русским людям, она сдерживала процесс заселения Поля, географически ограничивала в течение ряда лет заселенные территории сравнительно небольшими «островками» около городов-крепостей.

Возникновение и заселение новых городов в пределах Поля протекали в 80—90-х гг. XVI в. в русле государственной колонизации. Все восемь перечисленных выше городов были основаны по правительственным распоряжениям, по царским указам. Отметим также, что все восемь городов выросли на местах, где не существовало непосредственно предшествовавших им постоянных поселений.

Новые города на Поле не стали сразу же прочным заслоном для татар. Степные дороги не были перекрыты, и татары продолжали свои набеги на Украину. Документы достаточно четко свидетельствуют об этом. К данному периоду относится и нашествие крымского хана Казы-Гирея в 1591 г., успешно отраженное Россией. Понадобилось еще несколько десятилетий, чтобы Россия смогла приступить на территории современного Центрального Черноземья к строительству сплошной укрепленной линии — Белгородской черты. А пока, в 90-е гг. XVI в., для защиты Украины от татар русское правительство провело большие работы по соз-

данию лесных засек, засечной черты, непосредственно на окраине, вблизи от Оки. Новые города, возникшие на Поле, в пределах современного Центрального Черноземья, географически удаленные от этих засек, находившиеся впереди черты, естественно, в засечную черту не вошли.

Усиление российской активности на Поле в середине 80-х гг. XVI в. хронологически совпало с усилением такой же активности со стороны Польско-Литовского государства. Некоторые русские города на Поле выросли не только как крепости на пути татарских вторжений, но и как своеобразные заслоны от натиска Речи Посполитой, проявлявшегося в форме действий боевых отрядов черкас (жителей подчиненной Польско-Литовскому государству Украины). Указанные внешнеполитические цели возведения русских городов на Поле, из которых главной, основной, была татарская угроза, выявляются при анализе документов 80—90-х гг. XVI в.

Конец XVI в. был временем оформления крепостного права и крепостнических отношений в России в общегосударственном масштабе. Строя города на Поле, русское правительство наряду с внешнеполитическими целями преследовало и цели социальные, иногда — весьма конкретные. Они заключались, в частности, в подчинении Москве, государственной власти, появившихся на Поле вольных казаков, в ликвидации здесь вольного казачества или, по крайней мере, в оттеснении казацкой вольницы к югу. Такие цели особенно заметны при изучении истории возникновения городов, выдвинувшихся дальше других к югу: Воронежа, Белгорода, Валук, Царева-Борисова.

Рассмотрим теперь политическую ситуацию, сложившуюся на прилегающих к Полю землях в 1584—1585 гг. На крымском престоле в 1584 г. произошла смена ханов: Мухаммед-Гирей II был убит, ханом стал его брат Ислам-Гирей II. Переворот положил начало усобицам в Крымском ханстве. В ходе борьбы за власть Ислам-Гирей свергли его племянники Сеадет-Гирей и Мурат-Гирей, на короткое время престолом завладел Сеадет-Гирей¹. Через два месяца Ислам-Гирей удалось вернуть трон. Сеадет-Гирей и Мурат-Гирей бежали и искали покровительства у России. Первому русское правительство разрешило кочевать в астраханских степях, второму предписало было жить в Астрахани в роли «служилого царевича». (Позже, в 1586 г., русское правительство попыталось использовать Мурат-Гирея в борьбе с Крымом, речь об этом пойдет дальше.)

Борьба за власть в Крыму не уменьшила угрозы татарских нападений на российскую Украину. Осенью 1584 г. в Москву не раз приходили «крымские и ногайские вести» — сообщения о передвижениях и возможных нападениях татарских отрядов. На Оке «большие воеводы» стояли с войсками в 1584 г. вплоть до поздней осени².

В 1584 г. из Москвы в Турцию выехал российский посланник Борис Петрович Благой (Благово). Он должен был известить турецкого султана о вступлении на престол в России царя Федора Ивановича и возобновить дипломатические связи с Турцией, фактически прерванные за 14 лет до этого. (Предыдущее посольство И. П. Новосильцова посетило Турцию в 1570 г.). Территорию современного Центрального Черноземья Б. П. Благой преодолел, плывя со своими спутниками по Дону на речных судах.

В связи с посольством Б. П. Благого русскому правительству потребовалось более четко определить свое отношение к донским казакам, ставшим в низовьях Дона в 80-х гг. XVI в. серьезной политической и военной силой. Еще в годы царствования Ивана Грозного выяснилось, что донских казаков нельзя рассматривать как послушных исполнителей московских распоряжений. Б. П. Благой повез в 1584 г. для передачи казакам боеприпасы, но это не помешало группе донских казаков напасть на посланника. Б. П. Благой с большими трудностями проплыл мимо казачьих городков в турецкий Азов. Он успел сообщить в Москву об этом и пояснил, что на Дону есть казаки, желающие служить царю, и казаки, уклоняющиеся от такой службы. В дипломатических переговорах с турками русское правительство решило с полной определенностью отмежеваться от русских казаков, совершавших морские набеги на турецкое побережье. Б. П. Благой должен был говорить в Стамбуле, что «на Дону живут воры, беглые люди, без ведома государева, не слушают они никого»³. Возвращение Благого с турецким посланником или гонцом ожидалось весной 1585 г. Ему предписано было вернуться через Азов.

Как свидетельствуют сохранившиеся архивные документы, вопрос об организации встречи Благого и турецкого посланника обсуждался в Москве боярской думой 20 марта 1585 г. в присутствии царя Федора Ивановича⁴. Одновременно рассматривалась проблема отношения к донским казакам. Для встречи и охраны послов решено было послать в низовья Дона дворянина Василия Григорьевича Биркина (бу-

душего строителя г. Воронежа) во главе военного отряда, составленного из детей боярских и служилых казаков двух городов: Ряжска и Данкова. В состав отряда Биркина включались также перешедшие на московскую службу бывшие донские казаки во главе с атаманом Иваном Кишкиным. Эти казаки жили уже в городах Украины, но продолжали называться «донскими». Отряд В. Г. Биркина собрался в Данкове, где для него были приготовлены речные суда (частично доставленные реками и волоком из Ряжска).

Кроме встречи и «береженья» послов Биркину поручалось широко привлекать донских атаманов и казаков на царскую службу: и тех, которые объявятся в верховьях Дона, поблизости от Данкова, и тех, которые живут в низовьях Дона. Любопытно, что набор вольных атаманов и казаков на службу В. Г. Биркину надо было начать непосредственно в Данкове, вновь набранных людей ему рекомендовалось сразу же включить в свой отряд. В наказе Биркину, в частности, говорилось: «А которые будут донские атаманы похотят на государеву службу итти на Дон с ним, и Василью тем атаманом и казаком, переписав имяна, велети с собою итти на Дон»⁵.

В. Г. Биркин со своим отрядом прибыл в низовья Дона значительно раньше посланника Б. П. Благого. В Москву он отправил несколько донесений. Одно из них вызвало особую заинтересованность у русского правительства. Биркин писал, что с Кавказа «на Дон» пришел бывший крымский «царь» Сеадет-Гирей с братом Сафа-Гиреем и мурзой Арасланом и что они «пошли в Крым»⁶. Это сообщение было воспринято в Москве как реальная попытка хана Сеадет-Гирея, незадолго до этого искавшего покровительства у Москвы, возвратить себе утраченный крымский трон. Оно дало повод для принятия боярской думой любопытного решения: оставить на зиму в низовьях Дона 300 русских ратных людей во главе с Гуром Вердеревским, чтобы ждать «прямых вестей» из Крыма⁷.

Возвращение посланника Благого надолго задержалось. Сначала русский и турецкий дипломаты застряли в Кафе (Феодосии). 30 июля 1585 г. В. Г. Биркин, ожидавший Благого в низовьях Дона, получил, наконец, известие о прибытии посланников в Азов; в этот день к нему Б. П. Благой прислал «толмача Тока Казыева с грамотою»⁸. Более полутора месяцев посланники, опасаясь нападения донских казаков, не решались выехать из Азова. Наконец, В. Г. Биркину уда-

лось уговорить донских казаков, и 19 сентября 1585 г. Б. П. Благой вместе с турецким посланником Ибрагимом-чеушем выступил из Азова. Вверх по Дону посланники с охраной плыли на речных судах, находившихся у Биркина; гребцами были служилые люди из его отряда.

За несколько месяцев, проведенных Биркиным в низовьях Дона в ожидании посланника Б. П. Благого, военно-политическая ситуация на Поле существенно изменилась. Летом 1585 г. русское правительство в дополнение к отряду Биркина послало в Придонье новые войска.

Но сначала следует сказать о традиционной расстановке воевод на украине и выходе в 1585 г. русских войск к Оке. Весеннее распоряжение о назначении воевод «по украинным городом от крымские стороны» состоялось уже 28 февраля. «По вестям» воеводы со служилыми людьми 12 городов (Тула, Дедилов, Пронск, Михайлов, Рязань, Шацк, Орел, Новосиль, Мценск, Рязжск, Болхов, Белев) должны были сходиться в три полка — в Тулу, Дедилов и Пронск, создавая «украинный разряд». Командующим в нем (воеводой большого полка) был утвержден тульский воевода князь А. В. Трубецкой⁹. Как сообщают разрядные книги, такой «сход» ратных людей украины в 1585 г. действительно состоялся¹⁰.

Основная линия обороны на случай татарского нападения организовывалась севернее украинного разряда, как обычно, на Оке. Сюда вышли полки дворянской конницы под общим командованием князя Б. К. Черкасского. Большой полк расположился в Серпухове, полк правой руки — в Алексине, передовой полк — в Калуге, сторожевой полк — в Коломне, полк левой руки — в Кашире. Как нередко бывало и раньше, сосредоточение против татар больших военных сил у Оки оказалось в 1585 г. в принципе ненужным. Зато ратным людям украинских городов пришлось в этом году немало потрудиться, участвовать в походах и стычках в пределах Поля, причем не только против татар.

Летом 1585 г. у России на Поле появился новый соперник: в судьбы Поля попыталось вмешаться Польско-Литовское государство. Этот соперник не был, конечно, в полном смысле слова новым; как мы помним, Литва утратила свои позиции на Поле лишь в начале XVI в., в результате войн 1500—1503 гг. и 1507—1508 гг. с Россией.

Западный соперник России принципиально отличался от Крымского ханства в своем отношении к незаселенному юж-

норусскому Полю. Крымские татары, проходя через Поле во время грабительских набегов на российскую Украину, не стремились при этом к расширению своей государственной территории, к выдвигению границ Крымского ханства на север. В 80-х гг. XVI в. Польско-Литовское государство, напротив, было не прочь прибрать к рукам, присоединить часть Поля.

Здесь следует обратить внимание на одну важную деталь. В 1569 г., за несколько месяцев до подписания Люблинской унии об объединении королевства Польского и Великого княжества Литовского в единое государство — Речь Посполитую, приднепровские и волынские земли Литвы, в том числе города на Днепре: Киев, Канев и Черкассы, были официально переданы Литвой Польше, польской короне. Как показал еще в начале нашего века исследователь истории Великого княжества Литовского И. И. Лаппо, отторжение этих земель от Литвы носило далеко не символический характер¹¹. Проникновение Речи Посполитой со стороны Приднестровья в пределы Поля было в 80—90-х гг. XVI в., на наш взгляд, в первую очередь именно польской, а не литовской акцией.

После победы Польши над Россией в 1582 г. в Ливонской войне продвижение польских рубежей на юг и восток стало элементом государственной политики Речи Посполитой. Думается, что такая политика на первых порах соответствовала интересам основной массы украинского населения Приднестровья: служилых казаков и крестьян, с охотой устремившихся на запустевшие еще в эпоху татарского владычества земли днепровского Левобережья, подальше от польских панов, от польской администрации. На старых городищах, в рамках государственной территории Речи Посполитой, возродились в это время древнерусские города, не существовавшие при подписании польско-русского договора в Запольском Яме: Переяславль, Лубны, Прилуки, несколько позже — Полтава. Россия, неосторожно, по прихоти Ивана Грозного разорившая свою крайнюю крепость в Приднестровье — Псельский город, в конкретных условиях 80-х гг. XVI в. не смогла реально воспрепятствовать расширению границ Речи Посполитой в этом районе современной Украины.

Одновременно в связи с усилением феодального гнета в центральной части Речи Посполитой быстро увеличивалась (главным образом за счет беглых крестьян) численность

вольных запорожских казаков, происходило организационное и географическое закрепление запорожского казачества за днепровскими порогами, у границ Крымского ханства.

Русские документы 80-х гг. XVI в. обычно еще не выделяют запорожцев из общей массы черкас. Термин «черкасы» применялся в России сначала для обозначения служилых казаков Великого княжества Литовского, приписанных к крайнему литовскому приднепровскому городу — Черкас, сам. Постепенно слово «черкасы» приобрело в России более широкое географическое и социальное содержание, обозначая как служилых, так и неслужилых жителей принадлежавшего Речи Посполитой Приднепровья. В таком значении употребляется оно в 80-х гг. XVI в. в русских документах.

Географические рамки продвижения черкас в юго-восточном направлении в 1585 г. обрисованы в отчете русского гонца И. С. Мясного, возвращавшегося в это время из Крыма. Достигнув в мае 1585 г. рубежей Крымского ханства в районе Молочных Вод (территория современной Запорожской области), гонец обнаружил в этом, прежде незаселенном, месте людей. По его словам, сюда недавно пришли «многие люди черкасы и кочевным людям делают великую тесноту»¹². Для защиты татарских кочевий «от черкас» к Молочным Водам вынужден был даже подойти «на караул» крымский царевич Алп-Гирей с военным отрядом¹³. И. С. Мясной, по всей вероятности, говорит о запорожских казаках; их появление в 1585 г. около татарских кочевий не требует специальных пояснений, поскольку от днепровских островов Хортицы и Токмаковки (центров запорожского казачества) до Молочных Вод — всего каких-нибудь 60—70 км.

На восток, в сторону Поля, формально (после установившейся там московских сторож) — российского, по сути дела, еще ничейного, черкасы в 1585 г. попытались углубиться значительно дальше, чем в направлении Крымского ханства. Летом 1585 г. отряды черкас появились в Придонье.

В разрядных книгах приводится донесение головы Романа Вердеревского от 31 июля о том, «что его громили черкасы на Богатом Затоне»¹⁴. Как можно полагать, Роман Вердеревский был в это время стоялым головой, начальником общероссийской сторожи у Богатого Затона, располагавшейся на левом, восточном, берегу Дона, весьма далеко от официальных границ Речи Посполитой. Отметим также, что находившийся в это время в Азове российский посланник Б. П. Благой проведал о каких-то черкасах у Дона, посланных туда польским королем¹⁵.

Конечно, утверждать с полной определенностью, что нападение отряда черкас на российскую сторожку у Дона в 1585 г. было совершено по заданию польско-литовского правительства, мы не можем. Конкретных документов для такого вывода нет. Планы новой войны Речи Посполитой с Российским государством широко обсуждались в Польше в 1584—1585 гг. Сторонником такой войны был сам король Стефан Баторий, его поддерживал канцлер Ян Замоиский. В связи со смертью Ивана Грозного польско-литовское правительство сочло договор между Речью Посполитой и Россией, заключенный в 1582 г. сроком на 10 лет, утратившим силу¹⁶. С учетом политической ситуации в Польше оценка событий у Богатого Затона как своеобразной польской проверки на прочность русских позиций в Придонуе представляется весьма вероятной.

После сообщения о нападении черкас на российскую сторожку у Богатого Затона в тексте разрядных книг имеются записи о посылке русских войск на Поле во главе с воеводами Фомой Афанасьевичем Бутурлиным и Юрием Матвеевичем Булгаковым. В одной разрядной книге цель отправки войск сформулирована следующим образом: «По государеву указу посланы на Поле черкасы искать воеводы»¹⁷. В другой разрядной книге сообщается, что воеводы были посланы «встречу турецкому чеушу, а с турецким чеушем был государев посланник Борис Благой, и для черкас, чтоб их с Дону сгонить»¹⁸. Ф. А. Бутурлин отправился вдоль Дона «в конной рати», Ю. М. Булгаков — по Дону «в судовой рати». В состав отрядов Бутурлина и Булгакова вошли ратные люди украинских городов, собранные, как уже говорилось выше, «по вестям».

Выдержки из наказов Бутурлину и Булгакову сохранились в архиве среди дипломатических документов, относящихся к посольству Б. П. Благого. В них подчеркивается, что воеводам было приказано «по Дону и по речкам проведывати и ждати из Царягорода нашего посланника Бориса Благого и турецкого посланника до Покрова», на Дону «не зазимовать»¹⁹. Н. А. Смирнов в книге «Россия и Турция в XVI—XVII вв.» справедливо подметил, что для встречи и охраны послов в 1585 г. «вряд ли нужно было отправлять на Дон сразу несколько отрядов, по несколько сот человек каждый». По его мнению, «это были заслоны на случай неожиданного повторения турками астраханской экспедиции»²⁰.

Полагаем, что, говоря о «заслонах», Н. А. Смирнов не

прав. По нашему мнению, главной целью посылки отрядов Ф. А. Бутурлина и Ю. М. Булгакова на Дон было отражение, а при случае — и полный военный разгром черкас, посланных туда польско-литовским правительством. Эту цель разрядные книги подчеркивают достаточно ясно. Повторного же похода турок на Астрахань, по типу похода 1569 г., русское правительство непосредственно в 1585 г., как видно по документам, не опасалось.

Выше уже упоминалось о посылке в низовья Дона отряда Гура Вердеревского. Кстати, это был четвертый по счету русский военный отряд, появившийся в 1585 г. в Среднем Придонье. (Ему предшествовали выступившие из Данкова отряды В. Г. Биркина, Ф. А. Бутурлина и Ю. М. Булгакова.) В архиве сохранился текст грамоты, посланной Гуру Вердеревскому из Москвы 30 сентября 1585 г. В грамоте говорилось, в частности, следующее: «А ты б, Гур, перебрав с собою из атаманов и из казаков и из бортников, которые посланы с вами, лутчих триста человек, и у некоторых запасов больше осталось, на Дону и зимовал выше Роздоров Донецких. И дожидался прямых вестей из Крыма от Саадета-Кирея царя, сел ли он на Крыму»²¹. Не вникая в данный случай в детали русско-крымских отношений, заметим, что в отряде Г. Вердеревского, кроме служилых атаманов и казаков, оказались, как видно из цитированного выше документа, бортники. Этот факт понадобится нам в дальнейшем, при выяснении ряда деталей основания г. Воронежа.

2. Ливны и Воронеж — первые российские города на Поле, история их возникновения

В русле активизации российской политики на Поле, проявившейся с 1585 г., лежит решение боярской думы об основании двух городов — Ливен и Воронежа. Оно было связано и с конкретными событиями в Придонье, описанными в предыдущем параграфе.

Разрядные книги и документы об организации сторожевой службы сообщают имена воевод, получивших задание строить новые города: Ливны поручалось возвести князю Владимиру Васильевичу Кольцову-Мосальскому и Лукьяну Хрушову, Воронеж — Семену Федоровичу Сабурову, Василию Григорьевичу Биркину и Ивану Судаковичу Мясному²². Анализ сохранившихся текстов позволяет прийти к выводу, что строительство обоих городов заранее не планировалось,

что решение об их основании было принято боярской думой в ходе разрешения текущих военно-политических проблем. Специальный предварительный осмотр местности перед основанием Ливен и Воронежа не проводился. Кстати, для Ливен такого предварительного осмотра не требовалось. Место слияния двух небольших речек Ливен, место впадения их в Быструю Сосну были хорошо известны многим служилым людям. Напомним, что в 1575—1576 г. сюда в летнее время выходили русские войска. Что касается выбора места для основания Воронежа, то здесь боярская дума, видимо, рассматривала в первую очередь на В. Г. Биркина, хорошо знавшего берега Дона, только что побывавшего на устье р. Воронежа.

Как уже говорилось выше, весной 1585 г. Биркин был послан во главе военного отряда в низовья Дона для встречи русского и турецкого посланников. В сентябре 1585 г., встретив под Азовом Б. П. Благого и турецкого посланника Ибрагима-чеуша, он поплыл с ними на речных судах вверх по Дону. Сохранившиеся архивные документы дают возможность проследить путь Биркина к Москве, выявить особенности этого пути.

12 октября 1585 г. в Москве на заседании боярской думы были зачитаны грамоты, полученные от Бориса Благого. В тот же день царь Федор Иванович «приговорил з бояры: послати встречу турского посланника Ибрагим-чауша из Рязского на усть Воронежа с подводами и кормом Федора Писарева. А к Борису Благово велел государь отписать, чтоб Борис ехал к государю наперед посланника на подводах. А с турским посланником велел государь ехати Василию Биркину да Федору Писареву»²³. Однако через восемь дней, 20 октября 1585 г., В. Г. Биркину был послан с гонцом новый приказ: ему предписывалось, оставив с турецким дипломатом Ф. Писарева, срочно ехать в Москву, «к нам вместе с Борисом Благим»²⁴.

С какой целью В. Г. Биркин неожиданно и срочно вызывался в Москву? Нам видится только один возможный ответ на этот вопрос: 20 октября было вчерне подготовлено будущее решение боярской думы об основании города поблизости от устья р. Воронежа и об участии В. Г. Биркина (как знатока местности и донских казаков) в строительстве нового города.

Инициатива в подготовке решений боярской думы в начале царствования Федора Ивановича обычно исходила от

одного из братьев Щелкаловых; Андрей и Василий Щелкаловы были в то время думными дьяками, руководили важнейшими московскими приказами. К подготовке постановления об основании Ливен и Воронежа братья Щелкаловы (или один из них), несомненно, приложили свою руку. Весьма вероятно участие в этом деле также видного члена боярской думы, царского дяди, боярина Никиты Романовича Юрьева, продолжавшего в 1585 г. руководить российской сторожевой службой на Поле. В дошедшем до нас фрагменте несохранившегося царского указа об основании Ливен и Воронежа места новых городов топографически связываются с местами общероссийских сторож: первый город надлежало основать «на Сосне, не доезжая Оскола два днища», второй — «на Дону, на Воронеже, не доезжая Богатова Затону два днища»²⁵. Напомним, что на общероссийскую сторожку, находившуюся на Дону, у Богатого Затона, как раз и совершили военное нападение летом 1585 г. черкасы.

Посланник Б. П. Благой приехал в Москву 24 ноября 1585 г.²⁶ Как мы помним, В. Г. Биркину было приказано явиться в Москву вместе с ним.

Отчеты русских послов и гонцов часто рассматривались сразу же после возвращения дипломатов в Москву. В качестве примера приведем хронику рассмотрения отчета И. С. Мясной (как и В. Г. Биркин, он станет будущим строителем Воронежа), вернувшегося летом 1585 г. из Крыма. 2 июля он приехал в Москву²⁷, а 3 июля, как свидетельствует архивный документ, царь Федор Иванович «списка, что дал Иван Судокон сын Мясной, слушал и приказал дьяку Ондрею Щелкалову»²⁸.

Разрядные книги приводят сведения о любопытном местническом споре, возникшем между будущими строителями Воронежа: «И как воеводам государева служба сказана, и бил челом государю царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Руси голова Иван Мясной, что ему меньше Василья Биркина быти немочно». Царь в ответ «велел их в наказе мешати и сперва написать Василья Биркина да Ивана Мяснова, а в другом месте Ивана да Василья, чтоб были в ровенстве»²⁹.

Разрядные книги относят царский указ об основании Воронежа к «7094 году»³⁰, продолжавшемуся, если иметь в виду современное летосчисление, с 1 сентября 1585 по 31 августа 1586 г. В вопросе о времени возникновения Воронежа исследователей (в том числе и автора этой книги) долгое

время смущал документ, сохранившийся в ЦГАДА среди «Приказных дел старых лет», о котором следует сказать подробно. Это — «память дьяку Василью Щелкалову», подготовленная в 1594 г. для принятия дьяком решения по запросу воронежского воеводы И. Кобякова. В памяти-справке, составленной подьячими приказа Большого дворца на основании прежних документов восьмилетней давности, говорилось, в частности, что в «93-м году» бортники рязанского села Ворыщ Д. А. Панин, И. И. Кочапин и И. А. Ларионов «били челом» царю. Бортники жаловались, что «их бортные ухожей и рыбные ловли отписаны к новому городу к Воронежу»³¹. На основании этого документа, без сопоставления его с другими документами, можно было сделать вывод о существовании г. Воронежа «в 93 году».

Анализ аналогичных дел XVI—XVII вв., сохранившихся в ЦГАДА, показывает, что при составлении памятей-справок ошибки подьячих были обычным явлением. Об особенностях недостоверных источников подобного типа автору этой книги довелось однажды говорить довольно обстоятельно³². В данном случае пребывание В. Г. Биркина в низовьях Дона летом и в начале осени 1585 г., зафиксированное документально и вполне определенно, исключает возможность появления царского указа об основании Воронежа «в 93 году» до 31 августа 1585 г. по современному летосчислению.

Попробуем выяснить, какие бортники (люди, занимавшиеся сбором меда диких пчел) могли непосредственно бить челом царю Федору Ивановичу. Надеемся, что читатель не забыл, что некие «бортники» летом 1585 г. (как раз «в 93 году») в составе боевого отряда Гура Вердеревского отправились в низовья Дона для выполнения ответственной царской службы. Эти бортники, как и весь отряд Гура Вердеревского, вернулись с Дона только весной 1586 г., или «в 94 году».

Как свидетельствует царская грамота на имя Гура Вердеревского, всех участников его отряда царь обещал «пожаловать»³³. Если Д. А. Панин, И. И. Кочапин и И. А. Ларионов участвовали в походе в низовья Дона, их челобитная царю не является чем-то чрезвычайным. Заметим попутно, что московские подьячие, пересказывая челобитную бортников, указывают не только их имена и прозвища, но и отчества («Демка Айдаров сын Панин, Игнатко Инютин сын Кочапин, Ивашко Олексеев сын Ларивонова»), по отношению к крестьянам так не делалось. В своей челобитной бортники,

видимо, упоминали о выступлении в поход «в 93 году» и сообщали, что при возвращении они узнали об отписке их бортных угодьев «к новому городу Воронежу». Можно предположить, что московские подьячие, составлявшие через восемь лет после упомянутых в челобитной событий справку-память, поставили в ней первую встреченную в документе дату — «93 год». Важно отметить, что для принятия в 1594 г. В. Я. Щелкаловым решения о бортных угодьях, дата старой челобитной рязанских бортников не имела никакого значения.

К какому примерно месяцу и числу можно отнести решение боярской думы и указ царя Федора Ивановича об основании Ливен и Воронежа? «Вилка» здесь не очень велика. Официальное постановление состоялось после 24 ноября 1585 г. (дата приезда посланника Б. П. Благого и одного из будущих руководителей строительства Воронежа В. Г. Биркина в Москву) и до 1 марта 1586 г. (дата распоряжения боярина Н. Р. Юрьева о снятии общероссийских сторож при устье речки Убли и у Богатого Затона в связи с появлением новых городов). Полагаем, что решение боярской думы об основании Ливен и Воронежа, оформленное в виде царского указа, было принято одновременно с рассмотрением отчета посланника Б. П. Благого, возможно, уже 25 ноября 1585 г. К этому времени приказные дьяки и подьячие вполне успели подготовить необходимые черновые материалы, поскольку вопрос об основании городов в принципе был решен еще 20 октября. (В этот день, как отмечалось выше, был послан срочный вызов в Москву В. Г. Биркину.) Мы не исключаем, естественно, новых архивных находок, которые могут внести уточнение в предлагаемый нами расчет.

Наказ строителям Ливен и Воронежа, упоминаемый в документе о местническом споре между И. С. Мясным и В. Г. Биркиным, не сохранился. Не вполне ясно, какие люди пришли с воеводами на места закладки новых городов, кто возводил деревянные стены и башни Ливен и Воронежа. Применительно к Ливнам это могли быть служилые люди Орла, Мценска, Новосила, применительно к Воронежу — служилые люди Данкова, Рязска, Михайлова.

Принимая решение об основании первых городов на Поле — Ливен и Воронежа, российское правительство, на наш взгляд, преследовало несколько внешнеполитических целей, решало одновременно целый ряд задач. Нам видится несколько внешнеполитических причин возникновения

первых городов на Поле. Несомненна, во-первых, антитатарская направленность этой российской акции. Оба города встали перед украиной, один — непосредственно на дороге татарских вторжений (Ливны), другой — поблизости от татарских степных дорог (Воронеж). Из современников событий лучше других подчеркнул главную цель строительства южнорусских городов французский офицер Жак Маржерет. Он писал в начале XVII в., что русские люди «на татарских равнинах построили много городов и замков, чтобы помешать вторжению татар»³⁴. Другой, более конкретной целью основания двух названных городов была необходимость прочной фиксации придонской части Поля за Россией в связи с появлением там в 1585 г. польско-литовских военных отрядов (черкас). Российское правительство среагировало на появление черкас у Дона в пределах современной Воронежской области быстро и весьма решительно. Третьей целью основания названных городов (особенно — Воронежа) являлось усиление государственного воздействия на вольных, в первую очередь — донских казаков. Необходимость такого воздействия в представлении российского правительства, членов боярской думы, не могла не возникнуть при решении в 1585 г. вопросов, связанных с возвращением в Москву через Азов посланника Б. П. Благого. (В предложенном нами перечне указаны лишь внешнеполитические причины возникновения Ливен и Воронежа. О внутриполитических и экономических причинах появления российских городов на Поле говорилось в начале главы.)

Строительство двух новых городов непосредственно на Поле потребовало и от государства, и от народа немалых усилий. Для укрепления городов, для наполнения их гарнизонами понадобилось время. Следующее решение об основании очередного города на Поле (Ельца) было принято лишь через шесть лет после аналогичных решений о Ливнах и Воронеже.

3. Хроника борьбы России с крымскими татарами и черкасами в 1586—1590 гг.

Появление двух российских городов непосредственно на Поле не привело сразу к переменам в политике Крымского ханства по отношению к России, к изменениям в тактике крымских, ногайских и азовских татар. По-прежнему грабительские набеги на российскую Украину с захватом полона

оставались в представлении татар, несмотря на опасность отпора, весьма выгодным предприятием; такие набеги привлекали и кочевую татарскую аристократию, и массу рядовых татар.

При Ислам-Гирее после короткого перерыва возобновились отправки русских «поминок» (подарков) хану и его приближенным. В 1586 г. поминки отвез в Крым гонец Василий Непейцын, в Москву он вернулся 17 октября 1586 г.³⁵ Ислам-Гирей в нападениях на русские земли лично не участвовал, но татарские царевичи и мурзы организовывали набеги довольно часто. Царю Федору Ивановичу Ислам-Гирей писал, что нападения татар на московские земли проходили будто бы против его воли. Однако в представлении русского правительства появление на Украине самого хана во главе крымских татар считалось вполне возможным. Не исключалась и опасность нового татарского нашествия. Это видно, в частности, по формулировкам разрядных книг. Так, 5 апреля 1586 г. воеводы были посланы с войсками на берег Оки «для приходу крымского царя»³⁶.

Подробности татарских нападений на русские земли в 1586 г. в разрядных книгах не отражены, но косвенные свидетельства о проходе татар через Поле и появлении их на Украине имеются. Воеводой большого полка в войсках на берегу Оки являлся тогда князь Б. К. Черкасский. Подчиненные ему воеводы Николай Плещеев и Иван Бутурлин затеяли местнический спор с Федором Ноготковым, по поводу которого в разрядной книге 1475—1598 гг. сделана следующая запись: «А как пришли на государевы украинны крымские и ногайские люди с тритцать тысяч и больши, и они в те поры местничатца почели мимо государев указ и тем государеву делу и земскому поруху чинят»³⁷. По царскому указу Н. Плещеев и И. Бутурлин были посажены «в тюрьму на день да ночь»: первый — в Серпухове, второй — в Алексине.

По сообщению одной из разрядных книг, в 1586 г. на Поле выходили и стояли там русские ратные люди во главе с головой Михаилом Зыбиным, который разослал «от себя» сторожи³⁸. Место размещения М. Зыбина, к сожалению, не указано. Думаем, что отряд Зыбина заменил в определенной мере ликвидированные к этому времени общероссийские сторожи и располагался южнее ливенских и воронежских сторож.

Летом 1586 г. русское правительство попыталось исполь-

зовать в борьбе с Крымским ханством татарского царевича Мурат-Гирея, за два года до этого перешедшего на сторону России и жившего в Астрахани. Царевич был вызван в Москву, где 21 июня «сел у государя» в присутствии виднейших членов боярской думы: Ф. И. Мстиславского, Б. Ф. Годунова, Ф. Н. Романова-Юрьева³⁹. 18 июля 1586 г. Мурат-Гирей был «отпущен в Астрахань» в сопровождении русских воевод Р. М. Пивова и М. И. Бурцова, ему поручалось идти в Крым, чтобы там «сесть царем»⁴⁰.

Поход Мурат-Гирея в Крым не состоялся, но угроза такого похода существовала в течение нескольких лет, вплоть до неожиданной смерти «царевича» в 1590 г. Как доносил русский посланник И. С. Мясной, побывавший в Крыму в 1587—1588 г., там ходили слухи о том, что царь Федор Иванович дал Мурат-Гирею 30 тысяч воинов и что тот будет воевать «Крымский юрт»⁴¹.

Летом 1587 г. крымские татары нанесли по русской укрепленной станице Семена Безобразова, татарское войско вошло в пределы современного Центрального Черноземья по Кальмиусской дороге, восточнее р. Оскола⁴². Затем татары перешли на Муравскую дорогу. Русские воины поджидали татар у Тулы, но те неожиданно отвернули к западу и обрушили удар на г. Крапивну. По свидетельству разрядной книги 1475—1605 гг., в татарском войске находились «два царевича». Как видно из донесения уже упомянутого посланника И. С. Мясного, это были Алп-Гирей и Соломат-Гирей⁴³. Они подошли к Крапивне «месяца июня в 30 день войной и острог взяли, а было с ними людей сорок тысяч. И тогда татаровя Крапивну сожгли»⁴⁴.

Отразить это нападение русскому правительству не удалось. Против татар был послан воевода Иван Васильевич Годунов с большим войском. Кроме московских дворян и детей боярских у И. В. Годунова было пять тысяч конных стрельцов с огнестрельным оружием («да вогненного бою стрельцов на конех 5000») ⁴⁵. За Тулой с ним «сошлись» служилые люди из городов Украины. И. В. Годунов почему-то активности не проявил и придерживался оборонительной тактики. Русское войско простояло неделю на речке Шиворони, к югу от Тулы, после чего московские воины вернулись назад.

В конце 80-х гг. XVI в. для обороны страны с юга от возможного татарского нашествия русские войска в летнее вре-

мя стали располагаться как бы в три линии. Рассмотрим такую эшелонированную систему обороны, сложившуюся после основания Ливен и Воронежа, применительно к 1588 г.

Ближайшую к Москве линию обороны составляли войска дворянской конницы, собранные из центральных уездов страны и традиционно выстраивавшиеся «на берегу», вдоль Оки. Это был так называемый «большой разряд». В 1588 г. войска разделялись, как обычно, на пять полков. Большой полк стоял в Серпухове, полк правой руки — в Алексине, передовой полк — в Калуге, сторожевой полк — в Коломне, полк левой руки — в Кашире. Первым воеводой большого полка был боярин Ф. И. Мстиславский. Артиллерия располагалась вместе с большим полком в Серпухове.

Южнее находилась линия обороны, составленная служилыми людьми 12 городов украины, собравшимися «в сход» в три полка: большой, передовой и сторожевой. (Эти полки иногда называются в документах «украинным разрядом», иногда такое наименование не употребляется.) Большой полк украинного разряда в 1588 г. под начальством тульских городских воевод Т. Р. Трубецкого и Д. И. Хворостинина располагался в Туле, в него входили служилые люди Тулы, Орла, Новосила, Белева, Переяславля-Рязанского и Михайлова. Поблизости, в Дедилове, находился передовой полк, в 1588 г. им командовали А. И. Голицын и М. С. Туренин, назначенные перед этим городскими воеводами в Дедилов. Кроме жителей Дедилова в этот полк входили служилые люди Болхова и Пронска, прибывшие в Дедилов со своими воеводами. Сторожевой полк ратных людей украины стоял в Одоеве, им командовали одоевские городские воеводы Ф. А. Ноготков и И. П. Ромодановский. В этот полк входили служилые люди Одоева, Мценска и Рязьска⁴⁶.

Полагаем, что в полках дворянской конницы на Оке было по две-три тысячи воинов, в полках на украине по одной-полторы тысячи человек. Делая этот ориентировочный подсчет, мы учли лишь дворян и детей боярских, многие из которых, однако, выходили в 1588 г. к Оке и в города украины не только «конны и оружны», но и «людны». Количество приведенных дворянами «людей» превышало общее число дворян, как уже говорилось выше, примерно в два раза.

Англичанин Д. Флетчер, посетивший в это время Россию, писал, что «на крымскую границу» и при войне и без войны ежегодно отправляется русское войско, насчитывающее при-

мерно 65 тысяч конных воинов. В это число он включал как дворян и детей боярских, так и приводимых ими с собою слуг, боевых холопов («многие выставляют от себя всадников») ⁴⁷. Расчет Д. Флетчера, на наш взгляд, вполне применим к рассмотренной нами дислокации русских военных сил на берегу Оки и на Украине в 1588 г. Нетрудно заметить, что пять русских полков на Оке и три полка в центральной части Украины закрывали татарам лишь прямой путь к Москве, но практически не мешали им спокойно проходить через Поле, совершать нападение на западную и восточную части Украины.

Боевая расстановка русских войск на юге в 1588 г. не оставляет сомнений в том, что в обстановке продолжавшейся централизации государственной власти московское правительство обращало основное внимание на оборону столицы и подмосковных земель. Обороне Украины, а тем более — Поля, где уже появились русские города, уделялось несравненно меньше внимания.

Как же обстояли военные дела здесь, в пределах современного Центрального Черноземья, на прилегающих к ним частях Поля?

Служилые люди из Ливен, Воронежа и Данкова в 1588 г. «в сход» в полки украинного разряда (в Тулу, Дедилов и Одоев) не вызывались. Отметим, что Ливны и Воронеж во время их основания считались «городами на Поле». Позже такая географическая формулировка применительно к этим городам вновь получит признание, но в 1588 г. Ливны и Воронеж записаны в разрядных книгах вместе с городами Украины как «города от Поля» ⁴⁸.

Гарнизоны Ливен и Воронежа сами по себе еще не могли составить линию обороны на путях татарских набегов. Воронеж вообще находился в стороне от татарских степных дорог; Ливны перекрывали лишь одну из прежних татарских переправ через Быструю Сосну. Но Ливны и Воронеж, начиная с 1586 г., со времени ликвидации общероссийских сторож на Поле, несли наряду с Данковым основные обязанности по организации сторожевой службы в Придонье. Имея в виду не только наличие на Поле русских городов, но и расположение ливенских, данковских и воронежских сторож, можно говорить о существовании третьей (считая от Москвы) передовой линии российской обороны на юге, в пределах современного Центрального Черноземья. Весной 1588 г. для ее укрепления из Данкова на Поле был послан

конный отряд («конная рать») во главе с воеводами М. Салтыковым и А. Измайловым, включавший кроме русских ратных людей также служилых татар⁴⁹. Была подготовлена и флотилия речных судов в Данкове, которую вниз по Дону должны были направить воеводы В. Г. Биркин и И. Язвцов; эта «судовая посылка», однако, не состоялась.

В 1589 г. произошло заметное ухудшение русско-польских отношений. В Речи Посполитой в это время вновь возобладала группировка польских феодалов, стремящаяся к войне с Россией⁵⁰. Польско-литовские отряды провели в 1589—1590 гг. несколько военных антироссийских акций, в том числе и в пределах современного Центрального Черноземья. «От литовских же людей в перемирное время во 97-м году [весной и летом 1589 г. — В. З.] такие задоры и кроворозлитие учинилось, чево николи в перемирные лета не бывало», — говорится в одном из дипломатических документов⁵¹. Нападению черкас подверглись, в частности, села русских дворцовых крестьян в южной части Брянского уезда, по современному административному делу — это стык Брянской и Курской областей.

В апреле 1590 г. черкасы нанесли удар по одному из новых российских городов на Поле — Воронежу. Сведения о нападении польско-литовского отряда на Воронеж сохранились в так называемом «Списке обидным делам», составленном позже, при отправлении в Польшу российского посла Афанасия Рязанова. В состав отряда входили черкасы из приднепровских городов Речи Посполитой — Канева, Черкасс и Переяславля⁵². Руководителями отряда названы атаман Денис Селепский⁵³, Баран и Гусак, действовавшие весьма коварно.

Приведенный в документе текст сообщает о настоящей трагедии Воронежа. Черкасы «прислали с Поля, что они пришли к Воронежу на Дон для крымских и азовских людей и хотят с государевы людьми над татары промышлять. И воеводы государевы послали к ним корм и тех, которые от них приехали, поили и кормили, и заночевали в остроге, а почали от них правды, что с государем коруна Польская и великое княжество Литовское в перемирье. И черкасы пришли ночью ж, и тот город сожгли, и государева воеводу убили, и людей многих побили, а иных сожгли, и иных живых поимали»⁵⁴.

Воронежу с большим трудом удалось оправиться от польско-литовского удара. Уцелевшие жители города и уез-

да построили затем в Воронеже новую деревянную крепость. (Полагаем, что первая крепость, сожженная черкасами в 1590 г., занимала место от Ильинской церкви до обрыва, в том числе восточную часть современной улицы Шевченко в Воронеже.)

Что касается российско-крымских отношений в 1589—1590 гг., то они были относительно мирными. Поняв, что во главе Российского государства фактически стоит Борис Годунов, крымский хан Казы-Гирей, пришедший к власти в 1588 г., направил ему несколько личных писем, адресованных «везирию Борису»⁵⁵. Хан сообщал о походах татар «на недруга нашего, на литовского короля», требовал денег. Казы-Гирей даже выдвинул идею постройки татарами крепости на Днепре, «на Кошкине перевозе», при этом всю стоимость строительства должен был бы оплатить Борис Годунов. Правитель России отвечал сдержанно и неопределенно.

Заканчивая обзор борьбы Российского государства в пределах Поля с Крымским ханством и Речью Посполитой в 1586—1590 гг., отметим один позитивный момент общего характера. Правительство царя Федора Ивановича, возглавляемое боярином Борисом Годуновым, в эти годы действовало весьма активно в Поволжье, где возникло несколько новых городов. Из них ближайшим к Дону был Царицын, основанный в 1589 г. «на Волге, у Переволоки»⁵⁶. Сам факт появления этого города к юго-востоку от территории современного Центрального Черноземья заметно улучшал военное положение новых городов на Поле — Ливен и Воронежа. Попутно появление российской крепости у волго-донской «переволки» практически сняло угрозу повторения турецкого похода на Астрахань, о возможности которого иногда вспоминали в Москве⁵⁷.

4. Нашествие хана Казы-Гирея на Россию в 1591 г.

В 1591 г. произошло последнее в шестнадцатом столетии нашествие крымских татар на Москву. Оно не явилось неожиданным для России, для правителя страны Бориса Годунова. Этот факт четко отражен в формулировках разрядных книг. Годом раньше (в 1590 г.), когда хана Казы-Гирея на российской Украине не ждали, «большим воеводам» предписано было выходить к Оке лишь «по вестям»⁵⁸. Поскольку «татарских вестей» тогда не случилось, «были на берегу

другие воеводы», рангом ниже. Весной 1591 г. (конкретно 20 марта) назначение бояр и воевод в полки состоялось без всяких условий, войска посылались к Оке и в города украины для защиты страны именно «от крымского царя»⁵⁹.

Дворянскую конницу «на берегу» возглавил в 1591 г. один из руководителей боярской думы князь Федор Иванович Мстиславский, войска на украине — князь Михаил Петрович Катырев-Ростовский. Расположение войск в 1591 г. почти полностью повторяет их расстановку 1588 г., подробно проанализированную нами в предыдущем параграфе. Полки дворянской конницы стали в Серпухове (большой полк), Алексине (полк правой руки), Калуге (передовой полк), Коломне (сторожевой полк) и Кашире (полк левой руки). Большой передовой и сторожевой полки «украинного разряда» расположились в Туле, Дедилове и Крапивне. Как мы видим, разница по сравнению с расстановкой русских войск в 1588 г. заключалась только в размещении сторожевого полка украины: в 1588 г. он стоял в Одоеве, в 1591 г. — в Крапивне⁶⁰. Казы-Гирей выступил из Бахчисарая в поход против России 10 мая 1591 г. Эту дату приводит в своем более позднем отчете русский гонец Иван Бибилов, находившийся тогда в Крыму⁶¹. Несколько недель понадобилось Казы-Гирею для соединения с ногайскими татарами, которые приняли активное участие в нашествии. Кроме конных воинов, в походе Казы-Гирея участвовали артиллерия и вооруженные огнестрельным оружием турецкие янычары: с ханом «был наряд и янычане с вогненным боем»⁶².

В Москве первое точное известие о походе крымского хана было получено 10 июня; в этот день прискакал в Москву из Путивля «сторожевая голова» Сергей Антыков от путивльского воеводы Василия Вельяминова. Путивльская сторожевая служба сработала четко и своевременно. С. Антыков сообщил, «что крымский царь Казы-Гирей идет на государевы украины Муравским шляхом, а с ним по смете людей с полтораста тысяч и больше»⁶³.

Учитывая роль боярина Бориса Федоровича Годунова в Российском государстве в то время, полагаем, что принятые летом 1591 г. в Москве от имени царя Федора Ивановича решения об организации отпора татарам реально исходили от Бориса Годунова. На первых порах от имени царя было предписано «украинным воеводам князю Михаилу Катыреву с товарищи изо всех украинских городов, устроив в городех осады, со всеми людьми итти на берег в сход к бояром и вое-

водам ко князь Федору Ивановичу Мстиславскому»⁶⁴. Основные русские военные силы по этому приказу стягивались к Оке, но в Москве не исключалась и возможность вражеской осады отдельных городов украины. Гонцы из Москвы поскакали в Серпухов, в Тулу и в другие южнорусские города с напоминанием об этом.

Следующее донесение было получено из Ливен, от ливенских воевод И. М. Бутурлина и А. Д. Звенигородского. Они писали о появлении в Ливнах татарина-перебежчика, сообщившего им о планах Казы-Гирея. Крымский хан, по словам перебежчика, ведет с собой войско в сто тысяч человек; он хочет «кош свой метать в Семицких Котлубанях», а оттуда идти прямо к Москве. Очень важным было и такое сообщение перебежчика, переданное ливенскими воеводами: «А войны де ему до Москвы не ропустить нигде»⁶⁵.

Татарское войско пересекало территорию Центрального Черноземья на этот раз классическим путем — старинной Муравской дорогой. Упомянутое в документе ливенских воевод урочище Семицкие Котлубаны, где Казы-Гирей намеревался оставить обоз, находится на Муравской дороге, в северной части современной Белгородской области. Реку Быструю Сосну татары форсировали восточнее Ливен, новая русская крепость Ливны татарам не помешала.

29 июня 1591 г. сообщение перебежчика о том, что Казы-Гирей не собирается распускать татар для грабежа украины, подтвердилось. В Москву из Тулы примчался начальник тульской станицы («тульская станичная голова») Алексей Сухотин. Он доложил, что крымский хан «идет к берегу на прямое дело со многими людьми»⁶⁶. По следам на земле и по огням в ночное время А. Сухотин определил примерное число татар в «полтора ста тысяч и больше»⁶⁷.

Донесение Алексея Сухотина потребовало быстрых и решительных действий со стороны русского правительства. Татары были уже у Оки. Кстати, ни один документ не упоминает о существовании лесных засек в районе Тулы в 1591 г. К этому вопросу мы еще вернемся, а сейчас лишь отметим, что огромная татарская орда прошла мимо Тулы без задержки.

Разрядные книги 1475—1598 гг. и 1475—1605 гг., дополняя друг друга, обстоятельно описывают военные события под Москвой, случившиеся после 29 июня 1591 г. и приведшие к разгрому огромной армии Казы-Гирея. Мы считаем свидетельства разрядных книг по данному вопросу в целом

достоверными и риском дополнить их лишь небольшими предположениями. В то же время Пискаревский летописец как источник для выяснения канвы событий лета 1591 г. представляется нам, в отличие от Р. Г. Скрынникова, совершенно некорректным⁶⁸. Во-первых, из-за его явной «антигодуновской» тенденциозности, во-вторых, что не менее важно, из-за его хронологической и фактической неряшливости. Хронологические ошибки в нем велики. Сам поход крымского хана к Москве в Пискаревском летописце ошибочно датируется «7102-м годом»⁶⁹; это, как известно, соответствует 1593/94 г. по современному счету лет.

Как сообщает разрядная книга 1475—1598 гг., царь Федор Иванович, получив донесение станичного головы А. Сухотина («по тем вестям»), поручил выступить на защиту Москвы «конюшему и боярину и дворовому воеводе Борису Федоровичу Годунову»⁷⁰. Не думаем, что важное решение по этому вопросу принял лично царь. В подобной ситуации во главе войск должен был стать фактический руководитель государства. Скорее всего Борис Годунов понял это, взял ответственность на себя и оформил свое назначение царским указом. В распоряжение Бориса Годунова передавались все наличные в Москве войска, вся артиллерия. Действуя формально по царскому указу, а фактически, полагаем, по намеченному им самим плану, Борис Годунов должен был «обоз поставить за Москвою за рекою, за Деревянным городом промеж Серпуховские и Калужские дороги и наряд в обозе поставить, и запасы и пушкарей к наряду росписать»; сделав все это, — «стоять и битца из обозу против крымского царя Казы-Гирея»⁷¹. Напомним, что упомянутый в документе «наряд» — это артиллерия, пушки. Важная роль в защите Москвы и отражении крымского хана отводилась, как мы видим, артиллерии, превосходство в которой над врагом у России было огромным.

Одновременно с решением о создании укрепленного, наполненного пушками лагеря под Москвой, от имени царя было принято второе ответственное военное постановление: все находившиеся под начальством князя Ф. И. Мстиславского русские войска у Оки немедленно отзывались к Москве. Эти войска включали в себя, как мы знаем, не только дворянскую конницу, вышедшую «на берег» еще весной, но и три полка служилых людей украины, перешедших под командование Ф. И. Мстиславского после получения известий о походе крымского хана на Москву.

Царь Федор Иванович и правитель Борис Годунов решили, таким образом, не растягивать русскую армию вдоль Оки, а свести все наличные силы в единый кулак, дать врагу решающее сражение под Москвой. Полагаем, что в чисто военном аспекте, с учетом большой численности войск Казы-Гирея, такое решение было правильным. Этим маневром русская армия под Москвой, как минимум, сравнивалась по численности с татарской. Русская армия могла подготовиться к обороне; имея превосходство в артиллерии, могла удобно расставить пушки. Конечно, отзывая дворянскую конницу с берегов Оки, Борис Годунов понимал, что ему придется столкнуться с княжеским гонором Ф. И. Мстиславского, утрачивавшего под Москвой роль единого командующего, переходившего в армии как бы на второе место. (Ф. И. Мстиславский, действительно, после разгрома татар затеял с Б. Ф. Годуновым спор.) Целеустремленный Борис Годунов преодолел и такое «препятствие».

1 июля 1591 г. русская армия с берегов Оки перешла к Москве и расположилась «на лугах» у с. Коломенского. Небольшой заслон под командой князя В. Бахтеярова-Ростовского был оставлен у р. Пахры. К этому времени под руководством Бориса Годунова был создан укрепленный лагерь непосредственно у Москвы, недалеко от Данилова монастыря, между Серпуховской и Калужской дорогами.

Нельзя не отметить большую личную активность обычно тихого царя Федора Ивановича в первые июльские дни 1591 г. Сразу же после прибытия полков дворянской конницы к Москве Федор Иванович вызвал первых воевод всех пяти полков: Ф. И. Мстиславского, Н. Р. Трубецкого, Т. Р. Трубецкого, Б. К. Черкасского и В. К. Черкасского. Царь велел им быть 2 июля «у себя». В этот день Федор Иванович указал всем воеводам передвинуться от с. Коломенского «к обозу на речку на Котел». В этот же день царь «ездил смотреть полков, которые пришли з берегу, и обозу и наряду»⁷². Он поручил Борису Годунову (видимо, к неудовольствию Ф. И. Мстиславского и других воевод) расположить новые войска около своего укрепленного лагеря. В распоряжении от 3 июля царь обращается к Ф. И. Мстиславскому и Б. Ф. Годунову, оба признавались как бы равными по рангу воеводами.

В то время как русские войска готовились к решающему сражению под Москвой, хан Казы-Гирей действовал шаблонно, по намеченному заранее плану. 2 июля татары бес-

препятственно переправились через Оку, «пониже Серпухова». По свидетельству разрядной книги 1475—1605 гг. известие об этом доставил в Москву перед рассветом 3 июля начальник русского боевого отряда Степан Колтовский, оставшийся до последнего момента у Оки. Он подтвердил неизменность планов Казы-Гирея: «Идет крымский царь прямо к Москве, а войны от себя нигде не роспустил»⁷³.

Путь, избранный Казы-Гиреем в 1591 г., свидетельствует, на наш взгляд, об отсутствии у этого крымского хана военных способностей и талантов. Как мы видели, его предшественники на крымском троне, особенно Девлет-Гирей, действовали во время походов на Русь умнее и хитрее, нередко в связи с изменениями военной и политической обстановки меняли свои планы. Казы-Гирея не смутила легкость переправы через Оку, фактическое отсутствие на Оке русских войск. Он мог подвергнуть разгрому русские земли к югу и к северу от Оки. Он не сделал этого, он шел прямо в подготовленную для него Борисом Годуновым и другими русскими воеводами ловушку.

3 июля татары «збили» у р. Пахры русский заслон. В воскресенье 4 июля «на третьем часу дни» (примерно в 7 часов утра по современным часам) Казы-Гирей подошел к Москве по серпуховской дороге «и к обозу приступал со всеми людьми»⁷⁴.

Бой продолжался «с утра до вечера». Русские полки бились с подошедшими татарами главным образом около своего укрепленного лагеря, поблизости от Данилова монастыря. Татары появились и у с. Воробьева (современные Ленинские Горы), но изгибы р. Москвы не дали возможности осуществить им типичный для татарской тактики маневр обхода и окружения противника. Большой урон татарам нанесли стрелявшие непрерывно русские пушки, они, несомненно, действовали на психику степных кочевников. По сообщению разрядной книги, хан Казы-Гирей, наблюдая за ходом боя, «стоял на Котле в оврагах в крепости»⁷⁵. С наступлением темноты татары отошли к с. Коломенскому и стали «на лугах по обе стороны Москвы-реки»⁷⁶.

Первый день сражения закончился благоприятно для русских. Татарский натиск был отбит. А наступившая ночь принесла русской армии решающую победу.

События ночи с 4 на 5 июля 1591 г. не вполне ясны. Разрядные книги говорят о ночном ответном наступлении русских войск «со всеми людьми и с нарядом», возглавлен-

ном Ф. И. Мстиславским и Б. Ф. Годуновым⁷⁷. Русские войска, подойдя ночью к татарским станам, будто бы «учали из наряду стрелять». Ночная стрельба, угроза полного разгрома перепугали Казы-Гирея; тот начал поспешное отступление, побежал «той же сакмою к Серпухову» и утром 6 июля был уже за Окой⁷⁸. Пискаревский летописец, которому, как уже отмечалось выше, нельзя во многом доверять, сообщает о случайно начавшейся ночной артиллерийской стрельбе в русском лагере, которая перепугала Казы-Гирея, и тот поэтому бежал от Москвы⁷⁹.

Полагаем, что события, разыгравшиеся в ночь на 5 июля в татарском лагере, не являются случайными. Победа России над Казы-Гиреем была подготовлена умелыми действиями Бориса Годунова, других руководителей Российского государства и армии, стойкостью русских воинов, сражавшихся с татарами весь день 4 июля у стен Москвы, превосходством русской артиллерии.

Отступление Казы-Гирея от Москвы еще, однако, не исключало «ропуска» им татар для грабежа и захвата пленных в пределах российской уkraine. Ф. И. Мстиславский и Б. Ф. Годунов преследовали татар только до Оки, далее к югу преследование продолжали отдельные отряды дворян и детей боярских. Голова Третьяк Вельяминов и воины его отряда «многих крымских людей побили» между Тулой и Дедиловом, воевода Иван Полев и голова Василий Биркин — «меж Михайлова и Пронска»⁸⁰.

16 июля была намечена посылка в погоню за татарами трех полков из Данкова на Поле, эта посылка, однако, задержалась и, как можно полагать, не состоялась.

Казы-Гирей вернулся в Бахчисарай 2 августа 1591 г. с подвязанной рукой «в ночи, в телеге». Как сообщал затем в своем отчете уже упоминавшийся русский гонец Иван Бибииков, назад в Крым вернулась лишь треть ушедших в поход татар, «а полону привели немного»⁸¹.

Поход Казы-Гирея к Москве был справедливо оценен в Крыму и Ногайской орде как крупная военная неудача. По словам убежавших из ногайского плена русских людей — лихвинца Андрея Еремина и крапивенца Марка Иванова — ногайские татары открыто говорили о необходимости замены крымского хана, потому что он «промышлять не умел, только многих людей потерял и рать всю погубил»⁸². Казы-Гирею, однако, удалось сохранить за собой крымский трон.

5. События 1592—1597 гг., возникновение в пределах Центрального Черноземья четырёх новых городов

При отражении нашествия хана Казы-Гирея новые российские города, возникшие незадолго до этого на Поле, не сыграли, как мы видели, никакой реальной роли. Мы имеем в виду в данном случае Ливны и Воронеж. Татары в 1591 г. прошли к Москве между ними, оставив Ливны слева, а Воронеж — справа, за Доном. Некоторым препятствием для татар могла стать в будущем в пределах современного Центрального Черноземья р. Быстрая Сосна, текущая в общем направлении с запада на восток. На ней имелось пока лишь единственное российское постоянное укрепление — г. Ливны.

Берега Быстрой Сосны были хорошо известны жителям южнорусских городов и уездов. На этой реке уже два десятка лет регулярно стояли в летнее время российские сторожи. Здесь, восточнее Ливен, находились старые городища — руины разоренных и уничтоженных татарами древнерусских городов. Среди них выделялось при впадении речки Ельца в Быструю Сосну Елецкое городище — место древнего г. Ельца, погибшего в первой половине XV в. Как топографические ориентиры в документах упоминаются также Воргольское, Поженское и Воронежское городища⁸³. Выбор российским правительством Елецкого городища в качестве места для устройства очередного города на Поле был явлением естественным и понятным. Летом 1591 г. татары Казы-Гирея поблизости от Елецкого городища форсировали Быструю Сосну. Новый город русское правительство решило построить таким образом, чтобы татары в будущем не могли повторить прежний маршрут. Нам представляется, что Елец возник как своеобразный ответ России на конкретное татарское нападение, осуществленное перед этим. Так бывало уже не раз: вспомним, в частности, возобновление г. Новосили в 1563 г. и основание г. Орла в 1566 г. (О возникновении этих городов говорилось в главе III.)

Царский указ об основании Ельца (как и указы об основании Ливен и Воронежа) до нас не дошел. Он был принят, видимо, в начале 1592 г. Устройство нового города поручалось воеводам князю Андрею Дмитриевичу Звенигородскому и Ивану Никитичу Мясному. В помощь воеводам выделялись дети боярские из Тулы и Рязани; их должно было прибыть 150 человек, фактически пришло 90 человек⁸⁴. Ос-

новые строительные работы вели новые жители города и уезда, принятые воеводами на службу. Летом 1592 г. воеводы верстали земельным и денежным жалованьем в Ельце новых детей боярских — 164 человека, пришедших «из розных городов»⁸⁵. Это были неслужившие прежде родственники детей боярских, в основном молодые люди: «от отцов — дети, от братья — братья, от дядь — племянники». В течение года воеводам удалось «прибрать» на службу в Елец казаков, стрельцов, пушкарей, затинщиков, плотников, кузнеца; в феврале 1593 г. таких приборных служилых людей в Ельце оказалось 844 человека⁸⁶. Как свидетельствуют документы, опубликованные Г. Н. Анпиловым, среди них было немало бывших крепостных крестьян⁸⁷.

Кроме вольного набора при комплектовании елецкого гарнизона был использован и метод принудительного переселения служилых людей, но в небольших размерах. Воеводе г. Ливны И. М. Бутурлину предписано было прислать в Елец «на житье» 60 ливенских казаков — «лутчих, прожиточных и семьянистых». Этот метод вызвал резкое недовольство «ливенских сведенцев», совсем незадолго до этого обосновавшихся в Ливнах. Многие из них «с Ельца збежали»⁸⁸.

Несмотря на трудности заселения Ельца, возникновение этого города явилось важным событием в истории закрепления территории Поля за Россией. До возобновления Ельца в географических пределах современного Центрального Черноземья было лишь три российских города: Рыльск, Данков и Воронеж. В 1592 г. их стало четыре.

Сразу же после основания Ельца стал складываться и Елецкий уезд. Контуры Елецкого уезда географически обрисованы в «Отдельной книге 1593—1594 гг.», изданной Г. Н. Анпиловым⁸⁹. Указанные в этом документе поместья елецких детей боярских располагались не только у города, но и в 30—40 километрах от него.

Летом 1592 г. были выставлены первые елецкие сторожи, выехали для наблюдения за татарами елецкие станицы. «Роспись» елецких сторож была получена в Москве 29 июля 1592 г.⁹⁰, Елец поставил в первый год своей новой жизни 9 сторож.

По времени с основанием Ельца совпало неприятное для России нападение отряда крымских татар на восточную часть российской украины. Весной 1592 г. крымские «царевичи» Фети-Гирей и Бахты-Гирей «ходили войною на государеву Украину и многие места повоевали». В Крыму русскому гон-

цу Миханлу Протопопову позже татары «сказывали», что они прошли к украине, «оплоша» российского государя⁹¹. «Оплошала», видимо, в первую очередь сторожевая служба, прозевавшая проход татар к верховьям Дона, к Епифанскому уезду. В «Новом летописце» сообщается, что татары приходили «безвестно на рязанские и на коширские и на тульские места», сожгли там села и деревни, увели в полон русских людей «многое множество»⁹².

Запись в разрядной книге 1475—1598 гг. говорит о том, что русское правительство, используя один из новых городов, попыталось исправить упущение и перехватить уходивших с полоном татар. 18 мая 1592 г. «государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси велел посылати на Поля за крымскими царевичи с Ливны воеводу Ивана Бутурлина да Ортемья Колтовского, да голову Афанасья Зиновьева»⁹³. Неизвестно, состоялась ли погоня русских воинов из Ливен за татарами. Если она и состоялась, то к успеху не привела. Из донесений гонца М. Протопопова видно, что татары пригнали в Крым весь захваченный русский полон и расценивали весенний грабительский набег в 1592 г. как весьма удачный.

После нападения на российскую Украину весной 1592 г. крымские татары на несколько лет прекратили грабительские набеги на русские земли. У Крымского ханства возникли проблемы в отношениях с западными соседями. Как явствует из донесения русского гонца Михаила Протопопова, осенью 1592 г. «крымские улусы» подверглись нападению черкас (видимо, запорожских казаков). Черкасы «взяли крымского полону» три тысячи человек, многих татар «побили»⁹⁴.

Российское правительство, возглавляемое боярином Борисом Годуновым, стремясь к миру на южной украине, проявило в 1593—1595 гг. большую дипломатическую активность в отношениях с Крымским ханством и Турцией. Весной 1593 г. в Крым прибыл русский посланник Семен Безобразов, заявивший о принципиальном согласии России на посылку хану и его приближенным «поминок». (С. Безобразов ехал через Ливны, отсюда — к верховьям Северского Донца.)⁹⁵ Осенью 1593 г. в Ливнах проходили переговоры о мире между Российским государством и Крымским ханством; со стороны России их вели видные политические деятели конца XVI в. — боярин Дмитрий Хворостинин и оружничий Богдан Бельский⁹⁶. Для заключения «вечного мира» в Крым выезжало русское посольство в составе князя Мерку-

рия Щербатова, дьяка Афанасия Демьянова, в начале 1594 г. оно передало крымскому хану, царевичам, мурзам «поминки» и деньги. После получения русских «поминок» Қазы-Гирей совершил поход в Венгрию, уведя туда значительную часть татарских боевых сил⁹⁷.

Вслед за Григорием Нащокиным, посетившим Турцию в 1592—1593 гг., в Константинополь 28 июля 1594 г. отправился новый русский посланник Данила Ислентьев. Вместе с ним из Москвы возвращался турецкий посланник Резван. Дипломаты проследовали через Воронеж, где для них и для по-сольской охраны были построены речные суда⁹⁸.

Несмотря на затишье в набегах крымских татар, говорить о полном прекращении татарских нападений в 1593—1595 гг. на российскую Украину и на новые русские города, появившиеся на Поле, нельзя. Нападения в это время совершали азовские татары, во главе отрядов стояли «аги» Досмагмет, Качкар и Баибол. Отражая одно из нападений, русские служилые люди убили Качкар-агу. В грамоте, посланной летом 1594 г. из Москвы турецкому султану с посланником Д. Ислентьевым, говорилось, что после приезда в Москву турецкого посланника Резвана (с осени 1593 г.) азовские татары «приходили на наши украинны четьыржи»⁹⁹.

Но все же на Украину нападали, по выражению разрядных книг, «невеликие люди». Поскольку в крымских нападениях с 1593 г. наступило явное затишье, русское правительство использовало его для укрепления Украины и устройства новых городов непосредственно на Поле. Разрядные книги сообщают о ремонте в 1593—1594 гг. крепостной стены в Туле, о перестройке деревянных стен в Дедилове, Данкове, Елифани, Веневе¹⁰⁰. С 1594 г. упоминается «новый город Кромы»¹⁰¹, возникший к юго-западу от Орла, в пределах современной Орловской области. В 1594—1595 гг. к Оке «большие воеводы» не выходили; численность войск здесь была сокращена, стояли «другие», меньшие воеводы¹⁰².

К этому времени (ориентировочно к 1595 г.) относится составление «Росписи польским дорогам», сохранившейся в архиве и опубликованной Д. И. Багалеем¹⁰³. В «росписи» наряду с описанием татарских дорог рассматривается вопрос о возможности основания двух русских городов: в верховьях р. Ворсклы, у Карпова сторожевья, а также на Чугуеве-городище, у Северского Донца. Автором документа Чугуево-городище как возможное место будущего города было подвергнуто резкой критике: «около Чюгуева городища

по обе стороны Донца земля худа и травы нет, пришли все боры и пески»¹⁰⁴. Есть все основания полагать, что «республика» была составлена специальной русской экспедицией, выезжавшей в Поле.

Новая экспедиция с целью поисков мест для устройства русских городов выехала на Поле в июне 1596 г. В ее состав входили головы И. Лодыженский, Т. Якушкин и подьячий Н. Спиридонов; названных лиц, несомненно, сопровождал отряд служилых людей.

По отчету экспедиции боярской думой было принято важное решение об основании трех городов: Белгорода, Оскола и Курска. В разрядной книге 1475—1598 гг. по этому поводу сделана подробная запись. Она является весьма ценным для темы нашего исследования документом, дадим ее полностью:

«Да того же лета июня в 16 день государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии посылал на Поле на Донец на Северской Чугуева городища и иных городовых мест по Донцу и по иным рекам смотреть, где государю города поставить, голов Ивана Лодыженского да Третьяка Якушкина, да подьячево Никифора Спиридонова. И, приехав с Поля, головы Иван Лодыженской да Третьяк Якушкин, да подьячий Никифор Спиридонов сказали государю царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Русии, что они наехали место на Поле на Донце на Северском, словес Белогородье, и то место крепко, гора велика, и леса пришли великие и земля добра, мочно быть на том месте городу. А в другом месте нашли на Поле на реке на Осколе усть Оскольца место крепко и угодно, мочно на том месте городу быть, а Чюгуево городище сказали некрепко и негодно.

И государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии указал поставить на Поле новых три города: на Донце на Северском на Белогородье город да на Осколе усть Оскольца другой город, да на Семи на старом на Курском городище третей город. И на Донец на Северской на Белогородье послан города ставить воеводы князь Михайло Ноздроватой да князь Андрей Волконской, да подьячий Микифор Спиридонов. А на Оскол посланы города ставить воевода князь Иван Солнцов да голова Иван Мясной, да подьячий Михайло Нечаев. На Семь на Курское городище посланы города ставить воевода Иван Полев да голова Нелюб Огарев, да подьячий Яков Окатьев.

И по государеву цареву и великого князя Федора Ива-

новица всеа Русии указу те воеводы и головы поставили на Поле три города: на Донце на Северском Белгород да на Осколе Оскольской город, да на Семи город Куреск тое же осени»¹⁰⁵.

Фактическая достоверность приведенной разрядной записи в части хронологии, на наш взгляд, не вызывает сомнений. Даты возникновения трех новых городов на Поле указаны в данном документе достаточно определенно. Кстати, осень 1596 г. как время постройки Белгорода, Оскола и Курска косвенно подтверждается и другими источниками. В частности, сохранившиеся в ЦГАДА материалы об отправке в Крым в апреле 1596 г. русского гонца Афанасия Зиновьева доказывают, что крайним русским городом на пути в Крым были тогда Ливны, что между Ливнами и Крымским ханством русских городов на Поле весной 1596 г. еще не существовало¹⁰⁶. Отчет гонца хорошо сопоставляется не только с записью в разрядной книге, но и с более поздней челобитной курских помещиков, сообщивших об основании их города «в 105-м году»¹⁰⁷ (1596/97 г.).

До публикации В. И. Бугановым в 1966 г. разрядной книги 1475—1598 гг. споры ученых о времени основания Белгорода или Оскола были понятны, они объяснялись отсутствием источниковой базы¹⁰⁸. Но и в последнее время встречаются рецидивы старых ошибок в датах возникновения названных городов. Так, Р. Г. Скрынников в книге «Россия накануне «смутного времени», вышедшей в 1985 г. вторым изданием, вновь (как и в первом издании) пишет, что Белгород и Оскол были построены в 1593 г.¹⁰⁹

Текстовый анализ разрядной записи показывает, что экспедиция И. Лодыженского, Т. Якушкина и Н. Спиридонова внесла предложение об основании двух городов — Белгорода и Оскола. Как можно полагать, правительство, учитывая благоприятное стечение обстоятельств, решило одновременно возобновить и третий город — старинный Курск, тем более, что специальных поисков места для него не требовалось, место Курска было известно. Обратим внимание на быстрое завершение работ по постройке новых городов, города была поставлены «тое же осени». Отметим также, что И. Лодыженский и его товарищи по экспедиции, видимо, ничего не знали о древнерусском г. Осколе, упомянутом в ретроспективном плане в грамоте хана Менгли-Гирея (см. главу I). Место для города на берегу р. Оскола ими было определено независимо от расположения старого городища.

Все три города, появившиеся на Поле в 1596 г., сейчас являются довольно крупными экономическими центрами. Белгород и Курск — административные центры соответствующих областей, Оскол (ныне — Старый Оскол) — быстро растущий промышленный город в составе Белгородской области.

По нашему мнению, на 90-е гг. XVI в. приходится кроме строительства целого ряда городов на Поле также устройство русских лесных засек под Тулой, завершивших создание огромной «черты», получившей позже, с легкой руки историка А. И. Яковлева, название «засечной»¹¹⁰. До 90-х гг. XVI в. лесные засеки на путях возможных татарских вторжений отмечены документами во многих местах Украины, но только не на главном, самом опасном, тульско-московском направлении. Засеки существовали к западу от Оки — в районе впадения в Оку р. Жиздры, в Каширском, Веневском уездах, в рязанских лесах, под Шацком. В этих местах были свои «черты», упоминаемые в писцовых книгах, были «засечные леса», дети боярские несли службу «засечных сторожей»¹¹¹. Писцовые же книги Тульского уезда, составленные в 1588—1589 гг., о засеках не говорят ничего¹¹². Полагая, что устройство лесных засек здесь проходило после составления писцовых книг, в 90-е гг.

Тульские засеки (наряду с перемышльскими, лихвинскими, боровскими, белевскими, козельскими, одоевскими, рязанскими) подробно описаны в разрядных книгах, в «рописи», составленной весной 1598 г., в ходе подготовки Российского государства к отражению возможного нашествия хана Казы-Гирея¹¹³. В этом документе упоминается и несколько «новых», только что построенных засек.

Засеки конца XVI в. защищали от татар исторический центр страны — Москву и Подмосковье. Населению новых городов и уездов, появившихся к этому времени на территории современного Центрального Черноземья, лесные засеки Украины, естественно, ничем помочь не могли. Наоборот, наличие «черты» из лесных засек под Козельском, Одоевом, Тулой, Каширой, Переяславелем-Рязанским как бы «ориентировало» татар совершать теперь нападения не на Украину, а на новые, не защищенные «чертой» города Поля.

В 1597 г. татарских нападений на российскую Украину и на новые города в пределах Поля не было, во всяком случае разрядные книги и другие документы о них не упоминают. Относительно спокойная военно-политическая обста-

новка на Поле способствовала успешному развитию новых городов, построенных предыдущей осенью (Белгорода, Ос-кола, Курска), организации вокруг них станичной и сторожевой службы. Детям боярским южнорусских городов было полностью выдано денежное жалованье¹¹⁴.

6. Политические успехи России на юге в конце XVI в., основание в 1599 г. на Поле еще двух городов

В начале 1598 г. в России произошла смена монарха, после смерти бездетного царя Федора Ивановича Земский собор избрал царем Бориса Федоровича Годунова. Избрание на царство бывшего фактического правителя России совпало по времени с попыткой крымского хана Казы-Гирея организовать очередное нашествие на Москву.

Сообщения о намерениях Казы-Гирея пришли в Москву в марте 1598 г. от воронежского воеводы Федора Мосальского, белгородских воевод Михаила Ноздроватого и Андрея Волконского, от приказчика дворцового села Конобеева Шацкого уезда Неустроя Тебелкова. Пленные татары, захваченные донским атаманом Иваном Бетюнским, сказали, что Казы-Гирей будто бы «хочет збиратца с великим собранием и, собрався, итти на государевы краины и к Москве»¹¹⁵.

В первых числах апреля сведения о готовящемся татарском нашествии вроде бы подтвердились. Пленный татарин, захваченный донецкими атаманами Семеном Новгородцем и Саввой Мозолевским в степи, у речки Лугани, сказал, что к Казы-Гирею пришли на подмогу семь тысяч турецких янычар. Об этом срочно сообщили в Москву воеводы Белгорода.

По сообщениям разрядных книг, царь Борис решил лично возглавить русские войска и идти «против недруга своего крымского царя Казы-Гирея на прямое дело»¹¹⁶. Чтобы исклЮчить местнические споры, он приказал в данном походе «всем быть без мест»; распоряжение о соответствующих записях было дано дьякам Разрядного приказа. Воеводам 11 городов украины (Тулы, Новосили, Орла, Рязани, Михайлова, Дедилова, Ряжска, Пронска, Крапивны, Мценска и Черни) предписано было сходиться в три полка: в Тулу, в Дедилов и Крапивну. «Большой разряд» (бояре и дворянская конница) вновь, после нескольких лет перерыва, был вызван царским указом «на берег», к Оке; пять полков боль-

шого разряда расположились в Серпухове, Алексине, Калуге, Кашире и Коломне.

Во второй половине апреля на Поле появились татарские военные отряды. Белгородские воеводы М. Ноздроватый и А. Волконский сообщили 20 апреля, что «станичников и сторожей гоняют татарове во многих местах»¹¹⁷.

Татарское нашествие казалось неизбежным. 7 мая 1598 г. царь Борис выступил из Москвы, его сопровождали видные члены боярской думы: Федор Никитич и Александр Никитич Романовы, А. И. и И. И. Шуйские, Я. М. Годунов, Б. Я. Бельский, дьяк В. Я. Щелкалов. 11 мая Борис прибыл в Серпухов, оттуда он разослал гонцов в города украины и Поля, чтобы сообщить их жителям: сам царь «в деле»¹¹⁸.

Впервые для отражения татарского нашествия предполагалось использовать в полной мере засечную черту. 18 мая, находясь в Серпухове, царь Борис лично «смотрит засечных чертежей»¹¹⁹. К старым и новым засекам были посланы воеводы с отрядами стрельцов, вооруженных пищалами.

Русские войска во главе с самим царем-главнокомандующим ожидали на украине татар, чтобы дать им отпор, победить в открытом бою. Но татар не было.

Ситуация прояснилась 18 июня. В этот день в Серпухове было получено донесение из Ельца: с одной из елецких сторож «прибежал» сторож и сказал, что из Крыма для переговоров о мире идут татарские посланники, их сопровождают находившиеся в Крыму русские гонцы Л. Лодыженский и И. Бунаков¹²⁰. Стало ясно, что Казы-Гирей отменил намеченный поход.

Царь Борис Годунов решил воспользоваться случаем для демонстрации крымским дипломатам российской военной силы. Все русские полки были вызваны в Серпухов. Воеводам, находившимся у засек, приказано было стать там «со всеми людьми», при подходе посольства «стрельцом и казаком велено в те поры ис пищалей стрелять в засеках вверх, чтобы тех воевод и всяких людей всех в засеках крымские посланники видели»¹²¹.

27 июня крымский посланник Алей-Мурза прибыл в Серпухов. Он заявил, что хан Казы-Гирей «учинился в воле» русского царя и готов вместе с ним воевать русских недругов¹²². 29 июня, во время официального приема посланника в Серпухове, русские бояре по царскому указу были «в золотых одеждах».

Российское государство одержало в 1598 г. крупную и бес-

кровную победу над Крымским ханством. Казы-Гирей понял, что не имеет реальных шансов на успех в открытом столкновении с Россией и уступил царю Борису. Царствование Бориса Годунова начиналось блестяще. Описав в своих записках о России пребывание царя Бориса и русских войск в Серпухове летом 1598 г., французский офицер Жак Маржерет сделал уверенный вывод: «Россия никогда не была сильнее, чем тогда»¹²³.

Политический успех, достигнутый в 1598 г., дал возможность русскому правительству пересмотреть ежегодную дислокацию войск на юге, наконец-то отказаться от громоздкого расположения основных военных сил на берегах Оки, передвинуть их на Украину, продолжить освоение Поля. В 1599 г. царем Борисом и боярской думой были приняты важные в этом плане указы. Один из них гласил: «Большому розряду быть на Туле, а на берегу вперед розряду не быть, а бояром и воеводам по берегу не стоять, а стоять большим бояром и воеводам на Украине»¹²⁴. Пять полков большого разряда расположились в 1599 г. не на Оке, как прежде, а в городах Украины: в Туле, Крапивне, Дедилове, Епифани и Веневе. Три полка «украинного разряда» передвинулись южнее и разместились в Мценске, Новосилях и Орле. Военным центром украинного разряда вместо Тулы был утвержден Мценск. Вызов служилых людей ряда южных городов (в том числе Ливен, Воронежа, Ельца, Белгорода, Оскола, Курска) в полки при появлении вестей о татарах отвергался принципиально¹²⁵, для обороны Украины было достаточно сил и без этого. Россия не только формально, но и фактически продвигала свои рубежи к югу.

30 июня 1599 г. состоялся царский указ об основании «города Борисова на Донце»¹²⁶, в начале августа 1599 г. — об основании Валук¹²⁷. Строительство обоих городов на Поле было организовано четко, Царев-Борисов и Валуйки были «поставлены то же ж осени»¹²⁸.

Сохранившиеся в ЦГАДА и опубликованные Д. И. Багалеем документы об основании Царева-Борисова и Валук позволяют выявить некоторые общие принципы и отдельные подробности в истории возникновения русских городов на Поле в конце XVI в.

Основанию Царева-Борисова точно так же, как за три года до этого основанию Белгорода и Оскола, предшествовал осмотр местности. Место для города недалеко от впадения р. Оскола в Северский Донец выбрали «головы» Федор

Чулков и Истома Михнов, они составили и привезли в Москву специальный чертеж¹²⁹.

Благоприятная военно-политическая ситуация на Поле позволила русскому правительству выдвинуть новый город довольно далеко к югу; по прямой линии от Белгорода до Царева-Борисова — 170 километров. Все же для того времени и для масштабов Поля это расстояние не столь велико. Попутно укажем на небольшую неточность Р. Г. Скрынникова, написавшего в одной из своих монографий применительно к Цареву-Борисову следующие слова: «Ни одна степная крепость не строилась на таком удалении от укрепленных рубежей»¹³⁰. В истории продвижения Российского государства в сторону Поля в XVI в. был случай строительства и более удаленной от ближайших городов степной крепости. Мы имеем в виду Псельский город, история которого излагалась в данной книге, в главе III.

Место для нового города, выбранное Ф. Чулковым и И. Михновым, было удобно и для последующего продвижения России в сторону Крымского ханства и для закрепления за Россией берегов Северского Донца в верхнем течении этой реки, берегов р. Оскола. На фоне успехов 1598—1599 гг. уверенное продвижение фактических российских рубежей на юг представлялось вполне реальным.

Руководить строительством нового города царь Борис поручил воеводам Богдану Яковлевичу Бельскому и Семену Романовичу Алферьеву. Первый из них был видным политическим деятелем России, членом боярской думы, имел чин окольничего; одно время даже соперничал с Борисом Годуновым.

Наказ Б. Я. Бельскому и С. Р. Алферьеву был дан 5 июля 1599 г.¹³¹, через пять дней после объявления царского указа. Базой снабжения строителей Царева-Борисова утверждались два ближайших для того времени города: Белгород и Оскол. Для снабжения должны были использоваться главным образом водные пути реки Северский Донец и Оскол. Смотр служилых людей, выделенных для строительства Царева-Борисова, Б. Я. Бельскому и С. Р. Алферьеву надлежало провести в Ливнах. Воеводам рекомендовалось широко привлекать на службу вольных донецких и оскольских казаков, при этом атаманы и казаки могли и впредь «по своим юртом жить и угоды всякими владеть безданно и безоброшно»¹³². Воеводам все же рекомендовалось составить «роспись», в которых местах на Донце и на Осколе юрты и кто в котором юрте атаманы¹³³.

Из царского наказа воеводам Б. Я. Бельскому и С. Р. Алферьеву видно, что целью основания Царева-Борисова было также изгнание с берегов Северского Донца и Оскола пришедших туда из Польско-Литовского государства черкас. Черкас следовало «искать и государевым делом над ними промыслять, чтобы черкас с Донца и Оскола и со всех речек згонить»¹³⁴. В наказе не исключалась также возможность нападения крымских татар и «турских людей» на строителей города, давались по этому поводу военные советы.

Ценность царского наказа Б. Я. Бельскому и С. Р. Алферьеву как исторического источника состоит и в том, что в нем названы имена мастеров, технических руководителей отдельных работ. Строительством деревянных стен и башен, «городовым делом», должен был ведать «городовой мастер Михайло Кирдешов». Для устройства тайника (подземного хода) и колодцев выехали два «подкопщика»: русский мастер, пушкарь Поспел Неклюдов и «немчин Юшко Аммон»¹³⁵.

Царев-Борисов стал сильной русской крепостью на Поле, в непосредственной близости от границ Крымского ханства. К сожалению, в «смутное время» город «в 120-м году» (1611/12 г.) сгорел¹³⁶. Попытки возрождения Царева-Борисова в XVII в., его восстановление и повторная гибель подробно рассмотрены автором этих строк в монографии «Изыумская черта»¹³⁷, к которой мы отсылаем интересующихся историей этого города читателей. Место, где в 1599 г. появился новый российский город Царев-Борисов, по современному административному делению входит в пределы Харьковской области УССР.

Осенью 1599 г. одновременно с Царевом-Борисовом и сравнительно недалеко от него появился на Поле еще один российский город — Валуйки. Мы привели его современное название, в документах конца XVI в. он значится и как «Вилуйка», и как «Волуйский город». Валуйки были построены на той же реке, что и Царев-Борисов, — Осколе. Руководили возведением города воевода князь Владимир Васильевич Кольцов-Мосальский (прежде он строил Ливны) и голова Судак Мясной. Служилых людей для строительства нового города выделили Новосиль, Дедилов, Орел, Оскол, артиллерия была взята из Серпухова и Ливен, продовольствие — из Данкова, Ельца, Оскола. Сохранившиеся и опубликованные Д. И. Багалеем документы называют имя «городового мастера», строившего в Валуйках деревянную крепость, это был Якуш Долматов. Основные строительные работы пола-

галось закончить к 1 декабря 1599 г. Воевода В. В. Кольцов-Мосальский должен был оставить с собою «зимовать» в городе 150 стрельцов и казаков, 12 пушкарей, 20 плотников, 1 кузнеца¹³⁸. На зиму оставался и городской мастер Я. Долматов; из этого заключаем, что строительство деревянной крепости в Валуйках не закончилось в 1599 г., а завершилось в 1600 г.

Валуйки сохранили ранг города до наших дней. Находятся Валуйки в пределах современной Белгородской области, являются районным центром.

Относительно мирная военно-политическая обстановка на южной Украине и на Поле сохранялась и в 1600—1603 гг. «Роспись» бояр и полков дворянской конницы предусматривала в 1600 г. размещение «по вестям» большого полка под начальством князя Ф. И. Мстиславского в Туле, полка правой руки — в Крапивне, поредевого полка — в Дедилове, сторожевого полка — в Елифани, полка левой руки — в Веневе. Поскольку известия о походах крымских татар к российским городам не появились, то «на той службе бояре и воеводы не были»¹³⁹.

В 1601—1603 гг. центральную часть России поразили суровые стихийные бедствия, ярко описанные современником событий Авраамием Палицыным¹⁴⁰. Они привели к голоду в Москве и в центре страны, вызвали резкое недовольство народных масс, ослабили популярность царя Бориса, стали прологом к появлению самозванцев и народным восстаниям, к «смутному времени» в России. Валуйки оказались последним городом, основанным на южнорусском Поле по указу царя Бориса. Сохранились косвенные свидетельства о том, что Борис Годунов «хотел поставить» еще город — «на Урляпове городище»¹⁴¹ (на месте слияния Лесного и Польного Воронежей, в пределах современной Тамбовской области), но не успел это сделать.

Записи разрядных книг за 1601—1603 гг. городами на Поле (или «польскими городами от крымской украины») четко называют восемь городов: Ливны, Воронеж, Елец, Белгород, Оскол, Курск, Царев-Борисов, Валуйки¹⁴². Все эти города возникли в течение последних полутора десятилетий XVI в., история их возникновения рассмотрена в данной главе.

Весной 1604 г. крымский хан Казы-Гирей разорвал союз с Москвой¹⁴³. Но отношения с Крымом временно перестали играть важную роль в политической жизни Российского го-

сударства. Перед Россией встали более сложные проблемы. На Москву вскоре двинулся походом самозванец Лжедмитрий. А затем страну захлестнула «смута». История южной Украины и Поля в «смутное время» является особой темой и требует специального изучения.

7. Заселение территории современного Центрального Черноземья в 80—90-х гг. XVI в.; географические особенности этого процесса

Рассмотрев политические события, приведшие к фактическому включению территории современного Центрального Черноземья в состав Российского государства, проследив историю возрождения старых и возникновения здесь новых городов в 80—90-х гг. XVI в., остановимся теперь, насколько позволяют нам документы, на проблемах социально-географических. Попытаемся выяснить ход заселения русскими людьми отдельных мест нынешнего Центрального Черноземья к концу XVI в.

Общая заселенность региона в начале XVII в. ярко охарактеризована современником-иностранцем, уже не раз упомянутым нами французским офицером Жаком Маржеретом, оказавшимся тогда в России. «Эта страна, — писал Маржерет о России, — обитаема лишь до Ливен, расположенных примерно в 700 верстах от Москвы. За ними есть различные города... Эти города постоянно заселяются; землю находят весьма плодородной, но они [русские. — В. З.] осмеливаются обрабатывать ее только в окрестностях городов»¹⁴⁴.

Если сведения иностранца о плодородии земель к югу от Ливен не оригинальны и лишь подтверждают известные факты, то заявление Маржерета об обработке русским населением земли только около городов является весьма важным. Истинность его в принципе не вызывает сомнений. Целина, нераспаханные земли, в количественном отношении здесь на рубеже шестнадцатого и семнадцатого столетий еще явно преобладали над пашней. Но отдельные места обширного Центрального Черноземья имели свои особенности. Промысловые угодья располагались, как мы увидим, довольно далеко от городов, кое-где вдали от городов появилась и пашня.

В конце XVI в. на территории современного Центрального Черноземья существовало, как мы уже выяснили, во-

семь русских городов, в пределах нынешних: Курской области — Рыльск и Курск; Белгородской — Белгород, Оскол и Валуйки; Воронежской — Воронеж; Липецкой — Данков и Елец. В границах нынешней Тамбовской области русских городов в то время пока еще не было.

Крайняя западная часть современной Курской области, занятая Рыльским уездом, являлась районом старинного пашенного земледелия. Эти места, как уже говорилось выше, не входили в пределы Поля ни в начале XVI в., ни тем более в конце XVI в. Лучшие возможности для расширения земель рыльских помещиков («рылян» — детей боярских) в восточном направлении возникли после возрождения Курска и основания Белгорода в 1596 г., эти города-крепости, особенно Курск, в какой-то мере прикрыли рыльские места от татарских вторжений.

К северу от Рыльска также существовало давнее пашенное земледелие — здесь находилась Комарицкая волость, населенная в конце XVI в. дворцовыми крестьянами. В XVI в. Комарицкая волость относилась к Брянскому уезду. Как показал И. И. Смирнов в своей монографии о восстании И. Болотникова, Комарицкая волость в начале XVII в. была довольно многолюдной, густонаселенной¹⁴⁵. Хотя по современному административному делению основная часть бывшей Комарицкой волости находится в составе Брянской области, крайние юго-восточные комарицкие села конца XVI в. «заходили» в пределы нынешней Курской области, или Центрального Черноземья. Эти историко-географические особенности Комарицкой волости требуют кратко-го упоминания о ней и в данной монографии.

Южная часть современной Курской области в конце XVI в., а затем и в XVII в., вплоть до основания на ней таких городов, как Обоянь и Суджа, традиционно считалась частью Путивльского уезда. Эта историко-географическая деталь подтверждается любопытным документом, сохранившимся в ЦГАДА. В Разрядном приказе в 1681 г. была составлена историческая справка с перечнем городов, возникших на территории бывшего Путивльского уезда. В числе таких городов названы Обоянь и Суджа — современные города, районные центры Курской области¹⁴⁶. Постоянных поселений в этих местах в конце XVI в., на наш взгляд, не было, здесь кое-где располагались лишь путивльские бортные ухажьи (ухожай).

Географические контуры Курского уезда, сложившегося

после возрождения в 1596 г. города Курска, для конца XVI в. определить нелегко. По аналогии с возникшим в 1592 г. Елецким уездом (по которому сохранились документы, опубликованные Г. Н. Анпиловым) можно предположить, что курские помещики — дети боярские — получили сначала пашенные земли по рекам Сейму и Тускари, к западу, северу и востоку от города. Размеры Курского уезда, несомненно, постепенно увеличивались за счет осваиваемых земель Поля, но каких размеров они достигли к концу XVI — началу XVII в., неясно. Курский уезд занял на первых порах сравнительно небольшую, центральную часть современной Курской области. Восточная же ее часть, примыкающая к Муравской степной дороге, оставалась неосвоенной и незаселенной.

Обратим теперь внимание на территорию современной Белгородской области, где к концу XVI в. были основаны три русских города: Белгород (1596), Оскол (1596), Валуйки (1599). Верховья Северского Донца, где возник г. Белгород, прежде относились к Путивльскому уезду и вышли из подчинения Путивлю только после основания Белгорода. Этот факт, о котором уже говорилось выше, подтверждается рядом документов¹⁴⁷. Расположенные к западу от Белгорода, за Муравской степной дорогой, верховья р. Ворсклы (на западе современной Белгородской области) оставались на грани XVI и XVII вв. в Путивльском уезде. Ухожья путивльских бортников в 90-х гг. XVI в. упоминаются в Хотмыжской волости Путивльского уезда на Ворскле¹⁴⁸. В составе Путивльского уезда значилось и урочище «Карпово сторожевье», где в XVII в., в ходе строительства Белгородской черты, был основан г. Карпов¹⁴⁹.

Села и деревни Белгородского уезда, возникшие после основания Белгорода, располагались сравнительно недалеко от города, к северу, востоку и югу от него, в промежутке между двумя степными дорогами: Муравской и Изюмской. Некоторые сведения о времени возникновения сел и деревень под Белгородом можно получить при ретроспективном анализе Белгородской писцовой книги 1626 г. В монографии «Белгородская черта» автор этой книги высказал в свое время предположение о том, что одним из старинных селений Белгородского уезда было с. Стариково¹⁵⁰, населенное беломестными казаками, принятыми на службу еще в XVI в., в первые годы существования Белгорода. Документы XVII в. сообщают о наличии под Белгородом «дворцовой волости»,

населенной дворцовыми крестьянами. Весьма вероятно, что волость возникла в конце XVI в., на грани XVI и XVII вв., ее крестьяне были крепостными самого царя Бориса.

В северной части современной Белгородской области сложился после основания г. Оскола Оскольский уезд. В конце XVI в. размеры уезда были невелики, распаханная земля и сельские поселения располагались около города. Оскольский уезд находился между двумя степными дорогами татарских вторжений — Изюмской и Кальмиусской, был как бы «сдавлен» ими. Более поздняя писцовая книга Оскольского уезда, составленная в 1615 г., сообщает об исключительной малонаселенности оскольских сел и деревень в то время, о проживании там помещиков-однодворцев, об отсутствии у них крепостных крестьян¹⁵¹.

Среди старинных сел Оскольского уезда, на наш взгляд, можно выделить с. Голубино, населенное служилыми казаками. Не исключено, что оно являлось сначала поселением вольных оскольских казаков, записавшихся после основания г. Оскола на государственную службу. Формулировка писцовой книги, сообщающая о том, что в 1615 г. в селе жили атаман Парфен Денехин и «его станицы казаки»¹⁵², делает такое предположение весьма вероятным.

Крайний южный город в пределах современной Белгородской области — Валуйки, как видно по более поздним документам, не создал на первых порах подчиненных себе сел и деревень, своего уезда. Рядом с крепостью располагались городские слободы служилых людей, пашня находилась непосредственно у города. Такая историко-географическая особенность Валоек сохранялась довольно долго, вплоть до строительства Изюмской черты¹⁵³.

В пределах современной Воронежской области в конце XVI в. существовал лишь один город — Воронеж. Контуры освоенной вокруг города территории применительно к 1594 г. обрисованы в рассказе Воронежского служилого казака Рудака Салманова. По его словам, воронежские казаки получили «за половину жалованья ухажаяев: вверх по р. Воронежу — до устья речки Излегощи, включая р. Усмань; а по берегам Дона — от Кривого Бора до речки Хворостани»¹⁵⁴. С севера на юг вдоль Дона Воронежский уезд тянулся, таким образом, в 1594 г. примерно на 100 километров. Пашенные земли воронежских служилых людей «по прибору» (стрельцов, казаков) располагались непосредственно у города; поместные земли детей боярских и поместных каза-

ков¹⁵⁵ — дальше от города: к северу — между реками Доном и Воронежем, к востоку — у р. Усмани, к западу — за Доном (Рис. 5).

Юго-восточная часть современной Воронежской области в 90-х гг. XVI в. продолжала оставаться незаселенной, но находилась в поле зрения русских станичных разъездов. В этом плане несомненный интерес представляют донесения российских послов Данилы Ислентьева и Третьяка Аврамова, отправившихся в 1594 г. в Турцию. 9 сентября 1594 г. послы отплыли вниз по Дону «с воронежского устья». Приводим выдержку из последующего донесения Д. Ислентьева

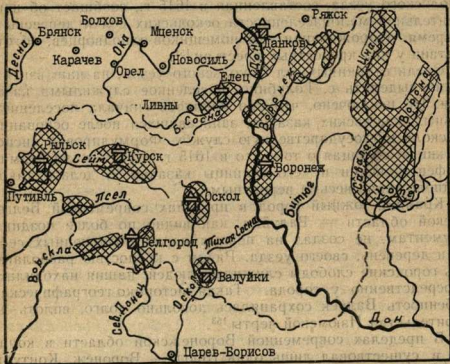

Рис. 5. Территория современного Центрального Черноземья в конце XVII в. Схематическая карта

Условные обозначения:

современные географические контуры Центрального Черноземья

Елец — российские города в пределах Центрального Черноземья
места хозяйственной деятельности русского населения в пределах Центрального Черноземья

Рязань — города за пределами Центрального Черноземья

и Т. Аврамова, адресованного царю Федору Ивановичу: «Пришли мы, холопы твои, на Баучар с сентября в 19 день. И ниже Баучара на Тулунчиеве поляне к пристани приехали к нам, холопом твоим, с ногайские стороны станичная голова Тимофей Ермолаев с товарищи, а с собою привели трех полонеников. А взяли де их на степи, идут к Руси»¹⁵⁶.

Место встречи послов с русским станичным разъездом — устье реки Толучеевки, крайние юго-восточные районы современной Воронежской области: Богучарский и Петропавловский. Двое из трех русских полоняников, встретившихся с послами у впадения реки Толучеевки в Дон, — сын боярский Иван Огламазов из Рязьска и рязьский полковой казак Зиновий Коновалов — были схвачены ногайскими татарами недавно, они провели в плену только шесть недель. И. Огламазов и З. Коновалов попали в плен, находясь на службе, они были посланы из Рязьска для контроля за сторожами («месячных сторожей назирати») ¹⁵⁷. В качестве проводника у начальника проезжей станицы Т. Ермолаева находился воронежский казак «Филька Толмач» ¹⁵⁸. Послы распорядились отпустить с ним убежавших из плена полоняников в Воронеж.

Приведенный документ свидетельствует попутно и о том, что даже самые отдаленные, не заселенные места современного Центрального Черноземья находились в 90-е гг. XVI в. под контролем русских станиц и сторож. Ни у кого не вызывал сомнений факт, что эта территория является частью Российского государства.

В пределах современной Липецкой области мы видим три места, где в конце XVI в. активно шло хозяйственное освоение края, имелись пашенные земли: 1) у Дона, южнее г. Данкова, основанного в 1568 г.; 2) у р. Быстрой Сосны, поблизости от г. Ельца, основанного в 1592 г.; 3) в среднем течении р. Воронежа и у притока Воронежа — р. Рясы (Становой Рясы). Первые два места, расположенные около существовавших в конце XVI в. русских городов, сомнений не вызывают, о третьем следует сказать подробнее.

Хозяйственное освоение земель в верховьях и среднем течении р. Воронежа в пределах современной Тамбовской области (в ее северо-западной части) и современной Липецкой области (в ее северо-восточной части) шло в XVI в. с севера, со стороны Рязани и Рязьска. Рязанское село Ворыщ (Ворищ), расположенное на р. Раковой Рясе, в бассейне р. Воронежа, выдвинулось непосредственно в пределы совре-

менной Липецкой области, в пределы современного Центрального Черноземья. Крестьяне этого села, крестьяне других рязанских сел, владели в 80-х гг. XVI в. на берегах р. Воронежа бортными ухажьями и рыбными ловлями. (Об этом уже говорилось выше, при освещении истории возникновения г. Воронежа.)

Территория между реками Воронежем и Доном примерно на уровне 53 градуса северной широты стала районом хозяйственных устремлений бояр Романовых. Сначала здесь появились «угодные места» Романовых, приписанные, видимо, к их вотчинному рязанскому городку Скопину. Упоминание в документах применительно к этим местам имен Александра Никитича и Василия Никитича Романовых, отправленных в 1601 г. Борисом Годуновым в ссылку и вскоре умерших, хронологически привязывает возникновение романовских владений у р. Воронежа именно к концу XVI в.¹⁵⁹ Полагаем, что на грани XVI и XVII вв. у р. Воронежа на землях бояр Романовых возникли первые постоянные поселения; крестьяне Романовых стали распахивать здесь целину. Позже, в 20-х гг. XVII в., владельцем вотчины был Иван Никитич Романов, дядя царя Михаила Федоровича, центром вотчины являлось с. Романово Городище.

Восточная часть современной Тамбовской области, а также крайний северо-восточный угол современной Воронежской области в конце XVI в. были местами хозяйственной деятельности жителей Шацкого уезда: служилых людей, крестьян, шацкого Чернеева монастыря. Здесь имелись бортные ухажьи, рыбные ловли, бобровые гоны, зафиксированные за конкретными владельцами. Так, по свидетельству документов, в «105-м году» (1596—1597 гг.) крестьянин Иван Карачанский передал свой бортный ухажей на р. Хопре Чернееву монастырю. Ухажей находился при впадении реки Карачана в Хопер, занимал оба берега Карачана. В пределах ухажья находились бортные деревья, рыбные и бобровые ловли, «земляное зимовье»¹⁶⁰. Аналогичные ухажьи упоминаются и на других реках, в этой северо-восточной части современного Центрального Черноземья.

Сохранялись ли станы и поселения вольных казаков в пределах современного Центрального Черноземья на грани XVI и XVII столетий? Думаем, что нет. Активная правительственная колонизация края в 90-х гг. XVI в. привела к постепенному вытеснению вольных казаков за пределы современного Центрального Черноземья. Часть вольных каза-

ков была принята на службу в новые города, часть отошла далее к югу.

В 1589 г., когда путивлец А. Зиновьев отправился с отрядом служилых людей на Поле, ему говорилось в наказе о том, что вольные казаки «житьем живут по Осколу и по Семи»¹⁶¹. В это время еще не было на р. Сейме — Курска, на р. Северском Донце — Белгорода, на р. Осколе — Оскола, Валук, Царева-Борисова, на р. Быстрой Сосне — Ельца.

Прошло четыре с половиной года после поездки А. Зиновьева. Поздней осенью 1593 г. из Ливен русское посольство с большой охраной, возглавляемое князем Меркурием Щербатовым, повезло в Крым «поминки». М. Щербатов очень хотел встретить на берегах Северского Донца казаков, даже посылал вперед военный отряд для поисков их. Вольных казаков во главе с атаманом Юрием Лопатиным посол и его охрана, наконец, обнаружили, но только не на территории современного Центрального Черноземья, а при впадении в Северский Донец речки Боровой, в пределах современной Луганской области УССР¹⁶².

Оттесняя вольных казаков к югу, приглашая их на службу в новые города, русское правительство в 90-е гг. XVI в., видимо, начало одновременно раздавать далекие южные земли и московским землевладельцам — сначала в виде промысловых угодий, «юртов». Мы уже говорили о появлении промысловых угодий бояр Романовых у р. Воронежа. В 1592 г. упоминается в документах, в донесении русского посла Г. Нащокина, плывшего по Дону, «юрт Андрея Трухачева». Он располагался «на Дону, ниже Переволоки два днища»¹⁶³. Там, где в Дон впадает р. Чир, в 1593 г. существовал «юрт Якова Воротынского»¹⁶⁴. По словам побывавшего в этих местах казака Данилы Иванова, летом 1593 г. владелец юрта Яков Воротынский находился в своем юрте и занимался добычей пушных зверей.

Дальнейшая судьба «юртов» А. Трухачева и Я. Воротынского на Дону нам не известна. Ближайшим городом к ним был Царицын, не исключено, что возникновение их связано с историей г. Царицына. Интересно выяснить их историю и в русле изучения взаимоотношений русского правительства с донскими казаками. Напомним, что оба эти юрта находились за географическими пределами изучаемого нами Центрального Черноземья.

При царе Борисе (следовательно, на грани XVI и XVII вв.) в городах на Поле была заведена «государева де-

сятинная пашня»¹⁶⁵. Отмежеванные поблизости от Воронежа, Курска, Белгорода участки земель обрабатывались служилыми людьми «на государя». Отвлекаясь в данном случае от социально-экономического содержания «государевой десятинной пашни», отметим, что сам факт ее существования подтверждал безусловное закрепление бывшего Поля за российскими городами, за Российским государством.

Заключение

Вопрос о том, станет ли район Восточной Европы, именуемый ныне Центральным Черноземьем, частью Российского государства, был поставлен в XVI в. и решен в принципе в течение XVI в. Закljučая книгу, еще раз напомним читателю, что современные белгородские, курские, воронежские, липецкие, тамбовские земли, которые уже давно и традиционно считаются исконно русскими, в начале XVI в. не являлись такими ни формально, ни фактически. Они могли стать русскими, но могли и не стать ими: альтернативность, многовариантность конкретных путей исторического процесса для той или иной территории является, на наш взгляд, аксиомой. В исторических условиях XVI в. в ходе суровой упорной, кровопролитной борьбы русского народа с татарами эти земли стали частью России.

В борьбе Российского государства с татарами, с Крымским ханством в XVI в. были успехи и неудачи, победы и поражения; они рассмотрены, исследованы по сохранившимся документам в данной книге. Решение проблемы включения Центрального Черноземья в состав Российского государства определялось, конечно, не только результатом военных столкновений с татарами на Поле и на Украине, у границ Крымского ханства и под Москвой. Оно зависело и от многих других факторов, включавших в себя и состояние общественных отношений в стране, и интересы различных классов, сословий, групп русского населения, и внешнеполитическую ситуацию в Восточной Европе, и природно-географические условия, и личные качества сменявших друг друга в течение XVI в. правителей России, соседних с Россией стран. Ведя в книге последовательный рассказ о событиях на территории современного Центрального Черноземья в XVI в., мы попытались осветить все такие факторы; естественно, что это можно было сделать не в полной мере, лишь в общих чертах.

К концу XVI в. борьба русского народа с татарами на южных рубежах страны была далека от завершения. Грабительские татарские вторжения в пределы России продолжались. В XVII в. русский народ на путях татарских набегов соорудил 800-километровую Белгородскую черту, возвел другие укрепленные линии, нанес крымским татарам ряд ответных ударов. Но все же важный этап русско-татар-

ской борьбы, в ходе которого территория современного Центрального Черноземья стала частью России, завершился именно в конце XVI в.

Велико ли историческое значение вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в.? Думаается, что велико. Достаточно отметить хотя бы то, что прежде незаселенный плодородный край стал с конца XVI в. местом расселения и активной трудовой деятельности многих тысяч русских людей, заслонил собою от татар исторический центр страны, увеличил размеры и могущество России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

От автора

- ¹ Правила издания исторических документов. М., 1956. С. 23.

Введение

¹ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960. С. 5.

² См.: Экономические районы СССР. М., 1969. С. 134—154; Ковальченко И. Д., Дробижев В. З. Экономические районы СССР // Советская историческая энциклопедия. М., 1976. Т. 16. С. 426—433.

³ ПСРЛ. М., 1965. Т. 13. С. 487.

⁴ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. Л., 1925. С. 61, 169.

⁵ Большая советская энциклопедия. М., 1952. Т. 14. С. 342.

⁶ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1982. Т. 4. С. 482.

⁷ См.: Карамзин Н. М. История государства Российского. Спб., 1842—1844. Кн. 1—3; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 3—4.

⁸ См.: Багалец Д. И. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М., 1887.

⁹ См.: Беляев И. Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846.

¹⁰ См.: Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства (вторая половина XV в.). М., 1952; Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI—XVII вв. // Учен. зап. Моск. ун-та. 1946. Вып. 94; Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948; Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI — 30-е годы XVII века. М., 1963; Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963; Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. М., 1978.

¹¹ См.: Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI в. М.; Л., 1958; Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960; Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975; Скрынников Р. Г. Россия накануне «смутного времени». М., 1985.

¹² См.: Марголин С. Л. Оборона Русского государства от татарских набегов в конце XVI века // Тр. Гос. исторического музея. М., 1948. Вып. 20; Каргалов В. В. На степной границе. Оборона «крымской Украины» Русского государства в первой половине XVI столетия. М., 1974.

¹³ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 418.

¹⁴ См.: ПСРЛ. М., 1965. Т. 9—13; Иоасафовская летопись. М., 1957; ПСРЛ. М., 1978. Т. 34.

- ¹⁵ См.: РК 1475—1598 гг. М., 1966.
- ¹⁶ См.: АМГ. СПб., 1890. Т. 1.
- ¹⁷ См.: ДДГ. М.; Л., 1950.
- ¹⁸ См.: Сборник РИО. СПб., 1882—1895. Т. 35, 41, 95.
- ¹⁹ См.: [Сухоруков В. Д.] Историческое описание земли Войска Донского. Новочеркасск, 1903. С. 3, 8, 43, 45, 60.

Глава I

- ¹ ПСРЛ. М., 1965. Т. 40. С. 163.
- ² См.: Анпилогов Г. Н. Новые документы о России конца XVI — начала XVII в. М., 1967. С. 130—142.
- ³ См.: ПСРЛ. М., 1965. Т. 10. С. 123.
- ⁴ См.: Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства. М., 1910. С. 25; Сафаргалiev М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 122—123.
- ⁵ См.: АЗР. СПб., 1848. Т. 2. С. 4—5.
- ⁶ См.: Тихомиров М. Н. «Список русских городов, дальних и ближних» // Ист. зап. М., 1952. № 40. С. 215—220.
- ⁷ См.: ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7. С. 240.
- ⁸ Анпилогов Г. Н. О городе Курске X—XVI вв. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1979. № 5. С. 52.
- ⁹ См.: Курск. Очерки истории города. Воронеж, 1975. С. 20—21.
- ¹⁰ См.: Загоревский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 104—106.
- ¹¹ Сборник РИО. СПб., 1884. Т. 41. С. 58.
- ¹² См.: АМГ. СПб., 1890. Т. 1. С. 11.
- ¹³ См.: Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута. М., 1892. С. 52—54.
- ¹⁴ См.: ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 196.
- ¹⁵ См.: Москаленко А. Н., Винников А. З. Древнерусские археологические памятники на Верхнем и Среднем Дону. (Материалы к археологической карте.) // Из истории Воронежского края. Воронеж, 1966. С. 54, 62—66.
- ¹⁶ Сочинение Игнатия Смольянина имеется в ряде сводных памятников древнерусской литературы, включая Никоновскую летопись. Выдержки из него даются в переложении на современный язык, сделанном М. Н. Тихомировым // См.: Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV века / Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1960. С. 507—508).
- ¹⁷ См.: ПСРЛ. М., 1965. Т. 13. С. 110.
- ¹⁸ Там же. Т. 11. С. 225.
- ¹⁹ См.: Барбашев А. Витовт. Последние двадцать лет княжения. 1410—1430. СПб., 1891. С. 196—198.
- ²⁰ См.: Сафаргалiev М. Г. Указ. соч. С. 258—267.
- ²¹ ПСРЛ. М., 1965. Т. 11. С. 228—229.
- ²² Там же. С. 233.
- ²³ См. напр.: Елец. Воронеж, 1978. С. 14—15.
- ²⁴ ДДГ. М.; Л., 1950. С. 285—289.
- ²⁵ См.: Барбаро и Контарини о России. Л., 1971. С. 224—225.
- ²⁶ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1842. Т. 5. С. 203—204.
- ²⁷ ДДГ. С. 285.

- ²⁸ Там же. С. 288.
- ²⁹ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960. С. 816.
- ³⁰ Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута. М., 1892. С. 54.
- ³¹ ДДГ. С. 143. Прежде, при Дмитрии Донском, Тула принадлежала московскому князю и представляла собой своеобразный московский островок среди рязанских владений (ДДГ. С. 29). В начале XV в. она отмечена уже как рязанское владение (ДДГ. С. 53, 84).
- ³² См.: ДДГ. С. 193—199. Принципы датировки грамоты изложены Л. В. Черепниным в примечаниях, после текста.
- ³³ В исторической литературе, начиная с Н. М. Карамзина, «отпуск» князя Василия в Рязань датируется обычно 1464 годом. Напомним, что «6972 год» продолжался с 11 сентября 1463 г. до 31 августа 1464 г. по современному счету лет.
- ³⁴ ДДГ. С. 334, 339.
- ³⁵ См.: Загоровский В. П. Формирование и заселение Козловского уезда в XVII веке // Из истории Воронежского края. Воронеж, 1969. Вып. 3. С. 95—97.
- ³⁶ ДДГ. С. 335.
- ³⁷ ПСРЛ. М., 1965. Т. 10. С. 5.
- ³⁸ См.: Загоровский В. П. О древнем Воронеже и слове «Воронеж». Воронеж, 1977. С. 9—11, 68—81.
- ³⁹ Табола — левый приток Дона, в нее впадают Мокрая Табола и Сухая Табола (см.: Маштаков П. Л. Список рек Донского бассейна. Л., 1934. С. 1).
- ⁴⁰ См.: Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 136, 138.
- ⁴¹ Сборник РИО. СПб., 1884. Т. 41. С. 411—412.
- ⁴² По П. Л. Маштакову, р. Становая Ряса имеет следующие притоки: Ягодную Рясу, Гушину Рясу, Раковую Рясу, Колодезную Рясу.
- ⁴³ См.: Сборник РИО. СПб., 1884. Т. 41. С. 365—366.
- ⁴⁴ Там же. С. 280.
- ⁴⁵ Там же. С. 403.
- ⁴⁶ См.: Загоровский В. П. Флот на Дону до Петра // Подъем. 1957. № 2. С. 143.
- ⁴⁷ Барбаро и Контарини о России. Л., 1971. С. 150.
- ⁴⁸ Сборник РИО. СПб., 1884. Т. 41. С. 113, 118.
- ⁴⁹ См.: Там же. С. 149.
- ⁵⁰ См.: Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 259.

Глава II

- ¹ ПСРЛ. М., 1965. Т. 12. С. 252.
- ² См.: Сборник РИО. СПб., 1884. Т. 41. С. 318.
- ³ Василий Шемячич был внуком активного участника феодальной войны на Руси князя Дмитрия Шемяки, праправнуком Дмитрия Донского.
- ⁴ См.: АЗР. СПб., 1848. Т. 2. С. 53—54.
- ⁵ См.: Сборник РИО. СПб., 1895. Т. 95. С. 86—89.
- ⁶ О «поимании» Шемячича см. далее.
- ⁷ См.: Дунаев Б. И. Преподобный Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке. М., 1916. С. 34.

⁸ События внешнеполитической истории России этого времени в общих чертах освещены в исследованиях К. В. Базилевича и И. Б. Грекова (см.: Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства (вторая половина XV века). М., 1952; Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963).

⁹ Сборник РИО. Т. 41. С. 405—407.

¹⁰ Там же. С. 364.

¹¹ Там же. С. 356.

¹² Там же. С. 361.

¹³ Там же. С. 350.

¹⁴ Там же. С. 367.

¹⁵ Там же. С. 366.

¹⁶ Там же. С. 368.

¹⁷ Там же. С. 370.

¹⁸ Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 443.

¹⁹ Сборник РИО. Т. 41. С. 419.

²⁰ В 1502 г. Кыркор являлся столицей Крымского ханства.

²¹ Сборник РИО. Т. 41. С. 417.

²² Позже Ших-Ахмет оказался в качестве пленника в Литве.

²³ Сборник РИО. Спб., 1882. Т. 35. С. 380.

²⁴ ДДГ. С. 357—358.

²⁵ См.: Сыроечковский В. Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Учен. зап. Моск. ун-та. 1940. Вып. 61. Т. 2. С. 6—7.

²⁶ См.: Там же.

²⁷ См.: Сборник РИО. Т. 95. С. 105—130.

²⁸ Там же. Т. 41. С. 473.

²⁹ ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 8. В русских документах имя Мухаммед писалось обычно как «Магмет».

³⁰ Мухаммед-Эмин заявил, что присягал Ивану III и его внуку Дмитрию Ивановичу, а не Василию III (см.: ПСРЛ. Л., 1977. Т. 33. С. 134).

³¹ ПСРЛ. Т. 33. С. 134—135.

³² АЗР. Т. 2. С. 8—10.

³³ Там же. С. 4.

³⁴ Там же. С. 4—5.

³⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 3. С. 228.

³⁶ АЗР. Т. 2. С. 4.

³⁷ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 82.

³⁸ См.: Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963. С. 235.

³⁹ АЗР. Т. 2. С. 4.

⁴⁰ См.: Орбели И. А. Синхронистические таблицы хиджры и европейского летосчисления. М.; Л., 1961. С. 189. Первый день сафара соответствовал в 1507 г. 12 июня и приходился на субботу. Следовательно, пятница 21 сафара — это 2 июля 1507 г.

⁴¹ ПСРЛ. М., 1965. Т. 43. С. 5. В. Д. Назаров в статье «В Диком поле» (Вопр. истории. 1970. № 2. С. 97) ошибочно датирует это татарское нападение 1508 г.

⁴² Флетчер Д. О государстве Русском. Спб., 1906. С. 79.

⁴³ Якуб Ивашенцев назван в речи русского дипломата и политического деятеля Шигоны Поджогина, произнесенной перед литовскими послами в 1517 г. (см.: Сборник РИО. Т. 35. С. 521).

- ⁴⁴ Сборник РИО. Т. 35. С. 521.
- ⁴⁵ См.: АЗР. Т. 2. С. 48.
- ⁴⁶ Там же. С. 53—54.
- ⁴⁷ Имя «царицы» (Нур-Султана) мы даем в форме, употребленной в Иоасафовской летописи.
- ⁴⁸ См.: Каргалов В. В. На степной границе. М., 1974. С. 42.
- ⁴⁹ Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950. С. 102—103.
- ⁵⁰ Такая мысль высказана, в частности, в наказе послу В. А. Коробову, отправившемуся в 1515 г. в Турцию (см.: Сборник РИО. Т. 95. С. 108).
- ⁵¹ РК 1475—1598 гг. М., 1966. С. 45—46.
- ⁵² См.: ПСРЛ. Т. 13. С. 15.
- ⁵³ См.: РК 1475—1598 гг. С. 46.
- ⁵⁴ См.: Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 160.
- ⁵⁵ См.: Зимин А. А. Указ. соч. С. 149.
- ⁵⁶ Сборник РИО. Т. 95. С. 103—104.
- ⁵⁷ Там же. С. 159.
- ⁵⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 15 Такой же текст помещен в Иоасафовской летописи.
- ⁵⁹ ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 217.
- ⁶⁰ См.: Зимин А. А. Указ. соч. С. 149; Каргалов В. В. Указ. соч. С. 44.
- ⁶¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 15; Иоасафовская летопись. С. 160.
- ⁶² Сборник РИО. Т. 95. С. 104.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Там же. С. 153.
- ⁶⁵ Там же. С. 154.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ См.: Там же. С. 104, 108.
- ⁶⁸ Там же. С. 153.
- ⁶⁹ См.: Зимин А. А. Указ. соч. С. 173—186.
- ⁷⁰ См.: Сборник РИО. Т. 95. С. 338.
- ⁷¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 26.
- ⁷² Боплан. Описание Украины. Спб., 1832. С. 50.
- ⁷³ ПСРЛ. Т. 13. С. 26.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Сборник РИО. Т. 95. С. 504.
- ⁷⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 28.
- ⁷⁷ См.: РК 1475—1598 гг. С. 61—65.
- ⁷⁸ Сборник РИО. Т. 95. С. 631.
- ⁷⁹ См.: Там же. С. 678.
- ⁸⁰ См.: РК 1475—1598 гг. С. 65—67.
- ⁸¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 38.
- ⁸² Каргалов В. В. Указ. соч. С. 67.
- ⁸³ См.: АСЭИ. М., 1964. Т. 3. С. 402.
- ⁸⁴ См.: Дунаев Б. И. Преподобный Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке. М., 1916. С. 34.
- ⁸⁵ См.: Сборник РИО. Т. 95. С. 676—679, 705—706.
- ⁸⁶ Там же. С. 706.
- ⁸⁷ АСЭИ. Т. 3. С. 407.
- ⁸⁸ См.: Сборник РИО. Т. 95. С. 706. Полагаем, что проводниками могли быть участники прежних крымских посольств, приезжавшие прежде в Москву татарские гонцы.
- ⁸⁹ ПСРЛ. Т. 34. С. 14.

- 90 Там же.
- 91 См.: Там же.
- 92 См.: АСЭИ. Т. 3. С. 402.
- 93 См.: Сборник РИО. Т. 95. С. 640.
- 94 См.: РК 1475—1598 гг. С. 66—67.
- 95 См.: АСЭИ. Т. 3. С. 406—409.
- 96 См.: Там же. С. 407.
- 97 См.: РК 1475—1598 гг. С. 68—69.
- 98 См.: Сыроечковский В. Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Учен. зап. Моск. ун-та. 1940. Вып. 61. Т. 2. С. 157.
- 99 ПСРЛ. Т. 34. С. 14.
- 100 Дунаев Б. И. Указ. соч. С. 57.
- 101 Там же.
- 102 См.: Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской порты до начала XVIII века. Спб., 1887. С. 393.
- 103 См.: Дунаев Б. И. Указ. соч. С. 61—62.
- 104 Там же. С. 58.
- 105 Там же. С. 77.
- 106 ПСРЛ. Т. 13. С. 43.
- 107 См.: Сборник РИО. Т. 95. С. 239.
- 108 Там же. С. 175—176.
- 109 См.: Там же. С. 88.
- 110 Герберштейн С. Записки о московитских делах. Спб., 1908. С. 110. Несмотря на появление в 1988 г. нового издания «Записок», мы решили здесь процитировать текст по изданию 1908 г., которое в ряде случаев представляется нам более удачным.
- 111 Греков И. Б. Указ. соч. С. 248.
- 112 ПСРЛ. Т. 13. С. 69.
- 113 Там же. С. 84.
- 114 Там же. С. 64—65.
- 115 Там же. С. 70.
- 116 Каргалов В. В. Указ. соч. С. 75.
- 117 Там же. С. 83—84.
- 118 ПСРЛ. Т. 13. С. 70.
- 119 См.: Там же. В Постниковском летописце имеется краткое сообщение о том, что Василий III будто бы 14 августа 1533 г. получил «весть с Поля» о походе татар к Рязани (ПСРЛ. Т. 34. С. 17). Речь идет, несомненно, об известиях, привезенных Н. Кобяковым. В этом нас убеждает подробное описание деятельности Василия III 14 и 15 августа, приведенное в Никоновской летописи.
- 120 ПСРЛ. Т. 13. С. 70.
- 121 Там же. С. 71.
- 122 См.: РК 1475—1598 гг. С. 81—83.
- 123 Карамзин Н. М. История государства Российского. Спб., 1842. Т. 7. С. 98.
- 124 ПСРЛ. Т. 13. С. 97.
- 125 Там же.
- 126 См.: РК 1475—1598 гг. С. 90.
- 127 ПСРЛ. Т. 13. С. 130.
- 128 Там же. С. 135.
- 129 См.: Там же. С. 136.
- 130 Там же. С. 100—101.
- 131 И. Ф. Бельский по отцовской линии был потомком литовского

князя Гедимина, по материнской — родственником московских князей, троюродным братом Ивана IV.

¹³² ПСРЛ. Т. 13. С. 101.

¹³³ См.: РК 1475—1598 гг. С. 102.

¹³⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 104.

¹³⁵ Там же. С. 101.

¹³⁶ См.: Там же. С. 137.

¹³⁷ Там же. С. 101—102.

¹³⁸ «А от усть реки Осетра от Ростиславля до усть реки Москвы 20 верст» (Книга Большому чертежу. М.; Л., 1950. С. 121).

¹³⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 108. Тара — водоходная посудина (см.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1982. Т. 4. С. 390).

¹⁴⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 110.

¹⁴¹ См.: Там же. С. 112—113.

¹⁴² Там же. С. 141.

¹⁴³ Там же. Т. 34. С. 27.

¹⁴⁴ Там же. Т. 13. С. 145.

¹⁴⁵ См.: РК 1475—1598 гг. С. 103, 104, 108.

¹⁴⁶ ПСРЛ. Т. 34. С. 27.

¹⁴⁷ Там же. Т. 13. С. 143.

¹⁴⁸ Там же. С. 146.

¹⁴⁹ Там же. Т. 34. С. 28.

¹⁵⁰ См.: Там же. Т. 13. С. 160—161.

¹⁵¹ Там же. С. 161.

¹⁵² Слово «колонизация», как известно, употребляется в двух значениях. В данном случае имеются в виду заселение и хозяйственное освоение незаселенных или запустевших территорий.

¹⁵³ Сборник РИО. Т. 41. С. 413.

¹⁵⁴ Там же. С. 472.

¹⁵⁵ Там же. Т. 95. С. 140.

¹⁵⁶ См.: Там же. С. 94.

¹⁵⁷ См.: Дунаев Б. И. Указ. соч. С. 34. Дело было весной 1522 г., через несколько месяцев после нашествия Мухаммед-Гирея на Россию.

¹⁵⁸ См.: Сборник РИО. Т. 41. С. 473.

¹⁵⁹ Там же. Т. 95. С. 101.

¹⁶⁰ Там же. С. 142.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Дунаев Б. И. Указ. соч. С. 55.

¹⁶³ Сборник РИО. Т. 95. С. 230.

¹⁶⁴ Дунаев Б. И. Указ. соч. С. 55.

¹⁶⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 157. «Сверстный» — взрослый. В 1549 г. в Казани после смерти Сафа-Гирея ханом стал его малолетний сын Утемыш.

¹⁶⁶ [Сухоруков В. Д.] Историческое описание земли Войска Донского. Новочеркасск, 1903. С. 3.

¹⁶⁷ Там же. В разрядных книгах М. М. Троекуров отмечен в качестве наместника в Путивле в 1543 г.

¹⁶⁸ [Сухоруков В. Д.] Указ. соч. С. 8.

¹⁶⁹ Сборник РИО. Т. 95. С. 89. Тебенёк — подвеска у седла.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² Дунаев Б. И. Указ. соч. С. 62.

¹⁷³ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Белг. ст., № 795, л. 278.

¹⁷⁴ См.: Даль В. И. Указ. соч. Т. 4. С. 169.

Глава III

- ¹ РК 1475—1598 гг. М., 1966. С. 131.
- ² См.: Там же. С. 132.
- ³ См.: Там же. С. 133.
- ⁴ РК 1550—1636 гг. М., 1975. Ч. 1. С. 25.
- ⁵ См.: ПСРЛ. М., 1965. Т. 13. С. 161.
- ⁶ См.: РК 1475—1598 гг. С. 131.
- ⁷ См.: Там же. С. 145; РК 1550—1636 гг. Ч. 1. С. 36; ПСРЛ. Т. 13. С. 240.
- ⁸ Никольская Т. Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна Верхней и Средней Оки в IX—XIII вв. М., 1981. С. 131.
- ⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 240.
- ¹⁰ РК 1475—1598 гг. С. 148.
- ¹¹ См.: Там же. С. 161.
- ¹² РК 1550—1636 гг. Ч. 1. С. 66.
- ¹³ РК 1475—1598 гг. С. 165.
- ¹⁴ РК 1475—1605 гг. М., 1981. Т. 2, ч. II. С. 69.
- ¹⁵ Там же. М., 1982. Т. 2, ч. 2. С. 247.
- ¹⁶ РК 1475—1598 гг. С. 268, 297.
- ¹⁷ См.: Там же. С. 385, 401.
- ¹⁸ См.: Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута. М., 1892. С. 47—48.
- ¹⁹ См.: ДДГ. М.; Л., 1950. С. 117—118.
- ²⁰ См.: Назаров В. Д. Тайна челобитной Ивана Воротынского // Вопр. истории. 1961. № 1. С. 211.
- ²¹ См.: РК 1475—1598 гг. С. 156, 159.
- ²² Там же. С. 183.
- ²³ Там же. С. 195.
- ²⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 342.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ См.: РК 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 1. С. 99.
- ²⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 344. Для братьев Воротынских это была не первая опала. Они уже подвергались ей во время регентства Елены Глинской.
- ²⁸ См.: РК 1550—1636 гг. Ч. 1. С. 124.
- ²⁹ См.: РК 1475—1598 гг. С. 215, 221.
- ³⁰ См.: Скрынников Р. Г. Опричный террор // Учен. зап. Лeningr. гос. пед. ин-та. Л., 1969. Т. 374. С. 202.
- ³¹ Сборник РИО. СПб., 1892. Т. 71. С. 345.
- ³² См.: Лурье Я. С. Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV // Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 509.
- ³³ Послания Ивана Грозного. С. 257, 265.
- ³⁴ См.: Там же. С. 261.
- ³⁵ См.: РК 1475—1598 гг. С. 229.
- ³⁶ См.: Там же. С. 224—225.
- ³⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 405.
- ³⁸ ЦГАДА, ф. 210, столбцы Белг. ст., № 65, л. 21.
- ³⁹ См.: Там же. л. 23, 29.
- ⁴⁰ Скрынников Р. Г. Указ. соч. С. 199.
- ⁴¹ ПКМГ. СПб., 1877. Т. I. Отд. 2. С. 1595—1596.
- ⁴² См.: Там же. С. 1537—1550.
- ⁴³ См.: ДДГ. С. 435.
- ⁴⁴ РК 1475—1598 гг. С. 268, 288.

- ⁴⁵ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 136, 138.
- ⁴⁶ Дунаев Б. И. Преподобный Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке. М., 1916. С. 55.
- ⁴⁷ См.: Загоровский В. П. // Из истории Воронежского края. Воронеж, 1975. Вып. 5. С. 52—66.
- ⁴⁸ См.: РК 1475—1605. Т. 2, ч. 2. С. 233—234.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Курбский А. М. История о великом князе Московском // РИБ. Спб., 1914. Т. 31. Стб. 305.
- ⁵¹ См.: РК 1475—1598 гг. С. 229.
- ⁵² ЦАДА, ф. 1209, № 229, л. 431—432.
- ⁵³ См.: Загоровский В. П. Исследования и заметки по исторической географии Центрального Черноземья XVI века // Историческая география Черноземного центра России (дооктябрьский период). Воронеж, 1989. С. 14—16.
- ⁵⁴ ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 191.
- ⁵⁵ См.: РК 1475—1598 гг. С. 231.
- ⁵⁶ См.: Там же. С. 238.
- ⁵⁷ См.: ПСРЛ. Т. 13. С. 157.
- ⁵⁸ РК 1475—1598 гг. С. 132.
- ⁵⁹ См.: Там же.
- ⁶⁰ См.: Там же. С. 133.
- ⁶¹ См.: Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской порты до начала XVIII века. Спб., 1887. С. 423—424.
- ⁶² ПСРЛ. Т. 13. С. 488.
- ⁶³ РК 1475—1598 гг. С. 134.
- ⁶⁴ Там же. С. 135.
- ⁶⁵ См.: Там же. С. 135—136.
- ⁶⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 485.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Там же. С. 488.
- ⁷⁰ Там же. С. 487.
- ⁷¹ РК 1475—1598 гг. С. 136.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ ПСРЛ. Т. 34. С. 186.
- ⁷⁴ Там же. Т. 13. С. 488.
- ⁷⁵ См.: Там же. Т. 34. С. 186.
- ⁷⁶ См.: Книга Большому чертежу. М.; Л., 1950. С. 59.
- ⁷⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 488.
- ⁷⁸ Там же. С. 233.
- ⁷⁹ Там же. С. 234.
- ⁸⁰ Книга Большому чертежу. С. 62.
- ⁸¹ РК 1550—1636 гг. Ч. 1. С. 30.
- ⁸² ПСРЛ. Т. 13. С. 241.
- ⁸³ Там же. С. 242.
- ⁸⁴ Там же. С. 236. Конечно, Астрахань и Тмутаракань — разные вещи, но в XVI в. доводы А. Адашева не встретили возражений.
- ⁸⁵ РК 1550—1636 гг. Ч. 1. С. 36.
- ⁸⁶ См.: ПСРЛ. М., 1965. Т. 13. С. 245.
- ⁸⁷ Там же. С. 255.
- ⁸⁸ РК 1475—1598 гг. С. 149.
- ⁸⁹ Курбский А. М. Указ. соч. Стб. 221—225.
- ⁹⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 256.
- ⁹¹ Там же.

⁹² О старинных «валках» между речками Мжой и Коломаком, об их последующей судьбе см.: Загоровский В. П. Изюмская черта. Воронеж, 1980. С. 69—71, 150—151.

⁹³ См.: РК 1475—1598 гг. М., 1966. С. 149.

⁹⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 256. На упомянутых И. Григорьевым татарских перелазях у Северского Донца в XVII в. возникли городки, вошедшие в Изюмскую черту: Изюм, Савинский, Балаклея, Бишкин (см.: Загоровский В. П. Изюмская черта. С. 154).

⁹⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 257.

⁹⁶ Ширый Кобяков неоднократно упоминается в разрядных книгах. В 1554 г. он участвовал во взятии Астрахани, в 1559 г. был одним из помощников Даниила Адашева во время морского похода в Крым.

⁹⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 257.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ РК 1475—1598 гг. С. 150.

¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 256.

¹⁰¹ Курбский А. М. Указ. соч. Стб. 221.

¹⁰² ПСРЛ. Т. 13. С. 257.

¹⁰³ Там же. С. 256.

¹⁰⁴ Там же. С. 257.

¹⁰⁵ Там же. С. 258.

¹⁰⁶ Там же. С. 257.

¹⁰⁷ См.: Курбский А. М. Указ. соч. Стб. 225.

¹⁰⁸ По словам И. Трофимова и Б. Шелонина, Девлет-Гирей «назад наспех шел, блюдась царя и великого князя прихода на себя» (ПСРЛ. Т. 13. С. 262).

¹⁰⁹ О возможности похода Ивана IV на Крым говорилось, в частности, в наказе послу Ф. Загряжскому, выехавшему ранней весной 1555 г. к ногайскому князю Измаилу с «тайным делом» (см.: Кушева Е. Н. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг. // Ист. зап. М., 1950. № 34. С. 248).

¹¹⁰ См.: Сборник РИО. СПб., 1887. Т. 59. С. 511.

¹¹¹ См.: Курбский А. М. Указ. соч. Стб. 79.

¹¹² См.: Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 12.

¹¹³ См.: РК 1475—1598 гг. С. 153.

¹¹⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 269.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ См.: РК 1475—1598 гг. С. 156; РК 1550—1636 гг. С. 51—54.

¹¹⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 270.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Там же. Лъзя — можно; докуда — куда бы.

¹²⁰ Там же. Т. 13. С. 271.

¹²¹ См.: Там же. С. 273—277.

¹²² Там же. С. 272.

¹²³ РК 1475—1598 гг. С. 161.

¹²⁴ См.: ПСРЛ. Т. 13. С. 275.

¹²⁵ См.: Там же. С. 275—277.

¹²⁶ См.: РК 1550—1636 гг. С. 62.

¹²⁷ См.: РК 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 1. С. 7.

¹²⁸ См.: ПСРЛ. Т. 13. С. 279.

¹²⁹ См.: Новосельский А. А. Указ. соч. С. 15—16.

¹³⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 281.

¹³¹ Там же.

- ¹³² Там же. С. 286.
- ¹³³ Там же.
- ¹³⁴ Там же. С. 283.
- ¹³⁵ Там же. С. 288.
- ¹³⁶ См.: Курбский А. М. Указ. соч. Стб. 240.
- ¹³⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 296. Поход русских войск к Перекопу в 1558 г. слабо освещен в исторической литературе и еще ждет своих исследователей.
- ¹³⁸ Кушева Е. Н. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг. // Ист. зап. М., 1950. Кн. 34. С. 260.
- ¹³⁹ См.: Книга посольская метрики великого княжества Литовского. М., 1843. Т. 1, № 86, 88.
- ¹⁴⁰ См.: РК 1475—1598 гг. С. 169.
- ¹⁴¹ РК 1550—1636 гг. М., 1975. С. 84, 93.
- ¹⁴² ПСРЛ. Т. 13. С. 314.
- ¹⁴³ Там же. Расстояние от низовьев р. Мечи до крайних для того времени русских селений у Дедилова и Рязска составляет примерно 100 километров.
- ¹⁴⁴ См.: ПСРЛ. Т. 13. С. 314—315.
- ¹⁴⁵ См.: Там же. С. 315.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 318. А. А. Новосельский датирует этот татарский поход не концом, а началом 1558 г., допуская, на наш взгляд, неточность (см.: Новосельский А. А. Указ. соч. С. 427).
- ¹⁴⁷ Новосельский А. А. Указ. соч. С. 427.
- ¹⁴⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 318.
- ¹⁴⁹ См.: Там же. С. 316.
- ¹⁵⁰ Там же. С. 315.
- ¹⁵¹ См.: Загоровский В. П. Исследования и заметки по исторической географии... С. 11—13.
- ¹⁵² РК 1475—1598 гг. С. 179.
- ¹⁵³ Кушева Е. Н. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг. С. 261.
- ¹⁵⁴ См.: РК 1475—1598 гг. С. 178.
- ¹⁵⁵ Там же.
- ¹⁵⁶ Там же.
- ¹⁵⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 318—319.
- ¹⁵⁸ Там же. С. 324.
- ¹⁵⁹ См.: Там же. С. 320.
- ¹⁶⁰ Там же. С. 324.
- ¹⁶¹ Кушева Е. Н. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг. С. 262—263.
- ¹⁶² См.: РК 1475—1598 гг. С. 180.
- ¹⁶³ Там же. С. 183; См. также РК 1550—1636 гг. С. 88; РК 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 1. С. 57.
- ¹⁶⁴ См.: АМГ. СПб., 1890. Т. II. С. 500, 508, 510.
- ¹⁶⁵ См.: Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 47.
- ¹⁶⁶ См.: Новосельский А. А. Указ. соч. С. 427.
- ¹⁶⁷ РК 1475—1598 гг. С. 183.
- ¹⁶⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 326.
- ¹⁶⁹ Там же.
- ¹⁷⁰ Там же.
- ¹⁷¹ Там же. С. 327.
- ¹⁷² См.: Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи

с Россией. Вторая половина XVI — 30-е годы XVII века. М., 1963.

- 173 РК 1550—1636 гг. С. 92.
174 РК 1475—1598 гг. С. 188—189.
175 См.: Там же. С. 187.
176 РК 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 1. С. 73.
177 ПСРЛ. Т. 13. С. 328.
178 РК 1550—1636 гг. С. 96.
179 ПСРЛ. Т. 13. С. 332.
180 Там же. С. 339.
181 Там же.
182 См.: Кушева Е. Н. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг. С. 265.
183 ПСРЛ. Т. 13. С. 341.
184 Там же. С. 343.
185 Там же.
186 Там же. С. 340.
187 См.: РК 1475—1598 гг. С. 197.
188 См. выше, начало этой главы.
189 ПСРЛ. Т. 13. С. 342.
190 См.: РК 1475—1598 гг. С. 178.
191 ЦГАДА, ф. 123, кн. 10, л. 26 об.
192 Там же, л. 59 об.
193 ПСРЛ. Т. 13. С. 384.
194 См.: Новосельский А. А. Указ. соч. С. 18—28.
195 См.: Там же. С. 20—21.
196 Там же. С. 24.
197 См.: ЦГАДА, ф. 123, кн. 10, л. 110—112; Новосельский А. А. Указ. соч. С. 428. Имя «Мухаммед-Гирей» в русских документах воспроизводилось обычно в форме «Магмет-Гирей».
198 РК 1475—1598 гг. С. 202.
199 См.: Там же. С. 206—207. Данный перечень городов «от Поля» не является полным, в нем нет, в частности, Новосили, Шацка.
200 РК 1475—1598 гг. С. 214.
201 См.: Там же. С. 214—216.
202 См.: РК 1550—1636 гг. С. 136; РК 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 1. С. 169—170.
203 См.: ПСРЛ. Т. 13. С. 389.
204 Там же. С. 382.
205 Там же. С. 392.
206 См.: РК 1550—1636 гг. С. 149.
207 РК 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 1. С. 179.
208 РК 1475—1598 гг. С. 216.
209 Там же. С. 224.
210 См.: Там же.
211 ПСРЛ. Т. 13. С. 401—402.
212 См.: Там же. С. 403.
213 См.: Там же. С. 404.
214 РК 1475—1598 гг. С. 224.
215 РК 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 229.
216 См.: Там же. С. 234.
217 Там же. С. 233—234.
218 Там же. С. 238.
219 См.: РК 1475—1598 гг. С. 229—230.
220 Новосельский А. А. Указ. соч. С. 25—27.

- 221 ПСРЛ. Т. 34. С. 192.
 222 См.: Скрынников Р. Г. Указ. соч. С. 143.
 223 РК 1475—1598 гг. С. 231—232; см. также: РК 1550—1636 гг. С. 172—174.
 224 РК 1550—1636 гг. С. 174.
 225 Из современников событий об этом упоминает А. Шлихтинг (см.: Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л., 1934).
 226 РК 1475—1598 гг. С. 232.
 227 Там же. С. 233.
 228 Там же. С. 235.
 229 Там же.
 230 См.: Там же.
 231 Там же.
 232 См.: Там же. С. 237.
 233 Там же.
 234 «За покров святой богородицы с неделю».
 235 АМГ. Т. 1. С. 1.

Глава IV

- 1 АМГ. Спб., 1890. Т. 1. С. 1.
 2 См.: ЦГАДА, ф. 210, кн. Моск. ст. № 1.
 3 АМГ. Т. 1. С. 2.
 4 См.: Там же. С. 2—7.
 5 См.: Там же.
 6 См.: Там же. С. 14.
 7 См.: Там же. С. 9.
 8 См.: ЦГАДА, ф. 123, оп. 1, кн. 14.
 9 Там же, л. 22—22 об.
 10 Б. Шапкин, С. Клавшов и крымский гонец Янмагмет приехали в Путивль 4 октября 1571 г. В связи с эпидемией они были задержаны на несколько недель в Боровске.
 11 ЦГАДА, ф. 123, оп. 1, кн. 14, л. 3 об.
 12 См.: Там же, л. 5.
 13 Там же, л. 14.
 14 Там же, л. 23—23 об.
 15 Там же, л. 24.
 16 Там же, л. 25.
 17 Книга Большому чертежу. М.; Л., 1950. С. 114—115.
 18 Скрынников Р. Г. Опричный террор. Л., 1969. С. 123.
 19 См.: АМГ. Т. 1. С. 14.
 20 Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // Рус. ист. журнал. Пг., 1922. Кн. 8. С. 52.
 21 См.: РК 1475—1605 гг. М., 1982. Т. 2, ч. 2. С. 277.
 22 ЦГАДА, ф. 123, оп. 1, кн. 14, л. 25.
 23 Там же, л. 25—25 об.
 24 Там же, л. 25 об.
 25 Там же, л. 28 об.
 26 См.: ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 191. Речь идет о словах: «И прежде прииде на Тулу и пожег посады».
 27 См.: Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 452.
 28 См.: Скрынников Р. Г. Указ. соч. С. 125.
 29 См.: ПСРЛ. М., 1965. Т. 13. С. 301.
 30 См.: Скрынников Р. Г. Указ. соч. С. 126.

- ³¹ РК 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 280.
- ³² ПСРЛ. Т. 13. С. 300.
- ³³ Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. С. 52.
- ³⁴ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М., 1925. С. 107.
- ³⁵ Ист. архив. М., 1940. Т. 3. С. 388.
- ³⁶ РК 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 282.
- ³⁷ Скрынников Р. Г. Указ. соч. С. 128.
- ³⁸ ПКМГ. Спб., 1877. Ч. 1. Отд. 2. С. 1299.
- ³⁹ См.: Там же. С. 1588—1595.
- ⁴⁰ АМГ. Т. 1. С. 15.
- ⁴¹ ЦГАДА, ф. 210, столбцы Безгласного ст. № 51, л. 20.
- ⁴² АМГ. Т. 1. С. 17.
- ⁴³ ЦГАДА, ф. 123, оп. 1, кн. 14, л. 27 об. — 28.
- ⁴⁴ Штаден Г. Указ. соч. С. 110—112.
- ⁴⁵ ПСРЛ. Т. 34. С. 192.
- ⁴⁶ См.: Там же.
- ⁴⁷ Курбский А. М. История о великом князе Московском // РИБ. Спб., 1914. Т. 31. С. 287.
- ⁴⁸ См.: РК 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 293.
- ⁴⁹ См.: Ист. архив. 1959. № 4. С. 174—177.
- ⁵⁰ См.: РК 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 309.
- ⁵¹ Ист. архив. 1959. № 4. С. 167.
- ⁵² Буганов В. И. Документы о сражении при Молодях в 1972 г. // Ист. архив. 1959. № 4. С. 167.
- ⁵³ См. гл. III.
- ⁵⁴ См.: Ист. архив. 1959. № 4. С. 169—174.
- ⁵⁵ Там же. С. 170.
- ⁵⁶ См.: Там же. С. 175.
- ⁵⁷ М. Черкашенин и некоторые его казаки в 1562 г. получили поместья в Рыльском уезде.
- ⁵⁸ Небольшую социальную группу поместных казаков в составе южнорусского населения автор этой книги рассмотрел применительно к первой половине XVII в. в монографии «Белгородская черта».
- ⁵⁹ Ист. архив. 1959. № 4. С. 170.
- ⁶⁰ РК 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 310.
- ⁶¹ См.: Штаден Г. Указ. соч. С. 112.
- ⁶² РК 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 313.
- ⁶³ Штаден Г. Указ. соч. С. 111.
- ⁶⁴ РК 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 312—314; ПСРЛ. Т. 34. С. 224—225.
- ⁶⁵ РК 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 339.
- ⁶⁶ Там же. С. 341.
- ⁶⁷ Там же. С. 342—345.
- ⁶⁸ Там же. С. 339.
- ⁶⁹ Там же. С. 355.
- ⁷⁰ Там же. С. 356.
- ⁷¹ Там же. С. 362—363.
- ⁷² Там же. С. 364.
- ⁷³ Там же. С. 371.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Там же. С. 381—382.
- ⁷⁶ Там же. С. 383.
- ⁷⁷ АМГ. Т. 1. С. 31.

- ⁷⁸ См.: Там же.
- ⁷⁹ См.: РК 1559—1605 гг. М., 1974. С. 115; РК 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 376. Вторым воеводой после М. Д. Карпова записан П. Ивашкин.
- ⁸⁰ АМГ. Т. 1. С. 31.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² См.: Там же.
- ⁸³ См.: Там же. С. 38.
- ⁸⁴ Там же. С. 35.
- ⁸⁵ «Мещерскими городами» считались Кадом, Темников, иногда — Шацк.
- ⁸⁶ АМГ. Т. 1. С. 33—34.
- ⁸⁷ РК 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 414.
- ⁸⁸ РК 1475—1598 гг. М., 1966. С. 271.
- ⁸⁹ РК 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 434—436.
- ⁹⁰ См.: Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской порты до начала XVIII века. Спб., 1887. С. 437. В молодые годы Мухаммед-Гирей, видимо, не был толстым. В 1558 г. и в 1563 г., как отмечалось выше, он возглавлял набеги на русскую Украину.
- ⁹¹ См.: Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 432.
- ⁹² РК 1475—1598 гг. С. 306.
- ⁹³ См.: РК 1559—1605 гг. С. 172.
- ⁹⁴ См.: Там же. С. 167—170.
- ⁹⁵ См.: РК 1475—1598 гг. С. 302.
- ⁹⁶ Там же. С. 303.
- ⁹⁷ Там же.
- ⁹⁸ См.: РК 1559—1605 гг. С. 181—182. Плова и Солова записаны с общим осадным головой.
- ⁹⁹ РК 1559—1605 гг. С. 182.
- ¹⁰⁰ См.: Новосельский А. А. Указ. соч. С. 432.
- ¹⁰¹ РК 1475—1598 гг. С. 327.
- ¹⁰² Текст договора опубликован в «Книге посольской метрики Великого княжества Литовского».
- ¹⁰³ Книга посольская метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государственование короля Стефана Батория. М., 1843. С. 233—234.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 35.
- ¹⁰⁵ См.: Успенский Ф. И. Наказ царя Ивана Васильевича Грозного князю Елецкому с товарищами. Одесса, 1885; Он же. Переговоры о мире между Россией и Польшей в 1581—1582 гг. Одесса, 1887; Флоря Б. Н. Россия, Речь Посполитая и конец Литовской войны // Сов. славяноведение. 1972. № 2. С. 25—35.
- ¹⁰⁶ См.: РК 1475—1598 гг. С. 341.
- ¹⁰⁷ АМГ. Т. 1. С. 57—58.
- ¹⁰⁸ РК 1475—1605 гг. М., 1987. Т. 3, ч. 2. С. 40.
- ¹⁰⁹ Там же.

Глава V

- ¹ См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 4. С. 259.
- ² См.: РК 1475—1598 гг. М., 1966. С. 343.
- ³ Подобная оценка донских казаков прослеживается в русских дипломатических документах с 70-х гг. XVI в.

- ⁴ См.: ЦГАДА, ф. 89, оп. 1, кн. 2, л. 317.
- ⁵ Там же, л. 318—318 об.
- ⁶ Там же, л. 335.
- ⁷ Там же, л. 340 об.
- ⁸ Там же, л. 323.
- ⁹ См.: РК 1475—1598 гг. С. 350—351.
- ¹⁰ См.: Там же. С. 353.
- ¹¹ См.: Лаппо И. И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория. Спб., 1901. С. 40, 82.
- ¹² ЦГАДА, ф. 123, оп. 1, кн. 16, л. 26 об.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ РК 1475—1598 гг. С. 354; см. также: РК 1475—1605 гг. М., 1987. Т. 3, ч. 2. С. 65.
- ¹⁵ См.: Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI—XVII вв. // Учен. зап. Моск. ун-та. 1946. Вып. 94. С. 136.
- ¹⁶ См.: Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. М., 1978. С. 120—129.
- ¹⁷ РК 1475—1598 гг. С. 354.
- ¹⁸ РК 1475—1605 гг. Т. 3, ч. 2. С. 65.
- ¹⁹ ЦГАДА, ф. 89, оп. 1, кн. 2, л. 335.
- ²⁰ Смирнов Н. А. Указ. соч. С. 135.
- ²¹ ЦГАДА, ф. 89, оп. 1, кн. 2, л. 340 об. — 341.
- ²² См.: РК 1475—1598 гг. С. 368.
- ²³ ЦГАДА, ф. 89, оп. 1, кн. 2, л. 349.
- ²⁴ Там же, л. 351.
- ²⁵ Воронеж в документах и материалах. Воронеж, 1987. С. 29.
- ²⁶ ЦГАДА, ф. 89, оп. 1, кн. 2, л. 357.
- ²⁷ Там же, ф. 123, оп. 1, кн. 16, л. 1.
- ²⁸ Там же, л. 28.
- ²⁹ РК 1475—1598 гг. С. 368.
- ³⁰ РК 1550—1636 гг. М., 1976. Ч. 2, вып. 1. С. 29—30.
- ³¹ Анпилогов Г. Н. Новые документы о России конца XVI — начала XVII в. М., 1967. С. 388.
- ³² См.: Загоровский В. П. Вопрос о русском флоте на Дону до Петра I // Из истории Воронежского края. Воронеж, 1961. С. 151—152.
- ³³ ЦГАДА, ф. 89, оп. 1, кн. 2, л. 343 об.
- ³⁴ Маржерет Ж. Россия начала XVII в. М., 1982. С. 145.
- ³⁵ См.: ЦГАДА, ф. 123, оп. 1, кн. 16, л. 72.
- ³⁶ РК 1475—1605 гг. Т. 3, ч. 2. С. 81.
- ³⁷ РК 1475—1598 гг. С. 371.
- ³⁸ См.: РК 1475—1605 гг. Т. 3, ч. 2. С. 90.
- ³⁹ См.: Там же. С. 88.
- ⁴⁰ Там же. С. 89.
- ⁴¹ Изв. Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1891. Т. 14. С. 66. Речь идет о новой дипломатической поездке И. С. Мясного в Крым. Перед этим, в 1584—1585 гг., он ездил туда в качестве гонца.
- ⁴² См.: РК 1475—1598 гг. С. 382; РК 1475—1605 гг. Т. 3, ч. 2. С. 97.
- ⁴³ См.: Изв. Таврической ученой архивной комиссии. Т. 14. С. 65.
- ⁴⁴ РК 1475—1605 гг. Т. 3, ч. 2. С. 99—100.
- ⁴⁵ Там же. С. 101.
- ⁴⁶ См.: РК 1475—1598 гг. С. 391—394.
- ⁴⁷ Флетчер Д. О государстве Русском. Спб., 1906. С. 62.

- ⁴⁸ РК 1475—1598 гг. С. 391—392.
- ⁴⁹ См.: Там же. С. 394.
- ⁵⁰ См.: Флоря Б. Н. Русско-польские отношения... С. 217—238.
- ⁵¹ Анпилогов Г. Н. Новые документы о России конца XVI — начала XVII в. С. 80.
- ⁵² Там же. С. 77.
- ⁵³ Из документа не вполне ясно, относилось ли имя «Денис» и прозвище «Селепский» к одному человеку или имелись в виду два атамана.
- ⁵⁴ Воронеж в документах и материалах. Воронеж, 1987. С. 30.
- ⁵⁵ ЦГАДА, ф. 123, оп. 1, кн. 18, л. 56 об. и след., 103 об. и след. В восточных источниках имя хана употребляется в форме «Гази-Гирей».
- ⁵⁶ РК 1475—1605 гг. Т. 3, ч. 2. С. 130—131.
- ⁵⁷ См.: Там же. С. 113.
- ⁵⁸ РК 1475—1598 гг. С. 431.
- ⁵⁹ Там же. С. 436.
- ⁶⁰ Деревянную крепость в Крапивне к этому времени, видимо, удалось восстановить после погрома 1587 г.
- ⁶¹ См.: ЦГАДА. Т. 123, оп. 1, кн. 20, л. 102.
- ⁶² Там же, ф. 89, оп. 1, кн. 3, л. 87 об. Эти сведения содержатся в отчете русского посла Г. Нащокина, отправившегося весной 1592 г. в Турцию. Они были получены послом от русских полоняников, находившихся в Крыму.
- ⁶³ РК 1475—1598 гг. С. 440.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ РК 1475—1605 гг. Т. 3, ч. 2. С. 205—206.
- ⁶⁶ РК 1475—1598 гг. С. 441.
- ⁶⁷ Говоря о 150 000 татар, А. Сухотин и С. Антыков, несомненно, преувеличивали численность наступавшего на Москву вражеского войска. Более реальным представляется нам число 100 000, сообщенное татарскими перебежчиками через ливенских воевод.
- ⁶⁸ Р. Г. Скрынников без критики пересказывает в книге «Россия накануне «смутного времени» (М., 1985. С. 90—91) отдельные события лета 1591 г. по Пискаревскому летописцу.
- ⁶⁹ ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 197.
- ⁷⁰ РК 1475—1598 гг. С. 441.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Там же. С. 442.
- ⁷³ РК 1475—1605 гг. Т. 3, ч. 2. С. 210.
- ⁷⁴ РК 1475—1598 гг. С. 443.
- ⁷⁵ РК 1475—1605 гг. Т. 3, ч. 2. С. 214—216.
- ⁷⁶ РК 1475—1598 гг. С. 444.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ РК 1475—1605 гг. Т. 3, ч. 2. С. 217.
- ⁷⁹ См.: ПСРЛ. Т. 34. С. 197.
- ⁸⁰ РК 1475—1598 гг. С. 450.
- ⁸¹ ЦГАДА, ф. 123, оп. 1, кн. 20, л. 103 об.
- ⁸² Там же, ф. 89, оп. 1, кн. 3, л. 87 об.
- ⁸³ См.: Анпилогов Г. Н. Новый документ об отводе земельного жалования елецким служилым людям (1593—1594 гг.) // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963. С. 454, 458.
- ⁸⁴ Анпилогов Г. Н. Новые документы о России конца XVI — начала XVII в. С. 339—340.
- ⁸⁵ Там же. С. 344.
- ⁸⁶ Там же. С. 355.

- ⁸⁷ См.: Там же. С. 312—321.
- ⁸⁸ Там же. С. 361.
- ⁸⁹ См.: Анпилогов Г. Н. Новый документ об отводе земельного жалованья... С. 452—461.
- ⁹⁰ См.: АМГ. Спб., 1890. Т. 1. С. 62—63.
- ⁹¹ ЦГАДА, ф. 123, оп. 1, кн. 20, л. 293 об. — 294.
- ⁹² ПСРЛ. М., 1965. Т. 14. С. 45.
- ⁹³ РК 1475—1598 гг. С. 462—463.
- ⁹⁴ ЦГАДА, ф. 123, оп. 1, кн. 19, л. 314—311 об.
- ⁹⁵ См.: Там же, ф. 123, оп. 1, кн. 20, л. 227—230.
- ⁹⁶ См.: Там же, кн. 21, л. 1—92.
- ⁹⁷ См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. С. 268—269; ЦГАДА, ф. 123, оп. 1, кн. 21, л. 189—315.
- ⁹⁸ См.: ЦГАДА, ф. 89, оп. 1, кн. 3, л. 286 об. — 297 об.
- ⁹⁹ Там же, л. 293 об.
- ¹⁰⁰ См.: РК 1475—1598 гг. С. 478—479.
- ¹⁰¹ Там же. С. 480.
- ¹⁰² Там же. С. 481, 489.
- ¹⁰³ См.: Багалеи Д. И. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI—XVIII столетии. Харьков, 1886. С. 1—4.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 4.
- ¹⁰⁵ РК 1475—1598 гг. С. 501.
- ¹⁰⁶ См.: ЦГАДА, ф. 123, оп. 1, кн. 21, л. 597—667.
- ¹⁰⁷ Там же, ф. 210, столбцы Белг. ст. № 1711, л. 1.
- ¹⁰⁸ Различные мнения о дате основания Белгорода были приведены автором этой книги в монографии «Белгородская черта» (см. Загородский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 43).
- ¹⁰⁹ Скрынников Р. Г. Россия накануне «смутного времени». М., 1985. С. 95.
- ¹¹⁰ Яковлев А. И. Засечная черта Московского государства в XVII веке. М., 1916. В данной монографии А. И. Яковлев не рассматривает историю создания «черты», он описывает ее применительно к 1638 г., когда на ней проходили ремонтные работы.
- ¹¹¹ ПКМГ. Спб., 1877. Ч. 1. Отд. 2. С. 1365, 1366, 1381, 1539 и др.
- ¹¹² См.: Там же. С. 1190 и след.
- ¹¹³ См.: РК 1475—1598 гг. С. 524—527.
- ¹¹⁴ См.: Там же. С. 516.
- ¹¹⁵ РК 1598—1638 гг. М., 1974. С. 15.
- ¹¹⁶ Там же. С. 16.
- ¹¹⁷ Там же. С. 22.
- ¹¹⁸ Там же. С. 27, 31.
- ¹¹⁹ Там же. С. 28.
- ¹²⁰ См.: Там же. С. 37.
- ¹²¹ Там же. С. 38.
- ¹²² См.: Там же. С. 42.
- ¹²³ Маржерет Ж. Указ. соч. С. 153.
- ¹²⁴ РК 1598—1638 гг. С. 68.
- ¹²⁵ См.: Там же. С. 69.
- ¹²⁶ Там же. С. 85.
- ¹²⁷ См.: Багалеи Д. И. Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ. Харьков, 1890. С. 1.

- ¹²⁸ РК 1598—1638 гг. С. 85.
- ¹²⁹ См.: Багале́й Д. И. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства... С. 5.
- ¹³⁰ Скрынников Р. Г. Россия накануне «смутного времени». С. 95.
- ¹³¹ См.: Багале́й Д. И. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства... С. 5.
- ¹³² Там же. С. 10.
- ¹³³ Там же.
- ¹³⁴ Там же. С. III.
- ¹³⁵ Там же. С. 8.
- ¹³⁶ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.: Л., 1948. С. 441.
- ¹³⁷ См.: Загоровский В. П. Изюмская черта. Воронеж, 1980. С. 53—62.
- ¹³⁸ Багале́й Д. И. Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ. С. 1—3.
- ¹³⁹ РК 1598—1638 гг. С. 93.
- ¹⁴⁰ См.: Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 105—106.
- ¹⁴¹ Загоровский В. П. Белгородская черта. С. 71.
- ¹⁴² См.: РК 1598—1638 гг. С. 106—109, 123—126, 147—148.
- ¹⁴³ См.: Там же. С. 160.
- ¹⁴⁴ Маржерет Ж. Указ. соч. С. 145.
- ¹⁴⁵ См.: Смирнов И. И. Восстание Болотникова. 1606—1607. М., 1951. С. 110—121.
- ¹⁴⁶ См.: ЦГАДА, ф. 210, столбцы Белг. ст. № 1020, л. 362—363.
- ¹⁴⁷ См.: Анпилогов Г. Н. Новые документы о России конца XIV — начала XVII в. С. 127, 131, 193, 306.
- ¹⁴⁸ См.: Там же. С. 81.
- ¹⁴⁹ См.: Загоровский В. П. Белгородская черта. С. 107—108, 121—122.
- ¹⁵⁰ См.: Там же. С. 46.
- ¹⁵¹ См.: Там же. С. 48.
- ¹⁵² ЦГАДА, ф. 1209, кн. 342, л. 235.
- ¹⁵³ См.: Загоровский В. П. Изюмская черта. С. 188—192.
- ¹⁵⁴ См.: Анпилогов Г. Н. Новые документы о России конца XVI — начала XVII в. С. 390.
- ¹⁵⁵ См.: Загоровский В. П. Белгородская черта. С. 27—31.
- ¹⁵⁶ ЦГАДА, ф. 89, оп. 1, кн. 3, л. 359.
- ¹⁵⁷ Там же. Третьим полоняником был стрелецкий сын из г. Черни.
- ¹⁵⁸ ЦГАДА, ф. 89, оп. 1, кн. 3, л. 359 об.
- ¹⁵⁹ См.: Черменский П. Н. Донские вотчины бояр Романовых // Изв. Тамб. ученой архивной комиссии. Тамбов, 1917. Вып. 57. С. 43—54.
- ¹⁶⁰ Изв. Тамб. ученой архивной комиссии. Тамбов, 1887. Вып. 16. С. 17.
- ¹⁶¹ Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. М., 1898. С. 250.
- ¹⁶² См.: ЦГАДА, ф. 123, оп. 1, кн. 21, л. 191—193.
- ¹⁶³ Там же, ф. 89, оп. 1, кн. 3, л. 87.
- ¹⁶⁴ Там же, л. 167.
- ¹⁶⁵ Воронежский край с древнейших времен до конца XVII века. Документы и материалы по истории края. Воронеж, 1976. С. 54—56.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России.
АМГ — Акты Московского государства.
АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.
ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.
ПКМГ — Писцовые книги Московского государства.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией.
РК — Разрядная книга.
Сборник РИО — Сборник Русского исторического общества.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.

ПЕРЕЧЕНЬ АВТОРСКИХ КАРТ И СХЕМ

- Рис. 1. Политическая принадлежность территории современного Центрального Черноземья в 90-х гг. XV в. Схематическая карта (с. 32).
Рис. 2. Территория современного Центрального Черноземья и прилегающая к ней «украина» в 1568 г. Схематическая карта (с. 106).
Рис. 3. Схема расположения данковских сторож в 1571 г. (с. 159).
Рис. 4. Схема расположения общероссийских сторож «на Поле» в 1576 г. (с. 181).
Рис. 5. Территория современного Центрального Черноземья в конце XVI в. Схематическая карта (с. 232).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Принятые сокращения ат. — атаман; воев. — воевода; гол. — голова; ист. — историк; кн. — князь; митр. — митрополит; пис. — писатель; пл. — пленник, «полоняник»; пос. — посол, посланник; пут. — путешественник; с. боярск. — сын боярский.

Авраамий Палицын, пис. 227, 257
 Аврамов Т., пос. 232, 233
 Аграфена, княгиня 24, 29, 40, 86, 87
 Адашев А. Ф., политический деятель 93, 115, 134, 138, 247
 Адашев Д. Ф., воев. 135—137, 248
 Азарбаев Р., гонец 30
 Азибек, гонец 71
 Азифергат, гонец 80
 Акдербаш, гонец 41
 Акинчей, гонец 113
 Алакозь, пос. 29, 86
 Алалыкин И., с. боярск. 175
 Алды-Гирей, царевич 144
 Алей-Мурза, пос. 223
 Александр Казимирович, кн. 36—39, 45, 48
 Александров В., станичник 111
 Александров-Липкинг Ю. А., ист. 18
 Алексеев А., сторож 150
 Алексеев К., ат. 91
 Алексеев М., пос. 38, 74, 87, 90, 91
 Алп-Гирей, царевич 195, 204
 Алферьев Р. В., пос. 185
 Алферьев С. Р. воев. 225, 226
 Амин, царевич 79, 84, 85
 Аммон Ю., подкопщик 226
 Андреев О., с. боярск. 80
 Андрей Иванович, кн. 55
 Анна, княгиня 28
 Аппилогов Г. Н., ист. 17, 18, 216, 230, 240, 254—257
 Антыков С., сторож 209, 255
 Араслан, мурза 65, 192
 Ахмат, баскак 16
 Ахмат, хан 22, 33
 Ахмат-Гирей, царевич 55—57

Багалей Д. И., ист. 10, 218, 224, 226, 239, 256, 257
 Базилевич К. В., ист. 111, 239, 242
 Банбол, ага 218
 Бакай, кн. 80
 Баран, ат. 207
 Баранчей, татарин 57
 Барбаро И., пут., пис. 33, 34, 240, 241
 Барбашев А., ист. 22, 240
 Басманов А. Д., воев. 116, 120
 Баторий С., король 183, 184, 196, 253
 Батый, хан 15, 70, 170, 175
 Бахтевров-Ростовский В., кн. 212
 Бахты-Гирей, царевич 216
 Беда В., дьяк 27
 Безини М. А., воев. 187
 Безобразов С., пос. 204, 217
 Беклемишев И., пос. 87
 Беклемишев Л., воев. 103
 Бельский Б., воев. 217, 223, 225, 226
 Бельский Д. Ф., воев. 67, 82
 Бельский И. Д. боярин, воев. 102, 137, 138, 140, 141, 147, 151, 152, 164, 167, 170, 171
 Бельский И. Ф., боярин, воев. 76, 81, 82, 84, 244
 Бельский С. Ф., воев. 76
 Беляев И. Д., ист. 10, 239
 Бетюнский И., ат. 222
 Бибилов И., гонец 209, 214
 Бидал, гонец 114
 Биркин В. Г., воев. 191—193, 197—201, 207, 204
 Благый Б., пос. 12, 191—193, 195—199, 201, 202
 Болотников И., предводитель восстания 229
 Боплан Г., французский инженер, пис. 62
 Борис Годунов, царь 188, 204,

208—214, 222—224, 227, 231, 234, 235

Борисов-Машуткин В. М., воев. 95

Борятинский Ю. Ф., воев. 102, 146

Буганов В. И., ист. 13, 172, 173, 220, 252

Булгаков М. И., воев. 57, 142

Булгаков Ф., гол. 106

Булгаков Ю. М., гол. 105, 126, 130, 157, 173, 196, 197

Булгаков-Голицын В. Ю., воев. 165

Булгаков-Голицын И. Ю., воев. 178, 179

Бунаков И., гонец 223

Буриаш-Гирей, царевич 47, 55, 58, 87

Бурцов М. И., воев. 204

Бутурлин И. М., воев. 203, 210, 216, 217

Бутурлин Ф. А., воев. 196, 197

Василий Иванович, рязанский кн. 23, 25, 27, 28, 241

Василий Стародубский, кн. 55, 57, 59, 65

Василий Темный, кн. 23—28

Василий III, кн. 38, 48, 50, 52—61, 65, 67—74, 76—78, 87, 88, 90, 100, 101, 140, 242, 244

Василий Шемячич, кн. 37, 38, 55, 57—61, 64—66, 71, 74, 75, 87, 90, 100, 101, 241

Веденеев М., воев. 91

Вельяминов В., воев. 209

Вельяминов Т., гол. 214

Вердеревский В., воев. 88

Вердеревский Г., гол. 192, 197, 200

Вердеревский Н. С., воев. 90

Верещагин-Блеклый И., пос. 48

Вешняков И. М., постельничий 135

Винников А. З., ист. 240

Висковатый И., дьяк 108

Витовт, кн. 22, 240

Вишневецкий Д. И., кн. 101, 126, 128—136, 138, 140, 141

Вишневецкий М., кн. 141

Владимир Андреевич, кн. 100

Владимир, кн. 115

Водопьян, ат. 141

Воейков В. С., воев. 102

Волжин А., гол. 111

Волконский А., воев. 219, 222, 223

Волинский М., воев. 109, 111

Воронцов В. М., боярин 84

Воронцов М. С., воев. 76

Воронцов Ф. С., боярин 84

Воротынский А. И., воев. 95, 99, 101, 139

Воротынский И. М., воев. 63, 67, 99, 246

Воротынский М. И., боярин, воев. 7, 99—105, 111, 124, 133, 139, 141, 142, 151—156, 162, 164, 167—171, 173—177

Воротынский Я., владелец юрта 235

Врангель П., генерал 129

Гази-Гирей, хан 73

Гедимин, кн. 245

Герберштейн С., пут., пис. 14, 24, 74, 105, 241, 244, 247

Глебов Н., воев. 83

Глинский Б., кн. 37

Глинский М., кн. 52

Годунов Я., боярин 223

Голицын А. И., воев. 205

Головин М. П., воев. 95, 98

Голохвастов А., пос. 30

Голубцов И. А., ист. 11

Горбатый М. В., воев. 76

Горенский П. И., воев. 127

Горлов К., пл. 114

Греков И. Б., ист. 11, 50, 75, 239, 242, 244

Григорьев И., сторож 117, 248

Грошев М., ат. 123

Губин Т., пос. 87

Гусак, ат. 207

Даль В. И., языковед 10, 239, 245

Дарин И., гонец 117

Девлет-Гирей, хан 7, 118, 94, 100, 103, 104, 109—138, 140—149, 152, 157, 160—170, 173—178, 182, 183, 213, 248

Деменок, путивлец 90

Дементьев М., пл. 125

Демьянов А., дьяк 218

Денехин П., ат. 231

Денисiev И. Б., воев. 95

Дербыш, хан 114, 115, 125

Дивей, мурза 139, 141, 144, 175

Дмитрий Донской, кн. 241
Дмитрий Шемяка, кн. 241
Долматов Я., городской мастер
226, 227
Досмагмет, ага 218
Дробижев В. З., ист. 239
Дунаев Б. И., ист. 72, 73, 244,
243—245, 247

Елена Глинская, княгиня 78, 79,
246
Елена Ивановна, княгиня 36
Елецкий В. И., наместник 139
Елецкий Д. П., пос. 185
Еремн А., пл. 214
Ермолаев Т., станичник 233
Есинеи, мурза 183, 187
Елка, ат. 126

Жижемский Д. М., воев. 96
Жолобов Г., с. боярск. 117
Жуков Ф., пл. 162
Жулебин Б., воев. 151
Жулебин В., воев. 83

Заболотский А., пос. 43, 44
Заболоцкий И., воев. 130
Загоровский В. П., ист. 240, 241,
247—249, 254, 256, 257
Загряжский Ф. Д., пос. 113, 114,
127, 248
Замойский Я., канцлер 196
Замятнин Ю., воев. 67, 69
Замятнин Я., воев. 67, 69
Запсент, мурза 51
Засекин Б. П., воев. 99
Захарьин Я., воев. 37
Звенигородский А. А., воев. 131
Звенигородский А. Д., воев. 210,
215
Зимин А. А., ист. 11, 50, 56, 58,
166, 239, 243, 251
Зиновьев А., гол. 217, 220, 235
Зыбин М., гол. 203

Ибрагим, пос. 193, 198
Ибреим, мурза 162
Иван Андреевич, кн. 57
Иван Васильевич, рязанский кн.
23—25, 28, 29, 45
Иван Грозный, царь 12, 14, 78,
79, 81—84, 88, 89, 93, 94, 98,
100—147, 150—153, 160—167, 169,

171, 173, 176, 178, 182, 185, 188,
191, 194, 245
Иван Иванович, рязанский кн. 29,
45, 58, 67, 70
Иван Иванович, царевич 152, 178,
182
Иван III, кн. 5, 18—20, 23—30, 33,
36—48, 60, 70, 86, 87, 146, 242
Иван Федорович, кн. 25, 26
Иванов Дан., казак 235
Иванов Дем., пл. 124
Иванов М., пл. 214
Ивашенцев Я., дворянин 52, 242
Ивашкин Д. Ф., воев. 148
Ивашкин П., воев. 253
Игнатий Смольянин, пут., пис. 20,
21, 240
Иевлев И. В., воев. 90
Измаил, кн. 115, 248
Измайлов А., воев. 207
Измайлов М., воев. 88
Илемак, татарин 139
Иоасаф, митр. 82
Ислам-Гирей, хан 75—77
Ислам-Гирей II, хан 190, 203
Ислентьев Д., пос. 218, 232
Ичурук, кн. 136

Казы-Гирей, хан 188, 189, 208—
215, 222—224, 227
Казыев Т., толмач 192
Калачев Н. Ф., ист. 104
Камал-Бей, пос. 60, 87, 88
Капуста, ат. 133
Карамзин Н. М., ист. 10, 25, 78,
239—241
Карамыш, пос. 138
Карамышев В., воев. 67, 69
Карачанский И., крестьянин 234
Каргалов В. В., ист. 11, 54, 58,
68, 77, 239, 243, 244
Карпов М. Д., воев. 180, 253
Катырев-Ростовский М. П., воев.
209
Качкар, ага 218
Кашин-Оболенский А. В., воев.
79, 80
Кирдешов М., городской мастер
226
Кичи-Мухаммед, хан 34
Кишкин И., ат. 192
Клавшов С., тайный агент 161,
165, 166, 169, 251
Клепик М., пос. 48

Жлобуков А., дьяк 154
 Кобяков В., воев. 67
 Кобяков И., воев. 200
 Кобяков К., воев. 67
 Кобяков М., воев. 67
 Кобяков Н., гонец 77, 78, 244
 Кобяков Ш., с. боярск. 117, 130, 248
 Ковальченко И. Д., ист. 239
 Колтовский А., воев. 217
 Колтовский Л., гол. 118
 Колтовский С., воев. 213
 Колтовский Ф., воев. 23
 Колычев Л., пос. 34
 Колычев М. И., воев. 97
 Кольцов-Мосальский В. В., воев. 197, 226, 227
 Коновалов З., пл. 233
 Контарини А., пут., пис. 24, 240, 241
 Корецкий В. И., ист. 11, 239
 Коримша, гонец 148
 Коркодинов С., воев. 184
 Коробов В., пос. 47, 88
 Кочапин И. И., бортник 200
 Кривой Н., казак 87
 Крузе Э., пут., пис. 167, 251, 252
 Кубенский И., пос. 39
 Кубенский И. И., боярин 84
 Кубенский М., кн. 77
 Кузьмина Л. Ф., ист. 13
 Куракин А. П., воев. 179
 Курбский А. М., кн., пис. 14, 105—107, 111, 116, 121
 Курлятев В., воев. 105, 106
 Кутузов А., пос. 30
 Кутуков А., станичник 82
 Кушева Е. Н., ист. 11, 131, 135, 136, 138, 239, 248—250
 Лаппо И. И., ист. 194, 254
 Ларионов И. А., бортник 200
 Левашов В., с. боярск. 75
 Лжедмитрий, самозванец 228
 Лихарев Д., пос. 43
 Лихарев Ф., изменник 165
 Лодыженский И., гол. 219, 220
 Лодыженский Л., гонец 223
 Лодыженский Ф., судостроитель 31
 Лопата-Оболенский Ф., воев. 67, 70
 Лопатин Ю., ат. 235
 Лопырь, ат. 126

Лурье Я. С., ист. 246
 Львов Ф., воев. 150
 Любавский М. К., ист. 26, 99, 240, 241, 246
 Любучанин И., помещик 80
 Макарий, митр. 84
 Максим Грек, церковный деятель 72, 241, 243
 Мальцев И., гол. 123, 124
 Мамай, хан 20
 Мамонов И., пос. 37, 39—42, 62
 Марголин С. Л., ист. 11, 239
 Маржерет Ж., капитан, пис. 14, 202, 224, 228, 254, 256, 257
 Маштаков П. Л., географ 241
 Менгли-Гирей, хан 17—19, 23, 30, 34, 37, 39—52, 54, 56, 59—62, 87, 146, 220
 Микулинский Д. И., воев. 109, 111
 Митюков В., наместник 74
 Михайлов И., дьяк 115
 Михнов И., гол. 225
 Мозолевский С., ат. 222
 Морозов И. С., пос. 72, 73, 88, 91, 105
 Морозов И. Ф., воев. 67
 Морозов М. Я., воев. 119, 176
 Мосальский Ф., воев. 222
 Москаленко А. Н., ист. 240
 Мстислав, рыльский кн. 16
 Мстислав Владимирович, кн. 115
 Мстиславский И. Ф., боярин 102, 104, 105, 111, 119, 124, 151, 152, 164, 180, 183
 Мстиславский Ф. И., боярин 184, 204, 205, 209—212, 214, 227
 Мурат-Гирей, царевич 190, 204
 Мустафа, мурза 141
 Мусяк, татарин 33
 Мухаммед-Гирей, хан 47, 51, 52, 57—62, 65—74, 82, 112, 140, 245
 Мухаммед-Гирей II, хан 132, 133, 144, 147, 183, 190, 253
 Мухаммед-Эмин, хан 48, 242
 Мясной И. А., гонец 143
 Мясной И. Н., воев. 215
 Мясной И. С., пос. 195, 197, 199, 201, 204, 219, 254
 Мясной С., гол. 226

Нагой А., пос. 112, 142—144, 161—163

Нагой Г. И., воев. 97
 Нагой С., воев. 151
 Назаров В. Д., ист. 242, 246
 Насонов А. Н., ист. 11, 96
 Нащокин Г., пос. 218, 235, 255
 Неклюдов П., пушкарь 226
 Непейцин В., гонец 203
 Нечаев М., подьячий 219
 Никифоров Б., станничник 118
 Никольская Т. Н., ист. 96, 246
 Новгородец С., ат. 222
 Новосельский А. А., ист. 11, 133, 137, 143, 144, 149, 184, 239, 248—250, 253, 257
 Новосильцов И. П., пос. 191
 Ногай, хан 16
 Ноготков Ф., воев. 203, 205
 Ноздроватый М., воев. 219, 222, 223
 Нохтев Д. А., воев. 177
 Нур-Султана, ханша 54, 243

Оболенский Д. И., воев. 111
 Оболенский Н., наместник 90
 Огарев Н., гол. 219
 Огламазов И., пл. 233
 Одоевский В. С., воев. 63
 Одоевский Д. С., воев. 97
 Одоевский М. Н., воев. 183
 Одоевский Н. Р., воев. 107, 176
 Окатьев Я., подьячий 219
 Олег, рязанский кн. 21, 25
 Олег, удельный кн. 16
 Орбели И. А., академик 50, 242
 Охлябинин В. Ф., воев. 83
 Охлябинин И., воев. 180

Палецкий А. Д., воев. 151
 Панин Д. А., бортник 200
 Пенков И., воев. 67
 Пивов Р., опричник 162, 204
 Пимен, митр. 20
 Писарев Ф., дворянин 198
 Писемский Ф., гонец 143
 Плещеев Д. М., воев. 111
 Плещеев Н., воев. 203
 Плещеев-Очин Ф., наместник 81
 Погодин М. П., ист. 96
 Поджогин Ш., дипломат 242
 Полев И., воев. 214, 219
 Попов Н. А., ист. 180
 Пронский И. И., воев. 111
 Пронский П. Д., боярин 180
 Пронский С. Д., воев. 177, 184

Пронский-Шемякин Ю. И., воев. 95, 114, 115
 Протопопов М., гонец 217

Резван, пос. 218
 Репнин А. В., воев. 107, 148, 151
 Репнин М. П., воев. 97, 127
 Ржевский М., дьяк 7, 123—126, 131, 157, 163
 Роман Семенович, кн. 99
 Романов А. Н., боярин 223, 234
 Романов В. Н., боярин 234
 Романов И. Н., боярин 234
 Романов Ф. Н., боярин 204, 223
 Ромодановский В., пос. 33, 34
 Ромодановский И. П., воев. 205
 Ромодановский Ф., пос. 40
 Ростовский А., воев. 57
 Ртищев Н., с. боярск. 126
 Ртищев Т., гонец 137
 Русин, изменник 165
 Рязанов А., пос. 207

Сабуров С. Ф., воев. 197
 Савич Н. Г., ист. 13
 Сагайдачный П., гетман 107
 Сагиб-Гирей, хан 21, 75, 76, 78—80, 82, 83, 109, 112
 Садык, пос. 30
 Салманов Р., казак 231
 Салтыков В. Л., воев. 177
 Салтыков Л. А., воев. 117
 Салтыков М., воев. 207
 Салтыков Н. Е., воев. 103
 Самсонов В. А., ист. 18
 Сафа-Гирей, хан 77, 80, 245
 Сафа-Гирей, царевич 192
 Сафаргалиев М. Г., ист. 240, 241
 Свищев Б., гол. 183
 Святослав, кн. 16
 Сеадет-Гирей, хан 73, 75, 76
 Сеадет-Гирей II, хан 190, 192, 197
 Сеит-Ахмед, хан 23
 Селепский Д., ат. 207
 Селим, султан 161
 Семен Можайский, кн. 37
 Семенов О., изменник 165
 Семичев Р., гол. 147
 Серебряный Б. В., воев. 105, 178
 Серебряный П. С., воев. 98, 149
 Сигизмунд I, король 17, 48, 49, 51, 52, 54, 58, 59
 Сигизмунд-Август, король 102, 131, 134, 141

Сидоров Горяин, воев. 23
 Сидоров Григорий, гол. 105, 106
 Скиндер, пос. 72, 74, 105
 Скрынников Р. Г., ист. 11, 12, 102, 104, 150, 163, 166, 168, 211, 220, 225, 239, 246, 251, 256
 Смирнов В. Д., ист. 73, 149, 183, 244, 247, 253, 255
 Смирнов И. И., ист. 11, 229, 239, 257
 Смирнов Н. А., ист. 11, 149, 196, 239, 254
 Солищев И., воев. 219
 Соловьев С. М., ист. 10, 49, 239, 253, 256
 Соломат-Гирей, царевич 204
 Соломония, княгиня 54
 Спиридонов Н., подьячий 219, 220
 Стрельник И., станичник 111
 Судаков Т. М., воев. 102
 Сукин Б. И., воев. 95
 Сулейман I, султан 73
 Сулеш, кн. 161, 162, 165
 Сумароков Б., изменник 163
 Сумбулов С. Ф., воев. 95
 Сумбулов Ф., воев. 67
 Сумороцкий Ш., гол. 152
 Сумбулов М., воев. 131
 Сухоруков В. Д., ист. 13, 240, 245
 Сухотин А., гол. 210, 211, 255
 Сыроечковский В. Е., ист. 47, 242, 244
 Тагалдый, пос. 80
 Татев П. И., воев. 127, 150, 151
 Таубе И., пут., пис. 167, 251, 252
 Тахтар, мурза 138
 Тебелков Н., приказчик 222
 Телятевский А. П., воев. 147
 Темкин В., воев. 112
 Тимур, завоеватель 21
 Тихомиров М. Н., ист. 41, 17, 239, 240
 Тищенко К., изменник 165, 166
 Толмач Г., станичник 81, 82
 Толмач Ф., проводник 233
 Троекуров М. М., воев. 89
 Трофимов И., с. боярск. 121, 248
 Трубецкой А. В., воев. 193
 Трубецкой Н. Р., воев. 212
 Трубецкой Т. Р., воев. 205, 212
 Трубецкой Ф. М., воев. 187
 Трухачев А., владелец юрта 235

Тургенев П. Д., воев. 139
 Туренин М. С., воев. 205
 Туренин Н. Б., воев. 79
 Турунтай-Пронский И. И., воев. 83
 Тутаев С., гонец 113, 114
 Тутыкин И., с. боярск. 63
 Тювекель, мурза 40
 Тюфякин М., воев. 7, 157, 163

Увар, казак 87
 Упин С., воев. 142
 Уракчей, гонец 140
 Урачко, казак 89
 Успенский Ф. И., ист. 253
 Утемиш, хан 245
 Ушатый К., воев. 50

Федко, казак 87
 Федор Васильевич, кн. 24, 28, 29, 45, 70
 Федор Иванович, царь 186, 188, 191, 198—201, 203, 204, 208, 209, 211, 212, 217, 219, 222, 233
 Федор Львович, кн. 99
 Федцов И., воев. 137, 138
 Феодосий, митр. 27
 Феодосия, дочь князя 25
 Фети-Гирей, царевич 216
 Филимонов Л., ат. 125, 130
 Филипов-Наумов Г., воев. 109
 Флетчер Д., пут., пис. 14, 51, 205, 206, 242, 254
 Флоря Б. Н., ист. 11, 239, 253—255
 Фуников Н., дяк 108
 Фустов И., гол. 173

Хабар И., воев. 67, 69, 70
 Хазсгеря, посол 42
 Хворостинин А. И., воев. 147
 Хворостинин Д. И., воев. 101, 147, 150, 205, 217
 Хилков Д. И., воев. 111
 Ходкевич, литовский магнат 102
 Холмский И., воев. 50
 Хохлов Б., гол. 157
 Хохолков Ю., воев. 69
 Хрушов Л., воев. 197

Черемисинов И., гол. 125
 Черепнин Л. В., ист. 5, 11, 13, 26, 27, 239, 241

Черкасский Б. К., воев. 193, 203, 212

Черкасский В. К., воев. 212

Черкашенин М., ат. 125, 126, 172, 174, 252

Черменский П. Н., ист. 257

Чулков Д., гол. 106, 123—125, 130

Чулков Ф., гол. 225

Шапкин Б., с. боярск. 161, 251

Шенин Б. В., воев. 177

Шелонин Б., с. боярск. 121, 248

Шемяток, проводник 418

Шереметев И., воев. 67, 69

Шереметев И. В. Большой, воев. 104, 116—121, 132, 172

Шереметев И. В. Меньшой, воев. 127

Шереметев Н. В., окольный 124

Шереметев Ф. В., воев. 127

Шигалей, хан 66

Сих-Ахмед, хан 23, 40—43, 242

Шлихтинг А., пут., пис. 241

Штаден Г., опричник, пис. 8, 14, 168, 170, 174, 175, 239, 252

Шуйский А., кн. 84

Шуйский А. И. боярин 223

Шуйский В. В., воев. 67

Шуйский И. А., воев. 164

Шуйский И. И., боярин 223

Шуйский И. М., кн. 109

Шуйский И. П., воев. 150, 151, 164

Шелкалов А., дьяк 180, 199

Шелкалов В., дьяк 179—181, 199—201, 223

Шенятев М., воев. 55, 67

Шенятев П. М., воев. 111

Шепотев А., с. боярск. 126

Шербатов М., пос. 218, 235

Юдинков Ж. В., изменник 165

Юдинков И. В., изменник 165

Юрий, елецкий кн. 20

Юрий Иванович, кн. 55

Юрьев Н. Р., боярин 179—181, 199

Юсуф, кн. 89

Язвцов И., воев. 207

Яиль, татарин 57

Яким, пл. 80, 81

Яковлев А. И., ист. 221, 256

Яковлев-Хирон И. П., воев. 127, 148

Якуш, севрюк 90, 91

Якушкин Т., гол. 219, 220

Ямгурчей, хан 114, 115

Янмагмет, гонец 161, 251

Янов М., гонец 64

Янчура, пос. 61

Ярополк Ростиславович, кн. 29

УКАЗАТЕЛЬ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

Принятые сокращения: г. — город, городок; с. — село

Азов, г. 33, 47, 66, 69, 72, 73, 87, 88, 125, 128, 136, 191—195, 202
Александровская, слобода 146, 151, 152, 164, 166
Алексин, г. 55, 56, 144, 147, 184, 193, 203, 205, 209, 213
Астрахань, г. 54, 72, 94, 113—115, 125, 127, 130, 148—150, 169, 170, 190, 197, 204, 208, 247, 248

Балаклея, г. 248
Бахчисарай, г. 47, 209, 214
Белая, г. 67
Белгород, г. 9, 11, 38, 134, 189, 190, 219—227, 229, 230, 235, 236
Белёв, г. 50, 53—56, 97, 109, 116, 129, 144—147, 193, 205
Белоозеро, г. 101, 169
Бизькин, г. 248
Болхов, г. 97—100, 103, 108, 149, 127, 144—147, 164—166, 182, 184, 193, 205
Боровск, г. 251
Брянск, г. 5, 17, 37, 41, 44, 49, 56, 59—61, 108, 144, 145, 181

Валуйки, г. 10, 189, 190, 224, 226, 227, 229—231, 235
Великие Луки, г. 183
Венёв, г. 25, 104, 105
Владимир, г. 173
Владимир-Волынский, г. 49
Волкона, с. 55
Волоколамск, г. 70
Вологда, г. 167
Воробьево, с. 213
Воронеж, г. 6, 8, 9, 12, 28, 188—192, 197—202, 205—208, 215, 216, 218, 224, 227, 231, 234, 236
Воротынский, г. 50, 55, 56, 101
Ворыщ, с. 233
Вязьма, г. 67

Галич, г. 101, 163
Голубино, с. 231
Гомель, г. 41

Данков, г. 7, 11, 13, 29, 30, 105, 107, 108, 148, 150, 151, 158, 159, 168, 171, 172, 175—178, 184, 187, 192, 197, 201, 205—207, 216, 218, 226, 229, 232
Дедилов, г. 7, 96—98, 108, 112, 119, 124, 127, 137—139, 144, 145, 148, 150, 151, 158, 159, 168, 171, 172, 176—180, 182—184, 193, 205, 209, 218, 222, 224, 226, 227
Дедославль, г. 96
Довлет-Сарай (см. Бахчисарай)
Дорогобуж, г. 37, 67

Евпатория (Козлец), г. 131
Елец, г. 9, 11, 16, 20—23, 26—28, 31, 37, 56, 82, 158, 168, 172, 189, 202, 215, 216, 218, 223—227, 229, 233, 235
Епифань, г. 11, 104, 105, 158, 159, 184, 224, 227

Запольский Ям, с. 184, 185, 194
Зарайск, г. 55, 57, 58, 76, 82—84, 109, 113, 119, 139, 145, 150—152, 172, 179, 184
Злынь, с. 165

Изюм, г. 248
Ислам-Кермень, г. 46, 81, 125, 126, 128, 130, 131

Кадом, г. 253
Казанская, станица 109
Казань, г. 48, 54, 66, 80, 85, 89, 94, 109—113, 121, 169, 170
Калуга, г. 76, 109, 111, 123, 144, 145, 147, 171, 173, 178, 182, 183, 187, 193, 205, 209, 223
Каменец, г. 49
Канев, г. 125, 129, 185, 194, 207
Карачев, г. 59, 61, 97, 103, 108, 109, 119, 127, 144, 145, 182, 184
Карпов, г. 230
Кафа (Феодосия), г. 29, 72, 86, 87, 192

Кашира, г. 65, 67, 76, 79, 109, 111—113, 118, 119, 124, 144, 145, 147, 152, 168, 178, 187, 193, 205, 209, 221, 223
Керчь, г. 125, 134, 136
Киев, г. 17, 41, 49, 65, 89, 185, 194
Козельск, г. 20, 49, 50, 53, 97, 124, 144—147, 164—166, 178, 221
Коломенское, с. 150, 213
Коломна, г. 56, 67, 69, 76, 82, 84, 85, 100, 110—113, 119, 120, 124, 144—147, 150, 152, 164, 171, 183, 193, 205, 209, 223
Константинополь (Стамбул), г. 21, 191
Корела, г. 184
Крапивна, г. 98, 99, 182, 204, 209, 222, 224, 227, 255
Кромы, г. 12, 218
Курск, г. 9, 16—20, 22, 50, 56, 189, 219—222, 224, 227, 229, 230, 235, 236
Кыркор, г. 43, 46, 65, 242
Ливны, г. 8, 10, 188, 189, 197—202, 205, 208, 210, 215—217, 220, 224—228, 235
Лихвин, г. 144, 146
Лубны, г. 194
Луцк, г. 49
Любеч, г. 41
Маяцкий, г. 91
Минск, г. 41
Михайлов, г. 7, 95, 98, 112, 119, 127, 139, 144, 145, 150, 172, 177, 178, 193, 201, 205, 214, 222
Можайск, г. 67, 141
Москва, г. 7, 8, 18, 25, 29, 36, 47, 56, 66, 67, 69—78, 80, 82, 84, 86, 87—90, 97, 104, 110—115, 117—119, 121, 123, 127, 129, 138, 140, 148, 160—163, 165—170, 173, 175, 177, 178, 191, 192, 198, 199, 201, 203, 208, 208—214, 218, 222, 223, 225, 228
Муром, г. 67, 80, 113
Миенск, г. 37, 49, 97, 100—103, 108, 113, 118, 119, 127, 141, 144, 145, 150, 158, 177, 178, 184, 193, 201, 205, 222

Нарва, г. 184

Невель, г. 183
Нижний Новгород, г. 67
Новгород, г. 36, 49, 150, 184
Новгород-Северский, г. 38, 41, 59, 61, 65, 67, 74, 108, 144, 181, 182
Новосиль, г. 12, 99—104, 108, 141, 145, 146, 150, 161, 158, 163, 168, 172, 176—178, 182, 184, 187, 193, 201, 205, 215, 222, 226

Обоянь, г. 229
Одоев, г. 50, 53, 55, 56, 99—101, 105, 118—120, 124, 144, 145, 172, 179, 184, 205, 206, 209, 221
Орёл, г. 7, 51, 97, 103, 104, 108, 147, 150, 151, 163, 168, 172, 176—178, 181—184, 187, 193, 201, 205, 215, 218, 222, 226
Оскол (древнерусский город) 18, 19, 50, 220
Оскол (Старый Оскол), г. 10, 11, 189, 219—227, 229—231, 235
Очаков (Ак-Чакум), г. 46, 125, 136

Перевитск, г. 45, 58, 70
Перекоп, г. 46, 129—131, 137, 138, 162, 163, 249
Перемышль, г. 101, 144, 146, 166
Переяславль (в Приднепровье), г. 194, 207
Переяславль-Рязанский, г. 5, 28, 45, 49, 58, 67—71, 78, 79, 84, 85, 108—110, 124, 144, 145, 172, 183, 193, 205, 215, 222
Плова, г. 98, 99, 108, 144, 145, 172, 182, 184
Полоцк, г. 141, 143, 183
Полтава, г. 194
Почеп, г. 59, 61, 108, 135, 144, 145, 181
Прилуки, г. 194
Пронск, г. 49, 79, 83, 112, 119, 127, 144, 145, 178, 184, 193, 205, 214, 222
Псельский, г. 12, 93, 98, 131—136, 142, 143, 169, 194
Псков, г. 5, 36, 49, 184
Путивль, г. 16, 17, 37, 38, 41, 44, 49, 56, 59—61, 68, 74, 81, 84, 89—91, 108, 111, 114, 118, 126, 132, 137, 144, 150, 162, 168, 184, 209, 230

Радогощь, г. 60, 61
Ржев, г. 183
Романово городище, с. 234
Романцево, с. 25
Рославль, г. 108
Ростиславль, г. 83
Рыльск, г. 16, 17, 37, 38, 41—44,
49, 59—61, 68, 81, 108, 123, 139,
144, 150, 162, 168, 182, 185, 216,
229
Рязск, г. 7, 11, 59, 97, 98, 108,
144, 145, 150, 158, 172, 177—180,
182, 184, 187, 192, 193, 201, 205,
222
Рязань (см. Переяславль-Рязан-
ский)
Рязань Старая (см. Старая Рязань)
Савинский, г. 248
Свияжск, г. 108, 110
Серпухов, г. 55, 65, 69, 76, 82,
100, 101, 113, 125, 144, 147, 152,
166, 171, 177, 183, 187, 193, 203,
205, 209, 210, 213, 223, 224, 226
Скопин, г. 30, 234
Слуцк, г. 41, 64
Смоленск, г. 5, 44, 49, 52, 56, 58,
59
Солова, г. 98, 99, 108, 144, 145,
172, 182, 184
Старая Рязань, г. 45, 58, 70
Стариково, с. 230
Стародуб, г. 41, 49, 56, 59, 61, 65,
108, 144, 145, 181
Суджа, г. 229

Тана, г. 33
Таруса, г. 55, 65, 67, 144, 178
Тверь, г. 36
Темников, г. 140, 253
Тешилов, г. 25
Тмутаракань, г. 115, 247
Трубчевск, г. 41, 145
Тула, г. 7, 25, 27, 49, 55, 58, 63—
69, 71, 76, 82, 98, 108, 112, 118,
121, 125, 137—140, 144, 145, 161,
164, 171—174, 178, 182—186,
204—206, 209, 210, 218, 221—224,
227, 241

Феодосия (см. Кафа)

Хортица (город на Хортице) 126,
128, 129, 131
Хотмышь (Хотмыжск), г. 18, 19,
50

Царев-Борисов, г. 10, 189, 190,
224—227, 235
Царицын, г. 208, 235

Черкаassy, г. 65, 89, 125, 129, 132,
185, 194, 207
Чернигов, г. 17, 44, 49, 108, 135,
144, 145
Чернь, г. 104, 105, 184, 222, 257

Шацк, г. 7, 95, 96, 98, 108, 145,
150, 168, 172, 179, 182, 184, 193,
221, 253

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Введение	5
<i>Историко-географическая терминология (5). Краткий обзор исследований и источников (10).</i>	
Глава I. Территория современного Центрального Черноземья в конце XV века	15
1. Судьба Курского и Елецкого княжеств (15). 2. Южные рубежи Рязанского княжества в конце XV в. (24). 3. Хозяйственные занятия татар на подвластных землях Центрального Черноземья (31).	
Глава II. Южнорусская Украина и Поле в рамках политической истории Восточной Европы первой половины XVI века	36
1. Изменение политической ситуации на территории современного Центрального Черноземья в 1500—1503 гг. (36). 2. Претензии Крымского ханства, нападение крымских татар на южнорусскую Украину в 1507 г. (46). 3. Борьба Российского государства с крымскими татарами в 1508—1520 гг. (53). 4. Военные и политические события в 1521—1523 гг. в Восточной Европе, их влияние на историю Поля (66). 5. Оборона Украины и пассивное отношение русского правительства к проблемам Поля до 1541 г. (75). 6. Нашествие хана Сагиб-Гирея, первые опыты российской сторожевой службы на Поле, татарские нападения 40-х гг. (79). 7. Казаки и севрюки на Поле (85).	
Глава III. Первые двадцать лет активной борьбы Российского государства с татарами за обладание Полем (1551—1570 гг.)	93
1. История возникновения новых русских городов на стыке Украины и Поля в 50—60-х гг. XVI в. (93). 2. Борьба Российского государства с Крымским ханством в 1551—1554 гг.: хроника событий на Поле и за его пределами (108). 3. Русско-крымское столкновение в 1555 г.: обмен ударами, битва под Судьбищами (115). 4. Развитие российской активности на Поле в борьбе против Крымского хан-	

ства в 1556—1558 гг. (122).[✓] 5. Русские наступательные операции против Крыма и события на Поле в 1559 г. (133). 6. Хроника событий 1560—1562 гг.: переход инициативы к татарам, разорение Псельского города по приказу Ивана IV (138). 7. Борьба с татарами в 1563—1570 гг., дальнейшее продвижение России в пределы Поля (143).

Глава IV. Попытка политического решения проблемы Поля в пользу России в 1571 г. События 1571—1584 гг. 154

- [✓] 1. Реорганизация российской сторожевой службы на Поле в 1571 г. и ее политические результаты (154).[✓] 2. Нашествие хана Девлет-Гирея на Россию в 1571 г. (160).
- [✓] 3. Нашествие хана Девлет-Гирея на Россию в 1572 г. (169).
- [✓] 4. Оборона Украины и состояние российской сторожевой службы на Поле в 1573—1584 гг. (175).

Глава V. Политическое и экономическое закрепление территории современного Центрального Черноземья за Российским государством в 1585—1600 гг. 188

- [✓] 1. Общая характеристика периода, охватывающего последние полтора десятилетия XVI в.; политическая ситуация в его начале на Поле и прилегающих землях (188).
- [✓] 2. Ливны и Воронеж — первые российские города на Поле, история их возникновения (197). 3. Хроника борьбы России с крымскими татарами и черкасами в 1586—1590 гг. (202).
- [✓] 4. Нашествие хана Казы-Гирея на Россию в 1591 г. (208).
- [✓] 5. События 1592—1597 гг., возникновение в пределах Центрального Черноземья четырех новых городов (215).[✓] 6. Политические успехи России на юге в конце XVI в., основание в 1599 г. на Поле еще двух городов (222). 7. Заселение территории современного Центрального Черноземья в 80—90-х гг. XVI в.; географические особенности этого процесса (228).

Заключение	237
Библиографические ссылки и примечания	239
Список сокращений. Перечень авторских карт и схем	258
Указатель населенных пунктов	266

Научное издание

Загоровский Владимир Павлович

**ИСТОРИЯ ВХОЖДЕНИЯ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ
В СОСТАВ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
В XVI ВЕКЕ**

Редактор В. А. Муконина

Оформление А. А. Кобченко

Художественный редактор А. Б. Козлов

Технический редактор Ю. А. Фосс

Корректоры Г. И. Старухина, Я. В. Панкратова, М. Г. Щигрева

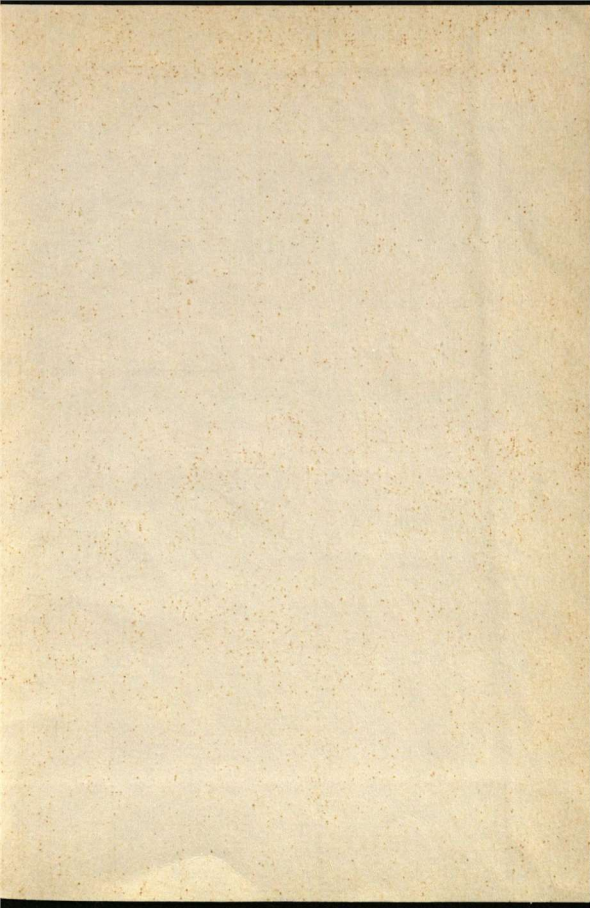
ИБ № 1812

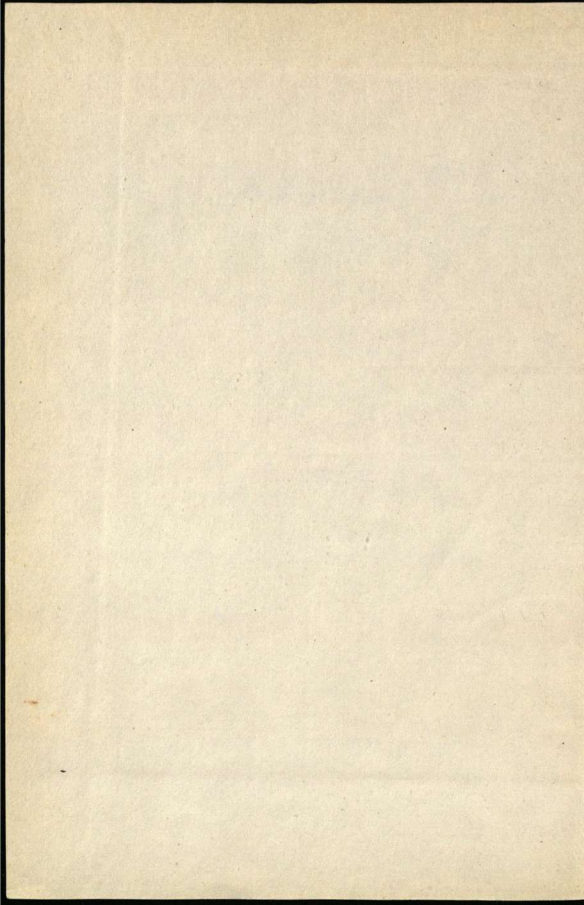
Сдано в набор 23.01.91. Подп. в печ. 03.09.91. Форм. бум. 60x84/16. Бумага типографская № 2. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. п. л. 15,8. Усл. кр.-отт. 16,0. Уч.-изд. л. 16,6. Тираж 3000. Заказ 377.

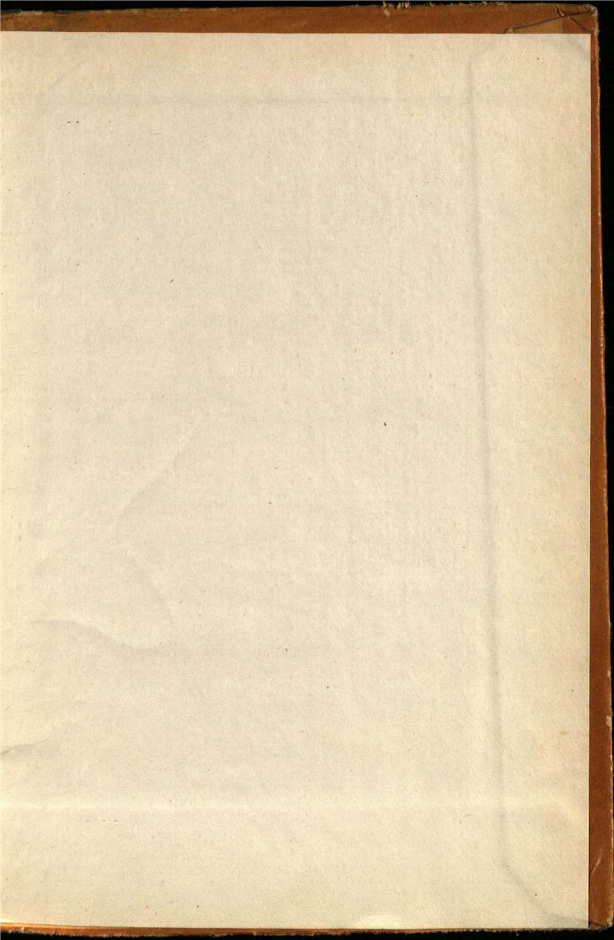
Цена ~~4 р.~~ 4-90

Издательство Воронежского университета
394000. Воронеж, ул. Ф. Энгельса, 8

Типография издательства ВГУ
394000. Воронеж, ул. Пушкинская, 3

~~4~~ 420